

Кремье Ф., Эстаже Ж.

КАК ЭТО БЫЛО

ФРАНЦУЗСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ в 1939–1940 гг.

Francis Crémeix, Jacques Estager

SUR **le PARTI** 1939-1940

Messidor/Temps Actuels,
Paris,
1983

Кремье Ф., Эстаже Ж.

КАК ЭТО БЫЛО

ФРАНЦУЗСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ в 1939–1940 гг.

Перевод с французского
Ю. Н. Панкова

Под редакцией и с послесловием
профессора *В. В. Загладина*

Москва
Прогресс
1989

ББК 66.61(4Фр)
К 79

Редактор *М. М. Новакова*

Кремье Ф., Эстаже Ж.

К 79 Как это было: ФКП в 1939—1940 гг.: Пер. с фр./Под ред. и с послесл. В. В. Загладина — М.: Прогресс, 1989.—400 с.

Книга посвящена исключительно важному периоду жизни и борьбы ФКП. Деятельность партии в этот период, ее взаимоотношения с Коминтерном являются объектом ожесточенных нападок со стороны буржуазной историографии и пропаганды, организаторы которой хотят доказать, будто бы ФКП не занимала патриотической и антифашистской позиции, подчинялась приказам «извне».

На основе сохранившихся документов, воспоминаний участников, архивных материалов авторы дают отпор клеветнической кампании, направленной одновременно и против ФКП, и против СССР и КПСС.

К $\frac{0905000000-302}{006(01)-89}$ 16—89

ББК 66.61(4Фр)

© 1983, Messidor/Temps Actuels

© Перевод на русский язык, послесловие, примечания
издательство «Прогресс», 1989

В 1980 году, находясь на пенсии, Джулио Черрети * написал нам из Тосканы: «Доколе еще вы позволите распространять ложь о нашей истории... Пишите, провозглашайте правду, пока еще не умерли все участники и свидетели. Разоблачайте выдумки и клевету, распространяемую официальными историками».

Действительно, во Франции (не говоря уже о различных исследовательских центрах в США) из поколения в поколение политические и идеологические противники компартии пишут, издают, распространяют, преподают, повторяют на свой лад историю, черпая аргументы у Даладьё, Петена, де Голля, Жюля Мока, Ги Молле.

Однако историки — члены ФКП тоже не сидят сложа руки. Правда, в изучении периода, который нас интересует, они не всегда получали необходимую «помощь». В этом мы убедились на собственном опыте. Поздно ли исправлять это упущение? Думаем, что нет. Конечно, нет уже в живых М. Тореза, Ж. Дюкло, Б. Фрашона, которые могли бы внести ясность своими личными воспоминаниями, хотя в революционной борьбе, которую они вели, ориентиром для них было не прошлое, а настоящее и будущее. Необходимость соблюдения ими тайн, условия нелегальности и подполья, в которых они работали, создают для исследователя непреодолимые препятствия.

В нашем распоряжении было мало архивов. Совсем не было, по словам Мишле, «центрального хранилища, где для каждого важного события можно найти различные документы»¹. Однако нам помогли неизданные свидетельства Джулио Черрети и Артюра Раметта, в которых осве-

* Помощник М. Тореза.

¹ Michelet. Préface de 1867. Histoire de la Révolution.

щаются внутрипартийная жизнь, деятельность и борьба ФКП в 1939—1940 гг. в Париже, Брюсселе, Москве.

Будучи не историками, а профессиональными журналистами, мы тем не менее придерживаемся научной достоверности, без чего никакое исследование невозможно.

Пусть это примут во внимание те, для кого основной метод в работе — приукрашивание или замалчивание фактов и утайка информации.

Предлагаемая книга — это исследование, которое появилось также благодаря помощи нашего незабвенного друга Жоржа Госна.

Ф. К. и Ж. Э.

Памяти профессиональных революционеров Коминтерна и активистов Французской секции Коминтерна *, которые выковали Французскую коммунистическую партию, посвящается.

Преддверие 1939— 1940 годов. (Предисловие к теме)

ГЛАВА I

Солнечное и жаркое лето 1939 года воспринималось как настойчивое приглашение к поездке в отпуск.

Четвертый год во Франции существовали «оплачиваемые отпуска», которые, изменив повседневную жизнь и войдя в привычку, еще не потеряли запаха новизны. Действительно. Почти три года назад миллионы мужчин и женщин, прикованные к работе, сделали открытие, что не только она, но и досуг является частью их жизни. То, что казалось неосуществимой мечтой, роскошью, доступной только привилегированным, вошло в жизнь каждого. Из всех завоеваний 1936 года самым замечательным были «оплачиваемые отпуска» — именно они оставили наиболее глубокий след. У тех, кто никогда не знал передышки в утомительной череде дней, они пробудили вкус к жизни и дали обреченным на серое существование ощущение счастья. Вот почему ни сложность международного положения и нараставшая опасность, ни распад Народного фронта и ослабление социальной борьбы не смогли умалить значение событий, изменивших их жизнь. Солнечные дни весны и лета 1936 года запечатлелись в памяти рабочих как особый исторический момент, как большой народный праздник. Они открывали двери в будущее, которое, казалось, исключало всякое возвращение назад.

Кто бы тогда мог подумать, что эти большие социальные завоевания сыграют свою роль в прологе, который

* До роспуска Коминтерна в мае 1943 г. входившие в него партии назывались соответствующими секциями Коминтерна.— *Прим. ред.*

через три года приведет к развязыванию второй мировой войны? Между мюнхенской политикой крупной французской буржуазии, политикой, приведшей к войне и поражению, и ее классовой реакцией на события лета 1936 года существует тесная взаимосвязь. Последовательные капитуляции перед Гитлером, антисоветизм во внешней политике Франции, которому придавалось первостепенное значение, обуславливались ненавистью к Народному фронту. Политический выбор французских правителей перед войной и во время войны, их отношение к Французской коммунистической партии нельзя понять без присущего этой политике духа реванша в отношении Народного фронта. Вот почему мы начинаем книгу с краткого освещения основных событий, предшествовавших войне: прологом к 1939—1940 годам стали 1934 и 1936 годы.

В мае 1936 года забастовочная волна, которая последовала за выборами, принесшими победу Народному фронту, в гораздо большей степени, чем результаты выборов, изменила соотношение сил на политической и социальной аренах. Возникшая почти стихийно, она была неожиданной, хотя у рабочего класса было достаточно причин, чтобы действовать. С начала 30-х годов патронат * возложил на плечи трудящихся все тяготы мирового экономического кризиса. Зарплата неуклонно снижалась. Жизненный уровень падал и для многих категорий трудящихся был крайне низким: сотни тысяч рабочих семей жили в беспросветной нужде. В большинстве отраслей промышленности свирепствовала массовая безработица. Социальное обеспечение было крайне слабым. На заводах хозяева безнаказанно практиковали систему штрафов, изменения профессиональных разрядов. В течение ряда лет накапливались причины, которые подготовили взрыв. Однако успех партий Народного фронта на выборах, казалось, открыл клапан. Не исключалось, что перспектива формирования правительств социального прогресса могла

* Патронат — имеется в виду созданная в 1919 году Всеобщая конфедерация французской промышленности. Летом 1936 года была преобразована во Всеобщую конфедерацию французского патроната. Охватывала, наряду с крупными, мелких и средних предпринимателей. Распущена 16 августа 1940 года правительством Виши. В период оккупации большинство ее руководителей сотрудничали с немцами. В 1946 году был создан Национальный совет французского патроната, роль которого с 1969 года значительно усилилась. Объединяет французских предпринимателей как по региональному, так и по профессиональному принципам. — *Прим. перев.*

успокоить нетерпеливых. Но на практике победа Народного фронта стала искрой, вызвавшей взрыв. Это произошло в тот самый момент, когда Леон Блюм формировал новый кабинет. Забастовки, которых не ожидали, сразу же приобрели всеобщий характер. На многих заводах они начались даже до выдвижения требований и приняли характер коллективного протеста против многих лет принуждения, с которым молчаливо мирились. Все было необычным в этом забастовочном движении, и в частности то, что рабочие занимали заводы. Эта форма прямого действия, невиданная ранее, поражала воображение и создавала обстановку, которую раньше было трудно представить, привычный ход событий был нарушен: под ударом оказались сами хозяева. Рабочие брали на себя управление заводами. Быстрое распространение этого заразного примера создавало впечатление крушения привычного порядка. Патронат и крупную буржуазию на какое-то время обуяла паника. Они расценивали занятие заводов рабочими как покушение на их право собственности, которое они считали неотъемлемым и которое было основой их безраздельного господства.

Были заняты тысячи предприятий. Невозможность противостоять этому приобрела в глазах господствующего класса характер социальной революции. Правые газеты подавали занятие заводов как «ужасные вакханалии». Они осуждали «власть улицы» и клеймили «правительство и парламент, послушные приказам черни». На деле же дисциплина и порядок, царившие на занятых заводах, пугали хозяев больше, чем беспорядки и акты саботажа, которых они ожидали, но которых нигде не было. Спокойствие бастующих, их чувство ответственности, авторитет забастовочных комитетов расценивались хозяевами как некое стремление осуществить экспроприацию заводов и установить коллективную собственность. В то же время рабочим это придало новые силы и чувство уверенности, что позволяло вести переговоры с хозяевами на равных. При этом не ставилось под сомнение право собственности, но вместе с тем это означало, что завод — родной дом рабочих. Станки и машины не только собственность хозяина, но и результат их труда. Впервые в жизни они владели своими цехами, не подчиняясь власти хозяев. На занятых заводах уважительные отношения сменили грубость, там царили дух свободы и надежды, братство и энтузиазм. Рабочий класс воспринял забастовки как

обретение свободы, которое, несмотря на тяготы борьбы, выливалось в праздник. Во время забастовок во дворах заводов и шахт звучали аккордеоны, устраивались танцевальные вечера. Каждый день женщины приносили бастовавшим еду. Люди были счастливы. Казалось, что время остановилось! Никто не знал и не хотел знать, сколько все это продлится. Жили только настоящим, сознавая, что представляют собой большую силу. Это сознание подтверждалось завоеваниями Народного фронта. 7 июня Матиньонские соглашения * зафиксировали всеобщее повышение зарплаты в среднем на 12%, причем предпочтение отдавалось наиболее низкооплачиваемым категориям трудящихся. В действительности зарплата была повышена в среднем на 15%, а рабочим-металлистам даже на 22%. В наиболее отсталых отраслях промышленности зарплата была увеличена вдвое, а в некоторых случаях даже втрое. Восемь миллионов трудящихся сразу же значительно улучшили жизненные условия.

С 9 по 12 июня 1936 года палата депутатов приняла важные социальные законы: о 40-часовой рабочей неделе, о ежегодном двухнедельном оплачиваемом отпуске, об обязательном заключении коллективных договоров, о введении на предприятиях института рабочих делегатов. В последующие недели парламент, чтобы рассосать безработицу, принял законопроект о проведении крупных общественных работ, повысил до 14 лет срок обязательного обучения в школе, одобрил закон о национализации военной промышленности, о реформе французского банка. Дело шло к тому, чтобы подорвать монопольное положение «200 семейств». Для крестьян было создано «Зерновое управление» **, которое должно было регулировать

* Были подписаны в ночь с 7 на 8 июня 1936 года в резиденции французского правительства — особняк Матиньон — между представителями французского патроната и Всеобщей конфедерации труда при участии правительства, возглавлявшегося Л. Блюмом. — *Прим. перев.*

** *Зерновое управление (Зерновой комитет)* — создано под давлением движения Народного фронта на основании закона, принятого в августе 1936 года. Ему была передана монополия на заготовки, экспорт и импорт пшеницы, с тем чтобы ликвидировать разоряющее крестьянство падение цен. Декретом от 17 июня 1937 года из Зернового управления были удалены представители кооперативных и крестьянских организаций, а в апреле 1939 года правительство объявило о прекращении ему отпуска кредитов казначейства. В настоящее время называется «Межпрофессиональное национальное управление по зерновым». Наряду с другими организациями играет определенную роль в регулировании цен на сельскохозяйственную продукцию Франции. — *Прим. перев.*

цены на сельскохозяйственные продукты и срывать спекулятивные махинации посредников.

«Вперед, навстречу жизни»

В то время как социальные потрясения мая — июня 1936 года воспринимались буржуазией как серьезнейшая угроза существующему порядку, миллионами мужчин и женщин они осознавались как должное. Люди узнали, что такое отпуска, и большинство из них впервые увидели море и горы. Вся Франция пришла в движение. Горожане заполнили провинцию. Жители провинции заполнили Париж. Правительство добилось от железнодорожных компаний введения специального, так называемого народного, билета для отпускников, стоимость которого была снижена на 40%. Пестрая толпа штурмом брала поезда. Газеты помещали фотографии вокзальных перронов, по которым спешили увешанные чемоданами родители, державшие за руку детей с сачками для ловли бабочек. Пресса, стоявшая на крайне правых позициях, метала громы и молнии против «этих рабочих», решивших изменить свой образ жизни. Она называла министерство по организации досуга «министерством лени». Она сетовала, что пляжи заполнили толпы «жующих сосиски». Она называла их «мерзавцами в кепках». Она разоблачала «красный прилив», загрязняющий «наше побережье».

Лето 1936 года было летом велосипедов и тандемов, мотоциклов с колясками и без, наспех починенных старых автомобилей, туристов, шагавших с рюкзаками за спиной, летом первых шорт и рубашек фирмы «Лакост». Это было лето веселья и песен. Молодой выдумщик по имени Шарль Трене пел: «Когда в моем сердце бум...» Он прославлял радость жизни и молодость в совершенно новых ритмах. Было еще много уличных певцов. Их можно было встретить в воскресное утро на рынках и ярмарках, в народных кварталах. Они популяризировали частые выступления другого молодого дебютанта — Тино Росси. Тысячи юношей и девушек заполняли молодежные кафе, помещения различных «молодежных объединений». Кемпинги, которые до этого разбивали только любители природы, получили огромное распространение.

Министр по организации досуга Лео Лагранж содействовал развитию непрофессионального спорта и основал Высшее педагогическое училище по физическому воспи-

танию. По инициативе министра авиации Пьера Кота народные авиаклубы открыли двери перед трудящимися.

Время досуга — это не только время отпусков. 40-часовая неделя из 5 рабочих дней оставляла много свободного времени и меняла ритм жизни. В субботу занимались домашними делами, копались в саду, что-то мастерили. Воскресенье становилось днем, когда можно было жить без неотступных забот о накопившихся делах. Те, кто был обречен жить в серости и пыли промышленных городов, открыли, что свет и пространство — источники радости и ощущения полноты жизни. Воскресенья с толпами парижан, тоскливо шатающимися по запруженным тротуарам, сменили прогулки в леса и близлежащие пригороды.

В еженедельнике «Вендреди» романист Андре Шамсон писал 21 августа 1936 года: «Если мы захотим представить облик Народного фронта, как это умеют делать артисты в отношении образа Свободы, то это будет загорелый молодой человек с крепкими мускулами, привычный к ходьбе и непогоде, обветренный, с чистой душой и в то же время без наивности, который поет, идя рядом с другими, подобными ему и вместе с тем непохожими на него молодыми людьми, как братьям:

Вперед, навстречу жизни,

Вперед, навстречу утру».

Деятельность Народного фронта была плодотворна и в гуманитарной области. Коммунисты создали «Группу по изучению материализма», в которую вошли ученые П. Ланжевен *, Ж. Политцер **, А. Валлон ***, Р. Моб-

* Ланжевен, Поль (1872—1946) — знаменитый французский ученый-физик. Член ФКП с 1944 года. Проявлял большой интерес к вопросам воспитания и реформе системы образования. Принимал активное участие в социальной и политической борьбе своего времени: в борьбе вокруг дела Дрейфуса, против фашизма, в защиту мира. Являлся председателем Комитета бдительности антифашистской интеллигенции и движения «Амстердам — Плейель». Во время гитлеровской оккупации находился под домашним арестом. Подробнее см. ниже (гл. 9).— *Прим. перев.*

** Политцер, Жорж (1903—1942) — французский философ-марксист, видный деятель ФКП и активный участник Движения Сопротивления. В философских произведениях выступал против идеализма и вульгарного материализма буржуазных направлений в философии. Вел большую работу по сплочению прогрессивной французской интеллигенции вокруг ФКП. После оккупации Франции перешел на нелегальное положение. В 1942 году был арестован и расстрелян гитлеровцами.— *Прим. перев.*

*** Валлон, Анри (1879—1962) — французский психолог, общест-

лан, Ж. Коньо *, М. Пренан ** и другие. Ее целью стало изучение вклада марксизма в естественные и общественные науки. Работа группы популяризировалась в Парижском рабочем университете, имевшем многочисленные филиалы в провинции. Были открыты первые «Народные дома». В созданном Андре Шамсоном, Жаном Геенно и Андре Виоли еженедельнике «Вендреди» писали А. Мальро, А. Жид, Ромен Роллан и Роже Мартен дю Гар. Жан Ренуар завершал съемки кинокартины «Великая иллюзия» и снимал для Народного фронта кинокартину «Марсельеза». Народный театр, созданный при поддержке ВКТ, открыл сезон спектаклем «14 июля» по пьесе Ромена Роллана.

Таким образом, развитие в социальной области дополнялось прогрессом в области культуры, чтобы удовлетворить новую жажду знаний. Класс, до этого момента обреченный на безрадостную жизнь в бедности, «без будущего», неожиданно открыл для себя новые горизонты. То, что некогда казалось невозможным, стало реальностью. Это не было сменой одного общества другим, как это скажет позднее на Риомском процессе *** Леон Блюм,

венный деятель. Активный участник Движения Сопротивления. В ряды ФКП вступил в 1942 г. Видный специалист по детской и генетической психологии, основал первую во Франции лабораторию детской психологии. Стоял на позициях диалектического материализма. — *Прим. перев.*

* *Коньо, Жорж* (1901—1978) — видный деятель ФКП; профессор литературы. Член ФКП с 1921 года. До второй мировой войны являлся секретарем Интернационала работников просвещения (1925—1936), а затем (до 1948 года) — главным редактором «Юманите». В 1952—1956 годах директор теоретического органа ФКП — журнала «Кайе дю коммунизм». Член ЦК ФКП, депутат французского парламента с 1936 года. Сенатор. В годы немецко-фашистской оккупации принимал активное участие в Движении Сопротивления. Автор ряда философских и литературных произведений. — *Прим. перев.*

** *Пренан, Марсель* — профессор биологии Парижского университета. Член ФКП с 1920 года. В годы оккупации Франции принимал активное участие в Движении Сопротивления. В 1945—1946 годах — депутат французской Временной консультативной ассамблеи, а затем Учредительного собрания. После прихода де Голля к власти вышел из компартии вследствие идеологических разногласий с ее руководством. — *Прим. перев.*

*** *Риомский процесс* — процесс, организованный Петеном по требованию Гитлера в феврале 1942 года в небольшом городке Риом (департамент Пюи-де-Дом) над Даладье, Блюмом, Рейно, генералом Гамеленом и некоторыми другими деятелями Третьей республики, с целью возложить на них всю ответственность за поражение Франции в

а лишь «временным улучшением, проблеском в трудной и темной жизни». Это была не социальная революция, а рывок вперед по пути прогресса.

Великий страх господствующих классов

Патронат бессильно взирает на введение нового социального законодательства, которое он осуждал, но которому не был в состоянии помешать. Он понимал масштабы происходивших потрясений и их последствия. Новые законы расценивались как посягательство на свободу действий хозяев и одновременно как поощрение рабочих выдвигать самые радикальные требования.

Один из заправил текстильной промышленности, председатель Торговой палаты Лилля Пьер Тирье писал 19 июня: «Размах и характер забастовок свидетельствуют, что идет широкая социальная битва, принимающая революционный характер, в ходе которой народные массы стремятся к чему-то другому, нежели удовлетворение своих непосредственных требований. В умах идет глубокое и значительное разрушение моральных устоев. Рабочих пытаются убедить, что заводы, магазины являются коллективным достоянием, обладателями которого они должны стать. Таким образом, можно констатировать, что власти хозяев нанесен очень серьезный и, быть может, решающий удар». Но в момент наибольшего подъема народной волны в мае — июне 1936 года патронату не оставалось ничего другого, как покориться, заявляя, однако, что он считает нереальными новые социальные законы. Один из подписавших Матиньонские соглашения — Ламбер Рибо заявил по поводу введения 40-часовой рабочей недели и увеличения зарплаты: «Думать, что добиться изобилия можно работая меньше, — значит поддаваться зрительному обману». Однако соотношение сил, сложившееся в результате забастовок и занятия заводов, парализовало действия патроната. В мае — июне 1936 года правящие классы испытали великий страх, который в последующие месяцы и годы питал жажду реванша. Уже в

1940 году. В ходе процесса разбирательство сконцентрировалось не на том, кто повинен в возникновении войны, а на том, кто несет ответственность за плохую подготовку к ней и неумелое руководство военными операциями. В апреле 1942 года процесс был прекращен под предлогом, что «необходимо провести дальнейшее следствие». — *Прим. перев.*

августе 1936 года хозяева создают «Всеобщую конфедерацию французского патроната», целью которой стала подготовка контрнаступления и возвращение утерянных позиций. Этот великий страх, испытанный весной 1936 года, надолго оставил глубокий след. Он привел к тому, что значительная часть французской буржуазии считала главной опасностью «внутреннего врага» — коммунизм. Ему приписываются черные замыслы подготовки с помощью Москвы революции во Франции. 16 августа член Французской академии Жак Барду выразил это убеждение французских правых сил в статье «Советский заговор против родины французов», опубликованной в «Ревю де Пари». В фантастическом рассказе Барду «разоблачает» коммунистов, которые рассчитывали взять власть 10—11 июня, но, сочтя подготовку недостаточной, руководство компартии якобы перенесло операцию на осень. Особенно злобно нападали на коммунистов крайне правые. Еженедельник «Боевых крестов» «Фламбо» писал 9 мая, что «азиатские черты выжжены каленым железом на их лицемерных лицах». К антикоммунизму примешивались антисемитизм и национализм, ибо занятие заводов объяснялось еще и происками евреев и иностранцев. 7 августа Анри Бери писал в ежедневнике «Грингуар»: «Являемся ли мы свалкой для всего мира? По всем дорогам, превращенным в большие коллекторы, на нашу территорию течет кишащий и на все способный вероломный сброд. Это обширный поток неаполитанских нечистот, левантийского отребья, славянского зловония, ужасной андалузской нищеты, Авраамова семени и иудейской липкой грязи... Темные доктринеры, ничтожные заговорщики, молодые цареубийцы, жалкие поляки, накипающее гетто, контрабандисты, торгующие оружием, бедствующие чудаки, шпионы, ростовщики, гангстеры, торговцы живым товаром и кокаином — все они спешат к нам, опережаемые присутствием им запахом и полчищами клопов... Сначала русские, затем поляки, потом греки и итальянцы, за которыми последовали немцы, предшествовавшие испанцам. Кто следующий?» Подобные статьи готовили геноцид, жертвами которого во время немецкой оккупации станут французские евреи при помощи и полном одобрении французских антисемитов. Однако летом 1936 года главной мишенью становятся коммунисты. Под лозунгом «Коммунизм — вот наш враг» объединяются все те, кто видит в Народном фронте угрозу своим привилегиям.

Неотъемлемой его частью является потворствование фашизму. Передовица в ежедневной газете «Мессэн», связанной с «Комите де форж»*, от 22 августа 1936 года показывает, насколько далеко это может зайти. Ее автор, оставшийся неизвестным, пишет: «Рядом с нами находится Германия, чей гражданский порядок достоин того, чтобы его взяли за образец. Точно так же обстоит дело и в Италии... Но что касается прозябания в приниженной, мятежной и большевизированной Франции, то мы говорим: нет! Если так суждено, мы предпочитаем стать немцами». Подобные статьи выражают мнение не только ее автора, но и настроения части буржуазии и патроната. Это подтверждает в «Мемуарах» бывший министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, который пишет: «Комите де форж» был настолько антиблюмовским, что у него не оставалось времени, чтобы быть антигерманским». Подобные настроения конкретизировались в недвусмысленной формуле: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Вспоминая об этом времени, отраженном в фильме «Огорчение и сострадание», Мендес-Франс сказал, что «психология, выраженная формулой «лучше Гитлер, чем Блюм», нанесла огромный моральный ущерб».

Правительства, которые будут находиться у власти после правительства Народного фронта, в различной степени будут придерживаться этой ориентации, отдавая во внешней политике Франции приоритет антисоветизму. Это приведет к мюнхенскому соглашению, саботажу переговоров в августе 1939 года по поводу заключения трехстороннего соглашения между Англией, Францией и СССР. Вспоминая эти годы в одной из работ 1941 года, католический философ Жак Маритэн, находясь в эмигра-

* «Комите де форж» — объединение, созданное крупными предпринимателями французской черной металлургии для распределения рынков сбыта и квот на производство продукции. Возникло в 1864 году (реорганизовано в 1884 году). В правление Комитета входили владельцы военно-металлургических концернов «де Вандель», «Шнейдер-Крезе» и другие представители «200 семейств» — верхушки французской финансовой олигархии. Комитет оказывал, особенно в период между двумя мировыми войнами, значительное влияние на французскую внутреннюю и внешнюю политику.

В ноябре 1940 года декретом правительства Виши Комитет формально был ликвидирован, а на самом деле преобразован в государственную организацию «Корсид». В 1945 году по типу этого Комитета была создана новая организация «Палата французской черной металлургии», входящая в Национальный совет французского патроната. — *Прим. перев.*

ции в Нью-Йорке, писал: «Партии, заявлявшие о своей приверженности к порядку и власти, ни в коем случае не хотели разгрома Гитлера и Муссолини, в которых они слепо видели защитников порядка и собственности».

Эти мнения не были чем-то новым в 1936 году. Разразившийся с начала 30-х годов мировой экономической кризис создавал почву, благоприятную для распространения идей, родственных фашистским.

Реальная угроза фашизма во Франции

Кризис развивался очень быстро, приобретая драматические масштабы. В течение двух лет промышленное производство, национальный доход уменьшились на треть. Быстро росла безработица. В феврале 1932 года в стране насчитывалось 1,6 млн. полностью и 6 млн. частично безработных. Социального страхования практически не существовало. В семьях рабочих воцарилась нищета, каждый день длинные очереди безработных выстраивались за похлебкой. Те, кто не пострадал от безработицы, потеряли в зарплате. Средние слои также не избежали последствий кризиса. С 1930 по 1932 год число мелких торговцев уменьшилось на 100 тыс. Мелкие лавочники и кустари, не уверенные в завтрашнем дне, теряли иллюзии относительно своей социальной независимости и свободы. Цены на сельскохозяйственную продукцию стремительно падали, и семейные фермы переживали тяжелые дни. Именно поэтому компартия будет стремиться к созданию союза «за хлеб и в защиту насущных экономических требований», то есть проводить политику, которая приведет к образованию Народного фронта.

Однако на этой основе развивалось и фашиствующее движение. Правые националистические лиги выступали с антипарламентских позиций, высмеивали демократию и провозглашали необходимость сильной власти. В начале 1934 года фашистская угроза во Франции отнюдь не была воображаемой. Крупная буржуазия стремилась преодолеть трудности, вызванные кризисом, за счет рабочего класса. 1933 год был годом борьбы рабочих и крупных забастовок. Правящие классы все больше склонялись к авторитарному режиму. Патронат выдвигает многочисленные проекты реформы конституции, в большей или меньшей степени вдохновленные практикой муссолинизма. В этих проектах предусматривалось умаление роли пар-

ламента и установление корпоративного режима. Начиная с 1933 года крупная буржуазия больше не ограничивается финансированием пропагандистской кампании, направленной против парламентской демократии. Она субсидирует и поощряет мятежные лиги и движения, которые проповедуют фашистскую идеологию. Созданные ими полувоенные организации и отряды по численности были отнюдь не меньше тех, которыми располагали Гитлер и Муссолини перед приходом к власти. В возглавлявшейся Моррасом и Додэ «Аксьон франсез» * с ее ответвлениями насчитывалось 60 тыс. человек, «Патриотическая молодежь» ** Пьера Теттанже объединяла 90 тыс. членов. Руководимая полковником графом де ля Роком ассоциация «Боевые кресты и ветераны войны» *** набирала своих членов

* «Аксьон франсез» — реакционная католическо-монархическая организация, возникшая во Франции в 1899 году и организационно оформившаяся в 1905 году. Ее лидером был Шарль Моррас. Выступала за восстановление во Франции монархии во главе с потомками Бурбонов и усиление роли церкви в делах государства. Издавала еженедельник «Аксьон Франсез». В 30-е годы приняла явно фашистский характер. Были созданы вооруженные отряды «Королевские молодчики», принимавшие участие в фашистском путче 6 февраля 1934 года. В годы немецко-фашистской оккупации активно поддерживали правительство Петена и сотрудничала с оккупантами. В 1944 году формально была ликвидирована, ее газета закрыта. — *Прим. перев.*

** «Патриотическая молодежь» — лига, созданная в 1925 году, по военному образцу во главе с Теттанже и под опекой ряда генералов (Кастельно и др.) с целью «борьбы с коммунизмом» и революционным пролетариатом. Особенно активизировалась в период подготовки фашистского путча 6 февраля 1934 года. Откровенно симпатизировала германскому фашизму; была связана с «Огненными крестами» и другими фашистскими группами. — *Прим. перев.*

Теттанже — бывший муниципальный советник Парижа и депутат. Член правления ряда компаний, связанных с крупным немецким трестом «АЭГ». Принимал участие в фашистском путче 6 февраля 1934 года. Возглавлял фашистскую группировку «Патриотическая молодежь». Вишист; сотрудничал с гитлеровскими оккупантами. — *Прим. перев.*

*** «Огненные кресты» («Боевые кресты») — фашистская группировка. Основана в 1927 году полковником де ля Роком, имевшим титул графа, как объединение участников первой мировой войны. Использовала в реакционных целях негодование, вызванное в массах многочисленными финансовыми скандалами. Еженедельник этой группировки «Фламбо» имел в 1935 году тираж 200 тыс. экз. В диктаторское ядро руководства входили финансовый магнат де Вандель, банкир Лейде, крупный землевладелец граф Поццо ди Борго, глава электрического треста Мерсье и парфюмерный фабрикант Ф. Коти. В 1936 году изданным под давлением масс декретом правительства организация была распущена. Однако де ля Рок воссоздал ее под видом Французской социальной партии (ФСП), которая объединилась позднее вокруг созданного Петеном правительства национальной измены. — *Прим. перев.*

среди бывших фронтовиков, неоправдавшиеся надежды и стремления которых она ловко использовала. Она превозносила фронтовое братство, разблачала коррупцию политиканов, которые пустили по ветру их победу и их жертвы. С помощью националистической и социальной демагогии это движение приспособлявало фашистские идеи к специфическим условиям Франции. Оно имело в своем распоряжении полувоенные моторизованные группы «Национальных волонтеров». Всего в нем насчитывалось около 150 тыс. человек. В начале 1934 года фашистское движение, выступавшее в различных формах, представляло во Франции реальную угрозу. По данным полиции, в нем насчитывалось 500 тыс. членов, в том числе 8 тыс. боевиков. Налицо была настоящая организация, предназначенная для гражданской войны. Это фашистское движение в своих преступных действиях опиралось также на мощь сотрудников государственного аппарата, полицейские и военные кадры, включая высшие армейские круги. (Когда речь шла о создании сильного государства, то наиболее часто назывались имена генерала Вейгана и маршала Петена). Размахивая пугалом большевистской опасности, руководители движения стремились заручиться благожелательным нейтралитетом либеральной буржуазии. По примеру Италии и Германии эти лиги рассчитывали захватить власть путем последовательных уступок со стороны законной власти, 6 февраля в новое правительство Думерга * вошли их люди: Петен **, Лаваль ***, Марке **** и Тардье *****.

* Правительство Гастона Думерга находилось у власти с 9 февраля по 8 ноября 1934 года. В правительство, которое представлялось как так называемое правительство «национального единения», входили, кроме Думерга, стоявшего вне фракций, представители демократической левой, радикал-социалисты, Республиканский центр, радикальная левая, левые республиканцы, французские социалисты, Республиканский демократический союз. Цель правительства заключалась в том, чтобы навязать Франции новую «конституцию» и диктаторскую политику. Думерг был свергнут развернувшимся в конце 1934 года массовым народным движением. — *Прим. перев.*

** *Петен, Филипп* (1856—1951) — французский реакционный политический деятель, маршал Франции с ноября 1918 года. Военный министр в кабинете Думерга, сформированном после фашистского путча 6 февраля 1934 года. В июне 1940 года введен Полем Рейно в правительство. Глава правительства Виши с 16 июня 1940 года. В августе 1944 года после изгнания гитлеровцев из Франции бежал в город Зигмалинген (Германия). Так называемая «национальная революция», которую рекламировали петеновцы в период Виши, являлась в действительности фашистской реакцией и политикой подчинения гитлеризму.

Шесть лет спустя, в июле 1940 года, политические деятели Виши* будут рекрутироваться из членов лиг, выступивших в феврале 1934 года. В первое правительство Петена войдут Вейган**, Лаваль, Марке и член «Боевых крестов» Ибарнэгарэ***. Петеновская идеология возьмет из идеологии лиг основное: антипарламентаризм, авторитарное государство, порядок, семья, родина. 6 февраля 1934 года эти лиги рассчитывали начать процесс, который приведет их к власти. Однако они не приняли в расчет отпор рабочего класса.

В августе 1945 года Верховный суд приговорил Петена к смертной казни, лишению гражданских прав и конфискации всего имущества. Генерал де Голль заменил ему смертную казнь пожизненным заключением на острове Иль-д'Йе.— *Прим. перев.*

*** *Лаваль, Пьер* (1883—1945) — один из самых продажных политиканов и авантюристов Третьей республики. В тесном сотрудничестве с Италией Муссолини и гитлеровской Германией сделал все возможное для того, чтобы воспрепятствовать созданию системы коллективной безопасности и реализации франко-советского пакта, который он вынужден был подписать в 1935 году. Был главным министром Петена; на нем лежит основная ответственность за политику измены интересам Франции и коллаборационизм (сотрудничество) с германским фашизмом. В 1945 году был приговорен к смерти и казнен.— *Прим. перев.*

**** *Марке, Анриен* — французский социалист, перешедший на сторону фашистов. С 1925 года в течение ряда лет был мэром Бордо. В 1934 году вошел в группу «неосоциалистов» (Деа, Ренодель и др.), отколовшуюся от СФИО. Занимал пост министра труда в кабинете Думерга. Пропагандировал капитулянтские идеи в 1939—1940 годах и после поражения Франции сотрудничал с нацистскими властями.— *Прим. перев.*

***** *Тардьё, Андре* (1876—1945) — французский буржуазный деятель, политический аферист, замешанный в многочисленных финансовых скандалах Третьей республики, был связан с наиболее реакционными кругами финансового капитала. Неоднократно являлся министром внутренних дел. В 1929, 1930, 1932 годах — председатель Совета министров Франции. Его внутренняя политика была направлена главным образом против рабочего класса, мелких и средних крестьян, против ФКП. Проводившаяся им внешняя политика отличалась яркой антисоветской направленностью.— *Прим. перев.*

* «*Режим Виши*» — фашистский прогитлеровский режим, существовавший во Франции в июле 1940 — августе 1944 годов; получил свое название от курортного города Виши, расположенного в центральной части Франции (департамент Алье). Правительство Виши, возглавлявшееся Петеном, проводило линию сотрудничества с гитлеровцами, в июле 1940 года приняло меры по ликвидации республиканского режима во Франции.— *Прим. перев.*

** *Вейган, Максим* — генерал французской армии, занимал ряд видных постов во время первой мировой войны в период между двумя мировыми войнами. В 1939 году был назначен командующим французской армией в Сирии и Ливане. Под руководством Вейгана

Компартия и 6 февраля 1934 года

Приход Гитлера к власти в январе 1933 года создал для Франции угрозу извне, придав конкретные очертания фашистской опасности. Для тех, кто рассматривал фашизм только как феномен, свойственный исключительно Германии, 6 февраля 1934 года стало днем разоблачения и предупреждения о реальном характере угрозы фашизма в стране.

Месяцем раньше разразился скандал Ставиского *. Прожженный делец, скрывавший свои махинации благодаря многочисленным связям в парламентских кругах, Ставиский 8 января 1934 года покончил жизнь самоубийством. Большинство депутатов парламента, с которыми он был связан, принадлежало к радикалам. Председателя Совета министров Шотана обвинили в том, что он хотел замять скандал. 27 января он подал в отставку. Выход из кризиса поручили другому радикалу — Даладьё. Открытая за многие месяцы до этого кампания против парламента получила в связи с аферой Ставиского новую пищу и приобрела иное направление. Начатая через год после прихода Гитлера к власти и через одиннадцать лет после «похода на Рим Муссолини», она свидетельствовала о серьезном кризисе парламентской демократии.

готовилось нападение на южные районы Советского Союза. В мае 1940 года Вейган был назначен главнокомандующим французской армией и в качестве такового пошел на перемирие с гитлеровской Германией. После поражения Франции получил назначение на пост генерального делегата правительства Петена в Северной Африке, где находился до 1942 года; был арестован немцами и находился под арестом до 1945 года. После войны занимался литературной деятельностью. Член Французской академии. — *Прим. перев.*

*** *Ибарнэгарэ* — французский фашист, депутат парламента, вице-председатель организации «Огненные кресты». Участвовал в подготовке фашистского путча в феврале 1934 года. В годы оккупации активный коллаборационист, министр вишистского правительства. — *Прим. перев.*

* *Дело Ставиского* — афера, совершенная группой биржевых спекулянтов во главе со Стависким — авантюристом, привлекавшимся ранее к суду за подделку векселей на сумму в 350 тыс. долларов. Ставиский совершил различные подлогов и махинаций на сумму до 12 млн. долларов. В конце 1933 года разразился скандал. Ставиский бежал, и, по сообщению полиции, покончил жизнь самоубийством в Швейцарии. В этой афере были скомпрометированы ряд министров, депутатов, журналистов и даже префект полиции Кыпп. Фашистские элементы пытались использовать возмущение ограбленной мелкой буржуазии для антидемократической пропаганды и требовали создания «сильного правительства». — *Прим. перев.*

6 февраля 1934 года во второй половине дня кабинет Даладье предстал перед Палатой депутатов. В это же время главные фашистские лиги организовали демонстрацию перед Бурбонским дворцом и на площади Согласия. Раздавались крики: «Долой жуликов», парламент был обвинен в беспомощности и коррупции. Среди демонстрантов было много бывших фронтовиков. Толпа на площади Согласия росла, и дважды — около 19.30 и в 23 часа — демонстранты пытались прорваться через заграждения полицейских, которые преграждали доступ на мост, и взяты штурмом Бурбонский дворец. Но это им не удалось. Полицейские открыли огонь, 17 человек были убиты и более 2 тысяч ранены.

В то же утро «Юманите» опубликовала два документа. Один был составлен Секретариатом ЦК компартии и призывал к бдительности: «Все партийные организации, все активисты партии должны считать себя мобилизованными с тем, чтобы обеспечить, во-первых, успешное проведение массовых митингов на заводах и в местах, где соберутся рабочие, а во-вторых, проведение контрманифестаций, направленных против фашистских организаций».

По этому призыву уже вечером 6 февраля несколько депутатов-коммунистов, в том числе А. Раметт *, Берлиоз и Рено Жан, выступили с речами перед коммунистами — бывшими фронтовиками и вовлекли их в контрдемонстрации на Больших бульварах. Действительно, чтобы не отдавать улицы фашистским лигам, АРАК ** призвала своих членов собраться на Рон-Пуан ***. Контрманифес-

* Раметт, Аргюр — известный деятель Французской компартии, членом которой он являлся с момента ее основания. По профессии рабочий-металлист. В 1922—1929 годах находился на партийной работе в департаментах Нор и Па-де-Кале. Член ЦК ФКП с 1930 года. С 1937 по 1950 год — член Политбюро ЦК ФКП. В 1932—1939 годах — депутат французского парламента. С 1940 году по процессу 44 депутатов-коммунистов заочно осужден на пять лет каторжных работ. С 1945 года — депутат Учредительного, а с 1946 по 1951 и с 1956 по 1958 год — депутат Национального собрания Франции. Проводил большую работу в качестве ветерана ФКП. — *Прим. перев.*

** Республиканская ассоциация бывших фронтовиков (АРАК) — основана в марте 1917 года Анри Барбюссом, Раймоном Лефевром, Жоржем Брюйером и Полем Вайян-Кутюрье с целью борьбы против империалистической войны. В течение ряда лет издавала журналы «Антигерье», «Комбатан», «Фё», «Ревей де Комбатан». Примыкала к Французской коммунистической партии. Играла важную роль в политической борьбе в период между двумя мировыми войнами в защиту мира и прав бывших фронтовиков. — *Прим. перев.*

*** Рон-Пуан — площадь, находящаяся на Елисейских полях,

тация коммунистов, в которой приняли участие тысячи людей, прошла в кварталах у ворот Сен-Дени.

Но в «Юманите» был опубликован и второй документ. Его автором был Андрэ Марти *, только что введенный в редакцию газеты, которую упрекали в том, что она проявила колебания в изложении на своих страницах линии партии. В этом документе, свидетельствовавшем о нечеткой политической ориентации, Марти призвал коммунистов проводить демонстрации как «против фашистских банд и потворствующего им правительства, так и против социал-демократии, которая путем раскола рабочего класса стремится его ослабить». Вечером 6 февраля Марти и Життон выпроводили делегацию СФИО, пришедшую в редакцию «Юманите» с предложением провести совместную демонстрацию. Но 7 февраля на заседании Политбюро, собравшемся не в здании ЦК, а в квартале Барбе, большинство его членов положительно оценило контр-манифестации коммунистов, прошедшие накануне. Осудив политику, ставящую на одну доску заговорщиков, правительство и руководителей социал-демократии, как сектантскую и не отвечающую обстановке, это большинство внесло в нее поправку.

Как считает Артюр Раметт, заседание Политбюро 7 февраля имело основополагающее значение. Оно свидетельствовало о подлинном начале критического переосмысления политики компартии, которое избавит ее от сектантства и схематизма. Оно положило начало серии инициатив, вписывающихся в новый творческий курс, завершением которого станет Народный фронт. Артюр Раметт свидетельствует о днях 6—7 февраля.

недалеко от Елисейского дворца, резиденции президента республики.—
Прим. перев.

* *Марти, Андрэ* — деятель Французской компартии; один из руководителей выступления французских моряков Черноморской эскадры в знак солидарности с Советской Россией. Впоследствии Марти являлся секретарем ЦК ФКП и секретарем Исполкома Коминтерна. Принимал участие в организации помощи республиканской Испании. В период войны находился в Советском Союзе. В 1952 году, вследствие серьезных разногласий с руководством компартии, был исключен из ФКП и вскоре умер.— *Прим. перев.*

Свидетельство Артюра Раметта

«Вечером 6 февраля я вышел из Бурбонского дворца вместе с Жаном Рено * и Берлиозом **. АРАК призвала своих членов собраться на Рон-Пуан Елисейских полей и быть готовыми к любым эксцессам. Речь шла о том, чтобы не дать возможность лигам заговорщиков, действовавшим от имени бывших фронтовиков, стать хозяевами на улицах. Мы хотели присоединиться к нашим товарищам, которые откликнулись на призыв АРАК и пересекли площадь Согласия, выглядевшую как поле боя после сражения: развороченная мостовая, усеянная осколками, разбитые фонари, сожженные автобусы, сломанные решетки. Уже стреляли, и были убитые. Мы нашли группу членов АРАК в начале Елисейских полей неподалеку от конных статуй Марли. Их было несколько сотен, очень нерешительных, явно не хотевших смешаться с манифестантами из «Боевых крестов» и просто не знавших, что делать.

Я предложил построиться в колонну на Больших бульварах и по возможности организовать контрдемонстрацию. Мысль об этом пришла мне в голову, когда я увидел растерянность наших товарищей, вызванную размахом фашистской акции. Мы обошли стороной собрания заговорщиков и достигли бульваров. Там нас ожидал приятный сюрприз. Из предместий стихийно группами подходили рабочие, узнавшие при выходе с заводов о происходивших серьезных событиях. На тротуарах было много народа. В Париже царила необычная атмосфера, создававшаяся в результате лихорадочного возбуждения, волнений и беспокойства. Неразбериха была страшная. Мы сразу же оценили выгоду, которую могли извлечь из сложившегося положения. Рено Жан, Берлиоз и я стали выступать. Начался импровизированный митинг.

* *Рено, Жан* — деятель французского рабочего движения. По профессии учитель. В 1920 году вступил в ФКП. В 1921—1939 годах являлся членом ЦК ФКП, отвечал за работу среди крестьян. Депутат парламента (1920—1928 и 1932—1936); был председателем парламентской комиссии по вопросам сельского хозяйства. В 1940 году по процессу 44 депутатов-коммунистов был приговорен условно к четырем годам каторжных работ. В период оккупации Франции немецко-фашистскими войсками занимал пассивную позицию и впоследствии отошел от компартии. — *Прим. перев.*

** *Берлиоз, Жоани* — член Французской компартии и видный журналист-коммунист. Одно время редактировал журнал Французской компартии «Демокраси Нувель», выходивший в 40—50-е годы. — *Прим. перев.*

Прием был замечательный. Большинство рабочих присоединилось к нашей демонстрации. На всем протяжении бульваров мы провели еще несколько митингов. Очень скоро нас стало уже несколько тысяч, шедших в колонне. Мы пели «Интернационал» и скандировали антифашистские лозунги. Мы хотели пройти на улицу Круассан в редакцию «Юманите». Полиция помешала нам силой. Но наша демонстрация продолжалась допоздна и приобрела значительный размах. Таким образом, в этот день только она носила антифашистский характер.

На следующий день Политбюро собралось на заседание на квартире одного товарища. У станции метро Барбес. Мы приняли необходимые меры предосторожности, обусловленные нашим полулегальным положением. Представитель Коммунистического Интернационала Клеман (Фрид) присутствовал на заседании (в виде исключения — обычно он не принимал в них участия). С самого начала он подверг Марти критике как за лозунг, опубликованный на страницах «Юманите», так и за анализ развернувшихся событий. Марти, который обеспечивал в тот момент политическое руководство «Юманите», видел в событиях 6 февраля заговор, участниками которого были крайне правые, заговорщические лиги, франкмасоны, радикалы и социалисты. Однако, разоблачая всех, он с особым ожесточением нападал на социалистическую партию.

Споры были ожесточенными, и Клеман, ссылаясь на серьезность положения, считал необходимым, чтобы руководство компартии добилось объединения трудящихся и покончило с сектантскими взглядами. Он долго расспрашивал меня о нашей демонстрации, которая прошла накануне, о реакции рабочих, всех парижан, о том, как воспринимались наши антифашистские лозунги. Он поздравил меня с этой инициативой, успех которой свидетельствовал о воле трудящихся оказать сопротивление фашизму и одновременно их глубоком стремлении к единству. Фрашон также настаивал на необходимости выдвинуть лозунги, отвечающие этим настроениям. Исходя из конкретной обстановки, Морис Торез предложил, чтобы коммунистическая партия стала инициатором мощного отпора масс. Было принято решение по двум вопросам: организовать 9 февраля в Париже демонстрацию и призывать рабочих-социалистов принять в ней участие, но не идти ни на какие контакты с руководством соцпартии. В вопросах единства действий с соцпартией было много

неясного, и мы еще не освободились от наших старых представлений. 6 февраля депутаты СФИО проголосовали за доверие правительству Даладье, коммунисты голосовали против. Утром 7 февраля эфемерное правительство Даладье, получившее поддержку СФИО, под давлением правых ушло в отставку, уступив место Думергу, одному из видных политиков, находившихся на службе у финансовой олигархии. Однако события 6 февраля, подтвердившие реальность фашистской угрозы во Франции, кардинально прояснили ситуацию и вынудили каждого занять свое место. Одновременно совсем по-иному встали проблемы единства. Коммунистическая партия постепенно освобождалась от старых схем. Я подчеркиваю — постепенно, так как сразу было очень трудно отказаться от некоторых старых схем тактики «класс против класса» *. Нужно знать, что представляла компартия в феврале 1934 года. До VII съезда, состоявшегося двумя годами раньше, в ней было несколько тенденций, течений, которые часто резко выступали друг против друга. Основная борьба велась с оппортунистической тенденцией, которая рассматривалась в качестве главной опасности. Ее сторонники отдавали предпочтение избирательной борьбе и были готовы на любое соглашение со СФИО. Именно в борьбе с этой тенденцией следовало утвердить концепцию революционной классовой партии. Тактика «класс против класса» была чем-то вроде лечения от оппортунизма шоком. В то же время ее осуществление рождало сектантские перегибы.

Я был очевидцем этих столкновений в департаментах Нор и Па-де-Кале. В этом районе у нас было несколько секций, которые прежде всего стремились сохранить возможность соглашений со СФИО в период избирательных кампаний и которые упорно рассматривали политическую работу только в свете стратегии выборов. Другие секции,

* Тактика «класс против класса» — имеется в виду тактика, выдвинутая в ноябре 1927 года, когда ФКП развернула борьбу за массы на основе этой тактики, имеющую целью укрепление классового самосознания пролетариата, усиление борьбы против империалистической буржуазии и соглашательской политики социал-демократии. Позднее сектантские элементы в рядах ФКП, в том числе бывший секретарь компартии Альбер Трэн, а также группа Барбе — Селора, извратили эту тактику, в частности, в вопросе отношения к социал-демократическим трудящимся. Позднее по инициативе ставшего в 1930 г. Генеральным секретарем ФКП М. Тореза был взят курс на создание единого, а затем и Народного фронта. — *Прим. перев.*

наоборот, сводили политику партии к бескомпромиссной борьбе с социал-демократией. Тактика «класс против класса» питала сектантство, которое препятствовало любому диалогу с рабочими-социалистами. Что касается меня, то я, ни в чем по существу не уступая реформизму, далеко не был убежден в действенности этой тактики. В свое время я высказал сомнения относительно этой политики, которая вела к изоляции партии и уменьшению ее влияния. В январе 1931 года на департаментской конференции в Авьоне в Па-де-Кале я высказался за более гибкое применение этой тактики. В этом районе социал-демократия — по составу рабочая, хорошо организованная партия — располагала влиянием по преимуществу в рабочей среде. Мы не могли установить контакт с рабочими-социалистами, считая (по терминологии тех лет) избранных ими руководителей «социал-предателями» или «социал-фашистами». Массы не могли нас понять и следовать за нами. Борьбу против реформизма нельзя было вести таким образом. На конференции я оказался в меньшинстве. Морис Торез счел, что я зашел слишком далеко, и вновь подтвердил необходимость бороться прежде всего против оппортунизма и, следовательно, ни в чем не допускать послабления в проведении тактики «класс против класса».

Через месяц на национальной конференции компартии, проходившей в Бельвиллузе и посвященной борьбе рабочего класса за экономические требования, я вновь высказал опасения, в частности по поводу отказа партии снять ее кандидатов в ходе различных выборов, и беспокойство относительно исхода будущих выборов, если мы и дальше будем поступать таким же образом. Я подчеркнул, что подобная политика изолирует нас от масс и может привести к сокращению численности партии. В начале 1931 года, в период, к которому относятся эти события, партия насчитывала не более 39 тыс. человек. К моему удивлению, выступление получило поддержку большинства делегатов. Высказав свои опасения, я, кажется, облегчил сомнения многих из тех, кто решил отмолчаться. Меня тогда подбивали поставить на голосование специальную резолюцию по этому вопросу, чего я не захотел, боясь подыграть оппортунистам, с которыми у меня имелись коренные расхождения. Последующие события оправдали мои опасения. На парламентских выборах в 1932 году вместо того, чтобы увеличить количество поданных за нас голосов

на 50%, — задача, поставленная VII съездом партии, который состоялся за месяц до выборов и где я был избран в Центральный Комитет, — мы по сравнению с предыдущими выборами потеряли четвертую часть голосов.

Я напоминаю все это, чтобы подчеркнуть, что в дни февральских событий 1934 года партия находилась на «твердокаменных» позициях. Она боролась на два фронта: утверждала свои позиции в борьбе с социал-демократией и против оппортунизма. Но многие члены партии желали более разумного подхода к проблемам единого фронта. Именно февральские дни 1934 года послужили сигналом для всестороннего анализ обстановки и нашей политики, что прояснит впоследствии проблемы единства и быстро продвинет дело. Все решалось в этом 1934 году, однако не сразу, а шаг за шагом, этап за этапом.

Я считаю, что на заседании Политбюро 7 февраля начался процесс, который должен был неизбежно повести нас по пути создания Народного фронта. Поистине это был день, когда все началось».

Непреодолимое стремление к единству

8 февраля Политбюро обратилось к трудящимся с призывом принять 9 февраля участие в демонстрации на площади Республики, «чтобы победить фашизм и кровавую диктатуру капитала». На собрании активистов партии Парижского района * Морис Торез одобрил решение, которое призывало участвовать в этой крупной антифашистской демонстрации и трудящихся коммунистов и социалистов, членов УВКТ и ВКТ. Он подчеркнул, что совместная борьба необходима для общего спасения. С этого момента компартия вступает на новый путь, который через быстро сменяющиеся друг друга этапы приведет ее к Народному фронту.

9 февраля с семи часов вечера до полуночи 50 тыс. демонстрантов пытались собраться на площади Республики, оцепленной полицейскими, столкновения с которыми носили ожесточенный характер. Демонстрации прошли в

* *Парижский район* — в данном случае имеется в виду областная организация Французской компартии в Париже и его окрестностях. В 1925 году в ФКП было 27 региональных (областных) организаций, в том числе и Парижская, объединявшая 4 департамента: Сены (собственно Париж), Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Уазы. — *Прим. перев.*

восточных районах Парижа. Были построены баррикады, пролилась кровь. События 9 февраля мгновенно вызвали отклик по всей стране. Они выкристаллизовали стремление трудящихся масс к единству и способствовали росту боевого духа в борьбе против фашистской угрозы.

В тот же вечер Коммунистическая партия решила поддержать всеобщую забастовку, назначенную ВКТ на 12 февраля, и присоединиться к организованной соцпартией в этот же день демонстрации, которая прошла от Венсенского леса до площади Нации. 12 февраля призыв к всеобщей забастовке был широко поддержан по всей Франции. Во второй половине дня две колонны шли к площади Нации: колонна соцпартии и колонна коммунистов. Когда они слились в едином потоке, энтузиазм был неописуем. Стотысячная толпа скандировала один лозунг: «Единство!» Впервые после раскола 1920 года коммунисты и социалисты шли бок о бок в одной колонне. В последующие месяцы движение за единство развернется быстрыми темпами. Национальная конференция компартии, которая проходила в Иври с 23 по 26 июня, выдвинула лозунг «Единство во что бы то ни стало!» и предложила СФИО пакт о единстве действий против фашизма и войны. В то время как руководство соцпартии еще колебалось, федерация соцпартии департамента Сены и федерация компартии Парижского района проводят 2 июля совместный митинг в зале Бюлье. Успех был значительным. Зал оказался слишком мал, чтобы вместить всех охваченных энтузиазмом людей. Стремление к единству росло по всей стране, оно развернулось снизу. После февральских дней многие активисты соцпартии принимают участие в отпоре, организованном компартией лигам заговорщиков. Так было в Энэн-Льетар, где вновь пролилась кровь рабочих, в июне в Монтаржи, где с 9 февраля погибло 16 рабочих. В течение всех этих месяцев среди интеллигенции и служащих растет антифашистское движение «Амстердам — Плейель» *. В этой обстановке 27 июля 1934 года был

* Движение «Амстердам-Плейель» — широкое антивоенное движение, начавшееся в августе 1932 года. По предложению Р. Роллана и А. Барбюса был созван международный конгресс рабочих, культурных, социальных и профсоюзных организаций. Он состоялся в Амстердаме и принял конкретную программу борьбы с военной опасностью. Избрал международный (Амстердамский) комитет, включавший представителей 20 стран.

Значение движения возросло еще больше после международного антифашистского конгресса, состоявшегося в зале Плейель в Париже

подписан «Пакт о единстве действий» между Коммунистической и Социалистической партиями. В пакте ставилась задача мобилизовать трудящееся население на борьбу за разоружение и роспуск фашистских лиг, в защиту демократических свобод, на борьбу против декретов-законов*, за роспуск палаты депутатов и проведение новых выборов на пропорциональной основе. Пакт предусматривал организацию протеста против фашистского террора в Германии, действий в защиту арестованных антифашистов. В нем фиксировалось, что обе партии воздержатся от взаимных нападок и критики. Пакт открыл дорогу Народному фронту.

Большинство историков — некоммунистов или антикоммунистов представляют политику французской компартии этого периода как серию последовательных поворотов и уточнений, принятых по указке Коминтерна. Некоторые из них утверждают, что линия Национальной конференции в Иври была изменена в ходе самой конференции после получения телеграммы от Коминтерна! При этом ссылаются на статью, опубликованную в «Правде» 31 мая, которая якобы представляла своего рода призыв к французским коммунистам. Действительно, в статье можно было прочесть: «Было бы совершено предательство в отношении рабочего класса, если бы не только выступили против желания масс достичь Единый фронт, но даже если бы его недооценивали... В такой стране, как Франция, вполне возможен призыв к руководителям социалистов»**.

4 июня 1933 года. Возникновение комитета движения «Амстердам-Плейель» сыграло значительную роль в подготовке и создании единого фронта во Франции.— *Прим. перев.*

* Декреты-законы — в соответствии с конституцией 1958 года (ст. 16, 19 и 38) президент, премьер-министр и префект полиции имеют право издавать ордонансы, которые вступают в силу после их опубликования, или декреты, которые подписываются либо президентом республики, либо премьером. При Третьей республике, особенно после 1934 года, когда роль парламента стала снижаться, правительство осуществляло свою деятельность путем декретов-законов.— *Прим. перев.*

** По-видимому, авторы имеют в виду статью Г. Зиновьева «Времена баррикад прошли», опубликованную в «Правде» от 31 мая 1934 года (с. 5) (автор в данном случае отталкивается от статьи председателя II Интернационала лидера бельгийских социалистов Э. Вандервельде в центральном органе Бельгийской рабочей партии («Пёплъ»). В своей статье Зиновьев критикует лидеров II Интернационала, и в частности руководителей Французской соцпартии, за нежелание вести активную борьбу с угрозой фашизма. Он пишет, например, что «французские рабочие, сочувствующие еще социалистам, очень встревожены и законно

Однако еще накануне Морис Торез писал в «Юманите»: «Мы всегда выражали наше желание к совместным и немедленным действиям. Мы к этому готовы...» А в день, когда в «Правде» появилась вышеупомянутая статья, «Юманите» обратилась с призывом «к рабочим и секциям соцпартии, к ее Административной комиссии», иными словами, к низам и руководству СФИО. Где же здесь поворот на конференции в Иври в конце июня? И что чему предшествовало, если речь идет о статьях, помещенных в «Правде» и «Юманите», о взаимоотношениях Коминтерна и Французской компартии? Итак, уже в конце мая Французская компартия обратилась с призывом о единстве действий к низам и руководству соцпартии, а 5 июня в журнале «Коммунистический Интернационал» была опубликована статья Тольятти, который призывал Французскую компартию ликвидировать влияние социалистов и радикалов и разоблачал «контрреволюционную функцию» социал-демократии. В этой же статье утверждалось, что целью антифашистской борьбы является только диктатура пролетариата, а не защита демократических институтов. Следовательно, в этом постоянном движении вперед и отходе назад при выработке новой линии весьма трудно представить Французскую компартию как партию, находившуюся на буксире Коминтерна. Истина заключается в том, что и в Москве, и в Париже в один и тот же момент ставились одинаковые проблемы и им давалась равнозначная оценка. Постепенно извлекались уроки из установления нацистской диктатуры в Германии, осмысливались сектантские ошибки, совершенные немецкими коммунистами, четче представлялась подлинная природа фашизма, вернее и тоньше анализировались сущность и

боятся, как бы и их (как это уже произошло в Германии и Австрии.— *Прим. перев.*) не подвели под обух фашизма». Но лидеры ФСП несмотря на «личные перегруппировки» (то есть раскол соцпартии в конце 1933 года), которые «не меняют дела», ведут курс на «поддержку фашистских режимов». В заключение статьи Г. Зиновьев пишет: «Пусть знают они (то есть французские рабочие.— *Прим. перев.*), что подлинную борьбу революционных рабочих организует только братская компартия Франции».

В этом же духе в «Правде» от 25 мая 1934 года была опубликована статья Л. Вольнского «Тулуза», посвященная съезду Французской соцпартии в Тулузе. В заключение этой статьи автор пишет: «Враждебность к единому фронту, болтовня о «борьбе» с фашистской опасностью, сочетающаяся с грубым отказом на предложения коммунистов о совместных выступлениях,— такова линия французских социалистов, осященная тулузским съездом». — *Прим. перев.*

роль социал-демократии. Что касается Франции, то вырабатывается более реалистическая оценка соотношения политических сил в стране, которая приводит к выводу о необходимости единства действий социалистов и коммунистов. В Коминтерне два руководителя способствуют выработке линии на объединение сил в борьбе с фашизмом: Д. Мануильский (секретарь Исполкома Коминтерна.— *Прим. ред.*) и Г. Димитров (Генеральный секретарь ИККИ.— *Прим. ред.*). Оба играют важную роль в очищении политики единого фронта от старых догматических схем эпохи Г. Зиновьева *. Вошедший в начале 1934 года в Секретариат Коминтерна Г. М. Димитров был тем человеком, которого требовал новый курс. Лейпцигский процесс способствовал тому, что Димитров осознал масштабы фашистской опасности и необходимость создания в каждой стране широкой антифашистской коалиции.

В Париже Французская компартия непосредственно имеет дело с массовым движением, с рабочим классом, который активно не приемлет фашизм и стремится к единству. Партия чувствовала это стремление к единству, эту волю к борьбе. Ее заслуга в том, что в тот период она выработала ясные лозунги, конкретную программу и соответствующие формы работы. Руководство партии действовало в согласии с Коминтерном, часто координировало с ним свои действия, но инициатива принадлежала ему, и оно проявило большую смелость. Часто руководство партии шло впереди международных организаций, внутри которых сектантское течение тормозило развертывавшееся движение. Именно борьба Французской компартии стала опытным полем для нового курса Коминтерна, и инициативы ФКП полностью ему соответствовали. Менее чем через месяц после подписания «Пакта о единстве действий», 21 августа Секретариат Коминтерна, а именно Димитров и Мануильский, заявил о своем полном одобрении политики Французской компартии. Вскоре эта политика получила дальнейшее развитие. Основываясь на идее, намеченной на конференции в Иври, 10 октября Морис Торез на собрании в зале Бюлле предложил расширить союз, включив в него средние слои, то есть Партию радикалов и радикал-социалистов. Он предложил организовать «Народный фронт борьбы за хлеб, свободу и мир». Этот лозунг был обнародован 24 октября на крупном митинге

* До 1926 года Председатель ИККИ.— *Прим. ред.*

в Нанте накануне открытия съезда партии радикалов. От имени Французской коммунистической партии Морис Торез предложил социалистам и радикалам создать «Народный фронт борьбы за хлеб, за свободу и мир». Здесь впервые появляется термин «Народный фронт», которому будет уготована завидная судьба. Обращаясь к радикалам, Морис Торез подчеркнул, что в данный момент политическая альтернатива заключается не в выборе между фашизмом и социализмом, а между фашизмом и демократией. За короткий период с февраля по октябрь компартия прошла большой путь. Ее последняя инициатива не полностью соответствовала взглядам Коминтерна, который, одобрив «Пакт о единстве действий» с социалистами, колебался относительно своевременности расширения союза путем включения в него радикалов. Утром того дня, когда в Нанте состоялся митинг, Тольятти в присутствии Фрида и Готвальда от имени Коммунистического Интернационала предложил Торезу отложить выдвижение идеи о создании Народного фронта, которая считалась преждевременной. Как рассказывает Черрети, Морис Торез категорически отказался. И на этот раз Французская компартия шла по целине, и ее политика опережала эволюцию курса, которая происходила в Коминтерне.

Свидетельство Джулио Черрети

«Хочу сразу же сказать, что политика Народного фронта — детище французов. Это была выигрышная политика, смело и с большим умением осуществленная Французской компартией. Идея Народного фронта родилась в конкретных условиях борьбы французского рабочего класса против фашизма. После прихода Гитлера к власти фашистская угроза была воспринята с большой остротой. Во Франции она приобрела конкретный характер в связи с мятежом 6 февраля 1934 года. Провалившийся путч «Боевых крестов» всколыхнул не только рабочих, но и интеллигенцию, средние классы, массу тех, кто был верен демократической традиции и развитию идей Французской революции. В тот момент компартия очень хорошо почувствовала и поняла необходимость выступить как политический выразитель воли народных масс, готовых объединиться в защиту демократии и свободы. Она ясно увидела, особенно после демонстрации 9 февраля, возможность

сплотить миллионы французов на основе широкого антифашистского объединения. Морис Торез, обладавший особым чутьем на реакцию масс, сразу увидел политические возможности, которые открывало создавшееся положение. Ему мы обязаны принятием мужественного и кардинального решения порвать со схематизмом и сектантством прошлого в вопросе единого фронта с социалистами. Он хорошо знал рабочих-социалистов, их приверженность к своей партии. Он знал, что лучший способ подхода к ним — это не выдвигать обвинений против их руководителей. Подчеркивая необходимость осуществления единства снизу, в частности по месту работы, он считал, что при этом нельзя игнорировать руководство соцпартии. Морис Торез внес изменения в этом духе в директивы Коминтерна, и это явилось ключом к успеху.

Чтобы объединиться против фашизма и защитить демократию, Торез предложил расширить союз трудящихся — коммунистов и социалистов путем включения в него средних классов, что требовало привлечения партии радикалов. Эта идея была выражена в речи, произнесенной в Нанте, где был брошен призыв к созданию Народного фронта и отказу от острой полемики во имя высших интересов создания самого широкого союза. Речь вызвала значительный отклик не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Она произвела впечатление разорвавшейся политической бомбы, и эхо ее взрыва докатилось до Москвы, где идея Тореза была встречена с сомнением и вызвала замешательство. В тот самый день, когда была произнесена речь в Нанте, Коминтерн через П. Эрколи (Тольятти), который находился тогда в Париже, попросил Мориса Тореза отказаться от обращения к радикалам.

Утром 24 октября я был у Мориса Тореза, когда Жак Дюкло прибыл с неожиданной делегацией Коминтерна: Эрколи, Клеман (Фрид) и К. Готвальд. Морис попросил меня присутствовать при разговоре, оказавшемся очень кратким. Эрколи сообщил, что Секретариат Коминтерна ознакомился с успехами, достигнутыми Французской компартией в проведении ею политики создания единого фронта. Что касается предложения о союзе с радикалами, то Коминтерн рекомендует повременить с этой инициативой. С одной стороны, политика, проводимая радикальной партией, неясна и противоречива, так же как и позиции Даладье и Эррио. Следовало бы подождать, пока обстановка прояснится и позиции радикалов определятся.

С другой стороны, в этом тройном союзе социалисты используют влияние радикалов для того, чтобы свести компартию до уровня второстепенной силы. Для того, чтобы избежать этого, следует подождать до тех пор, когда развернется и станет более мощным массовое движение. Ответ Мориса Тореза был краток и довольно сух: «Уже поздно, — сказал он. — Сегодня вечером в Нанте на съезде радикал-социалистической партии я выдвину лозунг Народного фронта. Речь написана, и Политбюро ее утвердило. Я не вычеркну из нее ни одного слова».

Клеман промолчал, Эрколи не сделал ни одного замечания. Три представителя Коминтерна попрощались. Все выглядело так, как будто они не были убеждены в обоснованности своих действий. Несомненно, Клеман одобрял Мориса.

Необъективные историки считают, что смогут оспорить заслуги Мориса Тореза, приписав идею Народного фронта Эжену Фриду — советнику Коминтерна при Французской компартии. Действительно, по большинству проблем между Фридом и Торезом существовало единое мнение. Эти два человека, которых связывала взаимная симпатия, имели привычку проводить тщательный сравнительный анализ. Как одному, так и другому было ясно, что обстановка созрела для расширения союза между коммунистами и социалистами на основе привлечения средних слоев к антифашистской коалиции. У Мориса Тореза было преимущество перед Фридом — он лучше знал массы и их реакцию, настроение французов. Но Фрид был представителем Коминтерна, поэтому он продолжал выступать за единство снизу, против любого соглашения с руководством. После речи Мориса в Нанте Эрколи в своих письмах из Парижа к Мануильскому продолжает рассматривать как оппортунистическую попытку осуществить соглашение в верхах и осуждает действия Французской компартии в этом направлении. Партия радикалов, которой на местах руководили именитые граждане (так называемые нотабли), не имела там постоянных организаций. Любое политическое соглашение неизбежно решалось руководством. Вот почему идея столь необычная для того времени — распространить соглашение на радикалов — могла созреть только в голове Тореза, французского политического деятеля, который с февраля 1934 года с редкой энергией боролся за осуществление «единого фронта любой ценой».

И кроме Мориса Тореза, руководителя решительного

и уверенного в себе, никто другой не мог бы позволить себе не прислушаться к рекомендациям Секретариата Коминтерна. Его позиция свидетельствовала, что политика Народного фронта была результатом глубокого анализа, который привел к убеждению, что она была единственно возможным средством, способным дать новый толчок мобилизации масс. Великая победа 1936 года подтвердила, что эта позиция была правильной».

«Французская секция Коммунистического Интернационала»

Обращение Тольятти к Торезу утром 24 октября в Нанте вызывает необходимость рассмотреть два вопроса: о связях и характере взаимоотношений между Коминтерном и Французской компартией и о роли, которую играл Фрид при Торезе.

С момента рождения Французская коммунистическая партия отвечала своему названию — «ФСКИ». Действительно, она была французской секцией Коммунистического Интернационала. Эта принадлежность часто давала возможность изображать в карикатурном виде связи и взаимоотношения, существовавшие между Коминтерном и Французской компартией. Даже во времена, когда Зиновьев руководил Коминтерном почти по-военному, эти взаимоотношения не были взаимоотношениями полного подчинения. К тому же в ФКП в это время имелись различные течения, и ее раздирала внутренняя, подчас весьма острая борьба, в ходе которой сталкивались различные концепции, рожденные внутри компартии. Эта борьба не затрагивала проблему одобрения или неодобрения политических действий Коминтерна. Хотя внутри самого Коминтерна находила отражение борьба, которая шла в партии большевиков.

Коммунистический Интернационал сыграл решающую роль в рождении Французской коммунистической партии. Он вел ее на первых порах, помогая становлению в качестве партии классовой борьбы, в качестве революционной партии. В 20-е годы Коминтерн был ценным советчиком. В 30-е годы он сосредоточивает свою деятельность на борьбе против фашизма и войны. Национальные партии выросли и приобрели влияние внутри Коминтерна, который стал в большей мере местом обмена опытом и

совместной выработки основных направлений стратегии, чем директивным органом. Коминтерн пользовался большим авторитетом у членов ФКП. Он был окружен ореолом победы Октября. Он вселял в своих членов дух революционной солидарности и интернационализма. Он создавал возможность для осмысления борьбы за социализм во всем мире.

Взаимоотношения между Коммунистическим Интернационалом и национальными коммунистическими партиями осуществлялись двояким образом: делегаты Коминтерна находились при центральных комитетах партий, и постоянные представители этих партий были при исполнительных органах Коминтерна. Кроме того, периодически проводились встречи по отдельным вопросам руководителей партии с членами исполнительных органов Коминтерна.

Коминтерн в мировом масштабе определял стратегию борьбы против империализма, объединения революционных сил. Политика, которую следовало проводить во Франции, определялась ФКП на основе французских реалий. Но эта политика увязывалась с мировой стратегией, которой Французская компартия следовала, будучи членом Коминтерна.

В начале 30-х годов в руководстве Коминтерна французскими проблемами занимались три руководителя, хорошо знавшие страну. Они в ней жили, прекрасно говорили по-французски и знали французскую культуру. Это были Д. Мануильский, С. Лозовский и болгарский коммунист Г. Степанов.

В январе 1931 года, встревоженные сокращением численности Французской компартии, падением ее влияния среди избирателей и теми кризисами, которые она с трудом преодолевала, именно они направили в Париж группу во главе с Эженом Фридом. Как и Морис Торез, он был ровесником века. Человек высокой культуры, говоривший на пяти или шести языках, Фрид был выходцем из Словакии и принадлежал к венгерскому меньшинству. В 1928—1929 годах он был членом Политбюро Компартии Чехословакии вместе с К. Готвальдом и Р. Сланским*. В начале 1930 года его направили в руководство Комин-

* Сланский Рудольф (1901—1952) — член КПЧ с 1921 года, с 1929 года член ЦК КПЧ. В 1945—1951 годах — Генеральный секретарь КПЧ. Был незаконно репрессирован; посмертно реабилитирован.—
Прим. ред.

терна, который в июле 1931 года послал его во Францию. Вместе с ним поехали Эрнест Гере, Анна Паукер и Жорж Каган.

После второй мировой войны Э. Гере станет министром народной Венгрии, а Анна Паукер — министром социалистической Румынии, Каган, молодой польский интеллектуал, порвет с Коминтерном в 1935 году. Анна Паукер в 1935 году вернется в Румынию, где ее арестуют и приговорят к 10 годам тюремного заключения. Осенью 1939 года в результате демарша Советского Союза ее освободят, и она вновь станет работать в руководстве Коминтера в Москве.

Таким образом, Фрид прибыл в Париж вместе со своими товарищами в июле 1931 года. Его задача заключалась в том, чтобы информировать Коминтерн о политической и идеологической работе ФКП и ее проблемах. Он также должен был помочь Французской компартии применить к условиям Франции основные политические установки Коминтерна. Означало ли это, как считают некоторые историки, что «Фрид в буквальном смысле опекал Французскую компартию, у которой не оставалось ни малейшей возможности для инициативы»? Эта упрощенная точка зрения не соответствовала ни реальным отношениям Французской компартии с Коминтерном, ни взаимоотношениям, которые сложились между Фридом и руководством компартии. Эта точка зрения преследует цель придать псевдоисторическое и псевдонаучное звучание «тезису»: «ФКП послушна указаниям Москвы». Она не пытается понять суть системы отношений между Французской компартией и Коминтерном, в основе которых лежало единство идеологии и идентичность мнений по основным вопросам. Важнейшие оценки Коминтерна по вопросам борьбы против империализма, созданию Народного фронта, кризиса в капиталистических странах целиком и полностью разделялись французскими коммунистами. Принадлежность к Коминтерну позволила Французской компартии использовать такой политический и идеологический опыт, который она одна никогда бы не могла приобрести. Она давала партии вес, который был несоизмерим с ее численностью (39 тыс. членов в 1931 году). Однако политические решения принимались руководством Французской компартии, и только им. И хотя случалось, что рекомендации Коминтерна довлели над ними, руководство Компартии часто оказывалось в такой ситуации,

которая требовала принятия самостоятельных решений независимо от постановлений Коминтерна, который не давал решений на все случаи жизни. История 30-х годов показывает, что в сложной системе взаимоотношений инициатива в политической области часто исходила от Французской компартии, действия которой иногда критиковались, но затем одобрялись Коминтерном.

Сам Фрид не был тем человеком, который отдавал приказы. Он в гораздо большей степени вносил свой вклад в анализ деятельности ФКП, чем служил передатчиком директив. Группа Коминтерна в Париже имела собственные задачи: обеспечивала выход французского издания «Интернациональной корреспонденции»*, передавая журналу статьи и материалы. Она знакомила руководство Коминтерна со своими оценками по вопросам политики, экономики и социальной жизни Франции.

Эти «интернациональные» деятели находились на нелегальном положении и действовали автономно. Они располагали законспирированным аппаратом технической связи с Коминтерном, который был совершенно независимым от ФКП. Это было отделение международной связи (ОМС). Его отношения с Французской компартией были очень ограниченными. Фрид только в исключительных случаях принимал участие в заседаниях Политбюро. Чтобы быть в курсе дела, он присутствовал и на пленумах ЦК, но не выступал на них. Иногда он тайком ходил на собрания в рабочие кварталы Парижского района и Севера с целью получить информацию и лучше понять обстановку в ФКП.

* *Интернациональная корреспонденция («Инпрекорр»)* — информационный бюллетень Коммунистического Интернационала, выходивший в 1920—30-е годы на нескольких иностранных языках, на русском языке не издавался. Информировал трудящихся западных стран Европы и Америки о классовых боях пролетариата, международных отношениях, экономическом и культурном развитии различных стран мира. Особое внимание в «Инпрекорре» уделялось рабочему движению и его авангарду — коммунистическим партиям — в борьбе против оппортунизма, за единый рабочий фронт. Первоначально «Инпрекорр» издавался в Берлине, а после прихода к власти Гитлера редакция бюллетеня вынуждена была переехать в Швейцарию, где продолжала работу полулегально. В 1935 году редакция переехала в Париж. Там центральная редакция бюллетеня опиралась в своей деятельности на поддержку газеты французских коммунистов «Юманите» и сотрудников информационного бюллетеня, выходившего на французском языке. С началом второй мировой войны издание информационного бюллетеня было прекращено. — *Прим. перев.*

В основном его помощь Французской компартии сказывалась в ходе прямых контактов с Морисом Торезом. Дружеские связи и взаимная симпатия, которые очень быстро возникли между ними, привели некоторых историков, которые излагают историю согласно своим фантазиям, к тому, что они представляют Фрида подлинным инициатором самостоятельных политических действий Французской компартии в 30-х годах. Он якобы был тем суфлером, по подсказке которого действовал на политической арене Морис Торез.

Какова же была роль Фрида при Торезе? Мы спросили об этом у Черрети и Раметта.

Свидетельство Джулио Черрети о роли Клемана

«Во Франции вот уже четверть века официальные историки высказывают немало предположений о роли, которую играл при Торезе Эжен Фрид, в свое время более известный среди партийных кадров ФКП под двумя псевдонимами: Клеман или Большой. Я не хочу обращаться к анекдотам в стиле «одна гражданка говорила», которые питают концепции таких авторов, как Робрие. Я хочу рассказать, что знаю о подлинной роли Клемана в то время и, в частности, ответить на вопросы: приехал ли он в Париж, чтобы навязать Французской компартии новую стратегию и поставить на различных уровнях новых руководителей, а также «прибрать к рукам» Мориса Тореза и Жака Дюкло?

Первое. Когда Клеман прибыл в Париж в 1931 году, Морис Торез уже сумел объединить вокруг себя первоклассную способную группу, включавшую таких опытных профсоюзных работников, как А. Мидоль, Г. Монмуссо, Б. Фрашон, А. Гурдо, таких талантливых журналистов, руководивших «Юманите», как Марсель Кашен, Поль Вайян-Кутюрье, Габриель Пери. Его заместителем был Жак Дюкло. Он сумел привлечь на свою сторону Пьера Семара — крупного руководителя, ставшего жертвой клана Барбе — Селора *. Следовательно, Клеман абсолютно не

* *Клан Барбе — Селора* — антипартийная группа, захватившая руководство в ФКП после июня 1929 года. Группа сектантски отвергала политику единого фронта, отказалась от защиты жизненных интересов рабочих, стремилась навязать компартии анархо-синдикалистское поло-

имел отношения к этим правильным действиям Тореза.

Второе. В этот момент почти во всех федерациях проходило широкое выдвижение новых кадров, часто очень молодых, которые не были замешаны ни в интригах аристократа Трэна *, ни группы Барбе — Селора. Они с энтузиазмом откликнулись на политическую кампанию, которую вел в «Юманите» Морис Торез на тему «Пусть откроются рты» и «В партии не нужны манекены». В партии повеяло животворным свежим ветром. Федерации, секции и низовые парторганизации овладевали этими лозунгами. Съезд компартии в Белльвиллуазе в 1932 году одобрил политику Тореза.

Третье. Клеман прибыл в Париж, не имея в своем багаже новой политики для Французской коммунистической партии. Наоборот, он сразу понял, что, прежде чем высказать французским руководителям свое мнение и предлагать соответствующие меры, ему нужно ознакомиться с обстановкой на месте, хорошо изучить структуру Компартии, проверить прочность ее связей с массами, особенно в Парижском районе и на Севере. Впоследствии Клеман неоднократно говорил мне, что, прибыв во Францию, был приятно удивлен, обнаружив, что после пережитых кризисов Компартия на подъеме и что Морис Торез имеет прочный политический авторитет, пользуется доверием основных руководителей, популярен в партии и среди рабочих. В этот момент Клеман был почти готов задать себе вопрос, хорошо ли была информирована Москва, так поспешно отправляя его в Париж с делегацией Коминтерна. Действительно, в первые месяцы пребывания во Франции Клеман занимался тем, что обеспечивал выход французского издания «Интернациональной корреспонденции», встречался с большим количеством ответственных товарищей для получения информации,

жение о всеобщей стачке как главном методе захвата власти, игнорировала задачи борьбы против военной опасности. В организационных вопросах группа извращала ленинский принцип демократического централизма и коллегальности руководства, насаждала фракционный режим. После укрепления руководства Французской компартии в ней с июня 1930 года развернулась активная борьба, завершившаяся разгромом и ликвидацией группы в августе 1931 года.— *Прим. перев.*

* Трэн, Альберт — бывший член руководства ФКП. В 1923 году был избран секретарем ЦК ФКП. Выведен из руководства на V съезде ФКП в июне 1926 года. Впоследствии был исключен из рядов компартии за сектантскую позицию по отношению к рабочим-социалистам и стал ее открытым врагом. Отличался высокомерием.— *Прим. перев.*

изучал французскую реальность. Но ничто в его деятельности не давало повода думать, что он приехал во Францию, чтобы все и вся революционизировать и всех в партии поучать.

Я работал с Клеманом с августа 1936 по 1940 год и неоднократно беседовал с ним о его роли, особенно во время вечеров в Антверпене зимой 1939/40 года, проходивших в атмосфере сердечности и доверия, они нас сближали. Он часто вспоминал об этом важном периоде продвижения к Народному фронту. В этих разговорах, всегда эмоциональных, меня поражали его постоянные утверждения, что в течение этих лет он прошел жизненную школу у французского пролетариата и многому научился. Он видел качества крупного руководителя, которыми обладал Морис Торез, поражался его способности улавливать настроение масс.

«Я с самого начала почувствовал в нем,— говорил он,— мощь крупного трибуна, который не мог упустить случая, предоставленного ему историей». Доклад Тореза на съезде в Виллербанне в январе 1936 года подтвердил Клеману политическую роль Тореза в национальном масштабе и его хватку государственного деятеля. Он искренне восхищался этим докладом, придавшим политике компартии новый размах, и считал его политическим шедевром Мориса.

Что касается их сотрудничества, то Клеман старался быть чем-то вроде профессора по политическим наукам и в этом качестве, несомненно, способствовал формированию Тореза как Генерального секретаря компартии. Он передавал ему свою большую культуру и значительный опыт.

Он помогал ему становиться уверенным в себе руководителем, способным на смелые политические действия. Он неоднократно говорил мне, что очень сожалел, когда по требованию «Дома», откуда регулярно поступали предупреждения о необходимости соблюдения осторожности, был вынужден тормозить некоторые инициативы. Он неприязненно относился к Эрколи за его критику политики Французской компартии и за то влияние, которое он оказывал на Мануильского в вопросе единого фронта, который он рассматривал с узких позиций, только как стремление к созданию единства снизу, и исключал любое сближение с соцпартией. Только потому что Клеман отверг этот подход, Французская компартия смогла добиться

ся таких блестящих успехов весной 1936 года. Клеман видел отличие этих двух концепций, которое свидетельствовало о различии между руководителями, связанными с массами и составлявшими единое целое с народом, и теми, кто в больших кабинетах в Ростокине * определял на бумаге пределы возможного для Народного фронта.

Посланец Коминтерна не подавил молодого французского революционера, это было особое сотрудничество двух людей, в котором каждый многому научился у другого».

Свидетельствует Артюр Раметт: «Великий Клеман»

«Эжен Фрид вошел в мою жизнь партийного работника незаметно, почти тайно, что полностью было в его стиле. Это случилось осенью 1931 года, а приехал он во Францию летом. Многие шахты департаментов Нор и Па-де-Кале бастовали. Мы были свидетелями активизации шахтеров, которых в течение ряда лет убаюкивали политикой классового сотрудничества, проводившейся руководителями ВКТ во главе с Л. Жуо.

Я участвовал в собрании шахтеров-коммунистов в г. Дуэ в заднем зале кафе на улице Беллан. Во время моего выступления в зал вошел и сел в его глубине высокий, хорошо одетый мужчина со шляпой. Весь его облик отличали достаток и даже некоторая элегантность.

Его появление и внешний вид меня взволновали. Кто это — шпик, полицейский комиссар? Я не мог найти ответа, ибо его поведение ничем не напоминало поведение полицейского.

В этот момент один из товарищей дернул меня за рукав и сказал: «Слушай, Артюр, там сидит парень из «Центра», который хочет представить тебя ответственному товарищу». Так я познакомился с тем, кого мы впоследствии любовно называли «Большой Клеман». Я неоднократно видел его в последующие дни на большинстве собраний, которые я проводил во время этих забастовок. Он сказал мне, что для него важно хорошо познакомиться с низовыми партийными организациями, с рабочи-

* *Ростокино* — бывшая окраина Москвы, где ныне находится ВДНХ. В 30—40-х годах там находился Коминтерн. В настоящее время в этом здании размещается ИМЛ при ЦК КПСС.— *Прим. перев.*

ми, узнать их настроения, то, как они понимают нашу политику. Вот почему он приходил на эти собрания, на которых молчал, лишь иногда делая какие-то заметки.

Я сообщал участникам собраний о присутствии товарища из «Центра» с тем, чтобы он не вызывал у них подозрений.

В последующие недели и месяцы я часто видел его, особенно во время забастовок, которые проходили на текстильных предприятиях Лилля, Рубе, Туркуэна, Аллюэне. Причиной этих забастовок стало использование закона о социальном обеспечении. Расходы по нему предусматривались за счет взносов хозяев и вычетов из зарплаты, что привело к резкому сокращению покупательной способности рабочих текстильных предприятий. Бастующие требовали повышения зарплаты, и без того находившейся на чрезвычайно низком уровне, хотя бы на сумму, равную размеру взносов рабочих.

Во время этих забастовок на зловонной, с невообразимыми трущобами улице Лонг-Э (Длинная загородка) в Рубе были построены баррикады. В течение двух дней трудящиеся боролись с отрядами мобильной гвардии*. Вместе с Бенуа Фрашоном, тогда секретарем партии, мы созвали собрание ответственных за секции района, чтобы организовать движение в поддержку бастующих. Большой Клеман присутствовал на нем.

На следующий день рано утром полицейские нагрянули ко мне домой с обыском и арестовали по избитому обвинению в подстрекательстве к убийству и мятежу на основании зверских законов 1884 и 1894 годов, направленных против анархистов. Я был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения.

Именно в этот первый период я хорошо узнал и оценил Большого Клемана как одного из замечательных активистов, с которыми мне довелось вести совместную борьбу. Во время этой же забастовки текстильщиков я познакомился с Анной Паукер, которая провела много месяцев на Севере. Мы звали ее Мариной. Она была подругой Клемана, и у них была дочка, маленькая Маринка. После окончаний забастовок Анна Паукер вернулась на родину.

* *Мобильная гвардия* — особый вид вооруженных сил Франции во второй половине XIX века. Впервые была создана в 1848 году для борьбы против революционных выступлений масс. Впоследствии была реорганизована и существовала в качестве резервных частей армии.— *Прим. перев.*

В 50-е годы она стала жертвой процессов и умерла в одиночестве. Сегодня о ней забыли, в том числе и у нее на родине. Я сохранил о ней воспоминания как о выдающемся работнике, который делает честь Коминтерну.

Вновь я встретился с Большим Клеманом примерно через два года, отсидев в тюрьме Дуэ. Но в 1932 году я был избран депутатом от Дуэ и после голосования в палате депутатов освобожден из тюрьмы с тем, чтобы выполнять свои депутатские обязанности.

Именно в последующий период я в полной мере оценил Клемана как политического деятеля, а также его умение работать в подполье. Он редко назначал мне встречи, но всегда находил возможность установить со мной контакт в тот момент и в том месте, которые выбирал сам. Он знал мой обычный маршрут и появлялся неожиданно, не посылая записок и не прибегая к помощи посредников. Он рассматривал Север,— район с сильной социал-демократией, пользовавшейся солидным влиянием среди рабочих,— как экспериментальное поле для нашей политики единого фронта. Вот почему он внимательно следил за моей работой в этом районе, стремясь определить степень воздействия этой политики и на компартию и рабочий класс. Он прилежно посещал мои собрания, исчезая после каждого из них в темноте.

Когда Ж. Дорио, бывший в тот момент депутатом парламента и членом нашей группы, стал предателем, у Большого Клемана вызвали беспокойство настроения наших парламентариев. Однажды утром, около 8.45, я вдруг увидел его у станции метро «Палата депутатов» на набережной, спокойно ожидающим меня. Он подошел и поделился своими опасениями. Я успокоил его, доказав ему на фактах, что Дорио не пользовался поддержкой нашей группы.

Тогда он начал расспрашивать о моей парламентской деятельности и особенно о взаимоотношениях с депутатами от других партий. Я объяснил ему, что очень осторожен и подозрителен в отношении этих депутатов, с которыми старался иметь минимальные контакты и не вступать в разговоры. Он считал моей ошибкой то, что я не поддерживаю политических отношений. «Мы тебе доверяем, знаем твою скромность, твое чувство политической ответственности, и ты должен облегчить себе работу и завоевать авторитет, поддерживая отношения с другими депутатами с тем, чтобы знать их настроения и полу-

чать от них информацию». В последующем я учел эти советы и хорошо использовал их в интересах партии. Думаю, что имею основания сказать, что он высоко ценил меня.

Вновь я встретился с ним в Брюсселе в октябре 1939 г. По его просьбе я стал сотрудником издававшейся им газеты «Монд». Под различными псевдонимами я писал статьи о политическом и социальном положении Франции. В Брюсселе моя основная задача заключалась в том, чтобы оказывать максимальную политическую помощь нашим товарищам — арестованным и обвиненным депутатам. Я внимательно следил за следствием и ходом процесса, в частности с помощью мужественного бельгийского коммуниста, адвоката Жана Фонтейна. Я регулярно информировал Клемана о процессе, а также о положении рабочих во Франции, общественном мнении, деятельности партии.

Я всегда знал Клемана как человека исключительно деликатного во взаимоотношениях с теми, с кем он работал. Он остался таким же в эти трудные месяцы в Брюсселе, расспрашивая о наших семьях, трудностях, проблемах. Он делал все, чтобы сделать нашу жизнь менее тяжелой, в то время как сам в течение многих лет вел жизнь профессионального революционера, находившегося на нелегальном положении, за которым охотилась полиция многих стран.

Именно он в мае 1940 года организовал мой отъезд в Москву. Тогда я в последний раз видел его. Наше прощание стало последним. Он сыграл в жизни нашей партии чрезвычайно важную роль, весьма далекую от той карикатуры, которую иногда изображают официальные историки.

Будучи представителем Коминтерна, Клеман был не из числа тех, кто командует, к тому же он и не был послан для этого. Он делился своим анализом, своими размышлениями и просил, чтобы по ним высказывались. Он собирал информацию, делал предложения, был генератором идей. Огромная его заслуга заключалась в том, что для Мориса Тореза он стал не только советчиком, но и подлинным боевым соратником. В 1932—1934 годах Морис часто говорил мне, что сотрудничество было ежедневным. Большой Клеман обладал обширными теоретическими и литературными знаниями и руководил чтением и самообразованием Тореза, он сумел передать их

ему. И ученик, обладавший выдающимися способностями, легко достиг уровня своего учителя.

Они были созданы для того, чтобы понимать друг друга. Морис Торез олицетворял французский рабочий класс и народный патриотизм. Клеман страдал от того, что был оторван от родины.

Между ними установилось полное единство взглядов по национальным проблемам. И тот и другой быстро поняли необходимость учета национальных особенностей при выработке нашей политики, необходимость своего пути к социализму. Эта идея уже присутствовала, хотя и не облеченная в соответствующие формы, в материалах наших съездов в Виллербанне и Арле*. Морис был буквально захвачен историей нашей страны, нашим национальным прошлым, изучению которого он посвящал много времени. Очень быстро он сумел добиться того, что компартия избавилась от некоего национального нигилизма, который превалировал в 20-е годы, заявив, что коммунисты должны стать преемниками прогрессивных традиций французского народа, национальных ценностей. Он был предан этой идее. Этот новый аспект в политике партии был личным вкладом Мориса. Клеман восхищался тем, как просто, четко и популярно Морис Торез разговаривал с трудящимися, когда речь шла о защите национальных ценностей, носителем которых был народ. Клеман всемерно поощрял Мориса идти по этому пути. Они оба мыслили одинаково, Клеман тоже был новатором. Он не ждал, когда Коминтерн выскажется по тому или иному вопросу, чтобы изложить свое мнение. Во многих случаях он поощрял Мориса идти впереди Коминтерна. Так было в вопросе о Народном фронте, так же обстояло дело с возможным участием коммунистов в правительстве Народного фронта. VII конгресс Коминтерна вынес этот вопрос на обсуждение в августе 1935 года, но счел возможным только ограничиться поддержкой этой идеи.

* Съезды ФКП в Виллербанне и Арле — VIII съезд (22—25 января 1936 года) и IX съезд (25—29 декабря 1937 года). На VIII съезде ФКП был дан развернутый анализ положения во Франции и выдвинута линия борьбы за независимую Францию, против угрозы фашизма и войны, в защиту демократических свобод и ограничение всевластия монополий.

IX съезд ФКП подвел первые итоги деятельности Народного фронта, наметил меры по его расширению, проанализировал международное значение опыта ФКП по созданию широкой антифашистской коалиции. — *Прим. перев.*

Г. Димитров проявил большую гибкость, пытаясь оставить открытой дверь для участия коммунистов в таком правительстве. Он заявил, что никаких готовых рецептов заранее дать нельзя и что вопросы такого рода будут решаться в каждом конкретном случае. Два месяца спустя в Париже Морис Торез объявил, что «коммунисты готовы взять на себя ответственность в правительстве Народного фронта», и добавил, что «французские коммунисты должны шевелить мозгами», чтобы найти решение новым проблемам. В вопросе об участии в правительстве он не получил поддержки. Сначала Морис выдвинул эту идею и, чтоб способствовать ее вызреванию, пустил несколько пробных шаров. Он натолкнулся на сдержанное отношение Коминтерна и большинства членов Политбюро. Необходимо сказать, что партия в эти годы — 1932—1934 — шла вперед гигантскими шагами. Но, может быть, было еще слишком рано для того, чтобы она могла принять идею участия в правительстве. По сути, в этом предложении речь шла об отношении к демократии и социализму, рассматриваемым как постоянное творчество, о французском пути к социализму. Это было становлением нашей политики, которая получила свое развитие в период Освобождения. Клеман толкал нас на этот путь. Какая же часть новых идей принадлежала Торезу, а какая Фриду? На мой взгляд, этот вопрос не имеет смысла: они шли в ногу и поддерживали друг друга. Это тесное сотрудничество и единство взглядов были плодотворными для каждого. Те, кто хочет преуменьшить роль Мориса Тореза, пытаются без каких-либо оснований приписать Клеману все заслуги в усилении партии. Я считаю бесспорным, что в этот период, как и позднее в годы Освобождения, личный вклад Мориса Тореза был основным. Представлять Клемана как суфлера, а Мориса как актера, действующего по его подсказке, — значит распространять басни. Правда заключается в том, что для Мориса единомыслие с Клеманом служило подтверждением правоты его действий. Оно стимулировало его творческое мышление. Вместе с тем это не преуменьшает заслуг Клемана. Он был не только представителем Коминтерна, он сроднился с французскими коммунистами. Его задачи и функции вынуждали его сохранять полное инкогнито, поэтому, будучи руководителем, он не был известен массам. Я хочу, чтобы его роль была полностью восстановлена. Коминтерн сыграл важную роль в жизни нашей партии, и такой его

активист, как Фрид, должен занять подобающее ему место в нашей истории».

«Под давлением масс»

На предложение Мориса Тореза присоединиться к коммунистам и социалистам с тем, чтобы создать Народный фронт, радикалы ответили не сразу. Съезд в Нанте отклонил его, но с некоторыми нюансами и испытывал определенные трудности. По правде говоря, это новое и неожиданное предложение поставило радикалов в трудное положение. Народный фронт действительно означал решительный разрыв с традиционной концепцией «левого блока» *, которая ставила рабочий класс на буксир буржуазии. Он не являлся избирательной коалицией на период кампании или деятельности в парламенте. Народный фронт создавал базу для политических изменений с помощью активной борьбы трудящихся. Решающей силой фронта стал рабочий класс, борьба которого должна была оказать влияние на средние слои и привлечь их к осуществлению совместной программы, содержавшей неотложные требования. Речь шла не о том, чтобы продолжать политику «Национального союза» ** за счет интересов народа, не о попытке начать строительство социализма. По словам Тореза, цель заключалась в том, чтобы «прежде всего выработать перечень неотложных задач народных масс» и объединить трудящееся крестьянство и средние городские слои вокруг рабочего класса, чтобы добиться удовлетворения их жизненных требований. Выступая с этой инициативой, компартия перед лицом фашистской угрозы стремилась выработать «политику,

* «Левый блок» (левый картель) — объединение для ведения предвыборной и парламентской борьбы Партии радикал-социалистов, Социалистической партии и республиканских социалистов, существовавшее в 1924—1926 годах и в начале 30-х годов. На парламентских выборах 1924 и 1932 годов «левый картель» получил большинство, в результате чего к власти во Франции приходили правительства левых. — *Прим. перев.*

** «Национальное единение» («Национальный союз») — парламентское большинство, в состав которого входили депутаты от крайне правых до радикалов и опиравшееся на социалистов. Сложилось при Пуанкаре в 1926 году, использовалось в 1934 году Думергом. Внутри страны проводило антинародный курс, стремилось возложить на трудящихся тяжесть кризиса и бремя расходов на перевооружение. На международной арене вело националистическую и шовинистическую линию. — *Прим. перев.*

способную восстановить значение понятия „демократия путем ее трансформации“».

Руководители радикалов оказались в сложном положении. Отрезанные от правых, стоявших на авторитарных и фашиствующих позициях, испытывая беспокойство относительно реформы конституции, задуманной Думергом, который мечтал об установлении президентского режима, в случае отказа от союза с коммунистами и социалистами радикалы обрекали себя на изоляцию. Их избиратели все больше отвергали политику национального единства, которая была столь дорога Эррио и которая являлась лишь прикрытием правой политики. В радикальной партии «младотурки» * Пьер Кот и Жан Зей приобретали все больший вес и толкали партию к заключению альянса с левыми.

Со своей стороны руководители социалистов также не спешили обогнать радикалов, приняв предложение о создании народного фронта. Они считали, что программа компартии неприемлема из-за отсутствия требования о проведении национализации. Два фактора способствовали изменению ситуации: усиление борьбы народных масс за экономические требования и муниципальные выборы, состоявшиеся в мае 1935 года.

Окончательно порвав на муниципальных выборах 5 и 12 мая 1935 года с тактикой «класс против класса», компартия приняла решение о снятии во втором туре своих кандидатов и передаче без каких-либо условий своих голосов социалистам в случае, если они получают лучшие шансы на избрание, или радикалам, занявшим антифашистские позиции. Эти выборы увенчались успехом. Коммунисты вдвое увеличили количество своих мандатов. Число возглавлявшихся ими муниципалитетов, возросло с 9 до 26 в департаменте Сены и с 6 до 29 в департаменте Сены-и-Уазы. Социалисты сохранили свои позиции. Радикалы сохранили свои позиции в тех округах, где согласились заключить союз с левыми, и понесли значительные потери там, где заключили соглашение с правыми силами. Из этого они быстро извлекли уроки.

Вопреки глубокой враждебности Эдуарда Эррио любым формам объединения, в котором участвовали бы коммунисты, радикалы все больше тяготели к альянсу левых

* Европейское название членов турецкой буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс», основанной в 1884 году и возглавлявшей борьбу против феодального абсолютизма.— *Прим. ред.*

сил. Условия для объединения народных масс были созданы тем, что одно из последних препятствий во внутриполитическом плане было снято. 2 мая 1935 года в Париже был подписан договор о взаимной помощи Советского Союза и Франции, явившийся ответом на отказ Гитлера от военных статей Версальского договора. В заключительном коммюнике о переговорах указывалось: «Г-н Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности»¹. Этот договор способствовал эволюции компартии, начатой в предыдущем году на конференции в Иври, посвященной вопросу об ее ответственности за судьбы родины. В равной мере он способствовал сближению левых партий, сняв препятствие, которое до этого момента представляла позиция компартии в отношении национальной обороны. Собравшийся 12 июня в Мюлузе съезд социалистов высказался за создание «широкого народного движения». 14 июня ВКТ начала переговоры с УВКТ по вопросу о единстве. 17 июня был создан Комитет народного объединения под председательством Виктора Баша, являвшегося председателем Лиги прав человека. Был обнародован призыв превратить празднование 14 июля 1935 года в «самое широкое объединение всех сил, решивших защищать свободу». 28 июня этот комитет провел в зале Мютюалите * заседание с участием представителей левых организаций. Впервые на заседании присутствует радикал Эдуард Даладье. Он сидит рядом с Леоном Блюмом и Морисом Торезом. Это — официальное рождение Народного фронта. 14 июля утром 10 тысяч представителей партии и организаций, вошедших в Народный фронт, стекаются на стадион Буффало **. Руководители каждой организации в своих выступлениях приветствуют этот исторический день. По мнению Андре Шамсона, именно речь Жака Дюкло явилась «искрой, породившей столь редкий момент единодушия». Действительно, когда

¹ Документы внешней политики СССР, т. XVIII, М., 1973, с. 337.

* Зал Мютюалите — зал, расположенный в одном из районов Парижа (на левом берегу Сены), в котором проходят различные массовые мероприятия. — Прим. перев.

** Стадион Буффало — стадион в одном из пригородов Парижа, на котором левые силы неоднократно проводили свои мероприятия. — Прим. перев.

представитель компартии закончил свою речь словами: «Мы видим в трехцветном знамени символ битв прошлого и в нашем красном знамени символ будущих битв и побед. Вперед, народ Франции! Фашизм не пройдет!», стадион разразился овацией. Все присутствовавшие, подняв сжатые кулаки, запели «Марсельезу», а затем «Интернационал». Во второй половине дня 500 тысяч человек в праздничной атмосфере прошли от площади Бастилии до Венсенского леса. Во главе демонстрации, взявшись за руки, шли Морис Торез, Бенуа Фрашон, Виктор Баш, Поль Фор, Поль Риве, Марсель Кашен, Жак Дюкло, Леон Блюм, Эдуард Даладье, Жан Зей, Поль Ланжевен, Пьер Кот и Андре Марти. На следующий день Вайян-Кутюрье писал в «Юманите»: «Это было нечто подобное празднованию первой годовщины взятия Бастилии».

VII конгресс Коммунистического Интернационала: свидетельство Артюра Раметта

Через несколько дней, 25 июля 1935 года в Москве открылся VII конгресс Коммунистического Интернационала. Это был конгресс борьбы против фашизма, конгресс утверждения стратегии Народного фронта. Он остался в памяти Артюра Раметта, бывшего членом французской делегации.

«Я выехал в Москву 14 июля вместе с Люсьеном Мидолем и двумя машинистками, которые должны были работать в секретариате французской делегации. В то время на путешествие до советской столицы уходило трое суток в поезде. Мы прибыли задолго до начала конгресса, ибо его открытие было отодвинуто на несколько дней. Вероятно, Димитров принял это решение, чтобы дать возможность прибыть всей нашей делегации, часть которой задержалась в Париже из-за грандиозной демонстрации единства 14 июля. Членами французской делегации были Морис Торез, Жак Дюкло, Марсель Кашен, Андре Марти, Феликс Кадрас, Люсьен Мидоль и я. В дни, предшествовавшие прибытию моих товарищей, у меня была встреча с Димитровым и Мануильским, которые в Коминтерне курировали деятельность компартий Западной Европы. И тот и другой пользовались большим авторитетом в международном коммунистическом движении. Димитров приобрел мировую известность своим беспощад-

ным обвинением гитлеровского режима. Я был поражен его знанием проблем нашей страны. Оба они держались очень просто, умели слушать и вызывать на дискуссию. Отношения с ними были прямыми, сердечными и братскими. В течение всего конгресса я неоднократно беседовал с Мануильским.

25 июля конгресс, продолжавшийся целый месяц, открылся докладом Вильгельма Пика о работе Исполкома Коминтерна *. Основное внимание в нем было уделено вопросу об отставании политики Коминтерна от развития обстановки в Европе.

Сделанный в первых числах августа (2 августа.— *Прим. ред.*) доклад Димитрова, само собой разумеется, стал самым важным событием конгресса. Этот мастерский доклад осуществил поворот в стратегии Коминтерна и полностью «отвечал» заботам французских коммунистов, поддержав нашу политику единого фронта и Народного фронта многочисленными ссылками на французский опыт. Димитров хорошо высветил фашистскую угрозу и выдвинул новый тезис о том, что в капиталистических странах, которым угрожает фашизм, рабочий класс на данном этапе должен выбирать не между диктатурой пролетариата и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом. Отсюда возникала проблема объединения антифашистских сил в борьбе за расширение демократии в качестве этапа на пути к социализму. Социал-демократию перестали представлять как реакционную массу, и была признана необходимость совместных действий с ней. Коммунистические партии, которые в течение первых пятнадцати лет своего существования должны были утверждаться как самообытные организации, ведя прежде всего борьбу против политики классового сотрудничества, против оппортунизма и реформизма, отныне стали достаточно сильными. В рамках политики единства им уже не грозило поглощение реформистским аппаратом. Перестав быть в оппозиции к социал-демократии, они становились действенной силой великой политики антифашистского объединения и союза за расширение демократических завоеваний. Да, это был коренной поворот, который осуществился не без сопротивления. Коминтерн действительно не схож с образом, который ему хотели

* VII конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 года и закончил работу 20 августа. Доклад В. Пика был сделан 26 июля.— *Прим. ред.*

бы придать некоторые историки, любящие утрировать. Коминтерн не был гражданским орденом, где несколько руководителей, хранителей революции и обладателей догм определяли политическую линию, которой затем неукоснительно следовали коммунистические партии во всем мире. На деле Коммунистический Интернационал являлся центром анализа и дискуссий, а подчас и острого столкновения мнений. Так, в ходе подготовки конгресса Димитров до самого конца сталкивался с оппозицией тех, кто отказывался выбирать между буржуазной демократией и фашизмом и упорно хотел рассматривать социал-демократию как социал-фашизм. Этим, в частности, страдали некоторые немецкие товарищи, которые еще не извлекли уроков из своего поражения и прихода Гитлера к власти. Этим также страдали некоторые руководители Коминтерна. До самого конгресса такой руководитель, как С. Пятницкий, не прекращал критиковать и квалифицировать как оппортунизм унитарные действия французских коммунистов. Эти действия были подвергнуты критике и в ходе самого конгресса. Я вспоминаю, как нас критиковал С. Лозовский, говоря, что наша политика единства имеет больше отрицательных сторон, чем преимуществ. Бела Кун утверждал, что пактом о единстве действий мы связали себе руки. Другие обвиняли нас в оппортунизме, поскольку в этом пакте содержалась статья, по которой обе стороны обязывались прекратить полемику и нападки друг на друга.

Вместе с тем с начала 1934 года такие руководители, как Димитров и Мануильский, оценили степень фашистской угрозы и сочли необходимым пересмотреть политику Коминтерна. Их действия были параллельны действиям ФКП. Можно сказать, что мы взаимно поддерживали друг друга. Борьба Французской компартии стала экспериментальным полигоном для новых идей. Наши отношения с Коминтерном действительно не были отношениями подчинения, а заключались в постоянном обмене идеями и опытом. Не следует представлять дело так, что мнения национальных партий не учитывались и принималось только то, о чем думали советские руководители. Такие люди, как Димитров и Мануильский, были тонкими политиками, умевшими слушать и стимулировать творческую мысль во всем комдвижении. Все имеет свое начало, и Коминтерн, видевший свою задачу в том, чтобы оказывать помощь в становлении коммунистических партий, прибегал к командным методам, особенно под руководством Зи-

новьева. Но вскоре национальные партии стали пользоваться полным суверенитетом у руководства Коминтерна. Мы, французы, не всегда были для него покладистыми партнерами.

Нынешние условия не имеют ничего общего с условиями тогдашней эпохи, поэтому может показаться удивительным, что в нашей партии было как бы двойное руководство: национальное и интернациональное. На деле же, я думаю, что в то время это было чрезвычайно полезно. Это позволило компартии приобрести прочную идеологическую и политическую основу. Чтобы понять наши взаимоотношения с Коминтерном, нужно знать, чем он был для нас.

Сегодня новые поколения приходят в Компартию путями совершенно другими, чем те, по которым пришли мы. Им, конечно, очень трудно понять воздействие, которое оказала на французское рабочее движение того времени русская революция. Я принадлежу к тем, чья молодость была озарена пламенем Октябрьской революции. Полные энтузиазма, мы объединились под знаменем III Интернационала еще до того, как родилась наша партия.

Для нас создание Коминтерна предшествовало возникновению компартии. Именно вместе с ним мы сделали наши первые шаги в качестве активистов-революционеров. В департаменте Нор в течение всего 1919 года мы старались всюду создавать отделения «Комитета борьбы за присоединение к III Интернационалу» *. Для того, чтобы вести политическую борьбу, мы основали еженедельник «Ле пролетэр» («Пролетарий»), который вел переписку с Лениным и Чичериним. Именно Коминтерн сформировал нас, принес новые идеи и вернув французскому рабочему движению его революционный дух, подорванный политической классово-сотрудничества. Именно он помог нам выковать партию нового типа — Коммунистическую партию. Вот почему в своем горячем восхищении мы не дела-

* «Комитет борьбы за присоединение к III Интернационалу» — объединение французских социалистов-интернационалистов. Комитет вел борьбу против социал-шовинизма лидеров и многих рядовых членов Французской соцпартии, за возвращение партии на интернационалистские позиции и прекращение империалистической войны. В условиях подъема революционного движения во Франции после 1917 года комитет превратился в важный центр революционно-интернационалистских элементов. Выступал за присоединение Французской соцпартии к III Интернационалу. В 1920 году вошел во Французскую компартию, в создании которой сыграл большую роль. — *Прим. перев.*

ли различий между Россией Советов и Коммунистическим Интернационалом. Однако принадлежность нашей партии к Коминтерну не сковывала нас даже при всем том, что в течение первых лет отношения были зачастую трудными, а порой и бурными, но трудным было само существование нашей молодой компартии. Эта принадлежность побуждала нас вырабатывать общую стратегию по важнейшим проблемам, что имело положительное значение как для нас, так и для всего международного коммунистического движения. Каковы были эти проблемы? В 20-е годы — защита молодой Республики Советов и борьба против интервенции капиталистических стран, борьба против колониализма, Единый фронт. В 30-е годы деятельность Коммунистического Интернационала концентрировалась на борьбе против фашизма и военной угрозы, на оказании помощи республиканской Испании, на выработке стратегии народных фронтов.

Принадлежность к Коминтерну стимулировала наши размышления по различным политическим вопросам. Роль, которую мы сыграли в выработке и практическом осуществлении политики Народного фронта, красноречиво свидетельствует об этом. Черрети в своих воспоминаниях пишет, что «Народный фронт является французским изобретением». Сталин подтвердил эту оценку, когда сказал Морису Торезу: «С помощью Народного фронта французские коммунисты нашли ключ к объединению масс».

Конечно, Коминтерн соответствовал определенной эпохе. Уже на VII конгрессе чувствовалось, что эта организационная форма не останется неизменной. Действительно, конгресс рекомендовал предоставить национальным партиям максимум инициативы и независимости в выработке и проведении в жизнь их политики. Он сделал упор на национальную специфику каждой партии, на необходимость использовать все ценное из национального и революционного наследия народа. Это явилось крупным поворотом, который способствовал росту влияния коммунистических партий, их укреплению как национальной силы в жизни каждой страны. Продолжением этой линии стало принятое в 1943 году решение о роспуске Коминтерна.

В последние дни конгресса я должен был выступить на одном из заседаний и рассказать об опыте политики Народного фронта в крупном рабочем районе, в котором социал-демократия располагала значительными позициями.

ми: Нор — Па-де-Кале. Но мне пришлось срочно возвратиться во Францию. В Тулоне произошли столкновения. Полиция напала на демонстрантов, в результате два человека были убиты и многие ранены. Морис Торез попросил меня выехать на место, чтобы следить за развитием событий. Мое выступление зачитал Феликс Кадрас.

Для меня незабываемы впечатления от двух событий, имевших решающее значение для будущего международного коммунистического движения и нашей партии, это VII конгресс Коминтерна и IX съезд ФКП, который состоялся в декабре 1937 года в Арле. Оба этих события лежат в основе политики, которая затем позволит компартии играть главную роль в движении Сопротивления и выйти на авансцену политической жизни Франции в последующие годы. Оба они помогли нашей партии укорениться в национальной жизни страны».

Виллербанн: исторический съезд

Вдохновленная решениями VII конгресса Коминтерна, который определил в качестве основной задачи создание и развитие политики Народного фронта, Французская коммунистическая партия смело стала проводить в жизнь эти новые решения, инициатором которых в значительной степени была она.

VIII съезд ФКП проходил с 22 по 25 января 1936 года в Виллербанне. Докладу Мориса Тореза был присущ совершенно новый тон. Он противопоставляет последствиям экономического кризиса и нищете широких слоев трудового народа картину материальных богатств Франции, созданных трудом многочисленных поколений. «Ветер нужды, — сказал он, — дует в нашей прекрасной стране, Франции, богатства которой вместо того, чтобы украшать и делать более счастливой жизнь людей, присвоены паразитическим меньшинством». Это меньшинство — «200 семейств», контролирующих экономику страны и подчиняющих себе государственный аппарат. Чтобы сохранить это господство, правящие классы обращаются к фашистским движениям. Препятствовать пути фашизму и «положить конец капиталистической эксплуатации» может только единство трудящихся, прочный союз со средними слоями. В докладе уточняется концепция Народного фронта: не временная тактика, не предвыборный расчет, а

насушная политика коммунистов. В нем коммунистическая партия определялась как национальная партия, как наследница демократических традиций французского народа, придающая патриотизму подлинно революционное содержание. Съезд явился завершением длительных рассуждений и выработал новые подходы к проблемам единства, союзов, нации и демократии, рассматриваемых как непрерывно развивающиеся категории. Перед угрозой фашизма компартия выработала политику, способную объединить французскую нацию и восстановить понятие «демократия», путем ее преобразования. Влияние этой политики на общественное мнение было значительным. Оно еще больше возросло, когда 17 апреля по парижскому радио Морис Торез обратился со знаменитым призывом: «Мы протягиваем руку тебе, католик, рабочий, служащий, ремесленник, крестьянин; мы, неверующие, делаем это, ибо ты наш брат и ты, как и мы, обременен такими же заботами. Мы протягиваем руку тебе, национальный волонтер, бывший фронтовик, вступивший в «Боевые кресты», ибо ты — сын нашего народа и страдаешь, как и мы, от беспорядка и коррупции, ибо ты хочешь, как и мы, избежать того, чтобы наша страна оказалась на грани катастрофы». Это заявление вызвало горячий интерес, поскольку отразило политику партии по отношению к Народному фронту во всем объеме. Эта политика способствовала развитию динамичного массового движения. Вот почему накануне выборов правые в последней попытке оказать давление на общественное мнение вытащили на свет «коммунистическое пугало». «Большая пресса» помещает интервью маршала Петена, который «во имя подлинных ценностей» предостерегает французов от соблазна голосовать за левых. 2 мая в газете «Круа» каноник Лустиль старается приуменьшить впечатление от обращения Мориса Тореза и обращается к католикам со словами: «Какое чудовище явится порождением всеобщих выборов? Кто победит? Москва ли, жаждущая сделать из нас еще одну Россию, или Испания, ликвидирующая свободу? Будет ли победительницей традиционная и либеральная Франция? Такова ужасная драма сегодня... ибо дело касается вас, ваших детей, маленького домика, садика, которые вы надеялись оставить им...»

Но на выборах в парламент 26 апреля и 3 мая Народный фронт одержал победу. Впервые и с помощью избирательного бюллетеня движение, объединившее

рабочий класс и его союзников, пришло к власти. Это было потрясающим событием. Оно породило в народе надежду, которая не должна больше угаснуть; оно отразилось почти как миф в сознании рабочих. Оно ускорило исторический прогресс. Оно определило новую социальную политику, которая нашла свое выражение в ближайшем будущем — в завоеваниях лета 1936 года и которая заложила основы для реформ, осуществленных в 1945—1946 годах. Между социальной политикой Народного фронта и политикой, проводившейся в годы Освобождения, существует историческая связь. Отзвук на эти события глубок и среди крупной буржуазии. Последняя почувствовала угрозу своим привилегиям и тому, что она считала своим правом. Она этого не простит. Целью имущих классов стало возвращение потерянных позиций, пересмотр принятых социальных законов. Для многих представителей правящих кругов как из числа хозяев, так и в среде французских правых фашизм уже не рассматривается как угроза демократии, а предстает в качестве оплота против коммунизма. Выбор «лучше Гитлер, чем Народный фронт», даже если он не всегда формулируется столь грубо, тем не менее будет вдохновлять в последующие годы политику французской буржуазии. Дух реванша, классовая ненависть и антикоммунизм, антисоветизм будут отмечать эту политику, этапами которой станут Мюнхен, запрещение компартии, «странная война», антирабочие репрессии, удушение Республики в Виши в июле 1940 года и коллаборационизм.

Когда окончилось лето 1936 года и участники крупных забастовок мая—июня возвратились из отпусков, которые они только что провели, первые сполохи, возвещавшие вторую мировую войну, уже появились на горизонте Испании. Военный мятеж генерала Франко против правительства Народного фронта, пришедшего к власти после февральских выборов, вовлек страну в гражданскую войну. Гитлер и Муссолини активно и эффективно поддерживали мятеж испанских генералов. Германские и итальянские военные формирования приняли участие в конфликте. Впервые гитлеровский фашизм нанес удар на международной арене и развязал агрессию против свободы и независимости народа. В то же время во Франции, едва придя к власти, Народный фронт, родившийся в борьбе против фашизма, сталкивается после большого социального прорыва, совершенного в июне, с задачей сохранения мира и предотвращения войны. Реакцией правительства Блюма на первый крупный международный конфликт 30-х годов была политика «невмешательства» Франции в войну в Испании, то есть отказ поставлять законному правительству дружественной страны оружие, необходимое для защиты. Такая политика сразу же стала для французского рабочего движения предвестником раскола и поставила правительство Блюма в трудное положение. Позиция, занятая в отношении последовавших затем агрессивных акций гитлеровского фашизма на европейской арене, также будет способствовать расколу сил, входивших в Народный фронт. Вот почему через три года, когда вся Франция готовилась, несмотря ни на что, отправиться в отпуски, она была далека от атмосферы всеобщего ликования лета 1936 года. Слишком много событий, таивших в себе серьезную угрозу, произошло за этот короткий промежу-

ток времени как внутри страны, так и на международной арене.

Внутри страны в 1938 году распался Народный фронт. С февраля 1937 года правительство Блюма, столкнувшись с серьезными финансовыми трудностями в проведении программы Народного фронта, объявило «паузу» и отказалось от дальнейших социальных реформ. «Пауза» в социальной области означала отказ от законопроектов о пенсиях по старости и создания национального фонда по безработице. Несмотря на массовое «бегство капиталов» за границу, правительство, чтобы задобрить финансовые круги, отказалось от контроля за валютными операциями и финансовой реформы. Попав в результате действий крупных банков в тяжелое финансовое положение, правительство Блюма в июне 1937 года ушло в отставку. Правительство Шотана, в которое входили и социалисты, настолько повернуло вправо, что в январе 1938 года социалисты вышли из него.

Сформированный 18 января 1938 года второй кабинет Шотана уже без социалистов, в апреле проложил дорогу кабинету Даладье с участием правых. Народный фронт уже не находится у власти. На правительственном уровне делается все возможное, чтобы урезать или даже отнять те социальные блага, которых добились в результате забастовок, прошедших в июне 1936 года. Неудача забастовки 30 ноября 1938 года и массовые репрессии, которые за ней последовали, дезориентировали рабочий класс. Командные рычаги вновь оказались в руках буржуазии.

Политика «невмешательства» в Испании и мюнхенское соглашение способствовали глубокому расколу Народного фронта и рабочего движения. Промюнхенская пропаганда постоянно велась прессой. Однако она маскирует очевидные последствия соглашения, заключенного с фашистскими диктаторами. Оценки коммунистов, их предупреждения о военной опасности отвергаются, сами они изображаются как сторонники войны.

В начале июля отпуска заставляют на время забыть о растущей опасности. Вновь на пляжах полно народа. В молодежных ресторанах все столики заняты. Туристов больше, чем когда бы то ни было. Французы очень хотят верить в мир.

И тем не менее в стране нарастает глухое беспокойство. В 1938 г. Даладье во всеуслышание заявил: «Мюнхен — это мир». Леон Блюм выразил «трусливое облегче-

ние» после этой капитуляции перед Гитлером. Но все это не остановило уже начатый гитлеровской Германией процесс завоеваний и насилия.

15 марта 1939 года гитлеровская Германия оккупирует оставшиеся чешские районы и 16 марта объявляет о создании на оккупированной территории так называемого германского протектората Чехии и Моравии; 14 марта 1939 г. словацкие фашистские группировки по указанию германского правительства провозгласили образование словацкого государства. Тон речей Гитлера становится все более угрожающим. В Мюнхене, Нюрнберге, Берлине перед толпами фанатиков он провозглашает право Германии на «жизненное пространство», для которого он не устанавливает границ. В тот самый момент, когда нацистские армии вступают в Прагу, в Испании сломлено сопротивление республиканцев. При поддержке Германии и Италии Франко одерживает победу. Эта победа фашизма в Испании болезненно воспринимается международным рабочим движением, ибо тысячи рабочих, интеллигентов, антифашистских активистов приехали из всех стран, чтобы бороться в Интернациональных бригадах. Однако западные демократии, в частности Франция, отказались поставлять оружие Испанской республике. Эта политика «невмешательства», попустительства, уступок по отношению к фашизму приведет к мюнхенскому соглашению. Она оправдывается необходимостью сохранить мир, удержать Францию в стороне от любого конфликта. Но в это лето 1939 года каждый смутно чувствует, что в конце длинного пути, отмеченного капитуляцией, маячит война.

Лицом к Гитлеру: политика «умиротворения»

Все это началось в октябре 1933 года, когда Гитлер хлопнул дверью на конференции по разоружению. Спустя четыре месяца он заявил, что вскоре германская армия будет насчитывать 36 дивизий, а флот составит 35% флота Великобритании. В 1934 году после плебисцита к рейху был присоединен Саар, о котором Пьер Лаваль сказал германскому послу Костеру, что «он не стоит франко-германской войны».

В марте 1935 года в нарушение Версальского договора Гитлер ввел обязательную воинскую повинность, а 7 марта 1936 года войска Германии заняли демилитаризованную

Рейнскую область. Эта операция, проведенная менее чем с 30 тыс. человек, вызвала только словесную реакцию Франции и Великобритании. Ни та ни другая страна не хотели решительно воспрепятствовать первому выступлению армии Гитлера. Более того, в этот момент Великобритания дала согласие на создание Германией своего военно-морского флота в соотношении 100 : 35. В английских руководящих кругах рассчитывали, что ремилитаризованная Германия будет надежным противовесом СССР. Позднее Гитлер признал, что если бы французы и англичане применили военную силу, то ему пришлось бы отступить, поджав хвост, ибо его войска в то время были не в состоянии оказать сопротивление.

Осенью 1935 года Италия бросила войска против Эфиопии. Эта агрессия вызвала лишь слабую реакцию Франции и Великобритании. В мае 1936 года Муссолини смог безнаказанно объявить о захвате Эфиопии. В июле 1936 года вооруженный мятеж генерала Франко получил массированную поддержку Италии и Германии. В последующие месяцы Муссолини послал в Испанию экспедиционный корпус в составе 150 тыс. солдат. Гитлер направил туда военный контингент в количестве 50 тыс. человек и лучшие авиационные эскадрильи. Республиканское правительство, опираясь на подавляющее большинство испанского народа, могло бы подавить мятеж. Оно просило разрешить ему закупить оружие у Франции на основании франко-испанского торгового соглашения 1935 года.

Правительство Блюма по примеру Великобритании ответило отказом на эту законную просьбу. В иных обстоятельствах война в Испании могла бы остановить победное шествие фашизма в Европе. Помощь Испанской республике на основе международного права, активизация франко-советского союза, создание системы коллективной безопасности стали бы прочным барьером для агрессивных планов гитлеровской Германии. Но Леон Блюм не нашел ничего лучшего, как продолжить политику предшествующих правительств: сохранение мира в ближайшем будущем ценой уступок фашистским державам. К тому же он считал, что действенный франко-русский альянс мог вызвать у Гитлера подозрение, что вокруг Германии создается враждебное окружение. Нужно было успокоить Германию, а не провоцировать ее. На этот выбор влияли и внутриполитические соображения. Равняясь на политику консервативного лондонского правительства, которое с самого

начала испанского конфликта проявляло благожелательный нейтралитет в отношении Франко, и укрепляя связи с ним, французское правительство рассчитывало договориться с банками Сити, поддержки которых оно добивалось. Оно рассчитывало также успокоить крупную французскую буржуазию, которая боялась создания «международного красного фронта». Политику Блюма отличало стремление к уступкам: во внешнем плане в отношении фашистских держав, а во внутреннем — в отношении имущих классов. К этому добавлялось стремление не делать ничего, что могло бы усилить компартию, успехи которой на выборах в мае 1936 года встревожили как руководителей социалистов, так и буржуазию.

В этой обстановке только СССР, несмотря на географическую отдаленность, оказал военную помощь Испанской республике. В течение трех лет республиканские силы вели героическую и неравную борьбу, в которой они потерпели поражение. Позиция Франции, Великобритании и США в этом конфликте убедила Гитлера, что он не опасаясь может проводить политику аннексий в Европе. Война ускорила перевооружение Германии, позволив нацистским генералам использовать Испанию в качестве полигона для испытания авиации и бронетанковых сил.

Габриель Пери:

«Не благословляйте все это во имя мира!»

В марте 1938 года Германия захватила Австрию. Сразу же после этой аннексии Гитлер потребовал Судеты, северо-западный район Чехии, в котором проживало немецкое меньшинство. Ответом западных держав на это стала капитуляция в Мюнхене. 29 сентября 1938 года Даладье и Чемберлен, встретившись в баварской столице с Гитлером и Муссолини, уступили Германии Судетскую область. Только СССР сохранял до конца твердую позицию. Приведя в боевую готовность 30 пехотных дивизий, танковые и авиационные соединения, он сообщил, что готов защищать Чехословакию даже в случае, если Франция откажется от выполнения союзнических обязательств, при условии, что правительство Праги окажет сопротивление гитлеровскому рейху и попросит советской помощи. Однако, уступая давлению Франции и Англии, президент Э. Бенеш согласился удовлетворить немецкие требования

и отклонил предложения Советского Союза. Подавляющее большинство французского общественного мнения одобрило интерпретацию этого соглашения как решающего вклада в дело мира, и оно было ратифицировано в палате депутатов 535 голосами против 75. Кроме 72 депутатов-коммунистов, против проголосовали: один социалист, один радикал и ярый националист де Кериллис *. Объясняя мотивы голосования коммунистической группы, Габриэль Пери ясно показывает единственно возможные последствия этого соглашения: «После того как эта страна оказалась расчлененной, не пытайтесь нас уверить, что вы сможете эффективно гарантировать ее границы. Подумайте только! Вы оказались неспособными защитить Чехословакию, входившую в союзы и имевшую эффективные средства защиты, тем более вы будете неспособны защитить Чехословакию, которая уменьшилась в размерах и расчленена... Не благословляйте все это во имя мира! Мир не имеет ничего общего с торжеством вашего классового эгоизма... Вы расписались в собственном поражении за спиной расколотого, расчлененного свободного народа... Более того, господа, вы совершили, по нашему мнению, нечто более страшное: вы убили главное в демократии — доверие народов. Вы только что показали всему миру, что быть другом Франции очень неосмотрительно и опасно». Мюнхенское соглашение изменило расстановку сил, что привело ко второй мировой войне. Оно признало гегемонию германского фашизма в Европе, укрепило уверенность Гитлера и Муссолини в том, что западные державы не будут выступать против нарушения существующих соглашений, против новых агрессивных актов.

Подлинным поворотным пунктом в европейской и мировой политике стал не советско-германский пакт, подписанный годом позже, а мюнхенский. Именно он представляет собой на деле отказ от франко-советского союза. СССР был отстранен от урегулирования ситуации. Тем самым на него указали как на возможную жертву гегемонистских германских устремлений. Западные державы подтвердили, что они дают Гитлеру свободу рук на Востоке. Этот пакт создал для СССР сложную ситуацию,

* Кериллис, Анри де — французский журналист, главный редактор «Эко де Пари», депутат. До 1938 года занимал крайне правые позиции (в частности, поддерживал Франко). Впоследствии голосовал против Мюнхена, разоблачал происки во Франции «пятой колонны» и политику уступок нацизму. В 1940 году эмигрировал в США. — *Прим. перев.*

которая приведет к тому, что последним средством для него станет договор о ненападении с Германией. Влиятельные буржуазные газеты Франции открыто приветствовали антисоветский характер мюнхенского соглашения. 6 октября Леон Бельби писал в газете «Жур»: «Главным преимуществом (мюнхенского пакта) является то, что из него исключена Россия. Ничего не надо жалеть для того, чтобы вытеснить СССР из Европы в Азию, заставить его заниматься внутренней борьбой. Колючая проволока, которой старый Клемансо мечтал опутать Советский Союз, может еще пригодиться; ее нужно использовать и всеми средствами уничтожать распространение большевистской пропаганды, которая разлагает обороноспособность страны». Фабр Люс пишет в газете «Либерте» 4 октября: «Война устранена. Основы политического обновления заложены. В этом — особенно в этом — заключается успех Мюнхена».

Настроения правящих классов

Впрочем, именно такими были настроения правящих классов. Война быстро приближалась и, чтобы ее остановить, нужно было определить, кто является врагом, с которым необходимо бороться. Гитлер шаг за шагом нарушал статьи Версальского договора, меняя и перекраивая карту Европы; уничтожение Франции являлось частью его плана. Но враг номер один — Советский Союз, ибо он воплощение надежд мирового революционного движения. Итак, нацистская Германия — бастион антикоммунизма. Гитлер устранил в своей стране революционную опасность. Он помог задушить ее в Испании. Уже в «Майн кампф» было написано, что германское «жизненное пространство» находится на Востоке, в широких русских и украинских степях.

Кто же главный враг: гитлеризм или опасность революции? Ответ правящих классов в значительной мере обуславливается тем великим страхом, который они испытали в 1936 году. Буржуазия продолжает видеть в крупных забастовках и в занятии заводов, которые отметили приход к власти Народного фронта, признаки социальной революции. Она не согласилась с ограничением своих привилегий, с социальным законодательством, с перспективами, открытыми для рабочего и демократиче-

ского движения. Это характерно не только для французских фашиствующих кругов, являющихся частью правых сил, которые при поддержке секретных германских и итальянских служб не колеблясь готовят государственный переворот, как об этом свидетельствует заговор кагуляров *. Это характерно для буржуазии, основная задача которой заключается в том, чтобы подготовить контрнаступление в целях разгрома Народного фронта и рабочего движения. Фашистская опасность не является для нее главной. Несмотря на серьезные разногласия, подавляющее большинство представителей руководящих кругов Франции надеялось, что, принеся в жертву ряд стран, оно остановит продвижение пожара на Запад, направив его на Восток. На этой основе в отношении гитлеровской Германии формируется политика «понимания», «умиротворения», квинтэссенцией которой становится Мюнхен.

Действительно, у французской буржуазии создается впечатление, что мюнхенская политика поможет разрешить все ее трудности. Она позволяет надеяться на германо-советскую войну, возможность которой зимой 1938/39 года рассматривается как почти не вызывающая сомнений, о чем, в частности, свидетельствуют документы французской «Желтой книги» **, опубликованной правительством Даладье осенью 1939 года.

Отвести угрозу германской экспансии от Запада, ослабить, а может быть, и уничтожить опору революционного движения, каковой является СССР,— такая перспектива, конечно, могла кое-кого соблазнить. Одновременно в самой Франции мюнхенская политика создает лучшие условия для перехода в контрнаступление в социальном плане. Она открывает путь жесткой политике в отношении рабочего класса.

Когда ежедневная газета «Тан» писала 24 ноября 1938

* *Кагуляры* — имеется в виду тайная организация «Кагуль» (кагуль — балахон с прорезами для глаз). После роспуска в 1936 году фашистских лиг организация кагуляров готовила военно-фашистский заговор с целью свержения республики и установления диктатуры во главе с маршалом Петеном. Заговорщики получали оружие от немецких и итальянских фашистов, совершали террористические акты против демократических деятелей. Заговор был раскрыт в 1937 году. — *Прим. перев.*

** *Французская «Желтая книга»* — имеется в виду выпущенная осенью 1939 года официальными кругами Франции книга о причинах войны, ставившая цель обелить политику французских правящих кругов. — *Прим. перев.*

года: «Если бы правительство капитулировало и даже только проявило слабость перед этим наступлением рабочего класса, то оно обрекло бы себя на бессилие», когда Поль Рейно заявлял: «Проявить слабость было бы изменой», то это касалось не Гитлера, а забастовки, начатой ВКТ 30 ноября 1938 года против чрезвычайных декретов Рейно.

В конце 1938 года, который все историки считают решающим годом на пути к войне, французская буржуазия испытывает удовлетворение: курсы акций на бирже повышаются, ибо, пишет «Тан» 21 декабря, «законному правительству больше не противостоит нечто вроде правительства масс».

Франко-германская декларация от 6 декабря

6 декабря 1938 года министры иностранных дел Франции и Германии Жорж Бонне и Иоахим фон Риббентроп подписали в Париже декларацию. Зачем была нужна такая декларация, не имевшая ясной внешнеполитической цели и подписанная через два месяца после мюнхенского соглашения? Идея декларации, кажется, пришла в голову послу Франции в Берлине А. Франсуа-Понсэ, который 13 октября в разговоре со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Э. фон Вейцекером предложил, чтобы Риббентроп приехал в Париж подписать пакт о ненападении и соглашение о взаимных консультациях. Это предложение было поддержано Жоржем Бонне. Оно позволило бы догнать Англию, правительство которой на следующий день после Мюнхена подписало совместную англо-германскую декларацию. Целью этого предложения было углубление отношений между Парижем и Берлином путем проведения регулярных консультаций. С немецкой стороны подписание декларации с Францией также рассматривается благожелательно. 18 октября в Берхтесгадене Гитлер в ходе прощальной аудиенции Франсуа-Понсэ, назначенного послом в Рим, заявил, что в принципе согласен с такой декларацией. Он поручает Риббентропу рассмотреть конкретные условия. Посол Вельчек из Парижа пишет своему правительству, что следует поторопиться, поскольку соглашение укрепило бы позиции Даладье и Бонне и способствовало бы политике отбрасывания и исключения коммунистов из общественной жизни.

ни. Убийство в Париже молодым еврейским эмигрантом Х. Гринспаном советника германского посольства фон Ратта задержало заключение соглашения, которое было подписано 6 декабря. После подписания декларации в тот же день состоялась встреча Бонне с Риббентропом. На следующий день состоялась еще одна встреча без свидетелей в отеле «Крийон».

Как подтверждают документы секретных архивов Вильгельмштрассе, Риббентроп стремился добиться от Франции признания сферы интересов Германии. Он ясно дал понять, что отныне Центральная и Восточная Европа являются ее частью. Мы знаем также, что в это время в западных столицах было известно об особом интересе, который проявляет гитлеровский рейх к Советской Украине. В октябре—ноябре германская пресса, развернувшая кампанию о «жизненном пространстве», часто писала о богатых хлебных нивах Украины. После Мюнхена идея захвата Украины носится в воздухе. Вопрос об Украине обсуждался 24 ноября в Париже французскими и английскими руководителями. Чемберлен и Галифакс сообщили Даладье и Бонне «о существующих признаках, которые свидетельствуют о намерениях германского правительства приступить к расчленению России». Германия хочет использовать Чехословакию и особенно Закарпатскую Украину в качестве плацдарма для нападения на СССР. Таким образом эти намерения были известны Бонне, когда Риббентроп требует предоставить Германии свободу рук на Востоке. В разговоре 6 декабря своими уклончивыми ответами и своим умолчанием Бонне дал понять, что Франция готова уважать сферу германских интересов. Он дошел до того, что одобрил принципы «внешней политики рейха в его борьбе против большевизма».

В отношении Испании он заверил собеседника, что «французское правительство также безоговорочно враждебно к большевизму и что он не видит ничего странного в том, что Франко одержит победу». В секретном разговоре 7 декабря в отеле «Крийон» Жорж Бонне идет еще дальше и заявляет Риббентропу: «Оставьте нам нашу колониальную империю, а мы оставим вам Украину». После войны это заявление будет опровергнуто. Однако франко-германское соглашение от 6 декабря дает Германии Гитлера полную свободу в сфере ее интересов. Именно так интерпретировали это соглашение нацистские руководители после возвращения Риббентропа в Берлин.

Очень любопытно, что 8 декабря газета «Пари Суар» опубликовала карту Советской Украины под весьма знаменательным заголовком: «Украина — страна сорока миллионов жителей». Газета перечисляет богатства страны и выгоды, которые получит ее обладатель. Через несколько дней поверенный в делах Англии в Берлине Жорж Огили Форб информирует свое правительство, что Германия в ближайшем будущем могла бы перейти к следующей фазе своей завоевательной политики с тем, чтобы «создать независимую Украину на русской территории под германской опекой». 18 декабря «Нью-Йорк таймс» пишет: «Огромные естественные богатства Украины являются в настоящее время целью третьего рейха... Отрезанная от России и объединенная с Германией она представляла бы огромный источник снабжения теми материалами, которых в Германии не хватает. Вполне допустимо, что война между Германией и Россией станет возможной, если Гитлер доведет до конца германское наступление с целью создания марионеточного государства в наиболее богатых районах Советской России».

Наконец, в последние дни декабря американский посол в Париже В. Буллит дает следующую оценку возможного развития событий, желательных, по его мнению, для западных держав: «В один прекрасный день Германия попытается овладеть Украиной — богатейшей житницей Советского Союза. В ходе этой операции Германия истощится до такой степени, что не выдержит и в конце концов рухнет под ее тяжестью. В свою очередь Япония попытается завоевать Сибирь и также рухнет под тяжестью этого исключительного усилия. Бросая Россию на произвол судьбы, Англия и Франция тем самым отведут от себя угрозу германской агрессии».

«Бросить Россию на произвол судьбы» — таков лейтмотив соглашения от 6 декабря. Через год эта политика приведет к срыву трехсторонних переговоров в Москве. 5 декабря, накануне подписания франко-германской декларации, английский посол в Париже Фиппс писал своему статс-секретарю, что Бонне сообщил ему о намерении разорвать те узы, которые привязывают Францию к России и Польше. Через два дня, 8 декабря Фиппс писал, что Риббентроп настаивал, чтобы Франция внесла изменения в восточные пакты, считая, что они уже лишены практического содержания и значения.

Следовательно, франко-германское соглашение от 6 де-

кабря является чем-то большим, чем пакт о ненападении. Оно означает полный пересмотр существовавших ранее союзов. Это чек без подписи, выданный Гитлеру для продолжения его политики агрессии на Востоке.

ФКП: антифашизм в сердце

Мюнхенское соглашение и декларация, подписанная 6 декабря, подтверждают преимущественно антисоветскую направленность внешней политики Франции. Правящие круги страны осуществили классовый выбор. Пригласив свой национализм и антигерманизм, они решили использовать ярко выраженное стремление нацизма уничтожить коммунизм. Такая политика по существу означала отказ от союза с СССР и изоляцию Франции перед лицом гитлеровской угрозы. Несмотря на позиции некоторых кругов крупной буржуазии и отдельных политических деятелей, она будет сохраняться и приведет к «странной войне», поражению и коллаборационизму. После подписания советско-германского пакта о ненападении она выразится в редких по своей ярости антикоммунизме и антисоветизме, что сделает неизбежным поражение Франции.

На протяжении этого решающего 1938 года коммунисты — единственные, кто совершенно четко предупреждает о драматических последствиях для страны политики уступок фашистским державам. В условиях быстро ухудшающейся международной ситуации компартия положила в основу своей политики антифашизм и защиту мира путем создания системы коллективной безопасности. Она утверждает, что только твердая политика в отношении Гитлера может оказать противодействие его агрессивным планам и позволит избежать войны. Эта последовательная политика была выстрадана компартией в ходе движения, которое привело к Народному фронту. Действительно, угроза, исходившая от гитлеровского фашизма, способствовала тому, что начиная с 1934 года в политике компартии все большее значение приобретают международные аспекты. Если в конце 20-х годов она считала, что новая война начнется либо между империалистическими державами, либо как империалистическая агрессия против СССР, то после прихода Гитлера к власти она была озабочена военной угрозой, исходившей от нацистской Германии. Она выдвигает идею, что Гитлер не сможет осу-

ществить свои агрессивные планы в Европе, если народы объединятся, чтобы преградить ему путь. Как в международном, так и во внутреннем плане компартия превратила борьбу против фашизма в свою главнейшую задачу. Это нашло свое выражение в кампании за освобождение Г. М. Димитрова, в кампании по разоблачению «Майн Кампф», в ходе которой была показана угроза, которая нависла над Францией.

VII конгресс Коминтерна поддержал ее в проведении этой политики. В докладе о международном положении Эрколи указал на вероятность для малых стран, таких, как Дания, Голландия и Бельгия, подвергнуться гитлеровской агрессии. В этом случае для народов этих стран война, которую они были бы вынуждены вести, стала бы справедливой войной за национальное освобождение. Французская компартия применила этот анализ к Франции и сделала антифашизм пробным камнем своей внешней политики. Наиболее законченное выражение эта политика получила в докладе Мориса Тореза на съезде партии в Арле в декабре 1937 года, который определил «предназначение Франции в мире». Необходимо правильно оценить историческое наследие народа: философию французских мыслителей XVIII века, принципы 1789 года, якобинцев, революции 1830 и 1848 годов, Парижскую Коммуну, идеи демократии. Именно этим оружием нужно бороться с фашизмом, поскольку «некий» Геббельс заявил о необходимости «вычеркнуть из истории 1789 год».

Франция Народного фронта должна использовать свои важные завоевания, чтобы объединить в Европе все антифашистские силы и создать непреодолимый барьер для планов Гитлера.

На съезде в Арле была выражена необходимость проведения Францией независимой политики. «Франция не должна искать руководства к действию ни в Риме, ни в Берлине, ни в Лондоне, ни даже в Москве, чувства восхищения и любви к которой мы не скрываем. Она должна искать его в Париже, только в нашей столице — Париже»¹. Борьба против фашизма, создание преград на его пути, коллективная безопасность, активизация советско-французского пакта и независимая французская политика — таковы главные элементы внешней политики, одобренной на съезде в Арле. Руководствуясь этой политикой,

¹ М. Торез. Избранные произведения. Т. I, М., 1959, с. 248.

компартия встретила международные кризисы 1938—1939 годов.

Та же политика лежала в основе всех ее действий: от решительной поддержки Испанской республики до отказа от Мюнхена, от выступлений в поддержку трехстороннего соглашения с СССР осенью 1939 года до голосования за предоставление военных кредитов 2 сентября. И несмотря на противоречивое положение, сложившееся осенью 1939 года и в 1940 году, эта политика, встретившая скрытое неодобрение Коминтерна, оставалась основной для французских коммунистов.

На следующий день после Мюнхена она привела к отнositельной изоляции компартии. Общественное мнение, дезориентированное и объятное страхом перед возможной войной, считало, что «Мюнхен — это мир». Массовые средства пропаганды стремились убедить французов, что «отказываться от Мюнхена» — а именно это делают коммунисты — значит выбирать войну.

И тем не менее подписание этого соглашения не обеспечивало сохранение мира. «Я сделал все, что мог», — заявил Даладье, ставя свою подпись под документом. Но и в этот момент он не питал никаких иллюзий, боясь, что по возвращении его плохо примут в Париже. Он был приятно удивлен тем горячим приемом, который оказала ему на аэродроме толпа собравшихся. Ему приписывают следующие слова: «Если бы эти каналы знали, чему они аплодируют». В свою очередь Леон Блюм, проголосовавший за соглашение, заявил: «Возможно, что опасность войны устранена, но это сделано в таких условиях, что я, неустанно боровшийся за мир и уже многие годы посвятивший этому свою жизнь, не испытываю радости. Меня разрывает чувство трусливого облегчения и стыда».

Политика капитуляции

Последующие события подтвердили справедливость анализа коммунистов. 6 декабря, в тот самый день, когда в Париже была подписана франко-германская декларация, Муссолини организует в Риме антифранцузские демонстрации и требует Корсику, Ниццу и Савойю. 9 декабря в речи в Палате депутатов, получившей значительный отклик, Габриель Пери, обращаясь к председателю Совета министров, заявил: «В тот самый день, когда Гитлер обе-

щал вам гарантии одной из наших границ, его союзник сообщает вам о своем намерении нарушить другие границы... Господа члены правительства, как видите, демонстрация вашей слабости или, точнее говоря, демонстрация вашей способности всегда приходить на помощь тоталитарным режимам, стойко отложилась в сознании руководителей Берлина и руководителей Рима. До тех пор, пока она не исчезнет, эти две тоталитарные державы будут считать, что им все позволено. Хотите вы этого или нет, но вы — символ политики, выбрасывающей белый флаг при каждой угрозе, при каждом шантаже». Это были вещие слова, сказанные человеком, который спустя два года будет расстрелян нацистами. Вещие слова, ибо 1939 год начался новой волной фашистской агрессии. 15 марта Гитлер захватывает всю Чехословакию. Чехия и Моравия стали германским протекторатом, Словакия — «независимым государством» во главе с прогитлеровским кардиналом Й. Тисо. Осуществляя свои захватнические планы, Гитлер аннексирует у Литвы Клайпедскую область с портом Клайпеда (до 1923 года — Мемель. — *Прим. ред*).

Падение Мадрида 30 марта прозвучало погребальным звоном по Испанской республике. В начале апреля Муссолини бросает войска против Албании. В середине апреля Гитлер подписывает секретную директиву о нападении на Польшу. 29 апреля под предлогом медленного хода переговоров, начатых с Варшавой по поводу присоединения к Германии свободного города Данцига, он денонсирует пакт о ненападении, заключенный в 1934 году между Германией и Польшей. Эта денонсация делает очевидным агрессивный характер планов нацистской Германии, которая 22 мая подписывает с Италией «Стальной пакт» *. Чтобы успокоить Англию и Францию, Гитлер заявляет, что «жизненное пространство Германии находится на Востоке».

Как же реагирует Запад на агрессивную политику фашистских держав? Во Франции после захвата Чехословакии значение Мюнхена становится для общественного мнения совершенно очевидным: уступки, сделанные Гитлеру, увеличивают его наглость и аппетиты. Предупреж-

* «Стальной пакт» — договор о политическом и военном сотрудничестве. Зафиксировал образование агрессивного военно-политического союза обеих стран; носил ярко выраженный антисоветский характер. Договор явился важным этапом военно-дипломатической подготовки второй мировой войны. — *Прим. перев.*

дения, с которыми выступала компартия, оправдываются. 17 марта в Палате депутатов, то есть через два дня после вступления нацистов в Прагу, Габриель Пери требует отставки Даладье и Бонне, обвиняя их в том, что они остаются верными духу Мюнхена. «Вы останетесь в истории,— говорит он,— как министры поражения и бесчестия Франции». Общественное мнение настолько обеспокоено, что руководители западных держав вносят некоторые изменения в мюнхенскую политику, тем более что Франция и Англия имеют значительные экономические интересы в Польше и Румынии. 16 марта Лондон заявляет о том, что готов гарантировать территориальную целостность Румынии, однако спустя несколько дней отклоняет советское предложение о созыве конференции пяти держав (СССР, Франции, Великобритании, Польши, Румынии), с тем чтобы рассмотреть меры, которые следовало бы принять, чтобы помешать новой агрессии в Европе.

18 марта правительство Даладье добивается от Палаты депутатов предоставления ему специальных полномочий, которые позволяют ему до 30 ноября с помощью декретов принять все необходимые меры для защиты страны. На деле они будут использованы им для того, чтобы продлить мандат легислатуры Палаты депутатов, который должен был закончиться 1 июня 1940 года, до 1 июня 1942 года, и для проведения политики социального регресса. Тем не менее компартия решает поддержать любой шаг на пути оказания сопротивления Гитлеру.

Полномочный представитель СССР во Франции был проинформирован Литвиновым о протесте Советского правительства против аннексии Германией Чехии и Моравии как о «незаконном и агрессивном акте в отношении СССР».

Телеграмма полпреда СССР во Франции от 18 марта носит трагический тон, который имеет основания:

«Вчера присутствовал на заседании палаты. Был момент, когда казалось, что даже долготерпение французов начало иссякать, что «патриотическая тревога» действительно разбужена. Почти все выступавшие ораторы, несмотря на принадлежность к противоположным лагерям, резко осуждали политику Мюнхена, призывали к сопротивлению и твердости. Делались призывы к единству нации. Но вот слово берет Даладье. Ни одного звука оправдания. Ни слова протеста по адресу Германии. Несколько заносчивых и грубых фраз по адресу левых, пара нудных

и без особой убедительности произнесенных заверений («ни пяди земли») и требование чрезвычайных полномочий, которое прозвучало в зале как требование диктатуры против рабочих, против демократии, против свободы. Большинство палаты ответило на это требование громовой овацией в адрес Даладье. Более позорное зрелище трудно было себе представить. Сегодня палата даст свою санкцию диктатору, завтра за ней последует сенат, и через пару дней начнутся гонения на «антимюнхенскую» печать, последует запрет собраний, и не исключена возможность, что примутся вплотную и за коммунистическую партию...

Лично я глубоко убежден, что диктатура будет использована скорее для подготовки нового Седана.

Полпред¹.

Вскоре после этой относительно твердой речи Даладье 30 марта Морис Торез заявил: «Эта речь, как нам показалось, во многом затронула темы, которые нам дороги. Быть может, решились извлечь урок из болезненных событий последних лет и, в частности, из ошибок так называемой политики невмешательства и капитуляции в Мюнхене... В этом случае мы готовы поддержать все усилия, направленные на организацию коллективной безопасности». Эта коллективная безопасность, которую компартия определяет как «кольцо мира», должна базироваться на англо-франко-советском пакте о взаимопомощи.

Именно это предлагает Советский Союз 17 апреля с добавлением к подобному пакту военной конвенции. Это предложение, оставшееся без ответа, было повторено 14 мая. В действительности французское правительство больше склонно афишировать военное соглашение с СССР, рассчитывая, что это напугает Германию и умерит ее притязания, чем заключать его. Тем более что правительство, отражающее противоречия французской буржуазии, нерешительно и расколото. Политика Жоржа Бонне, продолжающая линию Мюнхена, имеет своей целью повернуть гитлеровскую экспансию на Восток. Он убежден, что Германия вскоре нападет на Советский Союз и обе страны выйдут из конфликта ослабленными. Таким образом, о заключении военного союза с СССР нет и речи. В отличие от Бонне некоторые министры, в частности Поль Рейно, считают необходимым заклю-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 244. Далее — СССР в борьбе за мир...

чение трехстороннего пакта, ибо агрессии следует оказывать сопротивление как на Востоке, так и на Западе. Председатель Совета министров Даладье маневрирует и занимает нерешительную позицию. Его твердость выражается не в делах, а на словах. В то время как военная угроза быстро нарастает, французские руководители разглагольствуют и не могут выработать политику, свободную от духа Мюнхена. Тем не менее только 27 мая англо-французские уполномоченные в Москве получают инструкцию форсировать переговоры о заключении трехстороннего пакта. И лишь 25 июля английские и французские правительства приняли предложения правительства СССР о посылке в Москву военных миссий. Только 10 августа военные миссии прибывают в Ленинград с тем, чтобы 13 августа начать переговоры. Эти затяжки и маневры точно отражают настроения западных держав. Французское и английское правительства намереваются вести переговоры в надежде остаться в стороне от приближающейся войны. Они решили не принимать точных и конкретных обязательств, особенно в военной области. В основе дипломатической игры западных держав — стремление повернуть германский экспансионизм на Восток. Эта игра исключает военное соглашение между тремя странами.

Англо-германские секретные переговоры

Конечно, французские и английские позиции полностью не идентичны и отличаются не только нюансами. Представители Великобритании отнюдь не желают достигнуть эффективного соглашения. Подлинные намерения английского правительства отражены в директиве военной миссии. В ней предлагается избегать заключения любого определенного соглашения и любой дискуссии о проходе советских войск по территории Польши и Румынии. Позиция Франции существенно отличается, поскольку гитлеровская угроза и опасность войны для нее более ощутимы. Иллюзии, порожденные Мюнхенским соглашением, исчезают. Общественное мнение начинает понимать, что трехсторонний договор является лучшим шансом избежать войны. В этом направлении оно оказывает давление. Чувствуя, как меняется обстановка, Даладье склоняется к соглашению. Он даже пытается оказать давление

на британское правительство. Многочисленные письма к Чемберлену свидетельствуют об этом. Однако на этом кончаются его благие намерения к независимой политике. Как и в Мюнхене, он подстраивается к политике Лондона.

Что касается СССР, то у него нет иллюзий насчет намерений и настроений его партнеров по переговорам. Но он стремится достигнуть соглашения, которое стало бы последним препятствием на пути гитлеровского рейха, стремящегося начать войну. Несмотря на политику «невмешательства», проводившуюся в отношении Испании, несмотря на Мюнхен и отказ западных держав оказать поддержку Чехословакии, Советское правительство не хочет упустить малейшую возможность для того, чтобы организовать коллективный отпор агрессору. Это не мешает ему неоднократно выражать свои опасения по поводу «двойной игры», которую ведут Лондон и Париж. В марте 1939 года на XVIII съезде КПСС Сталин в своем докладе разоблачает агрессоров, а также политику попустительства, проводимую западными державами. Он предостерегает последних от этого и предупреждает, что опасная игра, которую они ведут, может окончиться для них трагически. Съезд принимает решение, обязывающее «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну (т. е. СССР.— *Прим. перев.*) провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»*. Это предупреждение совершенно ясно. СССР не позволит вовлечь себя в конфликт с Германией при отсутствии гарантий и реальной помощи со стороны западных держав.

29 июня А. Жданов в «Правде» разоблачает вызывающую беспокойство дипломатическую игру Англии и Франции: «Все говорит о том,— пишет он,— что французы и англичане хотят не столько договора с СССР, который

* Авторы ошибочно считают, что задачи КПСС в области внешней политики были сформулированы в резолюции XVIII съезда партии по отчетному докладу Сталина о работе ЦК ВКП(б). В действительности эти задачи были сформулированы в самом отчетном докладе. В принятой 14 марта 1939 года резолюции по отчетному докладу съезд «одобрил политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б)», отчетный доклад и предложения «всем парторганизациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми в докладе тов. Сталина». См.: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 15, 647.— *Прим. перев.*

основан на принципе равенства и взаимности... а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств»¹. Опасения СССР тем более обоснованны, что в это время в Лондоне начинаются англо-германские переговоры. Хотя они носят секретный характер, об этом знают в правительственных канцеляриях разных стран. С английской стороны переговоры ведет экономический советник английского правительства, ближайший сотрудник Чемберлена Горас Вильсон и министр внешней торговли Р. Хадсон; с германской стороны — посол Германии в Лондоне Г. Дирксен и экономист Х. Вольтат.

Английская сторона — инициатор переговоров — предлагает заключить договор, который заложил бы основу англо-германского соглашения, опирающегося на четкое размежевание сфер интересов обеих стран. «Секретной целью этого договора, — пишет Дирксен в Берлин, — является предоставление англичанам возможности постепенно освободиться от обязательств в отношении Польши... В этом случае Польша осталась бы один на один с Германией». По словам Дирксена, Хадсон сулил немцам обширное поле деятельности, которое могло бы открыться перед Англией и Германией во многих районах мира, в частности в России и Китае. По существу, Лондон предлагал Берлину новый раздел мира. В тот момент, когда в Москве открываются переговоры, возникает непосредственная угроза создания антисоветского фронта. Она подтверждается, когда 16 августа в Берлине барон Ропп — командующий военно-воздушными силами Великобритании встречается с Риббентропом и заявляет ему: «Было бы абсурдом, если бы Германия и Англия ввязались в смертельную борьбу из-за Польши. Результатом этого могло быть лишь взаимное истребление авиационных сил, в то время как Россия, сохранив нетронутыми свои силы, оказалась бы единственной страной, находящейся в благоприятном положении».

Подобные высказывания, так же как и продолжение поисков соглашения с Германией, делают понятной позицию Англии во время трехсторонних переговоров. Чемберлен рассматривает их как средство давления на Берлин, пытаясь заставить Гитлера занять более уступчивую позицию на секретных переговорах в Великобри-

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир..., с. 475.

тании. Чрезмерные требования нацистов и развитие международной обстановки мешают британскому правительству заключить антисоветский союз, однако этого недостаточно, чтобы оно решилось заключить трехстороннее соглашение.

Морис Торез:

«Последний шанс для сохранения мира»

Эта двойная игра Англии разоблачается во Франции компартией, которая старается направить страну на путь независимой политики. После захвата Чехословакии компартия усиливает кампанию в пользу трехстороннего пакта, указывает на колебания и противоречия французской политики, а также на давление «германской партии».

30 марта «Юманите» помещает статью Мориса Тореза, озаглавленную «Последний шанс для сохранения мира». Он пишет:

«Фашизм — это война. Развитие событий за последние несколько лет полностью подтверждает эту очевидную истину. Недавняя акция насилия гитлеровского фашизма открыла глаза всем, даже ослепленным...

Что можно сделать перед лицом этой опасности? Только объединиться, объединить все народы доброй воли, и в первую очередь Францию, Англию, Советский Союз и находящиеся за океаном США.

Кто же во Франции наиболее решительно выступает против этого союза, в котором нуждаются демократии, и особенно против соглашения с Советским Союзом, страной социализма и мира? Это реакционные деятели, рупоры «200 семейств», разные бельби, фландены, ля роки. Все те, кто ставит свои классовые привилегии выше интересов нации».

В тот же день, 30 марта, выступая перед Ассоциацией иностранной прессы во Франции, Морис Торез заявляет:

«Диктаторы пользовались странным попустительством, чтобы не сказать достойным сожаления пособничеством правительств демократических стран... В то же время каждая уступка фашизму делала его более требовательным, более наглым. Решимость диктаторов росла при

каждом отступлении, при каждой капитуляции демократии.

Сегодня спасение заключается в союзе людей и народов доброй воли... Мы готовы поддержать все усилия, направленные на создание коллективной безопасности. Однако опыт недавнего прошлого заставляет нас проявить определенную сдержанность. Мы будем судить по делам».

5 апреля на митинге в Ошеле (департамент Па-де-Кале) Морис Торез выдвигает идею о необходимости создания правительства на основе союза всех сил для организации защиты страны от фашистской агрессии. Чтобы национальная оборона отвечала своему подлинному значению, такое правительство должно опираться на народ, не требовать жертв только от него, а заставить платить богатых. Тогда «мы спасем свободу и мир. Мы обеспечим спасение страны».

Эта идея повторена и развернута в докладе Генерального секретаря ФКП на пленуме Центрального Комитета, состоявшемся в Иври 19 мая. Прежде всего Морис Торез напомнил о серьезности положения:

«Надежды на мир,— заявил он,— улетучились. Беспокойство и страх вновь овладели сердцами людей, которые оказались вдруг перед лицом суровой действительности — перед лицом войны, ужасной войны, истребительной и опустошительной! Европа стала похожа на громадный укрепленный лагерь. Она вновь превратилась в способный взорваться от малейшей искры пороховой погреб... В мире бряцают оружием. Во многих районах земного шара уже грохочут пушки. Началась вторая империалистическая война за новый раздел мира... Итальянский фашизм принес войну в Абиссинию. Японский милитаризм предает огню и мечу Китай. Итальянские и германские фашисты опустошают несчастную Испанию... Малейший инцидент, любая провокация или покушение могут отныне послужить предлогом для развязывания всеобщей войны»¹.

Морис Торез указывает, что в подобном положении «лондонскому и парижскому правительствам пришлось обратиться к Советскому Союзу. Правда, они хотели бы заручиться заверениями и гарантиями со стороны пролетарского государства, не связывая себя взаимными обязательствами»².

¹ М. Торез. Избранные произведения. Т. I, с. 367—368.

² Там же, с. 382.

Перейдя к вопросу о взаимосвязи внутренней политики с национальной обороной, он показал, что капитуляция перед фашизмом на международной арене неизбежно повлечет наступление реакции внутри страны. Под предлогом защиты мира хотят навязать и возложить на трудящихся огромные тяготы, ограничить свободы и урезать права рабочих. Эта политика противоречит национальным интересам.

«Рабочий класс не хочет мириться с односторонними жертвами, с чрезвычайными законами, ущемляющими социальное законодательство и демократические свободы, с отменой 40-часовой рабочей недели, нарушением коллективных договоров и ликвидацией свободы труда, и без того весьма относительной... Рабочий класс не может допустить, чтобы нападали на профсоюзы, увольняли цеховых делегатов, арестовывали и осуждали лучших профсоюзных работников, в то время как убийц-кагуляров одного за другим выпускают на свободу»¹. Классовая политика, направленная против трудящихся, «не может не наносить серьезного ущерба делу национальной обороны»². Другими словами, реальное противостояние внешней угрозе предполагает отказ от всякой идеи реванша в отношении Народного фронта, от всякой идеи исключения рабочего класса из национального сообщества и, наоборот, требует проведения внутренней политики, соответствующей на международной арене антифашистской политике, способной объединить французскую нацию.

В этих условиях Морис Торез выдвигает идею правительства национальной обороны, которое черпало бы силу в поддержке рабочего класса и республиканцев, остающихся верными Народному фронту, и объединило бы в целях сохранения мира всех французов, отказывающихся уступать притязаниям Гитлера и Муссолини. Подобное правительство должно было бы проводить подлинно французскую независимую внешнюю политику. Иначе говоря, «перестало бы тащиться на поводу у английских консерваторов». Оно должно было бы призвать народ «объединиться вокруг Франции, Англии и Советского Союза», образующих фронт мира.

¹ М. Торез. Избранные произведения. Т. 1, с. 383.

² Там же, с. 384.

Габриель Пери:

**«Антифашистская национальная оборона
или подготовка к империалистической войне!»**

Таким образом, в области национальной обороны возможны два пути: опираясь на народ, мобилизовать все имеющиеся ресурсы и на деле оказать сопротивление гитлеровской угрозе или под предлогом гитлеровской угрозы и ссылаясь на необходимость обороны обуздать рабочий класс. Эти два пути являются в мае темой многих статей Габриеля Пери. Они отличаются большой ясностью и превосхищают анализ, который сделает компартия о характере войны в конце сентября.

В «Юманите» 7 мая под заголовком «Хотят ли саботировать фронт мира?» Габриель пишет:

«Есть политика, которая может спасти мир,— это политика сопротивления фашизму.

Она трансформирует политику защиты национальных интересов в защиту свобод и демократии и, исходя из них, обеспечивает участие в этой обороне наиболее решительных борцов — трудящихся, народные массы. Она обеспечивает политике защиты мира сотрудничество Советского Союза. Она воздвигает на пути войны непреодолимое препятствие.

Как только поворачиваются спиной к этой политике, сейчас единственно необходимой, то проводят политику, которая исключает СССР из оборонительной коалиции, политику, которая отстраняет пролетариат от дела национальной обороны, которая перестает быть защитой демократии. Эта политика через новый Мюнхен подготавливает империалистическую войну. Нужно открыто предупредить правительства Лондона и Парижа, что пролетариат, решивший развернуть борьбу против фашизма, остается решительным противником империалистической войны.

Имеющие уши да услышат...»

Вскоре после подписания в Милане германо-итальянского договора, именуемого «Стальной пакт», он вновь возвращается к теме о двух путях.

«Эпилог в Милане требует еще одного замечания: в то время как Германия Гитлера и Италия Муссолини укрепляют союз и договариваются о совместном ограблении, на успех которого они надеются, во франко-британском лагере британский кабинет (при одобрении

французского министра) саботирует создание фронта мира и, отказываясь от сотрудничества с СССР, устраняет основное препятствие на пути агрессора.

Когда наносится еще один удар, нельзя допустить, чтобы рабочий класс не извлек из него выводов для повседневной борьбы. В борьбе демократов, решительно настроенных спасти свободу от фашизма, рабочий класс без колебаний становится на сторону демократов. Но где отныне проходит линия размежевания? Она проходит между рабочим классом и Советским Союзом, с одной стороны, и фашистскими державами и их пособниками в Лондоне и Париже — с другой. Прежде всего нужно организовать сопротивление фашизму. Затем следует нанести удар по подготовке к империалистической войне.

Мы находимся в первом лагере.

Нужно, чтобы правительства Лондона и Парижа это знали. Нужно, чтобы не было никаких сомнений относительно позиции трудящихся... Ни в коем случае, ни под каким предлогом они не станут сообщниками политики, которая завтра пойдет на соглашение с фашизмом, а послезавтра приведет к империалистической войне».

Наконец, через два дня после пленума Центрального Комитета ФКП в Иври, ссылаясь на историю большевистской партии и ее анализ проблем войны и мира и вновь напомнив, что перед Францией два пути, он пишет: «Первая политика рассматривает национальную оборону как единое целое. Она предполагает привлечение к ней рабочего класса для защиты демократических свобод и социального прогресса.

Другая политика стремится исключить рабочий класс из национального сообщества. Она лишает его законных прав. Она несет ему только жертвы. Национальная оборона больше не является обороной от фашизма, а лишь ширмой для социальных репрессий...

Другая политика прямо ведет к войне — к империалистической войне против Советов или к империалистической войне между двумя соперничающими, но в равной мере отвратительными фашизмами, которая не была бы борьбой сплоченного народа в защиту своих прав, а превратилась бы в соперничество двух империализмов, каждый из которых поработил собственный народ...

Первая политика является политикой мира и защиты свобод против фашизма».

Центральный Комитет ФКП на заседании 19 и 20 мая

1939 года одобрил анализ, сделанный ранее Габриелем Пери. Компартия будет им руководствоваться в сентябре — октябре, после вступления Франции в войну. Тем не менее кампания Французской коммунистической партии за соглашение с СССР на основе равных прав и обязанностей не смогла заставить правительство кардинальным образом изменить политику.

Двойная игра Чемберлена

Однако под давлением событий и отчасти общественного мнения Франция и Англия соглашаются обсудить предложения СССР относительно трехстороннего пакта. 31 июля две западные державы решают послать в Москву военные миссии. Их возглавляют второстепенные лица. Если глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк (член Военного совета.— *Прим. ред.*), по-видимому, хочет добиться соглашения, то совершенно очевидно, что британский адмирал Р. Дракс (адъютант короля.— *Прим. ред.*) получил указание затягивать переговоры. К тому же он не получил никаких полномочий на подписание такого соглашения.

В этих условиях 12 августа начинаются переговоры. Сообщение о них оказалось достаточным, чтобы вызвать беспокойство у немцев еще до того, как они начались.

3 августа 1939 года Риббентроп заявил Г. Астахову *, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов. «На всем пространстве от Черного до Балтийского моря можно договориться по всем вопросам, если Советское правительство разделяет это предложение». Не скрывая, что Германия ведет секретные переговоры с Англией и Францией, он считает, «что для немцев было бы легче говорить с русскими, несмотря на все идеологические расхождения, чем с англичанами и французами». Затем гитлеровский министр предложил подписать секретный советско-германский протокол, который определил бы соответствующие зоны влияния от Черного моря до Балтики.

В этот же день, 3 августа, германский посол в Лондоне Дирксен встретился с сэром Горасом Вильсоном у него дома. Вильсон подтвердил, что вручил Вольгату программу

* Астахов Г. А.— советский поверенный в делах.—*Прим. ред.*

переговоров, включавшую подписание «Англо-германского пакта о ненападении».

Дирксен изложил этот разговор следующим образом: «Возвращаясь к своей беседе с Вольтатом, сэр Горас Вильсон остановился подробно на том, что вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдет грандиозный скандал и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Далтон уже указал вчера в Палате общин на слухи о новых чемберленовских «попытках умиротворения», и сам он, Вильсон, получил только что анонимное письмо, в котором его и Чемберлена предостерегают от такого рода маневров.

На мое возражение, что мне кажется сомнительным, что какое-либо английское правительство было бы в состоянии достигнуть какого-либо связывающего соглашения с Германией при существующем здесь настроении умов — так как каждого, кто выступает за соглашение с Германией, считают изменником и как такового клеймят — сэр Горас Вильсон ответил, что хотя и возможно прийти к такому соглашению, но потребуются применить все мастерство лиц, участвующих в переговорах с английской стороны, для того чтобы не провалить все дело. На нынешней стадии требуется прежде всего сохранять строжайшую тайну. Возник вопрос: как и в какой форме можно будет позднее осведомить общественность о планах правительства? По этому поводу Вильсон сказал, не касаясь того, справедливо это или нет, что в Англии поколеблено доверие к Германии и ее миролюбивым намерениям; важнее всего убедить британскую общественность, что она может доверять (Германии). Кроме того, можно опасаться, что в ближайшие недели или месяцы произойдут события, которые вызовут новый кризис. Британское правительство располагает сведениями, что в скором времени в германскую армию должно быть призвано 2 миллиона человек, что будто на польской границе проводятся угрожающие Польше маневры с большим количеством самолетов; если также учитывать сделанное недавно рейхсминистром Геббельсом заявление о войне нервов, которая должна быть продолжена, то можно предвидеть положение, при котором от будущих переговоров трудно ожидать успеха. Ведь не имело бы никакого смысла вести переговоры о соглашении, если предстоит новый

опасный кризис. Надо признать, что получается порочный круг, так как, с одной стороны, нельзя успокоить общественность сообщением о предстоящих переговорах (потому что это повредит переговорам), а с другой — германская сторона отказывается сделать успокоительные заявления, пока нет ясной картины в отношении переговоров. Вследствие демократической конституции Англии Чемберлену трудно обратиться к общественности с умиротворяющим заявлением, ибо он, по всей вероятности, был бы вынужден тогда вместе с кабинетом уйти в отставку. Этот порочный круг мог бы скорее быть разорван, если бы фюрер, которому нечего бояться никаких внутривластных нападков, взял бы на себя инициативу такого умиротворяющего заявления. Он тем более может это сделать, что является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который в сознании силы и достигнутых успехов может сказать свое слово, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений»¹.

7 августа Советское правительство, которое все еще надеется на успех трехсторонних переговоров, сообщает в Берлин, что оно считает несвоевременным германское предложение и отклоняет проект секретного протокола.

15 августа германский посол в Москве Шуленбург предлагает заключить пакт о ненападении. «В настоящий момент, — сказал он, — Англия и Франция стараются втянуть Советский Союз в войну с Германией... Наши взаимные интересы заключаются в том, чтобы избежать подобной бойни».

19 августа, когда трехсторонние переговоры уже зашли в тупик, И. В. Сталин еще не принял никакого решения. В этот день советские газеты резко критиковали Германию и черным по белому писали, что считают неизбежным германское нападение на Польшу. Поступившая из Варшавы корреспонденция ТАСС озаглавлена: «Германская провокация в Данциге».

Все решается 20 августа.

В этот день польское правительство еще раз подтверждает, что оно отказывается от советской помощи. Начальник Генерального штаба польской армии генерал Стахевич * заявляет английскому военному атташе: «Не

¹ СССР в борьбе за мир..., с. 529—530.

* Там же, с. 623.

может быть и речи о том, чтобы разрешить советским войскам перейти польскую границу».

В этот же день Гитлер направляет Сталину телеграмму, в которой пишет: «В любой день между Германией и Польшей может начаться кризис, в который может быть вовлечен Советский Союз, если он не согласится подписать с Германией договор о ненападении. Я предлагаю Вам,— пишет он далее,— принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа или самое позднее в среду 23 августа. Министр будет иметь все полномочия для составления и подписания пакта о ненападении».

Трехсторонние переговоры в Москве

В каком же состоянии в этот момент находятся трехсторонние переговоры в Москве? Уловки мюнхенцев избежать принятия обязательств были совершенно очевидны с 15 июня — начала дипломатических переговоров.

Они стали еще более очевидными в ходе военных переговоров в августе, когда второстепенные представители, не располагавшие к тому же полномочиями, разоблачили перед К. Е. Ворошиловым политику тех, кто их послал.

Записи переговоров не нуждаются в комментариях. Некоторые отрывки из них мы приводим.

4 августа французская военная делегация покинула Париж. Скорость грузового судна, которое везло ее из Гавра в Ленинград, не превышала 13 узлов в час.

12 августа с 11.30 до 13.30 члены военных миссий Англии, Франции и Советского Союза встретились первый раз. К. Е. Ворошилов предъявляет свой мандат, уполномочивающий его подписать военную конвенцию, генерал Думенк предъявляет свой, английский адмирал Дракс заявляет, что он не получил письменных полномочий.

Маршал К. Е. Ворошилов. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны.

Адмирал Дракс заявляет, что советская миссия находится в преимущественных условиях, так как имеет возможность непосредственно сноситься со своим правительством... Он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию не видело его правительство».

Принимается решение провести обмен информацией об оборонительных планах трех государств, а затем обсудить их.

13 августа с 10.45 до 12.30, а затем с 16.36 до 19.10 выступает генерал Думенк, маршал К. Е. Ворошилов задает вопросы. Происходит общая дискуссия.

14 августа заседания проходят с 10.05 до 14.20. Дискуссия возобновляется. К. Е. Ворошилов сразу же задает вопрос: «Как представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию или если агрессор нападет на Польшу или Румынию?»...

Ген. Думенк... Генерал Гамелен думает... что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело — защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят...

Маршал К. Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К. Е. Ворошилов. ...Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки вверх, что они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Генерал Думенк предлагает рассмотреть позднее подробно связи по морю, а также совместные действия бомбардировщиков и истребителей трех стран и спрашивает Ворошилова: «Являются ли мои объяснения достаточно ясными?»

Маршал К. Е. Ворошилов. Не ясны. Я очень извиняюсь за откровенность... По вашей схеме трудно понять, где «территориально пребывают» вооруженные силы Советского Союза и «как они физически принимают участие в общей борьбе».

Ген. Думенк. (Развертывает карту СССР и показывает район западной границы.) Это фронт, которого немцы не должны перейти ни в коем случае...

Маршал К. Е. Ворошилов. Этот «фронт», который мы всегда занимаем и который — можете быть уверены, господин генерал,— фашисты никогда не перейдут, договоримся мы с Вами или нет.

Ген. Думенк. ...Если немцы нападут на Польшу, я не думаю, что советские силы могут принять участие в борьбе прежде, чем они закончат свое сосредоточение. Позволю себе задать маршалу вопрос: в этот момент сможет ли он оказать помощь Польше, в момент, когда нападение случится?..

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора, — если он нападет. Только это я хочу знать и прошу дать мне ответ, как себе представляют эти совместные действия генерал Гамелен и генеральные штабы Англии и Франции.

Г-н генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос или, вернее, добавление к моему вопросу.

Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее.

Предполагаете ли вы, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию? И еще.

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют.

(Адмирал Дракс ведет продолжительную беседу с генералом Думенком.)

Ген. Думенк. Я согласен с маршалом, что концентрация советских войск должна происходить главным образом в этих областях, указанных маршалом, и распределение этих войск будет сделано по Вашему усмотрению. Я считаю, что слабыми местами польско-румынского фронта являются их фланги и место их стыка. Мы будем говорить о левом фланге, когда перейдем к вопросу о путях сообщения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорил о концентрации советских сил, а спрашивал насчет того, предполагается ли генеральными штабами Англии и Франции пропуск наших войск к

Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником.

Ген. Думенк. Я думаю, что Польша и Румыния будут Вас, г-н маршал, умолять прийти им на помощь.

Маршал К. Е. Ворошилов. А может быть, не будут. Пока этого не видно. У нас с поляками есть пакт о ненападении, а у Франции с Польшей имеется договор о взаимной помощи. Поэтому названный мною вопрос не является для нас праздным, поскольку мы обсуждаем план совместных действий против агрессора. На мой взгляд, у Франции и Англии должно быть точное представление о нашей реальной помощи или о нашем участии в войне. (Происходит продолжительный обмен мнениями между адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.)

Адм. Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросят ли Румыния и Польша помощи, становится совершенно очевидным.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я повторяю, господа, что этот вопрос для Советского Союза является весьма кардинальным вопросом.

Адм. Дракс. Еще раз повторяю свой ответ. Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и Румыния попросят помощи. Но это мое личное мнение, а для получения точного ответа, не оставляющего сомнений, нужно спросить Польшу.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я очень сожалею, что военные миссии Великобритании и Франции этого вопроса для себя не поставили и не привезли на него точного ответа.

(Адмирал Дракс и генерал Думенк снова обмениваются мнениями.)

Адм. Дракс. Вчера Вы, г-н маршал, попросили (высказать) наше мнение. Мы его Вам сообщили. Мы обсуждаем сейчас вопрос, решение которого зависит от польского правительства под давлением войны. Я хочу привести Вам такой пример: если человек тонет в реке и на берегу стоит другой человек, который предлагает ему спасательный круг, откажется ли тонущий человек от предложенной ему помощи? Спасательный круг будет на хо-

рошем месте, если мы будем совместно действовать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если Вы перешли на «притчи», разрешите и мне последовать Вашему примеру. Я должен сказать следующее: ну а что, если «спасательный круг» будет на таком расстоянии, что его нельзя будет добросить до утопающего? Естественно, что такой круг утопающему никакой помощи не принесет.

Ген. Думенк. Я продолжу это сравнение и скажу, что этот «спасательный круг» в первую очередь должен быть крепким и солидным. Это вопрос, на котором я настаивал с военной точки зрения с самого начала.

Маршал К. Е. Ворошилов показывает на карте, как может быть реально оказана помощь и как Советский Союз может принять своими вооруженными силами участие в совместной борьбе против агрессора.

Ген. Думенк. Это будет окончательная победа.

Маршал К. Е. Ворошилов. Неизвестно, что будет. В войне всякое бывает. Но это является предварительным условием — пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами.

В конце заседания К. Е. Ворошилов зачитывает декларацию, составленную без двусмысленности и уточняющую в п. 4:

«4. Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территории Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал»¹.

В тот же вечер генерал Думенк информирует своего министра и запрашивает инструкции. 15 августа он повторил просьбу и дал отчет о дне, «отмеченном детальным обзором советских вооруженных сил и планов и весьма

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир..., с. 571—572.

эффективной помощи, которую они полны решимости нам оказать».

16 и 17 августа заседания посвящаются военно-воздушным силам — К. Е. Ворошилов, не получив ответа на поставленные вопросы (относительно прохода войск через Польшу), 14 августа предложил отложить заседание. Адмирал Дракс предложил возобновить заседание 21 августа «в том случае, если ответ из Парижа и Лондона не будет получен раньше».

21 августа заседание начинается в 11.03. Хотя адмирал Дракс представляет «полномочия британской миссии», никакого ответа на советские вопросы не дается. К. Е. Ворошилов предлагает сделать перерыв, которого адмирал Дракс не хочет, так как «мы можем получить ответы от наших правительство в любой момент». После перерыва заседание возобновляется в 16 часов, и К. Е. Ворошилов делает заявление.

Маршал К. Е. Ворошилов. В ответ на сделанное заявление я зачитаю наше заявление.

«В своем заявлении глава английской военной миссии адмирал Дракс от имени английской и французской военных миссий поставил несколько вопросов, на которые советская миссия считает необходимым дать свои разъяснения.

1. В заявлении подчеркивается факт приглашения в СССР французской и английской военных миссий для выработки военной конвенции.

Советская военная миссия разъясняет действительное положение дел.

Настоящее совещание военных миссий Англии, Франции и СССР явилось естественным продолжением политических переговоров, которые велись между представителями Англии, Франции и СССР, целью которых, как известно, было — выработать совместный план сопротивления агрессии в Европе.

В связи с этим Советское правительство неоднократно заявляло о том, что оно не может отделить политического пакта от военной конвенции, которые должны явиться результатом политических и военных переговоров между нашими странами.

Согласившись с мнением Советского правительства, правительства Англии и Франции и командировали свои военные миссии в СССР.

2. Англо-французской военной миссии, по ее заявле-

нию, трудно понять действия советской миссии, намерения которой, по ее мнению, заключаются в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Намерением советской военной миссии было и остается — договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран.

Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участие в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могут принять участие в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это — военная аксиома.

Таково твердое убеждение советской военной миссии.

Английская и Французская миссии, к нашему удивлению, не согласны в этом с советской миссией. В этом наше разногласие.

Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

(Продолжительное совещание между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Нам желательно устроить небольшой перерыв.

Объявляется перерыв¹.

22 августа 1939 года маршал К. Е. Ворошилов и генерал Думенк встречаются в последний раз. Текст их беседы публикуется в «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series, vol. VII, p. 609—613.

Последняя встреча

Запись беседы главы советской военной миссии с главой французской военной миссии.

22 августа 1939 года.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу генерала Думенка ознакомить меня с документом, который Вы получили от своего правительства и о чем меня известили письмом, а также я хотел бы узнать, имеется ли ответ у английской миссии по тому же вопросу.

Ген. Думенк. Я не имею этого документа, но я получил сообщение правительства, что ответ на основной, кардинальный вопрос положительный. Иначе говоря, правительство дало мне право подписать военную конвенцию, где будет сказано относительно разрешения на пропуск советских войск в тех точках, которые Вы сами определите, то есть через Виленский коридор, а если понадобится в соответствии с конкретными условиями, то и пропуск через Галицию и Румынию.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это сообщение от французского правительства?

Ген. Думенк. Да, это от французского правительства, которое дало мне эти инструкции.

Маршал К. Е. Ворошилов. А как английское правительство?

Ген. Думенк. Я не знаю, получил ли адмирал Дракс подобный ответ от правительства Англии, но я знаю, что адмирал согласен с тем, что конференция может продолжаться.

Маршал К. Е. Ворошилов. Стало быть, английская делегация уведомила об этом сообщении?

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир..., с. 626—627.

Ген. Думенк. Да, я сказал адмиралу, что ответ правительства Франции получен. И я почти уверен в том, что такой же ответ должен быть и от английского правительства. Но так как я являюсь ответственным за военные вопросы, а адмирал Дракс — больше за морские, этого ответа достаточно для продолжения работ конференции.

Маршал К. Е. Ворошилов. Английская миссия, возможно, согласна с тем, что ген. Думенк ведает военными вопросами, тем не менее английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначущую роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответа английского правительства на наш вопрос, конечно, трудно будет продолжать работу совещания.

Ген. Думенк. Я думаю, что ответ британского правительства будет получен очень скоро.

Маршал К. Е. Ворошилов. Меня интересует еще другой вопрос. Я очень извиняюсь, генерал, но вопрос очень серьезный, и я считаю необходимым его задать.

Ген. Думенк. Я также хочу говорить с г. маршалом серьезно и откровенно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы не дали ответа относительно того, какую позицию во всем этом деле занимают польское и румынское правительство, в курсе ли они дел или Вы получили ответ лишь французского правительства, данный без ведома Польши и Румынии.

Ген. Думенк. Я не знаю, какие были переговоры между правительствами, я могу сказать только то, что сказало мне мое правительство.

Я хочу, пользуясь нашим разговором, задать один вопрос: есть у Вас желание быстро продвинуть это дело и подписать военную конвенцию, потому что я пришел как раз для этой цели и я вижу, что время идет.

Маршал К. Е. Ворошилов. Время идет, это бесспорно, но не наша вина, что представители Франции и Англии так долго тянули с этими вопросами.

Ген. Думенк. Я согласен с Вами. Возможно, что вначале мы имели затруднения, которые были естественными и от нас не зависели. Но я хочу снова сказать маршалу, что я готов поработать настолько быстро и настолько хорошо, насколько это возможно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я в этом не сомневаюсь. За эти немногие дни я привык к Вам и вижу Вашу искренность и желание возможно скорее заключить военную конвенцию.

Ген. Думенк. Быстро и со взаимным доверием, так, как это должно быть между военными, имеющими общего неприятеля.

Маршал К. Е. Ворошилов. Но вот прошло одиннадцать дней, и вся наша работа за это время сводилась к топтанию на месте. Поэтому я лишен возможности согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы. Я не сомневаюсь, что генерал получил положительный ответ от своего правительства. Но позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред. Я убежден, что поляки сами захотели бы участвовать в наших переговорах, если бы они дали согласие на пропуск советских войск. Поляки непременно потребовали бы своего участия, их генеральный штаб не пожелал бы остаться в стороне от вопросов, которые обсуждаются и которые так близко их касаются. Поскольку этого нет, я сомневаюсь, чтобы они были в курсе дела.

Ген. Думенк. Это возможно, но я не знаю и не могу этого сказать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Подождем, пока все станет ясным.

Ген. Думенк. Я с удовольствием могу подождать, но я не хотел бы ждать без оснований. Я откровенен с маршалом. Вместе с тем уже объявлено о том, что кто-то должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это верно. Но виноваты в этом французская и английская стороны. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались.

Ген. Думенк. Наши войска также были готовы.

Маршал К. Е. Ворошилов. В чем же тогда дело? У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели помочь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства.

Ген. Думенк. Если бы маршал был в это время во Франции, он увидел бы, что все было готово для того, чтобы сражаться.

После этих событий в Европе, если нужно создавать фронт мира, то его нужно создавать сейчас. Повторяю, что я в Вашем распоряжении и готов работать, когда Вы хотите, как Вы хотите и методами весьма конкретными.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если бы английская и французская миссии прибыли со всеми конкретными и ясными предложениями, я убежден, что за какие-нибудь 5—6 дней можно было бы закончить всю работу и подписать военную конвенцию.

Ген. Думенк. Я думаю, что сейчас нам понадобится 3—4 дня, чтобы подписать военную конвенцию. Положение достаточно ясное. То изложение, которое было сделано ген. Шапошниковым, является прекрасной базой для выработки конвенции. Со своей стороны я готов подписать основные предложения, сделанные Шапошниковым.

Маршал К. Е. Ворошилов. Кроме наших предложений должно быть также предложение англо-французской стороны. Нам нужно еще договориться насчет многих конкретных вопросов.

Ген. Думенк. Я с этим согласен. Ген. Шапошников сказал, что он собирается поставить ряд вопросов. Я с удовольствием на все эти вопросы дам ответы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Давайте подождем, пока картина будет ясна, когда мы будем иметь ответ от английского правительства и нам станет ясна позиция Польши и Румынии, тогда мы и соберемся. Если этого не будет, тогда и собираться нет надобности, потому что никаких результатов в этом случае быть не может. Нужно, чтобы эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает, чтобы это был ответ английского и французского правительств, согласованный с польским и румынским правительствами. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать.

Ген. Думенк. Я буду иметь в виду эти вопросы маршала и по получении ответов на них немедленно поставлю об этом в известность маршала. Но в настоящее время, я думаю, что мы, военные люди, работающие вместе, можем рассмотреть достаточно точно различные варианты военных действий. В этом случае мы все-таки выиграем время.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если будет разрешен основной вопрос, тогда все другие вопросы, если никаких политических событий за это время не произойдет, нам

нетрудно будет разрешить. Мы потом быстро договоримся. Но я боюсь одного: французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события. Подождем. Чем скорее будет ответ, тем быстрее мы можем окончательно решить, как быть дальше.

Ген. Думенк. В настоящих условиях время дорого. Поэтому я согласен и на рассмотрение проекта конвенции, предложенного маршалом, и на то, чтобы представить вниманию маршала свой проект. Это даст возможность выяснить достаточно конкретно желания различных сторон.

Маршал К. Е. Ворошилов. Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить, для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того как все эти вопросы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя.

Ген. Думенк. Если уж мне мое правительство сказалось «да», то я не думаю, что оно сказалось это легкомысленно. Если я сообщил, что мое правительство сказалось «да», то я считаю, что мы можем начать работу. Сейчас маршал меня спрашивает о новых политических гарантиях. Я готов их запросить, но я боюсь, это создаст представление, что мы не хотим быстро заключить эту конвенцию.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы меня, по-видимому, не так поняли. Я не говорил о новых гарантиях. Я сказал только следующее: если ничего в политике не произойдет за это время, тогда мы быстро сможем договориться. Как только картина будет ясна и на наш вопрос будет получен от французского и английского правительств ответ, согласованный с правительствами Польши и Румынии, тогда мы быстро договоримся, и все наши практические вопросы будут решены. Но это, повторяю, в том случае, если до тех пор не произойдет никаких политических событий.

Ген. Думенк. Я понимаю маршала так, что речь идет о декларации или заявлении польского правительства.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нет, это не так. Я спрашиваю, есть ли ответ, подтвержденный правительствами Польши и Румынии, или только ответ французского пра-

вительства, который может быть таким: мы поставили вопрос перед Польшей и надеемся получить положительный ответ и т. д. Это для нас не ответ. Это будет лишней проволочкой времени. Я верю генералу всей душой, а он верит своему правительству, но тут нужна абсолютная ясность. Нужно иметь точный ответ правительств этих стран о том, что они согласны на пропуск наших войск.

Ген. Думенк. Я не думаю, что мы имеем желание ввести Вас в заблуждение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нет, не в заблуждение. Мы поляков хорошо знаем. Поляки, естественно, захотят выяснить некоторые вопросы, если с ними заранее не договориться, а мы с вами не знаем, осведомлены ли они вообще об этом.

Ген. Думенк. Я, может быть, знаю их несколько хуже, чем маршал, но я все-таки хочу Вас спросить: считаете ли Вы возможным начать наше совещание или его отложить?

Маршал К. Е. Ворошилов. Предмета для разговора у нас сейчас нет. До тех пор пока мы не получим ответа, все разговоры будут бесполезными.

Ген. Думенк. Мое мнение другое. Нет вообще бесполезной работы. Мы Вам доверяем и считаем, что эта работа будет основной и полезной. Например, вопрос о Виленском коридоре нужно изучить весьма точно для того, чтобы знать все недостатки и преимущества этого направления. Это полезно даже в том случае, если нужно будет потом работать вместе с поляками, о чем только что говорил маршал.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я сказал уже, что если бы поляки дали положительный ответ, то они потребовали бы своего участия в наших переговорах, поскольку этого нет — значит они не в курсе или не согласны.

Ген. Думенк. Я вижу, что маршал не имеет намерения в ближайшее время продолжать работу нашей конференции, и я могу это констатировать. Все же я считаю, что нам имеет смысл продолжить нашу работу.

Маршал К. Е. Ворошилов. На этот вопрос наша делегация уже дала свой ответ: до получения ясного ответа на поставленные нами вопросы мы работать не будем.

Ген. Думенк. Вопросы практические не всегда легко и быстро разрешаются. Практические вопросы тоже требуют достаточного изучения, и эту работу я предлагаю продолжить. Эта работа будет полезной перед заключе-

нием конвенции, к тому же она не обязывает ни одну, ни другую сторону.

Маршал К. Е. Ворошилов. Мы на бесполезную работу не можем тратить времени. Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать.

Ген. Думенк. Мы разговаривали друг с другом довольно свободно, но вместе с тем мы говорили о вещах, требующих большой точности. Я был бы очень доволен, если бы маршал переслал мне запись нашей беседы. Это только для меня.

Маршал К. Е. Ворошилов. Хорошо. Как только у Вас все выяснится, Вы сообщите через ген. Паласа или непосредственно напишите мне¹.

Этот последний разговор стоит учебника по истории. Здесь есть все: беспокойство французского генерала, связанного «инструкциями» одного из главных могильщиков Франции — Даладье, воля к миру страны социализма. Можно понять, почему этот документ скрывали от общественности и депутатов: сорок четыре года спустя он выжигает глаза ярче тысячи солнц. Может быть, он заставит вспомнить белых генералов, которые переделали формулу: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт» — на свой лад: «Лучше быть мертвым, чем красным». Но мертвым не может быть хорошо.

Советский Союз находится перед драматическим выбором. Отложить заключение пакта с Гитлером, что он делал до этого момента, означало весьма вероятную возможность быть втянутым в неизбежную войну с Германией, и без военной поддержки западных держав. Это означало также одному вести войну на два фронта. Ибо в этом же месяце — августе 1939 года — японские милитаристы напали из Маньчжурии на народную Монголию. Советский Союз согласно договору оказал ей военную помощь. Бои, которые велись в тот момент, могли вылиться в настоящую войну.

Принять германское предложение значило отвести немедленную угрозу и получить передышку для усиления своей обороноспособности. Москва считает, что главная цель СССР в этот момент, когда стало ясно, что заключение трехстороннего пакта невозможно, заключалась в том, чтобы не быть втянутым в войну. Окончательно убе-

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир..., с. 631—636.

дившись, что Великобритания и Франция не хотят заключения военного союза, советские руководители 23 августа подписывают в Москве пакт о ненападении.

Существовал ли союз между коммунизмом и нацизмом!

Спустя полвека советско-германский пакт о ненападении подается буржуазными историографами как удар в спину западным державам, как измена делу мира и свободе народов. Подобное суждение снимает решающую ответственность западных держав, пытается вычеркнуть из истории реалии мюнхенской политики и ее трагические последствия. Оно фальсифицирует советскую политику, которая до последней минуты руководствовалась стремлением создать фронт демократий против сил фашизма. Те, кто поддерживает подобные суждения, пытаются утверждать, что якобы задолго до августа 1939 года Советский Союз рассматривал возможность подобного соглашения с Германией. В доказательство они ссылаются на замену в наркомате иностранных дел М. М. Литвинова В. М. Молотовым в мае 1939 года. Однако развитие событий показывает, что замена не вызвала никакого изменения советской внешней политики, изменения тона в прессе или в официальных заявлениях в отношении нацистской Германии. Она остается опасностью номер один для дела мира, опасностью, которой миролюбивые державы должны противопоставить единый фронт. В конце мая на сессии Верховного Совета СССР народный комиссар финансов А. Г. Зверев сообщил, что расходы на оборону в 1939 году почти удвоятся. Это он объяснял следующим образом: «Чем сильнее мы станем, тем меньше опасности того, что будет поколеблен мир, и фашистские агрессоры будут колебаться, прежде чем напасть на нашу страну» *. При этом подразумевается Германия.

* В докладе о государственном бюджете СССР на 1939 год А. Г. Зверев заявил, что на оборону СССР на 1939 год намечено ассигновать 40 885 млн. руб. (1938 год — 23 151 млн. руб.) и что «эти вложения поднимут оборонную мощь нашей Родины на новый, еще более высокий уровень — и несдобровать тем сумасшедшим, которые попытаются еще раз (после событий у озера Хасан. — *Прим. перев.*) прикоснуться к священной границам Советского Союза!». И далее — «С огромным подъемом и одобрением все депутаты Верховного Совета СССР, весь советский

На этой же сессии В. М. Молотов произносит первую речь в качестве наркома иностранных дел. Если он и подверг критике Англию и Францию, то лишь за их попустительское в отношении фашистских держав. Главное в его речи — нападки на Германию. Напомнив последствия мюнхенской политики для Европы, он заявил: «Агрессивные страны становятся сегодня все более наглыми. С другой стороны, представители демократических стран, повернувшись спиной к коллективной безопасности и проводя политику непротивления агрессии, хотели бы в настоящее время замаскировать, до какой степени международное положение ухудшилось». В. М. Молотов указал, что Советский Союз не отказывается от поисков соглашения с западными державами. «По некоторым признакам, — заявляет он, — можно видеть, что демократические страны все больше отдают себе отчет в тех губительных последствиях, которые порождены их политикой невмешательства, и в необходимости создать единый фронт миролюбивых стран против агрессора». Молотов последовательно проводит политику коллективной безопасности. Единственное, что поставлено под сомнение после ухода Литвинова, — так это доверие, которое он испытывал по отношению к западным державам. При Молотове дело идет о том, чтобы добиться от этих держав решения. Назначение нового наркома иностранных дел отвечало стремлению советских руководителей, которые в тот момент вступили в новую фазу чрезвычайно опасной международной обстановки, в любой момент она могла привести к войне. Следовательно, больше нельзя было вести бесплодные разговоры. Советская дипломатия была вынуждена искать решение, которое гарантировало бы СССР безопасность и позволило бы избежать очень тяжелой войны. Не колеблясь, до последнего момента он пытается договориться с западными державами и соглашается принять германское предложение, поскольку альтернативы нет. Пакт 23 августа был подписан в обстановке, когда западные державы уклонились от своих обязательств. Он не стал непосредственной причиной войны. С этим пактом или без него Гитлер все равно напал

народ встретили ассигнования на оборону, на укрепление военной мощи социалистического государства». — А. Г. Зверев. Государственный бюджет СССР на 1939 г. Госкомиздат, М., 1939, с. 33, 42. См. также «Третья сессия Верховного Совета СССР, 25—31 мая 1939 г. Стенографический отчет». М., 1939, с. 320, 389. — *Прим. перев.*

бы на Польшу в начале сентября. Еще до того, как он предложил этот пакт, ему было известно, что Польша категорически отказалась от советской военной помощи. Он стремился отколоть СССР от западных держав, чтобы в первый момент после уничтожения Польши иметь свободу рук на Западе. В антисоветском ослеплении Франция и Англия сделали все, чтобы облегчить этот замысел.

В опубликованном 27 августа интервью газете «Известия» К. Е. Ворошилов уточняет: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹.

Через четыре дня, 31 августа, В. М. Молотов изложил на сессии Верховного Совета, в каких условиях СССР подписал этот пакт. Он подтвердил заявление К. Е. Ворошилова: англо-французская пресса старается распространить «неправду, что будто бы заключение советско-германского договора о ненападении помешало переговорам с Англией и Францией о пакте взаимопомощи. Эта ложь заклеяна в интервью т. Ворошилова. В действительности, как стало известно, дело обстоит наоборот. Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине франко-английских правящих кругов»².

В. М. Молотов объяснил этот тезис, подробно напомнив историю переговоров с западными державами. Он определил смысл пакта от 23 августа следующим образом: «Отныне СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии». Он «проводит и будет проводить свою собственную, самостоятельную политику, ориентирующуюся на интересы народов СССР, и только на эти интересы»³. Такова будет позиция СССР в течение два-

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир..., с. 642—643.

² См.: Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР, 28 августа — 1 сентября 1939 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР, 1939, с. 204.

³ Там же, с. 205.

дцати двух месяцев, которые последуют до германского нападения 22 июня 1941 года.

Многие западные историки стараются изобразить советско-германские отношения этого периода как союзнические, пытаясь тем самым снять с западных держав ответственность за развязывание второй мировой войны. В действительности советская политика с сентября 1939 года по июнь 1941 года была направлена на то, чтобы удерживать Берлин в рамках его обязательства о ненападении и избежать преждевременного вступления СССР в войну.

В то же время между СССР и Германией продолжается напряженная дипломатическая борьба прежде всего в странах Северной Европы и на Балканах. Гитлеровская Германия стремилась создать из захваченных ею стран и стран-сателлитов плацдарм для нападения на Советский Союз. В ходе этой борьбы Советский Союз вернул украинские и белорусские земли, расположенные к востоку от «линии Керзона»; в Бессарабии, Литве и Эстонии была восстановлена Советская власть; был завершен вооруженный конфликт с Финляндией. Следовательно, все это достаточно далеко от того, что определяется как «сговор» или «соглашение» СССР с Германией. Что касается экономического сотрудничества, то в этот период оно очень незначительно. Тенденциозные оценки советско-германских экономических отношений в 1939—1941 годах, которые якобы способствовали значительному укреплению военно-промышленного потенциала Германии, лишены всяких оснований. В этот период поставки советского сырья в Германию не превышали 2% общего импорта сырья.

СССР никогда не питал иллюзий в отношении пакта о ненападении от 23 августа, а также относительно намерений Германии. 31 августа на заседании Верховного Совета СССР В. М. Молотов после того, как он объяснил причины подписания пакта, заявил: этот договор «не может ослаблять нашу бдительность в защите коренных интересов трудящихся Советского Союза. Договор подкреплен твердой уверенностью в наших реальных силах, в их готовности на случай любой агрессии против СССР»¹. Кто же мог быть агрессором, если не гитлеровская Германия?

¹ Там же, с. 205.

В. М. Молотов заявил далее, что Советское правительство не отказалось от идеи коллективной безопасности и готово продолжить переговоры с Великобританией и Францией о заключении пакта о взаимопомощи¹. Несмотря на усилия ФКП в сентябре — октябре, о которых пойдет речь ниже, на это предложение ответили лишь спустя два года, когда война охватила всю Европу и события привели к образованию великой антифашистской коалиции, которую Советский Союз тщетно пытался создать в 1939 году.

Французские коммунисты и советско-германский пакт

Вечером 21 августа французское радио передало сообщение, что «правительство рейха и Советское правительство решили заключить пакт о ненападении». Общественное мнение потрясено. Ожидали сообщения о трехстороннем пакте, который спас бы мир. Однако произошло кардинальное изменение обстановки: СССР и Германия подписывают договор о ненападении. Официальная пропаганда немедленно подает это как предоставление Советским Союзом свободы рук гитлеровской Германии для проведения агрессивной политики в Европе. Французские руководители и все мюнхенцы видят в этом удобный случай, чтобы обелить себя и заставить забыть о их решающей ответственности за такое развитие событий.

¹ Там же, с. 205—206. В сообщении на Внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о ратификации договора о ненападении между Советским Союзом и Германией говорилось о верности СССР ленинскому принципу мирного сосуществования и были повторены слова И. В. Сталина на XVIII съезде партии о том, что СССР стоит «за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и стоять будем на этих позициях, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не пытаются нарушать интересы нашей страны», а также тезис о том, что договор о ненападении с Германией «суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира, — он должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепление наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие». Прямых заявлений о готовности СССР продолжить переговоры с Великобританией и Францией в сообщении от 31 августа 1939 года не содержится. Они имеются в советско-германской декларации от 28 сентября 1939 года (см. прим. к с. 108 и 149). — *Прим. перев.*

Сообщение о пакте застаёт врасплох как общественное мнение, так и активистов и руководителей Французской коммунистической партии.

Морис Торез, Жанетта Вермерш и семья Казанова, которые только что начали отдыхать в Южных Альпах, 22 августа покидают на автомобиле Сен-Мартен-Везюби и направляются в Париж, куда прибывают утром 24-го.

На улице Ле Пелетье у дома 44 они встречаются с Артюром Далиде и Мунетт Дютейль, прибывшими из Нанта. Жак Дюкло вместе с Жоржем Политцером и его женой Майей и сыном Мишелем на автомобиле, которым управляет Жильберта Дюкло, едут целый день и поздно ночью 24-го пребывают в Монтрей.

Жак Соломон и его жена Элен, урожденная Ланжевен, едут за ними во второй машине. Накануне Майя Политцер дала пощечину в ресторане Баньер в Бигоре актрисе Элен Педриер, которая пыталась приветствовать Дюкло фашистским приветствием.

С начала лета компартия внимательно следит за англо-франко-советскими переговорами. Она разоблачает уловки и трудности, создаваемые западными державами, и ратует за быстрое заключение соглашения. Она не предвидела в случае провала этих переговоров возможности подписания германо-советского соглашения. Ее реакция на сообщение об этом пакте заключалась в том, чтобы увязать борьбу против фашизма с новыми условиями, созданными пактом. В частности, она продолжает призывать к заключению трехстороннего соглашения в соответствии с советскими предложениями.

22 августа «Юманите» пишет, что «переговоры в Москве служат делу мира в Европе». 23 августа в статье, подписанной заместителем главного редактора газеты Ж.-П. Дарнаром, разъясняется этот тезис.

«Если позиция СССР спутала мюнхенские планы,— пишет он,— то это тем не менее не мешает Франции и Англии договориться с Москвой для того, чтобы лучше обеспечить взаимную безопасность и независимость народов.

Самолет в Москву отправляется каждое утро около 8 часов, господин Даладье.

Советская твердость и ее результаты дают вам прекрасный пример. Подпишите договор! Дайте вашим военным делегатам инструкции завершить переговоры, а не тянуть время.

Идите вперед! Примите участие в создании механизма системы безопасности, предупреждения агрессии и обеспечения гарантий народам».

В этот же день Л. Арагон пишет в «Се Суар»: «Трехсторонний пакт (который не является простым пактом о ненападении, а документом о союзе и остается решающим элементом фронта мира) очень хорошо дополнит германо-советский пакт о ненападении. Ибо трехсторонний пакт никогда не рассматривался народами Франции, Англии и СССР как орудие войны, а лишь как орудие мира, как орудие против агрессии, против того, чтобы использовать подписание такого пакта сторонниками агрессии».

23 августа такой пакт подписан в Москве Риббентропом и Молотовым.

24 августа «Юманите» выносит в заголовок: «СССР во главе защиты мира». Ж.-П. Дарнар оценивает пакт лишь как часть системы коллективной безопасности в Европе и призывает дополнить его трехсторонним соглашением, которое ни в чем бы ему не противоречило. «От Франции и Англии зависит,— пишет он,— усилить энергичную и разумную политику, отвечающую делу мира. Для этого достаточно заключить англо-франко-советский союз. Нужно только послать военным делегациям инструкции, с тем чтобы добиться этого».

Большинство историков, которые писали об этом периоде, считают это предложение на редкость нереалистичным. В книге «ФКП и война» Стефан Куртуа квалифицирует его «как пустое разглагольствование».

Однако необходимо учитывать, что подобное предложение было сделано советскими представителями и повторено В. М. Молотовым в его речи 31 августа *. Нужно было попытаться прийти к соглашению о коллективной безопасности, но на этот раз с участием СССР, а не без него, как это было в Мюнхене.

В тот момент некоторые политические деятели Великобритании, враждебные политике Чемберлена, приняли это предложение всерьез.

Бывший лидер Либеральной партии лорд Самуэль заявил: «Следует ожидать, что русские объяснят нам, как нужно оценить новое соглашение в свете переговоров, которые Россия ведет с Великобританией и Францией.

* См. примечание к стр. 106 и 149.

Ничто не позволяет нам утверждать заранее, что два пакта будут несовместимыми».

То, от чего откажутся в конце августа 1939 года, будет существовать в 1941—1942 годах, когда под давлением событий сложится великая антифашистская коалиция и когда станет ясно, что без решающего участия Советского Союза победить Гитлера нельзя.

25 августа в «Юманите» наряду с текстом пакта о ненападении публикуется заявление компартии. В нем напоминает мирная политика Советского Союза и его эффективная помощь народам, ставшим жертвами агрессии (Испания, Китай, Чехословакия). Ответственность в нем возлагается на истинных виновников; разоблачаются мюнхенское соглашение и саботаж западными державами переговоров с СССР. Заявление заканчивается горячим призывом к борьбе против фашизма: «Коммунистическая партия... более чем когда-либо является непримиримым врагом международного фашизма, в первую очередь гитлеровского, самого зверского, главного поджигателя войны, самого опасного противника демократии. Она призывает всех коммунистов и массы, симпатизирующие ей, выполнить свой долг по защите демократии, свободы и мира... В действенной борьбе против агрессивного фашизма коммунистическая партия требует, чтобы ей было предоставлено место в первых рядах».

Впоследствии «Юманите» продолжает кампанию за подписание трехстороннего соглашения. «Повторяем,— пишет она,— Франция и Англия могут и должны не отзывать свои военные миссии, а, наоборот, участвовать в создании широкой системы безопасности, в которую советско-германский пакт может вписаться наряду с другими пактами...»

В «Се Суар» Арагон пишет: «Между Францией и Польшей имеется договор о взаимопомощи. Иначе говоря, если Польша станет жертвой агрессии, Франция должна прийти на помощь. Каждый настоящий француз, который не хочет, чтобы повторилась постыдная мюнхенская сделка, желает, как и мы, чтобы Франция выполнила свои международные обязательства».

Во второй половине дня 25 августа Центральный Комитет и парламентская группа компартии собрались на совместное заседание. Морис Торез в своем докладе рассматривает советско-германский пакт в связи со всеми происшедшими событиями, оправдывает решение Совет-

ского правительства и с большой силой подтверждает антифашистскую линию Французской компартии. Парламентская группа принимает коммюнике, в котором ясно определены позиции компартии в связи с происшедшими событиями:

«Морис Торез на собрании парламентской группы коммунистов, состоявшемся в пятницу 25 августа, сделал обзор общего положения. Он, в частности, заявил: «Через год после Мюнхена мы вновь находимся в положении, когда народы в любой момент могут оказаться втянутыми в войну.

Гитлеровский фашизм, жаждущий новых завоеваний, представляет постоянную угрозу для безопасности народов. Что можно сделать, чтобы помешать новой агрессии? Советский Союз, верный своей миролюбивой политике, проводил политику раскола блока агрессоров, который образовался на основе «Антикоминтерновского пакта».

Как подчеркивает «Пти Паризьен», советско-германский договор поверг в уныние Японию, Испанию и Венгрию, поскольку СССР сорвал мюнхенские планы.

Но если, несмотря ни на что, Гитлер развяжет войну, пусть знает, что он столкнется с враждебным ему, сплоченным французским народом и с коммунистами, которые будут в первых рядах защитников страны, свободы и независимости народов.

Вот почему наша партия одобряет принятые правительством меры, направленные на защиту наших границ и оказание в случае необходимости помощи нации, которая могла бы подвергнуться агрессии и с которой мы связаны союзническим договором. Именно потому, что мы желаем мира и безопасности для Франции, мы выступаем за заключение франко-англо-советского союза, что еще вполне возможно и необходимо. Подобный союз дополнил бы и с пользой конкретизировал бы франко-советский пакт о взаимопомощи, остающийся в силе.

Коммунисты в этих серьезных условиях призывают всех французов к объединению, которое вынудит отступить фашистских поджигателей войны.

Парламентская группа коммунистов полностью одобряет доклад Мориса Тореза».

Французы не увидят текста этого доклада, опубликованного 26 августа в «Юманите». Вечером 25 августа правительство издает декрет о запрещении «Юманите» и

«Се Суар». Оно оправдывает это решение соображениями национальной обороны. Однако позиция компартии совершенно ясна, и, что бы ни говорили об ее отказе осудить советско-германский пакт, он не оказывает влияния на политику, проводимую в национальных интересах Франции. На рассвете 26 августа полиция конфискует весь тираж «Юманите». Через всю газету большими буквами идет заголовок: «Союз французской нации против гитлеровского агрессора». Под заголовком можно прочитать: «Для всех, кто хочет защитить независимость и будущее нации, дело не идет о том, чтобы интерпретировать различные высказывания о происходящих событиях. Настало время для объединения французов. Если Гитлер осмелится предпринять шаг, который задумал, французские коммунисты будут в первых рядах борцов за независимость народов и за демократию...» Именно об этом накануне говорил Габриель Пери в комиссии по иностранным делам палаты депутатов.

Однако общественность не узнает о позиции, занятой французскими коммунистами.

Москва в конце августа

В конце августа бюро Исполкома Коминтерна хотело собрать заседание Исполкома. Торез, как и Тольятти, был проинформирован об этом Клеманом, который совершил поездку по маршруту Брюссель — Париж (в нем он пробыл два дня) в период между 26 и 28 августа. Свидетельства этого присутствия мы находим в записной книжке Мориса Тореза *.

«В первую неделю. Я четко сказал об СССР (я уже сказал, что наша позиция ясна в отношении Советского Союза.— *Прим. авторов*)...

Вопрос об обороне страны против агрессии. Остаемся оборонцами, анализируя быструю эволюцию, которая может привести к изменениям.

Мой разговор с Э. (Эрколи), наши дискуссии с КЛ (Клеман): мое положение и мое пребывание за границей».

Сегодня мы знаем, что в течение первой недели августа Морис Торез направил в Москву двух эмиссаров. Первый — Анри Пуртале, депутат от департамента Примор-

* IRM SR 50197, p. 14.

ские Альпы — совершил поездку за два дня — 26 и 27 августа, не сумев встретиться с ответственным партнером. Второй — Артюр Далиде — имел контакт с человеком, которого он очень хорошо знал: с Мануильским. Его поездка совпала по времени с присутствием Клемана в Париже или сразу же после этого. Однако и в этом случае посланец вернулся без нужной информации, которую можно было получить только в Коминтерне.

Торез отказывался от поездки в Москву. «Что они скажут, если я сейчас уеду!» — сказал он (имея в виду представителей правых. — *Прим. перев.*) Артюру Далиде. Он не ошибся, что Тольятти, арестованный 1 сентября по подложному чилийскому паспорту, несомненно, сожалел, что не воспользовался его примером.

Париж в конце августа

Пребывание Клемана в Париже подтверждает Раймон Далиде. Как-то Раймон Далиде ехал в «ситроене», принадлежавшем Ракамону. Он возвращался к себе в Монруж, когда на Внешних бульварах его обогнала машина и заставила остановиться. Он узнал Треана и его пассажира Клемана. В разговоре речь шла о положении, в котором оказались Бенуа Фрашон и Ракамон после инцидента в Бюро ВКТ с Беленом *, через год подписавшим декрет о роспуске профсоюзного центра.

Миссия, которая была поручена Клеманом Черрети (Аллару), относится к периоду, последовавшему за этой встречей. Черрети вспоминает, что 1 сентября он выехал из Брюсселя экспрессом Амстердам — Париж, чтобы передать Секретариату ФКП приглашение принять участие в совещании секретарей европейских компартий в Брюгге, к которым должны были присоединиться ряд членов Политбюро. На встречу были приглашены шведы, датчане, норвежцы, англичане, испанцы, французы, итальянцы и другие. Это совещание созывалось ИККИ, который принял во внимание трудности политического характера, которые могли возникнуть для Генерального секретаря ФКП в случае его поездки в Москву.

* Белен, Рене — бывший социалист, секретарь Всеобщей конфедерации труда, перешедший на сторону оккупантов и вишистских предателей, министр труда в правительстве Петена. — *Прим. перев.*

Совещание в Брюгге планировалось провести в сентябре. Оно должно было предшествовать заседанию Президиума ИККИ в Москве, проведение которого было уже намечено, и прояснить некоторые вопросы. Однако вскоре оказалось, что это совещание не может состояться. Накануне Витторио проинформировал Треана об аресте Эрколи (Тольятти), и Треан, как и Торез, должен был 3 сентября отправиться в свою воинскую часть. В этих условиях Фрашон не мог уехать. Заседание не состоялось. Черрети-Аллар добился только отъезда казначея партии Эмиля Дютейля — отца Мунетт — и сам отправился в Бельгию в конце первой недели сентября. Он дошел туда пешком, пройдя через проход, использовавшийся контрабандистами.

Москва в начале сентября

Нападение на Польшу, вступление в войну Англии и Франции, репрессии против ФКП находились в начале сентября в центре дискуссий в Секретариате Президиума ИККИ, который собрался на заседание в отсутствие Тореза, Эрколи, Кодовильи и после отмены совещания секретарей европейских секций в Брюгге.

Раймон Гюйо, находившийся еще в Москве, укладывал чемоданы. Напрасно настаивал Г. М. Димитров: «Было бы лучше, если бы ты остался. Ты нужен здесь». Раймон Гюйо, будучи депутатом парламента, подлежащим мобилизации на 16-й день, пошел во французское посольство, чтобы добиться возвращения на родину. Его подняли на смех, говоря, что война будет короткой и он зря беспокоится. Гюйо продолжал настаивать и в середине сентября через Швецию, Голландию и Бельгию прибыл во Францию.

Во Франции уже десять дней руководители компартии были в центре грозы, которая разразилась в связи с назревавшей войной. Раметт вспоминает об этом времени:

Свидетельство Артюра Раметта

«Я спокойно проводил отпуск в моем домике в Анише — маленьком городке шахтеров и стекольщиков в округе Дуэ, депутатом которого я был, когда 22 августа вечером узнал по радио о новом пакте. Шок был тем более велик,

что мы не предусматривали подобной возможности. В течение месяца компартия вела интенсивную кампанию в пользу трехстороннего соглашения. Мы знали, что если соглашение не будет достигнуто, война станет неизбежной, но мы не представляли себе альтернативы в форме советско-германского пакта.

Наш местный еженедельник «Аншене» писал 6 августа: «Учитывая подрывную работу мюнхенцев в отношении создания фронта мира, как не быть пессимистом по поводу подлинного значения инструкций, данных французской и английской военным миссиям, находящимся в настоящее время в Советском Союзе? Их отправили туда с твердым намерением не прийти ни к какому конкретному результату. В решающий момент, когда на карту поставлена судьба мира, в эти ужасные дни необходимо проявить высочайшую бдительность, с тем чтобы разоблачить маневры мюнхенцев и подписать с СССР договор, который даст миру мир».

Единственным положительным моментом ситуации была заметная эволюция общественного мнения, которое отдавало себе отчет, что Мюнхен не принес мира. С этой точки зрения мы набирали очки. Мы разорвали относительную изоляцию, в которую попали после нашего осуждения Мюнхенского соглашения. Коммунистам внимали все больше, ибо события подтверждали их правоту. Под давлением общественного мнения, выступавшего за трехсторонний пакт, речи Даладье становились все тверже в отношении гитлеровской Германии. Но мы оставались весьма недоверчивыми и не давали успокоиться общественному мнению. 13 августа на праздник «Аншене» в городке Брюнемон около Дуэ собралось 30 тыс. человек. Состоялся большой митинг, на котором я призвал к борьбе за мир. Я разоблачал секретные маневры английского и германского правительств и выдвинул лозунг: «Никакого Мюнхена номер два. Требуйте немедленного заключения англо-франко-советского соглашения!»

Таким образом, в августе мы очень хорошо отдавали себе отчет в нараставшей сложности положения. Мы знали, что московские переговоры могут не увенчаться успехом. Морис Торез был в Сен-Мартэн-Везюби. Жак Дюкло — в родных Пиренеях. Життон обеспечивал работу Секретариата. Я не думаю, что до 21 августа от Клемана поступала хотя бы минимальная информация о возможном исходе событий. Если бы Политбюро было информи-

ровано, то Морис немедленно возвратился бы в Париж. В действительности, как я понял это впоследствии, Клеман узнал о советско-германском пакте тогда же, когда и мы. Только в середине августа он выехал в Брюссель. Его отъезд из Франции, планировавшийся за многие месяцы до этого, был связан с новым поручением Коминтерна.

Моя первая реакция на сообщение о пакте заключалась в том, что я выразил доверие Советскому Союзу, руководствуясь не только чувствами, ибо это была страна революции и социализма, но и тем, что все его предыдущие действия были отмечены непримиримым антифашизмом. На международной арене он всегда занимал позиции, которые преграждали путь гитлеровской опасности. У меня не вызывало сомнений, что СССР не имел другой альтернативы.

22 и 23 августа я провел собрание партийных активистов региона Нор — Па-де-Кале. Потрясение было велико, но люди держались хорошо. Конечно, давление на наших активистов на заводах, на наших депутатов и особенно на наших мэров было велико, поскольку правительственная пропаганда подавала договор не как пакт о ненападении, а как соглашение Гитлер — Сталин, как измену делу мира.

Правительство натравливало общественность на коммунистов, чему способствовал растущий страх перед войной. Коммунистов оскорбляли на улице, на заводах. Ничего подобного я не переживал. Меня слишком хорошо знали в моем округе, чтобы подозревать в измене делу трудящихся, мира, но те же самые люди, которые накануне бежали навстречу, увидев меня переходили на другую сторону улицы, чтобы не здороваться со мной. Это были страшные дни изоляции. Мы не могли даже выступать, нас больше не слушали. Через несколько дней правительство лишило нас всех средств информации, запретив «Юманите» и всю коммунистическую прессу.

И тем не менее в эти трудные дни компартия упорно боролась, она давала отпор.

24 августа я выехал в Париж. Во второй половине дня собралось заседание Политбюро. Морис Торез возвратился из Приморских Альп. Его способность анализировать и смелость в принятии решений были весьма ценными в эти трудные дни.

В основном он повторил аргументацию, которую изло-

жил на пленуме ЦК ФКП в Иври в мае: вторая мировая империалистическая война за новый передел мира началась. Он охарактеризовал фашизм как агрессивную силу, напомнив установку VII конгресса Коминтерна: фашизм — это война. Политика СССР неизменна. Пакт оставляет открытой дверь для трехстороннего соглашения между Москвой и западными державами. Это единственный шанс для спасения мира.

Франция должна стать на этот путь. Она нуждается в правительстве национальной обороны, опирающемся на народ и отказывающемся уступать притязаниям Гитлера. Коммунисты остаются в первых рядах борцов против порабощения и войны. На следующий день Морис повторил свой анализ на заседании Центрального Комитета и парламентской группы.

Вопреки огромному давлению, оказывавшемуся на коммунистов, они в своем большинстве твердо стояли на позициях компартии, считая, что война неизбежна, что советско-германский пакт создал временную и ненадежную ситуацию и СССР рано или поздно будет вынужден вступить в конфликт и вести борьбу против гитлеровской Германии. Пакт имел то преимущество, что предоставлял Советскому Союзу время подготовиться. Таково, в частности, было мнение Габриеля Пери».

Письмо Жака Садуля Марселю Кашену

Идеи, о которых упоминает Артюр Раметт, разделялись большинством участников пленума Центрального Комитета. Они изложены в письме Жака Садуля Марселю Кашену от 26 августа. Это письмо во многих отношениях представляет большой интерес. Жак Садуль, находившийся в СССР с 1917 по 1924 год, с 1932 года был корреспондентом газеты «Известия» в Париже. В этом качестве он имел многочисленные контакты с французскими и советскими руководителями и являлся одним из лучших специалистов по франко-советским отношениям. 26 августа, через несколько дней после сообщения о заключении пакта и еще до каких-либо разъяснений советских официальных лиц Садуль сообщил Кашену о трех беседах, которые он имел в Париже с послом СССР Я. З. Сурицем, а также высказался о дальнейшем развитии событий.

По мнению Садуля, после Мюнхена советские руководители перестали верить в искренность французских и британских руководителей, заявлявших о своем желании оказать вооруженное сопротивление проискам Германии, а на деле опровергавших эти заявления.

«Суриц, — писал он, — убежден, что в любом случае Франция и Англия не выступят с оружием против Гитлера. Если же под непреодолимым давлением событий и общественного мнения своих стран они будут вынуждены это сделать, то будут бороться впосилы и не доведут до конца войну. Они вступят в нее с тайной мыслью во что бы то ни стало добиться компромиссного мира с Гитлером, то есть прийти к новому Мюнхену, еще более постыдному и ужасному для демократии». В письме отмечалось, что после захвата Чехословакии «советские руководители, учитывая серьезную обеспокоенность общественного мнения, а также французского и английского правительств, вновь стали надеяться на возможность заключения трехстороннего пакта, но очень быстро испытали «горькое разочарование». Садуль напомнил историю англо-франко-советских переговоров. Он отмечает, что «германская дипломатия, особенно после Мюнхена, упорно маневрировала, используя, по всей видимости, свидетельства и документы, касающиеся, в частности, переговоров Риббентроп — Бонне, которые завершились подписанием франко-германской декларации от 6 декабря 1938 года, хотела доказать советским руководителям, что Франция и Англия неоднократно и недвусмысленно давали понять Гитлеру, что они не будут серьезно выступать против экспансионистских стремлений Германии в отношении Украины. В этих условиях СССР решил — учитывая грозную опасность неизбежной войны — выдвинуть разумные требования, касающиеся его будущих действий в Прибалтийских странах, Румынии и Польше, которые были отвергнуты британскими и следовавшими за ними французскими участниками переговоров. Отказав Красной Армии в праве вести борьбу на польской территории совместно с польской армией в защиту польского государства, британское и французское правительства тем самым примирились с фактом уничтожения Польши со всеми вытекающими из него последствиями, чрезвычайно опасными для СССР. В частности, они означали: помощь Советского Союза не могла бы спасти Польшу, но показала бы Германии, что СССР является ее врагом, распо-

лагающим очень богатыми районами, которые Гитлер давно хотел захватить. Таким образом, СССР был вправе опасаться, что Германия, раздавив Польшу, что позволило бы ей выйти к советским границам, могла бы попытаться продолжить борьбу на советской территории против Республики Советов... Конечно, западные демократии не заинтересованы в том, чтобы Гитлер одержал в Восточной Европе внушительную победу, которая позволила бы ему повернуть все силы на Запад. Однако СССР был вправе считать, что Англия Чемберлена, то есть Англия банкиров, а не английский народ, в гораздо большей степени антисоветская, чем антигитлеровская, могла бы извлечь для себя из смертельной дуэли страны нацизма со страной большевизма только преимущества. Эта дуэль ослабила бы их, а выступить на помощь «другу и союзнику» можно было бы только тогда, когда дело зашло бы о том, чтобы нанести Гитлеру смертельный удар».

Фантазии? — задает вопрос Садуль. Но у советских представителей в Лондоне и Париже было достаточно доказательств давнишней ненависти правящих классов этих стран к Советам, и тем не менее Садуль пишет, что был убежден, что в начале августа советские руководители, какое бы недоверие они ни испытывали к Западу, стремились к соглашению и считали его еще возможным. «Но, — говорит он, — было легко предвидеть, что в случае провала переговоров с Францией и Англией — и даже при угрозе такого провала — СССР искал бы в другом месте обеспечения своей безопасности. После Мюнхена советские руководители считали, что война неизбежна. Они были убеждены, что огромная германская машина слишком далеко зашла в подготовке войны, чтобы дать задний ход. До Мюнхена они считали, что только подписание трехстороннего пакта помешало бы войне. После Мюнхена они полагали, что само по себе подписание пакта, заключенного к тому же с большим опозданием, не могло бы помешать развязыванию конфликта, но что этот пакт обеспечил бы демократиям большую степень уверенности и более быструю, а следовательно, с меньшими потерями победу, что позволило бы избежать больших разрушений в Европе и спасти жизнь миллионов людей. Поэтому было очевидно, что СССР, считая войну неизбежной и в то же время вынужденный отказаться по вине Франции и Англии от союза с ними, попытается вести переговоры с Германией, чтобы гарантировать себя,

хотя бы временно, от соглашения, заключенного Гитлером с Францией и Англией за его счет».

Затем Жак Садуль напоминает некоторые факты, подтверждающие, что решение Москвы подписать пакт о ненападении было принято 16 или 17 августа в условиях, когда трехсторонние переговоры зашли в тупик. «При той информации, которой я сейчас располагаю,— пишет он Марселю Кашену,— следовало бы объяснить этот поворот внешней политики Москвы, которая не хочет быть обманутой и стать жертвой, не так поспешно и упрощенно, и не таким ошеломляющим образом, как это сделала французская пресса. Вся эта пресса — это не будет преувеличением — ни на один день не оставляла в покое СССР и его руководителей ненавистными нападениями, бессмысленной клеветой и преувеличениями и несет тем самым значительную долю ответственности за тот неожиданный поворот, который случился позавчера, немедленные и очевидные последствия которого рискуют стать столь опасными для французского народа».

В заключение Садуль пишет: «Я убежден, точно так же как и Вы — я в этом не сомневаюсь, мой дорогой Кашен,— что советские руководители и вопреки пакту с Гитлером, пакту, носящему, конечно, очень временный характер, не перестали быть смертельными врагами империализма вообще и гитлеровского империализма в частности, который остается самым опасным. Это нужно повторять беспрестанно не только в целях обеспечения независимости наций, но и для разъяснения положения массам. Я уверен, что в случае войны, а война может возникнуть в ближайшем будущем, Красная Армия будет решительно участвовать в ней. Будет ли это скоро или в более или менее близком или отдаленном будущем, зависит от того, что мы сумеем сделать и чего не сделаем для разгрома общего врага...

Для обеспечения разгрома Гитлера сотрудничество с СССР незаменимо, как только что повторил Суриц, в соответствующий момент оно будет оказано. Но, как добавил он, оно не будет оказано прежде, чем СССР не убедится не только на словах в нашей воле бороться и вести войну до конца. В этой бескомпромиссной войне против Гитлера и его режима наша роль, роль французских коммунистов, заключается в том, чтобы действовать таким образом, чтобы час сотрудничества с СССР пробил как можно быстрее».

Тем временем события развивались очень быстро. Советско-германский пакт о ненападении изменил расстановку сил на международной арене. Он устранил, по крайней мере временно, возможность решить проблемы путем столкновения Германии с СССР, решение, на котором основывалась вся мюнхенская политика. Западные руководители были вынуждены учитывать изменения в расстановке сил после этого пакта, который Поль Рейно называл «Ватерлоо французской дипломатии».

Однако на рассвете 1 сентября Гитлер начал осуществление выработанного еще в мае плана нападения на Польшу. Вооруженные самым современным оружием 55 германских дивизий при поддержке 3,5 тыс. тяжелых танков и 3 тысяч новейших самолетов атаковали 30 пехотных дивизий и единственную танковую бригаду, которыми располагали поляки. Все аэродромы, важные железнодорожные станции и узлы дорог были подвергнуты разрушительной бомбардировке. Способность поляков к сопротивлению была серьезно подорвана и после первых ударов уже не восстановлена. В результате вечером 3 сентября оборона на границах была прорвана.

1 сентября французское правительство объявило всеобщую мобилизацию, 2 сентября Даладье потребовал дополнительных военных кредитов. Он произносит чрезвычайно твердую речь по отношению к Германии и восхваляет патриотизм. Все депутаты, в том числе и коммунисты, стоят аплодируют этой речи.

В комиссии по финансовым вопросам Жорж Коньо излагает позиции депутатов-коммунистов: «Коммунистическая группа,— заявляет он,— проголосует за кредиты, исходя из тех же побуждений, из каких она аплодировала речи председателя Совета министров, выступая за союз всей нации, всех ее животворных и лояльных сил и требуя восстановления равного режима для всей прессы».

Артюр Раметт вспоминает об этом историческом заседании: «Прежде чем Коньо сообщил о позиции, занятой коммунистической группой, Жак Дюкло попросил меня предварительно проинформировать о ней министра финансов Поля Рейно и оценить его реакцию. Действительно, за два дня до этого комиссия по иностранным делам исключила из своего состава трех депутатов-коммунистов,

в том числе Габриеля Пери, которые тем не менее проинформировали комиссию, что коммунисты безусловно будут сотрудничать в деле национальной обороны. Рейно был одним из самых отъявленных противников Народного фронта, социальные завоевания которого он никогда не принимал. Именно он осенью 1938 года принял декрет-закон, который на деле ликвидировал 40-часовую рабочую неделю, сказав перед этим по адресу рабочих: «Конец неделе с двумя выходными». Эти слова я не забыл. Но он принял меня вежливо. Я проинформировал его о нашем решении. У него был только один комментарий: «Хорошо, это хорошо. Мы уже вместе с вами наделали немало глупостей». Он достаточно ясно дал мне понять, что его беспокоят репрессии против коммунистов. Было не время проводить политику, способствующую расколу нации. В августе он очень желал заключения трехстороннего пакта с Москвой. Он принадлежал к тем, кто считал, что нужно создать барьер на пути гитлеровской экспансии как на Востоке, так и на Западе.

Через несколько месяцев Коминтерн подверг резкой критике голосование за военные кредиты. Нас упрекали в том, что мы якобы согласились заключить «священный союз» (имеется в виду голосование социал-демократической фракции германского рейхстага в августе 1914 г. за военные кредиты. — *Прим. перев.*). Действительно, мы старались не допустить исключения нас из национального сообщества в момент, когда чувствовали себя в ужасной изоляции. Однако основная причина, обусловившая наше голосование, заключалась в том, что нашим противником был гитлеровский фашизм. Конечно, война была войной между капиталистическими странами. С этой точки зрения фашизм в Германии не был той политической формой, которая пришла на смену крупному капиталу, он выражал интересы монополистического и финансового капитала, который оставался подлинным хозяином «третьего рейха». Но при всем этом фашизм не был просто орудием в его руках, у него были свои особенности. Фашизм провозгласил культ силы, армии и войны, теорию «избранной расы», призванной господствовать в мире. Он осуществлял преследования на расистской основе. Он применял насилие и зверства в качестве способа управления. Он выражал волю к экспансионизму и агрессии, волю к господству и порабощению других народов. Он способствовал удушению Испанской республики, поглотил Австрию, захватил Че-

хословакию. Фашизм противопоставлял себя основным ценностям цивилизации и правам народа. Как было подчеркнуто с особой силой VII конгрессом Коминтерна: «Фашизм — это война». Таким образом, мы сказали «да» антифашистской и антигитлеровской, а не империалистической войне. Тем более, что большинство из нас в тот момент были убеждены, что обстановка, созданная советско-германским пактом, непрочна, нестабильна и временна; что основной целью гитлеровцев остается завоевание Восточной Европы и до подписания пакта СССР подвергался очень сильному риску быть втянутым в войну; что трехсторонний пакт, который не удалось заключить в августе 1939 года, еще мог бы стать реальностью. Таковы были наши настроения в начале сентября, когда Гитлер напал на Польшу. Таковы были наши настроения в той конкретной исторической обстановке, которая по своей сложности превосходила все то, что мы знали до этого, и которая отличалась от схем, выдвигавшихся нашей партией и Коминтерном.

Конечно, мы не среагировали достаточно сильно, хотя имели для этого необходимые средства, на запрещение «Юманите», запрещение, которое должно было прощупать возможности запрещения компартии. Конечно, антикоммунистические репрессии означали, что Даладье не намерен превратить эту войну в войну демократии против фашизма. Но все это выявлялось постепенно, в течение сентября.

Голосовать против военных кредитов 2 сентября не означало ли встать на путь поражения, от чего отказались и компартия, и Коминтерн?

В действительности, проголосовав за военные кредиты, мы ясно высказались за борьбу против фашизма, за необходимость положить конец его кровавым агрессиям. Мы лишили правительство всяких оснований для репрессий против коммунистов. Наше голосование помогло потом выявить реальные цели Даладье в этой войне.

Наконец, этим голосованием мы получили возможность через год, когда Франция будет оккупирована, начать борьбу за освобождение и независимость нашей страны. Хочу добавить, что даже тогда, когда Даладье будет вести войну на внутреннем фронте против коммунистов, против рабочего класса, ликвидирует социальные завоевания, демократические права и свободы, война против Германии, хотя она и не сможет стать справедливой войной за свободу народов, сохранит в наших глазах определенный

антифашистский характер, ибо нам будет противостоять нацизм. Именно это мы будем подчеркивать всеми нашими предложениями, даже тогда, когда Коминтерн откажется от этой оценки, руководствуясь, как мы это поймем позже, тактическими соображениями любой ценой защитить первое в мире социалистическое государство. Мы будем подчеркивать это вопреки всему, ибо мы убежденные антифашисты. Борьба с фашизмом определяла линию наших съездов, линию последнего конгресса Коминтерна.

Итак, 2 сентября Палата депутатов единогласно проголосовала за дополнительные военные кредиты.

3 сентября Франция вместе с Великобританией констатирует «состояние войны с Германией» и делает последнюю попытку избежать вступления в войну: Жорж Бонне хватается за предложение Муссолини, который стремится созвать четырехстороннюю конференцию для «урегулирования выявившихся разногласий». Речь идет о новом Мюнхене, на этот раз за счет Польши. Но Гитлер больше не нуждается в мюнхенском компромиссе. Он срывает все попытки посредничества, его войска напали на Польшу. Вторая мировая война началась.

Советско-германский пакт застал врасплох руководство Французской компартии, но не вызвал паники. Он породил беспокойство среди членов партии и в большей мере среди избирателей, голосующих за ФКП. Руководство партии остается твердым и быстро реагирует на пакт, заявив о своей позиции через парламентскую группу. Что касается партийных кадров, то в большинстве своем они держатся спокойно, что является главным в этот момент. Будучи свидетелем уже в течение многих месяцев проникновения в официальные круги фашистских элементов, активизации в Париже прогитлеровского лобби, компартия всерьез воспринимает заявления Жоржа Бонне о необходимости «урезонить коммунистов». Хотя партия не считает возможным фашистский мятеж или повторение событий 6 февраля 1934 года, она не исключает, что может подвергнуться репрессиям. Запрещение «Юманите» и других коммунистических газет и журналов полностью подтверждает это. К тому же правительство, используя реакцию общественности на советско-германский пакт, по всем данным, готовило роспуск компартии еще в конце августа в обстановке, созданной запрещением «Юманите». Запрещение сопровождается обысками в партийных комитетах, конфискацией множительного и типографского оборудования, арестами распространителей листовок. 29 августа правительство запрещает митинг с участием Мориса Тореза, назначенный в зале Мютюалите. С 24 августа тон правительственной пропаганды и прессы свидетельствует, и компартия это понимает, что ее пытаются изолировать, оторвать от всей нации, чтобы вернее нанести удар. В то же время правительство не имеет убедительных аргументов для принятия решения о роспуске компартии. Запрещение «Юманите» уже вызвало соответствующую

реакцию. 28 августа Бюро ВКТ под давлением многих профсоюзов выступило с протестом против мер, обрушившихся «на некоторые газеты». Ежедневная газета СФИО «Попюлер» получила массу писем от читателей, в которых они протестуют против запрещения. Таким образом, правительство должно выжидать более удобного случая, чтобы распустить политическую организацию, явившуюся инициатором Народного фронта. Со своей стороны компартия реагирует на попытки исключить ее из национального сообщества. Она стремится разъяснить свои позиции в вопросе обороны страны, поскольку этого требуют агрессивные и гегемонистские устремления гитлеровского фашизма. В сложившейся ситуации она берет на вооружение лозунг состоявшегося в Виллербане съезда: «Союз французской нации». Этот лозунг широко пропагандируется до середины сентября. Фрашон популяризирует его в каждой своей статье, публикуемой в «Ви увриер», которую правительство запрещает в конце сентября. Какой смысл вкладывается в этот лозунг? Ясно, что «союз французской нации» является не «священным союзом» вокруг правительства Даладье, а союзом животворных сил нации, включая коммунистов, перед лицом внешней опасности. Претворяя его в жизнь, компартия старается дать отпор и сорвать попытки ее изоляции. Фрашон прямо пишет об этом 27 августа в «Ви увриер»: «Можно остановить агрессию. Союз французской нации в состоянии способствовать этому решающим образом. Только один лозунг должен иметь значение для всех французов независимо от ответственности, которую они несут, и постов, которые они занимают,— сделать все возможное, чтобы усилить национальное сообщество, избежать всего, что могло бы его расколоть». Расколоть его могли бы именно антикоммунистические репрессии. Понимая это, компартия занимает осторожные позиции в отношении правительства. В первой половине сентября она не выступает с нападками на Чемберлена и Даладье, подобно другим западным компартиям. Через несколько месяцев эта позиция подвергнется критике ИККИ. Но Французская компартия не хочет давать никакого предлога для репрессий. Тем более, что запрет прессы серьезно осложняет работу, не давая возможности полно информировать всех активистов партии. Эти трудности значительно усугубились после 1 сентября в связи с мобилизацией большого количества активистов, что привело к дезорганизации компартии. Если в

ЦК и парламентской группе большинство членов не подлежало мобилизации по возрасту, то на уровне руководства секций и федераций положение было иным. Руководящие органы партийных организаций были избраны в ходе подготовки съездов в Виллербане и в Арли. Это поколение 1936 года и Народного фронта, подлинно животворные силы нации, в которых партия черпала свои кадры. 3 сентября Морис Торез и секретарь по оргвопросам Життон *, как и все граждане моложе 40 лет, уходят в армию. Марти и Раймон Гюйо — генеральный секретарь КИМа — находятся в Москве, в Исполкоме Коминтерна. Обязанности Генерального секретаря временно исполняет Жак Дюкло. Ему помогают Бенуа Фрашон и Артюр Раметт, которому поручается наряду с другими задачами поддерживать связь с Морисом Торезом. Шарль Тийон руководит Парижским районом. Виктору Мишо вместе с Люсьеном Сампэ, Габриелем Пери и Дарнаром поручено наладить выпуск подпольной «Юманите». В течение сентября руководство партии должно решить две сложные задачи: обеспечить проведение политической линии в быстро меняющейся, сложной и полной противоречий обстановке и провести реорганизацию партии на всех уровнях.

Брюссельский наблюдательный пункт Коминтерна

Сообщение о советско-германском пакте вызывает удивление представителей Коминтерна и руководителей национальных компартий. Еще до него, около 15 августа, Эжен Фрид покинул французскую столицу и направился в Брюссель, как было предусмотрено за многие месяцы до этой даты. После 23 августа Коминтерн создал в Бельгии свое бюро для Западной Европы, учитывая, что это нейтральная страна, расположенная на перекрестке европейских дорог. После прихода Гитлера к власти в ней находятся многие организации Коминтерна, которые должны установить связи с немецкими коммунистами, наладить печатание листовок и газет для крупных рабочих центров Рура

* Життон Марсель — ренегат Французской компартии, выступил за сотрудничество с оккупантами. В ответ на развязанный нацистами и вишистами террор, был ликвидирован бойцами Движения Сопротивления. — Прим. перев.

и обеспечить туда их переправку. Другие организации обеспечивали проезд в Испанию добровольцев в Интернациональные бригады из северных стран, Англии и Польши. Под видом коммерческой деятельности Фрид снимает несколько домов в Брюсселе, Брюгге и Антверпене. Когда пришло сообщение о заключении пакта, он призывает из Парижа Пьера Аллара (Черрети) — члена ЦК ФКП и руководителя секции по работе с иммигрантами. В этом качестве Аллар, оставив подпольную работу, устанавливает контакты со всеми западноевропейскими коммунистическими партиями. Как руководитель компании «Франс навигасьон», он связан с многочисленными деловыми кругами. Деятельность компании получила большое развитие в период войны в Испании, она создала свои конторы во всех крупных портах Северного моря. Бывший председатель Международного комитета помощи республиканской Испании Аллар знаком с некоторыми политическими деятелями — членами правительств западных стран. Его задача заключается в том, чтобы, во-первых, обеспечить связь между Фридом и руководством ФКП и, во-вторых, сохранить имущество «Франс навигасьон».

По-видимому, в конце августа — начале сентября новому брюссельскому наблюдательному пункту Коминтерна стало известно о позициях различных западных компартий, очень близких к позициям ФКП. В нашем распоряжении об этом периоде имеется достаточно много документов, в частности о деятельности компартий Бельгии, Нидерландов и Великобритании. Эти компартии продолжают работать легально без каких-либо затруднений в то время, как ФКП лишена всех печатных средств и после 1 сентября дезорганизована в связи с мобилизацией своих членов. 26 августа Политбюро Компартии Бельгии, отметив угрозу войны, заявляет: «Если Гитлер нападет на Бельгию, коммунисты будут в первых рядах тех, кто с оружием в руках защищает независимость и свободу ее народов». 4 сентября депутат-коммунист от Брюсселя и секретарь ЦК КПБ Ксавье Релеком осуждает в Палате депутатов отказ западных держав заключить военный союз с СССР и поддерживает советско-германский пакт. Он заявляет, что бельгийские коммунисты глубоко приверженные делу мира, полны решимости защищать независимость и свободу страны. Он указывает, что, хотя коммунисты и отказываются выразить доверие правительству вследствие его антидемократической политики, они прого-

лосуют за законы об организации национальной обороны. В Голландии компартия обращается к рабочему классу и голландскому народу с манифестом, в котором, в частности, заявляет: «Нацистские руководители являются главными виновниками кровавых преступлений, которые совершаются в настоящий момент. Но политики, подобные Чемберлену, также несут свою долю ответственности. В течение многих лет, и особенно после Мюнхена в 1938 году, они поддерживали германских нацистов. Они их одобряли в надежде использовать их воинственные устремления против страны социализма, против Советского Союза...

Чемберлены и Даладые хотят создать иллюзию, что они отказались от мюнхенской политики и что они будут вести борьбу против германского фашизма. Но если бы они реально хотели этого, разве они отказались бы от сотрудничества с СССР? Почему они помешали созданию мощного миролюбивого фронта с участием Советского Союза? Таким образом можно было бы избежать войны...

Речь идет о том, чтобы эффективно бороться с фашизмом там, где он имеется, чтобы обеспечить победу над ним демократии и социализма. Поэтому всякое усиление СССР означает, таким образом, гарантию победы трудящихся в будущем.

Мы призываем вас, трудящиеся и антифашисты Голландии, уже сейчас объединиться в целях гарантии свободы и защиты страны, сохранения и укрепления ее обороноспособности и защиты ее граждан».

В Англии компартия в своем манифесте заявляет: «Если фашизм победит, демократические права и свободы нашего народа окажутся под угрозой. Победа над фашизмом станет также победой над богачами — сторонниками фашизма в Англии». В серии статей газета «Дейли уоркер» объясняет, что «в нынешней обстановке во главе нации должны стоять люди, которым она доверяет, а не те, поступки которых порождают почти всеобщее недоверие. Только правительство, из которого будут исключены мюнхенцы и которое будет состоять из людей, решительно настроенных в отношении фашизма, может потребовать от народа больших усилий. Коммунистическая партия Великобритании призывает лейбористов отказаться поддерживать нынешнее правительство и поддержать создание нового правительства, полного решимости раздавить фашизм».

Директор газеты «Травай» КПШ Леон Николь * пишет 25 августа: «Английское правительство не должно было бы жаловаться на действия советской дипломатии, ставшие необходимыми вследствие препятствий, возникших на московских переговорах». Напомнив о двойной игре Англии, он пишет далее: «Не секрет, что английские эмиссары постоянно находятся в Берлине, стремясь спасти нацизм от неизбежного поражения в будущем. СССР не прибегает к помощи секретных эмиссаров и к ухищрениям по методам британской дипломатии. Когда он считает необходимым вступить в переговоры — даже с противником — он говорит об этом открыто и не боится общественного мнения... У народов другие интересы, чем у капиталистов, обогащающихся на военном шантаже. Народы хотят мира. Советская Россия также хочет мира и является сторонницей мира. Сегодня именно в Москве проходят переговоры. Именно в Москву Гитлер направляет своего министра иностранных дел. Лучше видеть это, чем то, как министры уцелевших демократических государств в Европе проходят через мучения Берхтесгадена».

В этих заявлениях можно выделить четыре тезиса:

1. На первый план выдвигается разоблачение нацизма. Враг народов и человечества, он несет главную ответственность за развязывание войны.

2. Первостепенная ответственность Германии не снимает тем не менее ответственности с французского и английского правительств, чья политика уступок фашизму и предоставления свободы рук Гитлеру на Востоке сделала возможной агрессивные действия нацистской Германии.

3. Нигде коммунисты не говорят о войне демократии против фашизма. Война привела к столкновению империалистических держав. Коммунисты поддерживают организацию обороны своих стран, подвергшихся агрессии или находящихся под угрозой агрессии. В каждой стране они разоблачают правительства, политика которых подчинена интересам крупного капитала и определяется антикоммунизмом и антисоветизмом.

4. СССР — единственная миролюбивая сила. «Линия

* Николь Леон — видный деятель швейцарского рабочего движения. Первоначально стоял на левосоциалистических позициях, потом перешел на позиции компартии. В годы второй мировой войны занимал интернационалистские позиции, оказывал помощь советским военнопленным. Впоследствии возглавил Швейцарскую партию труда. Организовал издание газеты «Травай» («Работа»). — *Прим. перев.*

исторического размежевания» проходит между фашистскими государствами и капиталистическими государствами, какие бы ни были противоречия между ними, с одной стороны, и страной социализма — с другой. Рабочее движение руководствуется непоколебимой верой в Советский Союз.

Встреча Клемана, Дюкло и Фрашона в Лилле

Эти четыре тезиса положены в основу анализа, который производят 10 сентября в Лилле Эжен Фрид, Жак Дюкло и Бенуа Фрашон, высказывая при этом различные мнения в оценке характера войны. Встреча проходит в квартире Нордманов — молодой семьи коммунистов-учителей. Вместе с Фридом приехал Аллар, который с начала сентября обеспечивает связь с руководством ФКП.

Некоторые историки, исследующие политику Французской компартии в первые недели войны, считают, что в конце сентября, как только ей стало известно о позиции СССР и анализе Коминтерна, она совершила некий «поворот». Они выдвигают тезис о существовании «инструкций», которые привез некий французский активист, вернувшийся из Москвы, при этом называют Раймона Гюйо, прибывшего из СССР в сентябре (некоторые историки говорят о 27 сентября). В действительности Раймон Гюйо покидает Москву 8 сентября и через Стокгольм 11 сентября прибывает в свой полк. Он не привез никаких директив для Французской компартии. Он сообщил об этом в интервью, данном «Кайе д'Истуар» Института Мориса Тореза (№ 5, октябрь-ноябрь 1973 года), указав, что к моменту его возвращения руководство Коминтерна и КИМа еще не обсуждали вопроса о характере войны, ограничиваясь заявлениями, что вторая империалистическая война за новый передел мира началась. Но в этом нет ничего нового. Подобное утверждение уже содержалось в речи И. В. Сталина на XVIII съезде КПСС в марте 1939 г. и в докладе Мориса Тореза на пленуме Центрального Комитета 19—20 мая того же года. Наоборот, уже начались дискуссии на уровне Секретариата Президиума ИККИ, и в частности, между Димитровым и Мануильским, относительно ориентации, которую следует придать движению. Эти дискуссии еще не закончились и не привели к каким-либо выводам,

поскольку статья Г. М. Димитрова, дающая ориентацию, появляется только в конце октября. Однако первые заметки уже начинают вырисовываться.

Последний француз, который выехал по коридору, созданному Коминтерном, — Раймон Гюйо по прибытии в Париж попросил свою двоюродную сестру Лизу Риколь организовать встречу с Жанеттой Вермерш, руководившей молодежной организацией. Встреча состоялась на квартире родственников Риколь. Гюйо, прикованный к постели очередным приступом малярии, проинформировал Ж. Вермерш о дискуссиях, которые проходили в преддверии заседания Президиума ИККИ. «Он считает, что вследствие, в частности, репрессий против компартии во Франции имеется сильное течение, требующее подчеркнуть межимпериалистический характер конфликта».

Через день Жанетта Вермерш сообщит об этом разговоре Морису Торезу, когда навестит его в расположении части. В записных книжках за октябрь Торез трижды возвращается к этой «информации».

На следующий день после пленума ЦК, состоявшегося 20 сентября, он помечает (после визита Раметта):

«Мой разговор с Р. (22.9). Не нашел духа, отражающего сообщение Раймона».

Об этом пленуме ЦК Торез пишет: «Самое серьезное — то, что не поняли и не проанализировали сообщение Р. Г. (несмотря на мои неоднократные настояния). В этих условиях пленум не дал того, что должен был дать. Был составлен манифест, с которым нас не ознакомили. Он был распространен с большим опозданием. Растет опасность полной дезориентации. Давление Клемана¹.

Таким образом, Раймон Гюйо не привез никакого приказа.

Действительно, у Французской компартии были постоянные контакты с Коминтерном. После подписания советско-германского пакта Клеман встречается с Морисом Торезом в Париже 28 августа, а затем с Жаком Дюкло и Бенуа Фрашоном в Лилле 10 сентября. Таким образом, ничто не свидетельствует о том (как это пытаются подать большинство историков), что Французская компартия не знала об оценках, которые давал Коминтерн. В конце августа после подписания пакта и в сентябре после начала

¹ IRM Mic 50197

войны Французская компартия определяет свою позицию, исходя из собственной политики, основанной на антифашизме и союзе нации в борьбе против агрессора. Уже в мае в документах ЦК и статьях Габриеля Пери были определены два пути организации национальной обороны. Когда происходит голосование по военным кредитам, компартия считает возможным организацию национальной обороны на антигитлеровской основе. Она делает все, чтобы так получилось. Не она, а правители Франции способствовали постепенному исчезновению антифашистской направленности из военных целей французской буржуазии. Позиция, которую французские коммунисты будут вынуждены занять в конце сентября и которую называют «поворотом», обусловлена поворотом во внутренней французской политике, который Коминтерн учтет в своем анализе: ему потребуется два месяца, прежде чем он обратится с «Воззванием к трудящимся всего мира» и появится статья Г. М. Димитрова «Война и рабочий класс капиталистических стран» *. Эта задержка свидетельствует о трудностях, с которыми встретился Коминтерн при анализе сложной и часто противоречивой ситуации, в которой оказались отдельные компартии. Его последний конгресс был конгрессом борьбы против фашизма. Вся деятельность после него была проникнута стремлением преградить дорогу военной опасности, олицетворявшейся гитлеровской Германией. Претворение этой линии в новых реальностях, вытекавших из советско-германского пакта, с одной стороны, и войны в Западной Европе, с другой стороны, было связано с большими дискуссиями. В сентябре журнал «Коммунистический Интернационал» говоря об «империалистической войне», исходит из своих предыдущих позиций и продолжает разоблачать агрессивную политику гитлеровской Германии **. Статьи, на которые мы ссылаемся, подготовлены до начала конфликта, и сентябрьский номер выходит после начала военных действий. Он появляется в то время, когда В. М. Молотов произнес речь на сессии

* См.: журнал «Коммунистический Интернационал», № 8—9, 1939, с. 23—37.

** В частности, в «Воззвании Исполкома Коминтерна. К двадцать второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» указывалось, что «правлящие классы Англии, Франции и Германии ведут войну за мировое господство», и далее: «Таков подлинный смысл этой войны, войны несправедливой, реакционной, империалистической... Такой войны не может поддерживать рабочий класс». — См.: «Коммунистический Интернационал», № 8—9, 1939, с. 3—4.

Верховного Совета. В номере опубликованы две статьи: «Борьба за мир» и «Гарантии новой Германии». В первой разоблачаются буржуазные политики Франции и Англии, которые вследствие антисоветизма саботировали создание «Фронта мира». «Рабочий класс должен защищать мир, борясь одновременно против международного фашизма и внутренней реакции». Во второй статье подтверждается необходимость борьбы против фашизма. «Освобождение Германии от режима, который угнетает германский народ и другие народы, от режима, существование которого стало угрозой для гуманной культуры вообще и для безопасности европейских наций, становится все более кардинальным вопросом, от решения которого зависит прогрессивное развитие большей части человечества».

Тексты статей, как и доклад В. М. Молотова, известны руководству ФКП, когда оно решает, что 2 сентября депутаты-коммунисты проголосуют за военные кредиты, и когда 6 сентября оно приветствует «мобилизованных депутатов во главе с Морисом Торезом, отправившихся в свои воинские части». Через несколько недель Коминтерн подвергнет критике это голосование.

На совещании в Лилле Клеман не сделает этого. К тому же у него нет причин критиковать позиции французских коммунистов, поскольку Коминтерн еще не определил свою позицию. Компартии Великобритании, Бельгии, Нидерландов с некоторыми отличиями стоят на позициях защиты своих стран от гитлеровского фашизма. Однако их линия «оборонцев», так же как и линия ФКП, сопровождается резким разоблачением правительств Даладье и Чемберлена, их ответственности за развязывание войны. ФКП не сделала этого, что вызвало в Лилле достаточно резкое замечание Клемана. Он считает возможным голосование за военные кредиты, но критикует отсутствие разъяснительной работы по этому поводу.

Об этой встрече имеется свидетельство Марты Дерюмо. После того, как она закончилась, Жак Дюкло заехал к ней, чтобы подтвердить данное ей поручение относительно осуществления контактов с Брюсселем. Он рассказал о критике Клемана, который считал, что Компартия не должна была создавать впечатление, что она предоставляет Даладье полную свободу действий. Она должна указать на то, что западные руководители целиком и полностью несут ответственность за провал московских переговоров, разоблачить репрессии против коммунистов и

предупредить правительство против любых его попыток исключить рабочий класс из национального сообщества. Конечно, никакие дебаты не могли иметь место на заседании парламента 2 сентября. Председатели парламентских групп решили, что никто не будет выступать после Даладье. Однако коммунистическая партия даже не пыталась взять слово, хотя могла предложить резолюцию, в которой изложить все, о чем не могла сказать с трибуны. Поднявшись вместе со всеми, чтобы аплодировать председателю Палаты Э. Эррио, который в своем выступлении решительно осудил советско-германский пакт, а также Даладье, депутаты-коммунисты создали впечатление, что они пошли на «священный союз» и снимают с руководителей Франции их тяжелую ответственность.

В своих записных книжках в ноябре Морис Торез пишет об «ошибке в палате...», «несмотря на точные перспективы», и подчеркивает следующую мысль: «Здесь вырисовывается тенденция, которая омрачает перспективы. Парламентский угол зрения во имя спасения легальности».

В действительности умолчание парламентской группы во время голосования за военные кредиты свидетельствует о желании не сделать ничего, что могло бы спровоцировать запрещение компартии и ее переход на нелегальное положение. Чтобы попытаться избежать исключения из национального сообщества, партия отказывается, по крайней мере в этот момент, от всякой критики правительства Даладье. Ее заботит только легальность, и она пытается ее сохранить. Подобная позиция вызовет определенное смятение и затруднит самой партии переоценку ее политики во второй половине сентября, когда правительство Даладье откажется от антифашистской направленности в деле национальной обороны. Об этом свидетельствуют два новых обстоятельства: бездействие Франции в военной области, в то время как Гитлер громит Польшу, и запрет компартии. В течение всего сентября между оценками Коминтерна и позицией французских коммунистов существует противоречие. Это объясняет, почему первые три сентябрьских номера «Монд», издававшейся в Брюсселе Клеманом, не содержат сведений о позиции французских коммунистов. Никаких материалов ФКП не публикуется в это время в газете, которая помещает сообщения о позиции других западных партий.

Первые номера «Монд»

Анализ международного положения, сделанный Фридом на встрече в Лилле, отражен в «Монд», первые номера которой появляются после 15 сентября. Это издание должно заменить печатавшийся во Франции журнал «Корреспонданс интернасьональ», запрещенный правительством Даладье. «Монд» выходит под непосредственным контролем Фрида и под юридической ответственностью бельгийского коммуниста А. Боннанфана. В середине декабря газета будет запрещена бельгийским правительством, но с 15 сентября по 16 декабря выйдут пятнадцать номеров. В каждом номере публикуются материалы Секретариата ИККИ, статьи, полученные из Москвы, информация, подготовленная сотрудниками брюссельского наблюдательного пункта Коминтерна, тексты западных компартий. Подборка этих номеров позволяет точно проследить эволюцию оценок, дававшихся Коминтерном осенью 1939 года, а также увидеть разницу, часто весьма значительную, между текстами, полученными из Москвы, материалами ФКП и текстами брюссельского наблюдательного пункта, хотя все они разоблачают гитлеровский фашизм.

В первом номере от 15 сентября «Монд» публикует обращение к читателям:

«Война наложила отпечаток на весь мир. В ее пекло втянуто 650 млн. чел. Если добавить к ним около 500 млн. человек, живущих на Дальнем Востоке, то получится, что две трети человечества уже сейчас участвуют в войне.

С первых дней этого горестного испытания горизонт затянут тучами. Народы стремятся найти правильную ориентацию в туманной обстановке. Международные отношения осложнились. Телефон молчит, газеты, радио не дают информации о событиях, которые решают будущее человечества, а приводят лишь фрагментарные и противоречивые данные; более чем когда-либо необходима информация по политическим, социальным, экономическим и культурным вопросам тем, кто хотел бы следить за развитием нынешних событий и понять их.

«Монд» ставит своей задачей предоставление подобных сведений. Она будет давать их каждые две недели, создавая полную и точную картину международных событий. Она будет уделять особое внимание деятельности рабочего движения в различных странах. «Монд» обращается ко всем тем, кто осознает тесную взаимозависимость судеб

различных стран и кто хочет в этой войне вести мир к справедливому и длительному миру».

В этом же номере полностью публикуется доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 30 августа, а также официальные заявления о войне бельгийского короля Леопольда III, президента Рузвельта, Чемберлена и французского правительства. Она помещает несколько заявлений западных компартий, но ни одного текста ФКП, ни одного заявления ее руководителей. Она не дает ссылок ни на одну из статей, опубликованных Б. Фрашоном в «Ви увриер», никакой информации о позиции парламентской группы и ее решении голосовать за военные кредиты. Создается впечатление, что до встречи с Дюкло и Фрашоном Фрид ничего не хотел публиковать о ФКП. «Монд» ограничивается короткой хроникой, озаглавленной «Письмо из Парижа», в которой описывается жизнь столицы воюющей страны, сообщается о реакции парижан. Ее автором был Аллар, которого Фрид в начале сентября послал в командировку в Париж. «До последнего момента,— пишет Аллар,— в войну не верили. Всегда находился кто-то, кто со ссылкой на надежные источники говорил, что войны не будет, Гитлер якобы отступит в последний момент. Конечно, объявлена мобилизация, но лишь для того, чтобы оказать давление на него... Однако, когда стало известно о вероломном нападении на Польшу и по стенам были расклеены сообщения о всеобщей мобилизации, увидели, что на этот раз дело принимает серьезный оборот. За один день парижане превратили свой город в центр обороны... Мобилизованные поспешили на сборные пункты. Многих до вокзала или казарм провожали жены, по щекам которых текли слезы. С первого дня мобилизации повсюду можно было видеть молчаливых женщин, печально глядевших в пустоту. Нигде не видно малейших проявлений шовинистического патриотизма. После сообщения об объявлении войны никакого энтузиазма по поводу «жизнерадостной и веселой войны». Спокойствие и решимость — вот что характеризует настроение парижан, которое отражает настроение всей страны».

В отношении компартии статья осторожно отмечает, что в армейских кругах раздаются голоса протеста против антикоммунистических репрессий. Высшие офицеры заявляют: «Наши солдаты, призванные из красных предместий Парижа, поют, конечно, «Интернационал», но они не хуже других солдат. Наоборот, большинство из них хорошие

солдаты». Автор статьи подчеркивает также, что первичные коммунистические организации развернули в последние дни большую активность. Взамен «Юманите» с помощью множительных аппаратов они издали квартальные газеты, которые получили широкое распространение. Статья заканчивается на спокойной ноте: «Французский народ не позволит, чтобы его раскололи. Близоруким политикам он противопоставит свое единство, свою решимость. Именно за это боролась все время компартия. Сейчас, когда пробил час испытаний, мы видим, что ее усилия пали на плодородную почву».

Кроме речи Молотова наибольшее внимание привлекают два материала — статья Ксавье Релекома и неподписанная корреспонденция из Москвы.

Статья Релекома «Империалистическая война», перепечатанная из центрального органа компартии Бельгии «Вау дю Пёплъ», опубликована на первой странице и может рассматриваться как передовица. Она весьма близка к анализу, который сделал Фрид на совещании в Лилле. В ней говорится: «Преступления и разбой фашизма возмутили человечество. Народы с негодованием выступают против гитлеризма. Агрессия против Польши лишней раз показала, кто является главным поджигателем войны».

Мюнхенцы и капитулянты вынуждены признать отрицательные стороны фашизма, которые до сих пор не признавали и которые они сегодня стараются использовать, чтобы снять с себя ответственность. Начатая Гитлером война окончится разгромом фашизма: такой развязки ожидают народы, будучи убежденными, что без уничтожения фашизма нельзя обеспечить справедливый и длительный мир.

Но если такова воля народов, то можно ли сказать, что такова же воля Чемберлена, Даладье и польских полковников?.. Можно ожидать самого худшего от тех, кто выдал Испанию агрессору, а в прошлом году постыдно покинул в Мюнхене на произвол судьбы Чехословакию, которой ранее торжественно гарантировал независимость. Политика, которую намереваются проводить эти господа в ходе войны, не имеет своей целью ни справедливый мир, ни борьбу против фашизма, происки которого они не пресекали в своих странах, в то же время преследуя коммунистов, всегда возглавлявших борьбу против фашизма... Их политика никогда не была направлена на защиту стран, подвергшихся агрессии, а защищала империалистические

интересы, интересы Сити и «200 семейств». Вот почему они саботировали союз с СССР, делали невозможным создание фронта мира против Гитлера. Вот почему они предпочли пожертвовать Польшей, но не согласиться, чтобы могучая Красная Армия пришла им на помощь.

Все указывает на то, что эта проникнутая ненавистью к рабочему классу и эгоистическими классовыми интересами политика продолжает проводиться сегодня в ходе войны, преследующей не уничтожение фашизма, а империалистические цели.

Очевидно, что итогом войны будет не только разгром фашизма, но и избавление французского и английского народов от Чемберлена и Даладье, готовых к любому компромиссу...

Тысячи французов, англичан, немцев и поляков втянутые сегодня в войну, так же, как народы нейтральных стран, не хотят, чтобы новая империалистическая война окончилась как война 1914—1918 годов. Они не хотят нового Версаля, ни его цепи несправедливостей, угнетения, нищеты, очагов реванша и реакции. Народы хотят, чтобы война закончилась как можно быстрее победой демократии и социализма, устранением причин войны...»

Таким образом, анализ Релекома существенно отличается от того, что говорили и писали до этой даты руководители ФКП: в нем содержится решительное осуждение правительств Даладье и Чемберлена и исключается всякая мысль о союзе нации под их руководством в ходе войны, которую определяют как войну империалистическую. В то же время исходная точка анализа, так же как и у французских коммунистов, — твердое осуждение гитлеровской Германии и призыв победить фашизм.

Корреспонденция из Москвы свидетельствует о том, что в советском общественном мнении и в руководящих кругах не уверены в позиции Германии. Будет ли Гитлер соблюдать условия советско-германского пакта после разгрома Польши? Создается впечатление, что в Москве в этом не уверены. Статья подтверждает, что СССР «стоит на страже» в тот момент, когда «империалистическая война уже здесь, на пороге мощной крепости, которую называют родиной социализма. Каждый хорошо понимает, что нужно с оружием в руках защищать эту родину, что почетная обязанность может стать через некоторое время реальностью». В статье вновь подчеркивается, что «СССР будет вести войну, защищая инте-

ресы только советского народа»... и, «если агрессор нападет на СССР, он будет отброшен на собственную территорию». Кто мог быть этим агрессором, если не гитлеровская Германия?

Красная Армия на «линии Керзона»

Стремительное продвижение германских войск в Польше, перечеркивающее все прогнозы, усиливает неуверенность руководящих кругов Советского Союза. Огромная моторизованная армада, управляемая современными средствами связи, располагающая мощными бронетанковыми соединениями и поддержанная внушительной авиацией, делает по 50 км за день, несмотря на упорное сопротивление польских солдат в отдельных пунктах. 6 сентября занят Краков. В тот же день польское правительство переезжает из Варшавы в Люблин. 8 сентября германские танковые части достигают предместий Варшавы. На востоке страны они занимают расположенный при слиянии рек Сан и Висла Сандомир. Германская армия предприняла широкий маневр по окружению основных польских сил, сконцентрированных для защиты Варшавы. 17 сентября нацистские танковые соединения с севера и юга замыкают гигантские клещи к западу от Брест-Литовска. Хотя Варшава еще сопротивляется, Польша уже побеждена. Правительство покидает национальную территорию и уезжает в Румынию. Этот отъезд очень похож на бегство.

Пакт о ненападении от 23 августа содержит секретные приложения * о Польше. 20.01.1962 г. в Варшаве В. Гомулка официально заявил о существовании такого протокола и изложил его содержание. В протоколе определялись «сферы военных интересов» в случае территориальных и политических изменений в Центральной Европе. Линия, определявшая эти сферы, проходила по северной границе Литвы и линии рек Нарев — Висла — Сан. Эта линия приблизительно была намечена лордом Керзоном ** на

* В советских архивах подлинники упомянутых здесь документов не обнаружены. — (прим. ред.)

** «Линия Керзона» — предложена министром иностранных дел Великобритании Керзоном в июле 1920 года для демаркации советско-польской границы в период советско-польской войны. По Рижскому мирному договору 1921 года советско-польская граница была установлена к востоку от «линии Керзона». В результате освободительного по-

мирной конференции в Версале в 1919 году. Секретная статья, которая дала возможность историкам написать столько работ на тему о «четвертом разделе» Польши, для советских людей была лишь аннулированием диктата, который был навязан им в 1921 году в Риге в условиях гражданской войны. Статья предусматривала воссоединение белорусского и украинского народов, составлявших большинство на соответствующей территории, со своей родиной. Протокол оставлял открытой проблему независимого польского государства.

СССР прибегнул к этой статье только 17 сентября, когда уже не было ни польского правительства, ни реального польского государства. До этого СССР, несмотря на все немецкие предложения, отказывался от любых военных действий против Польши.

Так, 5 сентября Берлин предложил, чтобы Красная Армия вступила в Польшу, но встретил категорический отказ. 8 сентября, ссылаясь на то, что военные операции развиваются быстрее, чем предполагалось, Риббентроп возобновляет предложение, но не добивается успеха¹. Однако в середине сентября германское продвижение идет такими темпами, что СССР оказывается перед необходимостью принять решение. Может ли он допустить, чтобы в руки нацистов попали территории, которые принадлежали ему в 1919 — 1921 годах, к тому же в пределах границ, предложенных лордом Керзоном на Версальской конференции. Эти территории были отняты у него силой и в ходе военных операций, которые велись Пилсудским при консультации Вейгана. 17 сентября советские войска перешли польскую границу и вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию. Выступая по радио, В. М. Молотов объяснил это решение тем, что «Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и белорусам, населяющим Польшу...»².

хода Красной Армии в сентябре 1939 года советская граница была установлена в основном по «линии Керзона». В 1944 году Советское правительство выступило с заявлением, в котором указывало, что граница между Польшей и СССР могла бы пройти по «линии Керзона». — *Прим. перев.*

¹ William L. Shirer. Le Troisième Reich des origines à la chute.

² Цит. по журналу «Большевик», № 17, сентябрь 1939, с. 2. В этой же речи было сказано, что Главному Командованию Красной Армии дан приказ «перейти границу и взять под свою защиту жизнь и иму-

Он констатировал, что польское государство распалось, правительство его покинуло, все крупные промышленные центры оккупированы германской армией. «Распад польского государства, — заявил он, — создал в Польше такое положение, которое требует со стороны Советского правительства особых мер, касающихся безопасности его собственной страны. Ибо Польша стала удобным полем для всяких неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР».

21 сентября Красная Армия вышла на границы Литвы, Румынии и Венгрии. 22 сентября германские войска оставляют Львов, куда вступают советские войска. 23 сентября Красная Армия в Брест-Литовске и Белостоке. В конце сентября она освободила всю территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, на которой проживает 15 млн. жителей, в том числе полтора миллиона поляков. 30 сентября после нескольких дней упорных переговоров Германия признает новые советские границы, в точности соответствующие «линии Керзона» и почти совпадающие с нынешней границей Польши на Востоке. К тому же Германия признает Прибалтийские государства «сферой интересов Советского Союза». * Таким образом, СССР обеспечил себе прикрывающий его гласис, отодвинув плацдарм возможного немецкого нападения. Кроме того, он закрыл доступ к двум источникам, к которым в долгосрочной перспективе стремился гитлеровский рейх, — украинскому хлебу и румынской нефти — двум важным сырьевым ресурсам, без которых Германия не могла бы выжить в условиях блокады со стороны западных держав.

В последующие недели советская печать широко разъясняет причины, которые вынудили СССР вступить в Польшу. В Брюсселе номера «Монд» за 23, 30 сентября и 7 октября почти полностью посвящены этому событию. Они содержат историческую, географическую и политическую аргументацию, необходимую коммунистам западных стран для обоснования советских действий. В многочисленных статьях рассказывается о нищенской жизни украинских и белорусских крестьян под гнетом польских хозяев. Эти районы являются жертвами поистине колони-

щество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». — *Прим. перев.*

* См. примечание на с. 139.

альной эксплуатации. Советская акция является освободительной, она кладет конец национальному и социальному угнетению. В этих статьях обращается внимание на то, что Красная Армия вмешалась только после военного поражения и распада польского государства. Эта акция не направлена против польского народа. Ее целью является вызволение украинского и белорусского народов, живущих на польской территории, от нацистской оккупации. Появляется и другая тема: СССР принял меры предосторожности, чтобы обеспечить свою безопасность.

23 сентября «Монд» пишет: «Сегодня фюрер сталкивается с армией, которая говорит ему: только до этих пределов, не дальше. Советская акция положила конец германскому продвижению к Украине и румынской нефти. Народы Восточной Европы вздохнули свободнее в результате быстрых действий Советского Союза».

В том же номере статьи, написанные не в Москве, а в Брюсселе, твердо осуждают фашизм. В них можно прочитать:

«С помощью пакта о ненападении крепость социализма обеспечила себе по крайней мере временно передышку... В Германии паутина лжи, которой Гитлер опутал самые широкие слои населения, разорвана. Антикоминтерновский треугольник, то есть орудие, которое фашизм создал для того, чтобы угнетать европейские и азиатские народы, разрушен... Страна социализма на протяжении начинающегося тяжелого периода будет оставаться маяком для трудящихся всего мира... Все они — на заводах или в окопах — будут иметь одну цель — достижение мира путем разгрома фашизма и всех тех, кто его поддерживает». В это же время в Лондоне, комментируя вступление Красной Армии в восточные районы Польши, Уинстон Черчилль заявил: «Можно сказать, что мощный фронт на Востоке уже существует». Через несколько дней, 1 октября, в Палате общин он сказал: «Тот факт, что русские армии находятся на «линии Керзона», вызван необходимостью. Это обеспечит безопасность России перед лицом фашистской угрозы».

Другое суждение, которое идет в разрез с официальной французской пропагандой, было сформулировано французским послом в Москве Наджиаром в записке от 28 октября, адресованной Даладье¹.

¹ См.: Papiers Daladier, Fondation des sciences politiques.

Последний объединяет в своих руках 13 сентября функции министра иностранных дел и председателя Совета министров, поскольку Жорж Бонне удален с Ке д'Орсэ и стал министром юстиции.

Подробно останавливаясь на изменениях, происшедших в Восточной Европе, посол Наджиар, в частности, отмечает:

«Очевидно, нам выгоднее, что Россия вернула себе территориальные позиции, которые она занимала в Европе в 1914 году и которые позволяют ей создать равновесие в отношении Германии. Мы не должны оценивать нынешние события только с точки зрения того аморального характера соглашения Гитлера со Сталиным и продвижения СССР в Польше и в Прибалтийских странах, которое вызвало сенсацию во всем мире. Исходя из жизненных интересов Франции, нельзя не согласиться, что присутствие на восточных границах рейха России, которая бы настойчиво проводила в жизнь принципы внешней политики старой империи, могло бы, как это часто бывало в прошлом, в случае необходимости держать Германию в узде и позволило бы Европе и нам обладать традиционным элементом равновесия, исчезнувшим в 1917 году. Тот факт, что столь неожиданное и основательное возвращение России к европейским делам осуществляется с помощью германо-русского соглашения, не ослабит в будущем ни значения, ни важности этого политического события... Выезд лиц немецкого происхождения из Прибалтийских стран, являющийся беспрецедентным фактом в германо-русских отношениях, а также их отъезд в ближайшем будущем из Центральной Европы и Тироля, свидетельствуют об отступлении гитлеровского рейха. Для Германии оно означает подлинное поражение... Возвращение России к участию в европейских делах — это первый удар, ограничивающий осуществление программы беспредельных захватов гитлеровского рейха. На этом основании мы должны, не игнорируя всего того, что может считаться опасным в германо-советском сговоре, рассматривать в качестве определенного достижения присутствие на германской границе России, значительно восстановившей в этих зонах свой суверенитет и влияние, которыми она располагала в 1914 году. Это в принципе отнюдь не противоречит французским интересам, а в определенных условиях может даже быть благоприятным для них...»

Нерешительность в середине сентября

Бюро Коминтерна в Брюсселе считает тем более необходимым разъяснить цель вступления Красной Армии в Польшу, поскольку во всех странах Западной Европы началась разнузданная антисоветская кампания на тему о новом разделе Польши Гитлером и Сталиным. Коммунистические партии дают ей отпор, оправдывая советские действия.

20 сентября газета «Дейли уоркер» излагает точку зрения английской компартии:

«Зная, какая судьба будет уготована польскому народу под гитлеровским сапогом, все честные трудящиеся одобряют решение Советского правительства не допустить того, чтобы украинское и белорусское население разделили эту судьбу, и дать возможность угнетенным народам присоединиться к большинству их сограждан, которые свободно и счастливо живут в Советском Союзе. Лидер лейбористской партии Гринвуд и герой невмешательства в Испании Леон Блюм пылко протестуют против советской инициативы. Поистине «невмешательство» угнездилося в сердцах этих господ. Поскольку польское государство рухнуло, эти люди, естественно, ожидали, что Советский Союз не пошевелинется и, трепеща от страха — как это делал Леон Блюм в 1936 году во время интервенции в Испании, — будет безучастно взирать на вступление нацистского агрессора в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Большинство украинского и белорусского народов, проживающих в Советском Союзе, должны-де ограничиться пролитием слез по поводу судьбы своих братьев, захваченных нацистами.

Советский Союз занял другую позицию. Украинский и белорусский народы западных областей признательны ему за это. Пусть господа Блюм и Гринвуд занимаются тем, что касается их. Пусть лучше они участвуют в борьбе за укрепление во Франции и в Англии правительств, состоящих из подлинных антифашистов, с тем чтобы вести настоящую борьбу с нацизмом. Пусть они защищают свободу в собственных странах.

Ибо только подобная борьба делает возможным поражение нацизма и восстановление прочного мира и возрождение Польши — Польши демократической, которая никого не будет угнетать и никем не будет угнетена».

Орган Коммунистической партии Нидерландов газета «Фолксдахблад» пишет: «Польское правительство Рыдз-Смиглы отказалось от помощи Советского Союза. Могли и должны ли были Советский Союз беспристрастно присутствовать при уничтожении тысяч украинцев и белорусов на своих границах, поскольку такова была воля клики полковников, которые, когда коснулось их, ударились в бегство?» Центральный орган Компартии Бельгии «Вуа дю Пёпл» писал: «Быстрое и несущее освобождение продвижение Красной Армии вызвало гнев крупного капитала и его лакеев. Тем самым эти господа ясно показывают, кого они предпочитают: лучше Гитлер, чем Сталин, лучше немецкая нацистская армия, чем Красная Армия на плодородных землях Западной Украины и Западной Белоруссии».

Во Франции, в которой антисоветизм достиг своего апогея, кампания против компартии разворачивается все интенсивнее. Компартия находится в еще большей изоляции, чем после подписания пакта 23 августа. Она не может ни изложить своих позиций, ни вести разъяснительную кампанию по примеру своих западных собратьев. Распоясавшаяся пресса подает советские действия как акт военного сотрудничества с Гитлером и делает коммунистов козлами отпущения для нападок общественности. Сократившаяся в численности, ослабленная мобилизацией многих своих членов, компартия больше обороняется, чем наступая. Она одобряет вступление Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, но находится в обороне по отношению к французскому общественному мнению. 19 сентября ее парламентская группа принимает резолюцию, в которой напоминает о своей верности делу национальной обороны: «Французские коммунисты,— указывается в ней,— заявили о своей непоколебимой воле защищать страну, проголосовав за кредиты на национальную оборону. 22 депутата-коммуниста заняли свои места в армии, на поле боя солдаты-коммунисты уже пролили свою кровь». Как и 2 сентября, парламентская группа обеспокоена тем, чтобы не сделать ничего такого, что позволило бы применить репрессивные меры и усилить изоляцию компартии. Таким образом, она остается на позициях, занятых ею в ходе парламентских дебатов при голосовании военных кредитов, что в определенной степени дает свободу рук Даладье. Однако со 2 сентября ситуация значительно

изменилась. Франция не ответила на агрессию и разгром Польши активными военными действиями, несомненно надеясь подтолкнуть конфликт между Германией и СССР, который, несмотря на пакт от 23 августа, рассматривался как вполне возможный. Позиция Франции была чем-то вроде сигнала Гитлеру: если он нападет на СССР после окончания военных операций в Польше, ему нечего бояться войны на два фронта. В руководящих французских кругах существовало мнение, что объявление войны было ошибкой. Если бы Польшу бросили на произвол судьбы, что в конечном счете и случилось, то можно было бы создать условия для столкновения Германии с СССР. В уже приводившейся записке французского посла в Москве он выдвигает подобное предложение. Он пишет: «Если бы Великобритания и Франция не сдержали своих обязательств в отношении Польши, Германия была бы спокойна за свои западные границы и, за три недели раздавив Польшу, имела бы свободные руки против России. В этом случае соглашение от 23 августа, подписанное Риббентропом, оказалось бы для Сталина бесполезным». В течение сентября военную пассивность Англии и Франции можно было объяснить как пристрелку, подтверждающую Гитлеру, что на Востоке он действительно располагает свободой рук. Французская пропаганда с такой же силой осуждала выход Красной Армии на «линию Керзона», как и разгром Польши армиями рейха. Можно ли было в этих условиях рассматривать войну, которую Франция не вела, как войну антифашистскую? Можно ли было оказывать без какой-либо критики поддержку Даладьё — участнику мюнхенского соглашения, антисоветские и антикоммунистические планы которого были такими же обширными, как и его желание одержать победу над гитлеровской Германией? В действительности компартия запуталась во многих противоречиях: по ее убеждению, она оказывает поддержку оборонительной антигитлеровской войне, однако от нее не зависит, приобретет ли война такой характер. В то же время эта поддержка не может приобрести характер «священного союза». Однако, воздерживаясь от разоблачения политики французских руководителей и их тяжелой ответственности за развязывание войны, партия может создать впечатление, что дает карт-бланш * во имя некоего «священного союза».

* То есть свобода рук. — *Прим. перев.*

Запутавшись в этих противоречиях, компартия испытывает трудности в определении своей политики и в середине сентября проявляет совершенно явные колебания. Уже 10 сентября на встрече в Лилле Клеман критиковал в этом плане парламентскую группу ФКП. Однако в резолюции от 19 сентября сохраняется та же линия. Правда, некоторые документы ФКП свидетельствуют о начале эволюции в анализе характера войны. Компартия выступает уже с точки зрения как национальных, так и классовых интересов. Гастон Монмуссо пишет 21 сентября в передовице «Ви увриер»: «Освободительная борьба против гитлеровского варварства означает для защитников страны, на которую напали, не только необходимость защищать любой ценой национальную территорию против иностранной агрессии; она означает также защиту политических свобод, демократии и всего того, что делает возможным социальный прогресс и освобождение человека». И добавляет: «Правительство, боящееся народа, неизбежно идет к поражению».

Однако статья Монмуссо слабее тех материалов, которые к этому времени с одобрения Коминтерна опубликованы другими западными компартиями. В Великобритании, Бельгии и Голландии компартии пришли к твердому мнению, что война не является войной демократии и свободы против фашизма, что это война — империалистическая, не имеющая ничего общего с интересами народа. Официального заявления Коминтерна еще нет, но не вызывает сомнений, что его советы учитываются компартиями западных стран.

В Париже развитие событий вызывает растерянность.

Антигитлеровские речи Даладье не дают возможности скрыть, что эта война не станет войной демократии против фашизма. Франция не ведет против Гитлера войну, которую она ему объявила. Когда германская авиация сбрасывает на Варшаву бомбы, французская авиация сбрасывает на Рур листовки. Внутри страны правительство Даладье ужесточает авторитарный характер режима. Он объявил войну без консультации с парламентом, он управляет с помощью декретов. Военное положение используется для оправдания политики, цели которой день ото дня становятся все яснее: ликвидировать социальные и политические завоевания Народного фронта, развернуть наступление против коммунистов. Такая политика, и это начинают понимать, может пойти очень

далеко. Становится все ясней, что компартии нельзя вырабатывать позиции, абстрагируясь от классового характера политики правительства. Однако ФКП, воспитанная в антифашистском духе, продолжает выдвигать на передний план гитлеровскую угрозу. Это подтверждает совещание Центрального Комитета 20 сентября. Оно проходит в городе Э-ле-Роз в гараже Пелео в полулегальной обстановке. В нем принимают участие не более 15 человек — то есть члены руководства, которые не подлежат мобилизации.

Дюкло, Фрашон, Кашен и Пери присутствуют на заседании. Вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину не вызывает ни сомнений, ни колебаний. Марсель Кашен излагает историю вопроса. Его сообщение одобряется. К тому же все считают, что Советский Союз в предвидении неизбежного конфликта с гитлеровской Германией создал оборонительные позиции по «линии Керзона».

Следовательно, в своей пропагандистской работе партия должна разъяснять и оправдывать шаги Советского Союза, которые противодействуют осуществлению гитлеровских планов. На этом заседании рассматриваются позиции, занятые другими западными компартиями. Соглашаются с тем, что позиция французского правительства заставляет оценивать вопрос о характере войны с иной точки зрения, чем это было в начале сентября. Даладьё использует военное положение для борьбы с рабочим классом. Оно не должно мешать компартии защищать экономические требования, свободу, социальные права, демократию. Оборона страны против Гитлера не может быть «священным союзом» с реакционными силами и сторонниками Мюнхена. Несомненно, заседание ЦК 20 сентября является началом очень трудного по своему характеру изменения позиции компартии в чрезвычайно сложной ситуации, началом подхода к новым лозунгам, но вместе с тем не означает четкого отхода от прежней линии.

В этой связи следует отметить, что месяц спустя в Брюсселе «Монд» в № 5 от 14 октября в первой статье, посвященной ФКП и озаглавленной «После месяца войны во Франции», дает ссылки на это заседание 20 сентября. В статье указывается, что ЦК принял манифест, озаглавленный «Необходимо заключить мир», из которого не приводятся цитаты, а лишь резюмируется содер-

жание. «Монд» пишет: «В ответ на кампанию против СССР, развернутую реакционными силами и социалистами, Французская компартия старается объяснить всем своим членам и трудящимся массам ситуацию и сообщить аргументы, которые помогут им дать отпор антисоветским нападкам и показать, что для Советского Союза защита мира и оказание помощи в освобождении угнетенных народов всегда были первостепенной задачей».

Собравшись на заседание 20 сентября, ЦК в этой связи принял четкие решения по вопросу о мире, считая, что только империалисты могут быть заинтересованы в продолжении войны, в то время как можно немедленно достичь мира.

Компартия опубликовала манифест, озаглавленный «Необходимо заключить мир». В этом манифесте показано, что война была развязана в империалистических целях; разоблачены те, кто спас Гитлера в 1938 году в Мюнхене; подчеркивается различный характер позиций Франции и Англии в отношении Чехословакии и Польши; осуждается фашистская и реакционная политика французского правительства; осуждается социал-демократия, лидеры которой стали пособниками антикоммунистических репрессий и патентованными клеветниками на страну социализма; приветствуется освобождение украинцев и белорусов и подтверждается доверие французских трудящихся к политике мира великого Сталина; выдвигается требование быстрее заключения мира.

Этот документ, принятый 22 сентября до германо-советской декларации о мире *, был распространен с опоз-

* Имеются в виду подписанные в ходе переговоров, проходивших в Москве 27—28 сентября 1939 года между В. М. Молотовым и Риббентропом, «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», в котором, кроме определения границы, имелась ст. IV, в которой оба правительства заявили, что «рассматривают вышеприведенное переустройство (то есть установление советско-германской границы.— *Прим. перев.*) как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами», а также «Заявление Советского и Германского правительств» от 28 сентября 1939 года, в котором они «в обоюдном согласии» выразили мнение, что «ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели».

28 сентября 1939 года произошел также обмен письмами между В. М. Молотовым и Риббентропом о намерении обоих правительств

данием и в очень незначительном количестве, что вызвало необходимость настоятельно подтвердить французским трудящимся политику, проводимую Французской компартией в защиту мира и против империалистической войны.

Однако вопреки тому, что утверждается в этой статье, ЦК, по-видимому, не обсуждал призыва к миру и не принимал его. Этот призыв был написан в последующие дни. Германо-советская декларация от 28 сентября сделала его ненужным. Именно в это время Жак Дюкло подготовил свой «особый удар»: письмо к председателю палаты депутатов Эррио. Действительно, 20 сентября ЦК констатирует, что ситуация меняется, но не вносит необходимых в этой связи изменений в свой анализ. Артюр Раметт вспоминает об этом заседании как о заседании, где определенно царила неразбериха. «Мы чувствовали,— говорил он,— что наши предыдущие оценки не соответствуют ходу событий и позиции французских руководителей, но мы колебались делать из этого соответствующие выводы. Мы не хотели углублять отрыв от общественности и не делать ничего, что могло бы послужить предлогом для усиления репрессий».

Артюр Раметт утверждает, что никакого манифеста о мире не принималось и ничего не изменилось в линии партии. Это же подтверждают критические заметки Мориса Тореза. В ноябре в Брюсселе он записывает по поводу этого заседания в своем блокноте: «неясность линии», «политическая неразбериха». Он отмечает также: «Проявляется медлительность в повороте, несмотря — и я должен на это указать — на достаточно ясные директивы Коминтерна, переданные Р. Г., и советы, которые я смог сам сформулировать».

Эти оценки будут повторены и развернуты в самокритичном духе в январе 1940 года в журнале «Кайе дю большевизм» (первый подпольный номер). Неподписанная статья принадлежит, по-видимому, Морису Торезу, который, по всей вероятности, подготовил ее в начале декабря в Москве после нескольких бесед с Г. М. Димитровым. Период, который нас интересует, в этом тексте характеризуется так: «Перейдем теперь к решающему вопросу — наше отношение к войне. Нужно констатировать, что в условиях начавшейся второй империалисти-

«всемерно развивать экономические отношения и товарооборот между СССР и Германией». — Цит. по журналу «Большевик», № 18, сентябрь 1939, с. 11—13. — *Прим. перев.*

ческой войны, под сильнейшим нажимом, который ФКП когда-либо испытывала, она проявила непоколебимую верность делу мира, делу французского народа, твердо поддержав политику мира Советского Союза и заявив о своей полной поддержке Коминтерна Ленина и Сталина.

После подписания пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией ЦК 25 августа опубликовал манифест, в котором одобрил миролюбивую политику Советского Союза. ЦК выразил доверие и восхищение французских коммунистов Сталину — этому великому гению, вся деятельность которого посвящена служению исключительно интересам международного пролетариата. Первичные организации, которым ЦК оказал содействие и дал указания, проявили большую инициативу. Ежедневно распространялись десятки тысяч отпечатанных на ротаторе газет и листовок.

Однако впоследствии были допущены серьезные ошибки. Трудящихся не призвали к решительной борьбе в защиту компартии и ее печати. Парламентская группа не использовала единственное заседание Палаты депутатов для того, чтобы протестовать против политики войны Даладье и руководителей соцпартии: она проголосовала за военные кредиты. В течение сентября и даже после пленума ЦК 20 сентября продолжают руководствоваться ошибочной ориентацией и верой в законность. Все арестованные депутаты в начале следствия переоценивают буржуазное право и ссылаются только на законы. Коммунистические муниципалитеты лишены всякой власти, но не сделано ни малейшей попытки организовать сопротивление. Подобная позиция могла лишь посеять неразбериху и смятение и ослабила борьбу компартии и революционных трудящихся против империалистической войны, против измены делу рабочего класса и антикоммунистических провокаций руководителей соцпартии и нескольких ренегатов.

Каковы причины подобных фактов? Ведь могла же компартия и ее ЦК проводить правильную политику и добиваться значительных успехов. Просто ЦК вовремя не оценил значения изменений, о которых мы говорили вначале, изменений, темп которых ускорился в конце августа и начале войны. Напомним, что в области внешней политики Гитлер более или менее добровольно отказался от войны против Советского Союза, а империа-

листические провокаторы в Париже и Лондоне встали на путь конфликта с Германией. Таким образом, не могло быть и речи ни о мире, ни о коллективной безопасности, ни о взаимопомощи. Реакция перешла к сильным нападкам на Советский Союз.

Напомним, что внутри страны все буржуазные партии и группировки, включая социал-демократию, заключили «священный союз». Они вели реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Репрессии, к которым призывали и которые организовывали руководители соцпартии, обрушились на рабочий класс и компартию. С этого момента не могло быть и речи ни о защите демократии и Народном фронте с руководителями радикалов, ни о едином фронте с руководителями социалистов, поскольку они открыто перешли на позиции империализма.

Новая ситуация требовала другой политической линии, новых лозунгов, нового метода применения тактики единого фронта и Народного фронта.

Единственно правильной политикой для рабочего класса и коммунистической партии является мужественная борьба против империалистической войны, за мир, борьба, в ходе которой они наносили бы удары реакции, ее представителям, стоящим у власти, борьба против Даладье и его реформистских и социалистических пособников.

Единственная правильная тактика заключается в создании союза всех эксплуатируемых рабочих и крестьян, интеллигенции в борьбе против реакции и войны, в разоблачении предателей — руководителей соцпартии, ВКТ и партии радикалов.

Руководство компартии не сделало сразу таких выводов. Продолжая по инерции политику предыдущего периода, оно осталось на старых рельсах, повторяя старые формулы. В этом главная причина ошибок, допущенных в начале войны и непосредственно перед ее началом.

Компартия начала менять тактику только после перехода на нелегальное положение. Заявление коммунистического меньшинства в Административной комиссии ВКТ и письмо парламентской группы с большой силой показали позицию компартии, враждебную войне. Опубликованный 10 октября призыв ЦК явился серьезным шагом на пути исправления ошибок».

Послание Коминтерна

В тот день, когда Клеман узнал об оценке Коминтерном характера войны, Мунетт Дютейль находилась в Брюсселе, куда она в первый раз приехала в качестве связного. «Это обрушилось на меня после заседания в узком составе ЦК (заседания, состоявшегося 20 сентября). Треан перед уходом в армию дал мне маршрут следования». Когда это было: 26, 27 или 28 сентября? Мунетт не может точно сказать. (Исследователи склонны считать, что оценка Коминтерна стала известна 26 сентября, в день запрещения компартии.) Но Мунетт никогда не забудет только что расшифрованное послание, которое в то утро Клеман попросил ее выучить наизусть: «Сегодня вечером, прежде чем Вы уедете, Вы мне его повторите». В роли учителя Клеман оставался вежливым, обходительным, великосветским господином, вспоминает Мунетт. Ключевая фраза послания звучала так: «Эта война является войной империалистической, помешать которой мы не можем».

«Я ничего не понимала. До сих пор мы защищали антифашистскую линию и с трудом противостояли разнузданной антисоветской и антикоммунистической пропаганде. И вот теперь эта война нас не касается. Мне стало сразу понятно, какие трудности нас ожидают. Я была потрясена. Вернувшись во Францию, я встретилась с Жаком Дюкло. Он, Артюр Далиде и Марк Дюпюи провели у меня дома на улице Оливье-де-Серр совещание, на котором меня не было. Было принято решение в этот же день отозвать Мориса Тореза из армии и информировать его об этом. Позднее я узнала, что выполнение этого решения было поручено Мурру. Но план Мурра не был осуществлен из-за непредвиденной реакции Мориса Тореза, свидетелем чему я была». (Рассказ М. Дютейль авторам книги.)

Начиная с 28 сентября, когда не оставалось сомнений, что репрессии ужесточатся, Морис Торез записывает в записной книжке: «Жак искал случая и очень эффективно нанес удар».

Этим ударом стало письмо к Эррио.

С момента последних бесед в Париже между Торезом, Эрколи и Клеманом прошел месяц. Эти беседы совпали по времени с письмом, которое Кашен послал

Блюму. «По моему совету», — скажет Торез (после разговора с К. и Э.) *.

О содержании послания Коминтерна нам рассказал Черрети: «Правильно, что Коминтерн очень рано предупредил Французскую компартию об опасности, которая вытекает из позиции, определявшейся национальными соображениями. Во второй половине сентября, хотя точно я не могу припомнить дату, Клеман посетил меня в Антверпене. Он показал мне длинную телеграмму, подписанную Димитровым. В ее тексте особый упор делается на империалистический характер развязанной войны за новый передел мира. В телеграмме воюющие стороны противостояли друг другу. Я был обеспокоен этим и выразил свои сомнения. Конечно, было правильно, что соперничающие империалисты противостояли друг другу. Это была борьба за обладание железом и сталью, углем и нефтяными месторождениями. В этой части анализ Коминтерна мне казался правильным. Но тезис становился безосновательным, поскольку полностью не учитывал последствий для Европы и мира в случае победы Гитлера и нацизма».

Расхождения между политикой, определенной в телеграмме Димитрова, и позицией, занятой ФКП с начала войны, очевидны. Вот почему те редкие свидетельства, которые мы могли собрать, показывают, что это послание вызвало у французских руководителей такой шок, какой испытала Мунетт Дютейль, когда ознакомилась с текстом в Брюсселе. Однако в это время произошло событие, которое показало руководству Французской компартии, что начавшаяся война — это не война в защиту демократических прав и свобод. Таким событием стало запрещение компартии.

Запрещение компартии

Колебания Французской компартии в отношении того, чтобы заново проанализировать характер войны, в значительной степени были сняты решением правительства, принятым 26 сентября, о запрещении компартии. В опубликованном на следующий день в «Журналь оффисьель» декрете говорилось, что «лишается всех прав коммунист-

* IRM microfilm SR 50191.

тическая партия (французская секция Коминтерна), все связанные с ней ассоциации, организации или существующие группы, а также все те, кто является членом партии или не состоит в ней, но ведет определенную работу в соответствии с лозунгами, исходящими от III Коммунистического Интернационала или органов, контролируемых им». За нарушение этого декрета предусматривалось тюремное заключение сроком от одного до пяти лет. Утром 27 сентября в здании Центрального Комитета был произведен обыск. В Париже и провинциях были арестованы активисты ФКП, распространявшие листовки.

Во второй половине дня депутаты-коммунисты выступили с протестом против этого декрета в коммюнике, которое ни одна из газет не взялась опубликовать. В коммюнике говорилось:

«Во имя идеалов свободы и человеческого достоинства, написанных на знамени нашей партии, мы решительно протестуем против решения, противоречащего республиканскому духу, обычаям французской демократии и Декларации прав человека и гражданина, принятой Великой революцией 1789 года, 150-летие которой мы отметили 14 июля прошлого года.

Впервые подобная насильственная мера, резко контрастирующая с проявлением мягкости в отношении участников путча 6 февраля, членов Франко-германского комитета * и агентов Абеца, принимается против партии, пользующейся уважением и доверием значительной части рабочего класса и французского народа.

* *Франко-германский комитет* — официальное название — комитет «Франция — Германия». Создан отделением Министерства иностранных дел Германии для пропаганды во Франции франко-германской дружбы. Создатель комитета — Отто Абец, сотрудник ведомства фон Риббентропа. Перед второй мировой войной развил бурную активность во Франции, вовлек в этот комитет различных политических деятелей. Председатель комитета — Скапини, генеральный секретарь — крайне правый журналист де Бринон (в дальнейшем — посол «правительства Виши» при германском верховном командовании в Париже, председатель «Антибольшевистского легиона»).

По существу комитет являлся организацией коллаборационистов и «пятой колонной». Вследствие бурной деятельности перед войной Отто Абец был выслан из Франции. Вернулся во Францию вместе с оккупационной армией. В августе 1940 года был назначен послом Германии при правительстве Виши. Местом пребывания Абеца являлся Париж. Активно вмешивался во внутривнутриполитическую жизнь Франции, в частности, поддерживал такого известного коллаборациониста и изменника французского народа, как Лаваль. — *Прим. перев.*

Все враги демократии запрещение компартии используют для того, чтобы попытаться сохранить власть фашизма над поработенными ими народами и задержать развитие социалистического прогресса.

Как французские депутаты, мы хотим выразить наши чувства возмущения, которые, как мы убеждены, разделяются населением нашей страны».

Текст протеста был составлен днем 27 сентября, как раз перед возвращением из Брюсселя Мунетт Дютейль. Послание Коминтерна еще не известно и станет известным лишь на следующий день. Тон протеста твердый, но спокойный. В нем просматривается мысль о необходимости антигитлеровской борьбы.

Таким образом, директивы Коминтерна станут известны лишь через день после запрещения компартии. Последняя должна пересмотреть свою политику в труднейших условиях, в обстановке беспрецедентных репрессивных мер. Парадоксально, но усугубление репрессий облегчает компартии ее переход на позиции Коминтерна.

Вот что вспоминает по этому поводу Артюр Раметт:

«Стало очевидно, что правительство Даладье и 200 семейств больше озабочены тем, чтобы уничтожить компартию и подавить рабочий класс, чем победить Гитлера. Военное положение служило для правящих классов предлогом для реванша в отношении Народного фронта. Это стало ясным для нас. Это стало также намного яснее трудящимся, ибо уже в конце сентября расплата за подобную политику была весьма тяжелой. Была отменена 40-часовая рабочая неделя, за 45 часов работы платили как за 40 часов. На предприятиях, работавших на национальную оборону, продолжительность трудовой недели возросла до 60 и даже до 72 часов. Из чистой зарплаты удерживался налог в размере 15%. Приходилось работать больше, а получать намного меньше, однако прибыли росли, и предприниматели вновь начали безраздельно хозяйничать на предприятиях. В этой обстановке мы получили первые директивы Коминтерна и достаточно быстро учли их в нашем политическом анализе. Я повторяю: запрещение компартии помогло раскрыть глаза на подлинный характер войны. Вести борьбу с рабочим движением, вместо того, чтобы бороться с Гитлером, — не означало ли это подготовку к поражению? Мы чувствовали с самого начала, что подобное могло случиться. Пери оценил возможность такого исхода, когда 25 августа

на заседании парламентской группы указал на вероятность того, что война «примет характер авантюры, рискующей окончиться поражением». Не мы отказались от антифашистской направленности нашей борьбы, а руководители Франции, бессмысленная политика которых, как это показали последующие события, подорвала моральное состояние нации».

Переход на нелегальное положение

Итак, компартию запретили, и поскольку она этого не ожидала, то оказалась неподготовленной к переходу на нелегальное положение. Несмотря на изменения международной обстановки в начале 1939 года, разве можно было представить, что через три года после майских выборов 1936 года репрессии обрушатся на компартию, являвшуюся активным крылом Народного фронта и олицетворявшую собой антифашизм? Вопреки некоторым легендам компартия не располагала подпольным аппаратом. Единственное, в чем заключалась ее подпольная деятельность, — это оказание помощи иностранным коммунистам, укрывшимся во Франции. Это касалось итальянских коммунистов, а после 1933 года германских антифашистов. В 1936 году были созданы каналы для оказания помощи в транзите через Францию иностранных добровольцев в Интернациональные бригады. Вся эта деятельность велась сектором МОИ (рабочие-иммигранты). Таким образом, имелись кадры, обладавшие определенным опытом подпольной работы, но их было мало, и это не было их основным занятием. Реальность заключалась в том, что не существовало компартии, умевшей работать в условиях подполья и готовой принять эстафету в «случае тяжелого удара».

Во время заседания в Лилле 10 сентября было принято решение начать подпольную работу: речь шла об издании «Юманите» и пропагандистских материалов, а также об обеспечении связей руководства ФКП с наблюдательным пунктом Коминтерна в Брюсселе. Часть публикаций, в частности предназначавшихся для Севера Франции и Парижского района, печаталась в Бельгии с помощью компартии. Федерация ФКП в департаменте Нор должна была переправлять их во Францию и обеспечивать переход границы активистами компартии. В середине сентября

всей этой работой руководила активистка федерации Нор, член ЦК Марта Дерюмо. Федерация Нор уже имела «проводников» и «пункты укрытия», которые назывались на нашем языке «явки», обычно у надежных пожилых членов партии, открыто не занимавшихся активной общественной деятельностью. Марта Дерюмо взяла эти явки под свой контроль и привлекла к работе молодых активисток Союза девушек Франции *, полных энтузиазма, преданность которых в последующие годы граничила с подлинным героизмом.

Одна из них — Жанна Колетт, которая с сентября 1939 года до Освобождения обеспечивала связь руководства ФКП с брюссельским наблюдательным пунктом Коминтерна, — рассказывает:

«В сентябре 1939 года я была ответственным работником федерации Союза девушек Франции. Через несколько дней после запрещения компартии Марта пригласила меня к себе и сказала, что компартию и ее активистов ждут тяжелые времена, что требует от нас полной самоотверженности. Она спросила меня, готова ли я встретить любые трудности. Не колеблясь, я дала утвердительный ответ. Таким образом, я сразу же «включилась» в работу и всю войну обеспечивала связи с Бельгией, переход границы. Я обеспечивала эту связь во время всей войны. Вначале мне было легко это делать, поскольку мои родители жили в Туркуэне в гостинице «Рискнем всем», расположенной между двумя границами. К ним можно было ездить, не проходя через французский пост, и оказаться в Бельгии, не проходя через бельгийский пост. К тому же моя бабушка жила в Бельгии неподалеку от этого места, в городе Мускроне.

Осенью 1939 года наша команда состояла из Симеона Леруа, Жанны и Рене Тетаэрта, Андре Беланже. Пункты перехода не ограничивались только районом Туркуэна, они имелись в секторе Дюнкерк-Бушеп, там ими руководи-

* *Союз девушек Франции (ЮЖФФ)* — демократическая организация, основанная в 1936 году Даниэль Казановой. ЮЖФФ объединял девушек всех политических взглядов для борьбы в защиту их требований и прав, за мир и дружбу. Во время войны в Испании ЮЖФФ провел значительную кампанию по сбору продовольствия для испанских детей. Во время второй мировой войны и оккупации Франции союз вел активную борьбу против гитлеровских захватчиков. Многие руководители и активистки ЮЖФФ были брошены в тюрьмы, погибли в концентрационных лагерях. — *Прим. перев.*

ла Люсьена Дюфюлер, в долине рек Лис и Самбры. Мы располагали связями по обе стороны границы. В Лилле компартия сняла много квартир, в том числе на первом этаже дома № 163 по бульвару Виктора Гюго. В «Ля Мадлен» мы сняли номер на имя двух учительниц, а в шикарном районе на Большом бульваре — другую квартиру. Точно так же мы создали явки у Поля Мерлена в Лилле, Жозефа Десоважа в Нозвиль-ан-Феране. В Туркуэне мы имели последнюю остановку у Эрнеста Дюжардена и его отца Александра. По ту сторону границы моим коллегой был активист Компартии Бельгии Ашил Вандервурде, рабочий-текстильщик, выполнявший эту работу с начала войны в Испании. Именно эти каналы были использованы Морисом Торезом, для того чтобы перейти в Бельгию в начале октября, а также Жаком Дюкло и Артюром Раметтом. Я сама проводила Мориса из «Ля Мадлен» в Туркуэн к Дюжардену. Осенью я неоднократно «переправляла» Треана, Мурра и Далиде. В этот момент я работала с Мунетт Дютейль, которая обеспечивала связь Парижа с Брюсселем между Клеманом и Жаком Дюкло, а затем между Жаком и Бенуа Фрашоном. После запрещения компартии я создавала условия для перехода «технического аппарата» — группы молодых машинисток, который должен был работать с Дюкло, Торезом и Раметтом. Для переправки пропагандистских материалов мы использовали детские коляски, в которых дети лежали на матрасиках, набитых листовками. Рабочие, работавшие на границе, набивали газетами свои продовольственные сумки. Коммунисты — владельцы лодок переправляли на них большое количество различных материалов. Мы платили весьма многочисленным в тот период профессиональным контрабандистам, для того чтобы переправлять во Францию большие тюки с листовками. В конце осени 1939 года и в 1940 году я регулярно встречалась в Брюсселе со связником Раметта — Маринетт Лоран и передавала ей подробные сведения о деятельности и проблемах федерации ФКП департамента Нор.

После немецкого вторжения обстановка усложнилась. Нужно было также организовывать переход через Сомму, которая стала пограничной линией с «запретной зоной» — департаментами Нор и Па-де-Кале. Рабочие-железнодорожники, коммунисты заводов Фив-Лилль, Арраса, Альбера, Лонго и Амьена играли в этом решающую роль.

В 1943 году Ашил Вандервурд был арестован и отправлен в Бухенвальд. Мне пришлось обеспечивать связь и с бельгийской стороны. Два бельгийских коммуниста помогали мне в выполнении этой задачи: Бенони и Тео Валкер де Рейкэм. Я стала жить в Мускроне. У меня также было укромное прибежище в Брюсселе. На моей квартире в Мускроне укрывались Аврора, старший сын Мориса Торе-за и Мария — дочь Анны Паукер, после того как гестапо убило в Брюсселе Большого Клемана. Они жили две недели, прежде чем смогли выехать во Францию. Впоследствии я обеспечивала связи с преемником Клемана, венгерским коммунистом Эрнестом Гёре, бывшим командиром Интернациональной бригады, будущим министром в правительстве Венгерской Народной Республики. Он был известен под именем Жюль. Возвращаясь к сентябрю 1939 года, нужно отметить, что наша система связи через франко-бельгийскую границу, созданная накануне запрещения компартии, функционировала хорошо и была эффективной. Ни один из руководителей, которого нам поручали, не был арестован».

Но если в силу особых причин подпольные каналы, которые обеспечивали связь с Бельгией, начали хорошо работать уже в сентябре 1939 года, то компартия в целом и ее отдельные организации не были подготовлены к работе в условиях подполья.

«Рабоче-крестьянская группа» и письмо к Эррио

На следующий день после декрета о запрещении компартии только депутаты-коммунисты могли действовать легально. Не имея возможности выступать в качестве коммунистов, 28 сентября они образовали «Рабоче-крестьянскую группу», которая в своей работе вдохновлялась «принципами», принятыми в 1880 году французской рабочей партией Жюля Гедэ. 26 августа 6 депутатов отказались от членства в компартии. В декабре их станет 13, затем 21. Но около трех четвертых, то есть 51 депутат из 73, несмотря ни на какие испытания, останутся верными компартии. С самого начала создания «Группы» в ней 42 депутата. Список «Группы» на следующий день появляется в «Журналь оффисьеель». В начале октября к ней присоединяются девять депутатов, находившихся

в армии. Председателем «Группы» избран Артюр Раметт, депутат от департамента Нор, член Политбюро; секретарем — депутат от Парижа, член Центрального Комитета ФКП Флоримон Бонт. Новая группа намерена отвечать на репрессии не только словесными протестами, какими бы острыми они ни были, но и политическими действиями, вызывавшими определенный отклик. Идея, выдвинутая Жаком Дюкло, заключалась в том, чтобы вызвать большие парламентские дебаты, в ходе которых можно было бы предъявить обвинения правительству и обсудить проблему мира. В последние дни сентября депутаты-коммунисты не без оснований не ставят этой проблемы. Действительно, общественность задает вопрос о последствиях сентябрьских событий. Война, объявленная Германии с целью оказания помощи Польше, отныне не имеет смысла: с одной стороны, Франция не предприняла никаких военных операций, с другой — Польша пала. Каковы же цели этой войны, которую французская армия не ведет? Официальная пропаганда тщательно избегает оценки этого конфликта с идеологических позиций. Война ведется против Германии, а не против Гитлера и фашизма. Отказавшись в момент объявления войны от проведения каких-либо дебатов в Палате депутатов, Даладье намеренно оставил неясными цели, которые преследовались. Однако в конце сентября эта неясность вызвала у общественности неуверенность и сомнения и в то же время посеяла надежду, что восстановление мира возможно. В то же время отсутствие военных действий позволяло предполагать, что за кулисами ведутся переговоры. Действительно, такие контакты имели место. Жорж Бонне и Франсуа-Понсэ, отъезжавшие мюнхенцы, встречались в Париже и Риме с прогермански настроенными дипломатами. Уже 8 сентября посол Испании в Париже сообщил немцам, что Бонне, «учитывая большую непопулярность войны во Франции, по-видимому, постарается добиться соглашения, как только военные операции в Польше будут «завершены». Итальянский посол в Париже в конце сентября информирует свое правительство, что большинство французского кабинета благожелательно относится к мирной конференции и что нужно только дать возможность Франции и Англии спасти лицо. 26 сентября представитель шведских деловых кругов Далерюс по просьбе британского посольства в Стокгольме встретился с Гитлером и передал ему, что английское правительство ищет пути

к миру¹. В опубликованных в 1945 году мемуарах Антони Иден пишет: «В сентябре 1939 года влиятельные члены английского правительства считали еще, что Гитлер пойдет на переговоры, и думали, что заключить соглашение будет тем легче, чем неопределеннее будут наши предложения».

Но если проблема восстановления мира была поставлена самим развитием событий, то у депутатов-коммунистов имелись другие причины требовать проведения дебатов по этой проблеме. Запрещение компартии, начало репрессивных процессов против коммунистов, разгром профсоюзов, обуздание рабочего класса, постепенное установление авторитарного режима явились теми новыми фактами, которые совершенно меняли характер войны.

Исходя из этого, «Рабоче-крестьянская группа» решает направить письмо председателю палаты депутатов Эдуарду Эррио с требованием провести дебаты о мире. Для этого в письме используется советско-германский договор от 28 сентября. Подписав договор, фиксировавший новую западную границу СССР, Молотов и Риббентроп опубликовали совместное заявление, в котором, в частности, говорилось:

«Германское правительство и правительство СССР согласны в том, что прекращение войны между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой, отвечало бы интересам всех народов. Поэтому оба правительства приложат все усилия,— в случае необходимости совместно с другими дружественными державами,— с тем, чтобы как можно быстрее достигнуть этой цели...»

Это сообщение о возможной в ближайшем будущем мирной инициативе служит предлогом для того, чтобы требовать проведения дебатов в парламенте. Письмо датируется воскресеньем 1 октября 1939 года. Его подписали Артур Раметт и Флоримон Бонт. Вот его текст:

«Господин председатель!

Франция со дня на день может оказаться перед лицом мирных предложений.

Одна мысль о том, что мир в ближайшем будущем возможен, вызывает огромные надежды в народе нашей страны, который испытывает страх перед перспективой долгой и ужасной войны, войны, которая погребает под руинами ценности человеческой культуры и будет стоить

¹ William L. Shirer. Le Troisième Reich.

жизни миллионам мужчин, женщин и детей, втянутых в эту бойню.

Как только возникли слухи о мирных предложениях, выдвинутых дипломатией СССР, наемная пресса хором заявила: «Нет!»

Возможно ли, чтобы журналисты, не обладающие мандатом нации, спокойно могли высказываться за продолжение войны до победного конца?

Возможно ли, чтобы мирные предложения отклонялись еще до того, как они станут известны, и без консультаций с суверенными представителями нации?

Что касается нас, то мы так не считаем и просим Вас в качестве председателя Палаты депутатов обратиться к правительству с требованием:

1. *Чтобы парламент обсудил на открытом заседании проблему восстановления мира (подчеркнуто нами).*

2. Чтобы парламентарии, находящиеся в армии, могли принять участие в обсуждении этого важнейшего вопроса, от которого зависит, жить или умереть миллионам французов.

Каждый француз хочет мира, ибо он чувствует, что длительная война будет ужасной для нашей страны, создаст угрозу ее будущему и демократическим свободам.

Необходимо помешать тому, чтобы предложения о мире были отклонены с порога, что ввергало бы нас в авантюры и еще большую катастрофу.

Всеми фибрами души мы хотим справедливого длительного мира и считаем, что его можно быстро добиться, ибо поджигателям империалистической войны и гитлеровской Германии, испытывающей внутренние трудности, противостоит мощный Советский Союз, который может способствовать осуществлению политики коллективной безопасности, обеспечивающей мир и сохранение независимости Франции.

Вот почему, преисполненные желанием служить интересам страны, мы требуем, чтобы мирные предложения, которые будут сделаны Франции, были рассмотрены с намерением установить как можно быстрее справедливый, законный и длительный мир, которого в глубине души желают наши сограждане».

Артюр Раммет внес уточнения в это письмо:

«Наша основная задача заключалась в том, чтобы нас услышали, чтобы мы могли обратиться к стране через парламент. Вот почему мы решили направить письмо

председателю Палаты Эррио. Оно должно было быть хорошо аргументированным и ясно излагать позиции коммунистов, с тем чтобы его можно было напечатать в качестве листовки и распространить по всей стране. Она должна была исходить из послания Г. М. Димитрова, но учитывать французские реальности. (Клеман первым рекомендовал применить анализ Коминтерна к условиям каждой страны.) Поэтому Жак Дюкло поручил Флоримону Бонту и Жоани Берлиозу подготовить текст в этом духе. 30 сентября утром они передали ему свой вариант. Жак Дюкло нашел его слишком жестким и прямолинейным. Нельзя было обращаться к французской обществу с лозунгом «Долой империалистическую войну». Жак Дюкло хотел, чтобы письмом вызвало дебаты, исход которых не мог быть предreshен заранее, но которые позволили бы широко разъяснить нашу позицию. Эта цель не была отражена в первом варианте. Тогда Жак Дюкло решил сам написать новый текст. Он присел на уголке стола в зале «Группы» и начал писать, не замечая ничего, что его окружало, редактируя со своей обычной быстротой. Он вычеркивал фразу, когда она ему не подходила, и сразу же писал ту, которую искал. Когда он кончил, то прочитал текст Бонту, Берлиозу и мне.

Было решено, что мы его подпишем, то есть я в качестве председателя «Группы», а Бонт в качестве ее секретаря».

Как можно было понять из германо-советского коммюнике от 28 сентября, Германия не замедлит заявить, что, по ее мнению, война больше не имеет смысла и что пришел момент положить ей конец. На заседании рейхстага 6 октября Гитлер выдвинул предложение о мире, а также предложил созвать после тщательной подготовки конференцию главных европейских держав. Эти предложения были отклонены 7 октября Даладье, а 12-го — Чемберленом. Во Франции свободные дебаты, которых требовали коммунисты, не состоялись.

Конечно, можно было сомневаться в отношении истинных намерений Гитлера. Не хотел ли он, делая предложение о мире, возложить ответственность за развязывание войны на западные державы? Однако присутствие СССР за столом переговоров не дало бы Гитлеру свободу рук. Именно так оценивал ситуацию Коминтерн. «Монд» 30 сентября следующим образом комментировала германо-советское коммюнике от 28 сентября: «СССР вынуждает

Гитлера отказаться от его планов установления мирового господства и предлагает положить конец войне». В действительности же французское правительство продолжает надеяться, что Гитлер нападет на Советский Союз, и своим бездействием в «странной войне» дает понять, что у него остается свобода рук на Востоке. Даладье проводит свою политику на внутреннем фронте.

Хотя письмо к Эррио — совершенно законное парламентское действие, правительство сочло его преступным актом. «Рабоче-крестьянскую группу» обвиняют в том, что она хотела восстановить распущенную организацию, превратить парламентский акт в манифест, подпадающий под наказание по закону. 2 октября в газетах публикуется указ о конфискации имущества компартии. Полиция начинает наблюдение и слежку за всеми руководителями компартии и подготавливает их арест.

В тот же день, 2 октября, Морис Торез по требованию Политбюро покидает свою воинскую часть, чтобы возглавить партию. Он пересекает границу 3 октября и в конце первой половины дня прибывает в Брюссель. В каких политических условиях и как конкретно происходит этот отъезд? Артюр Рамметт и Мунетт Дютейль, которые участвовали в этом событии, поделились с нами воспоминаниями.

Морис Торез покидает полк Свидетельство Артюра Раметта

В сентябре 1939 года в момент объявления войны Политбюро поручило мне обеспечить связь с Морисом Торезом, мобилизованным в 3-й инженерный полк в Аррасе. Для меня эта задача облегчалась тем, что мне приходилось часто выезжать в район Севера. Эти поездки не привлекали особого внимания, поскольку я был депутатом от г. Дуэ.

Полк Мориса Тореза, в котором он проходил службу, располагался в Фампу — небольшом селении между Аррасом и Дуэ на берегах спокойно текущей речки Скарп, с заболоченными прудами, на которых тренировались солдаты-саперы. При каждой поездке на Север я виделся с Морисом Торезом. Компартия предоставила в мое распоряжение машину с водителем. Что касается Мориса Тореза, то он мог относительно свободно распоряжаться

своим временем. Он был шофером, прикомандированным к одному капитану.

Официально он находился под специальным наблюдением, как все политические деятели, «подозреваемые в революционной деятельности». Однако большинство офицеров его роты были не военными, а призванными из резерва. Они отвергали полицейские методы, когда те противоречили их интересам. В частности, капитан, к которому был прикомандирован М. Торез, инженер из Управления мостов и дорог г. Дуэ Жан Леконт, впоследствии руководивший движением Сопротивления в департаменте Нор, после войны скажет, что он очень ценил «сапера 2-го класса Мориса Тореза». К тому же друзьям из этой области и родственникам было разрешено приезжать к Торезу на свидания. Таким образом мои посещения, наряду с другими, имели шансы пройти незамеченными или по крайней мере носили обычный характер. Что касается меня, то с пропуском, выданным военными властями по просьбе Палаты депутатов, я свободно передвигался в зоне расположения армии.

Во второй половине сентября полк был передислоцирован в Шони, в департаменте Эн, где Морис квартировал сначала у юре, а затем у учителя. Я поддерживал с ним контакты, как и раньше. В Шони мы имели обыкновение завтракать в небольшом местном ресторане «У собравшихся друзей». Во время завтрака я информировал его о развитии ситуации, об оценках, даваемых Политбюро и Коминтерном, о положении в партии. Он сообщал мне свою точку зрения по основным проблемам и поручал информировать об этом Политбюро.

27 сентября, когда был опубликован декрет о запрещении компартии, во время собрания, состоявшегося у Белино, учитывая возможность ареста, угрожавшего всем нам, мы рассмотрели вопрос о переходе руководителей на нелегальное положение. Обсуждая вопрос о Морисе Торезе, мы пришли к выводу, что было бы опасно выжидать и что надо без промедления принять меры, чтобы избежать возможного ареста. Конечно, все было для него крайне серьезным — он должен был самовольно оставить армию, то есть дезертировать в военное время. Однако мы были уверены, что против нас неминуемо будут приняты репрессии. Квестор* Палаты депутатов Барт

* Квестура — соответствующий институт в парламенте Франции, ведающий административно-хозяйственной частью. — *Прим. перев.*

сообщил мне об этом в иносказательной форме. Из Брюсселя Клеман направил Черрети, чтобы предупредить нас быть готовыми к любому повороту событий и предложить Морису занять его место в руководстве партией. В течение сентября с помощью федерации департамента Нор были созданы специальные каналы для перехода франко-бельгийской границы.

Таким образом, 27 сентября во второй половине дня я совершил поездку по маршруту Париж — Шони — Париж с шофером Пелео. Я передал Морису рекомендацию Политбюро: после запрещения компартии ввиду возможного усиления репрессий он должен занять свое место в руководстве компартии. Этот вариант уже рассматривался, и было решено, что в этом случае Морис отправится в Бельгию. До этого реальное положение не только не вынуждало принимать такое решение, но с точки зрения человеческой и политических событий, Морис Торез допускает, что наступит день, когда такое решение нужно будет принять. Такой день пришел. Наш разговор был кратким. Морис сразу же сказал мне: «Если Политбюро считает, что я должен поступить таким образом, я готов». Он добавил, что уже взвешивал все «за» и «против», очень колебался и его первым побуждением мог быть отказ.

Морис Торез понимал, что развитие событий делает возможным его арест и что в этих условиях он должен принять меры, чтобы избежать его для продолжения борьбы.

Я вернулся в Париж вечером с ответом Тореза. Теперь его уходом из армии должна была заняться служба безопасности компартии.

От Шони до бельгийской границы

Обычно 4 октября считают датой отъезда Мориса Тореза в Бельгию, что не соответствует действительности. Три свидетельства позволяют нам утверждать это сегодня.

После декрета от 26 сентября усилились антикоммунистические репрессии в отношении «пропагандистов лозунгов III Интернационала», и прежде всего против Мориса Тореза, который был членом его Исполкома (Андре Марти — другой член Исполкома — находился в Москве.)

В этих условиях политическое руководство Французской компартией становилось возможным только при соблюде-

нии полной нелегальности. Решение по этому вопросу было принято 30 сентября. В «Мемуарах» Жак Дюкло вспоминает о последнем обеде в своем доме в Монтрё, находившемся рядом с домом Фрашона, 2 октября в день своего рождения. Их «ангелы-хранители», убедившись, что они вернулись домой, сняли наблюдение. Таким образом Жак Дюкло и Фрашон не раз уже обманывали полицию. После того как было выпито шампанское, в 22.30, машина, которой управляла Жильберта Дюкло, выехала с Фрашоном и Дюкло в направлении Эперона. Дом в Эпероне, где сегодня проживают Ив Робер и Даниэль Делон, давно уже был одной из явок, подготовленной «техническими службами». В этот же момент Морис Торез прибыл в Лилль.

Все шло не так, как было задумано. Маршруты и этапы, тщательно подготовленные Мурром, не были использованы. В воскресенье, 1 октября, Артур Далиде информировал Мунетт Дютейль, что на следующий день она должна установить контакт с Торезом, чтобы уточнить условия отъезда. Он попросил, чтобы Жанетта Вермерш сопровождала ее в Шони.

В понедельник, 2 октября, в школах начинались занятия. Мунетт в течение всего дня искала Ж. Вермерш, которая с помощью друзей из Иври заканчивала перевозку библиотеки и переправку в надежное место некоторых архивов. Наконец около 17 часов она нашла ее. Прежде чем отправиться в путь, Жанетта нарисовала ей план подвала, в котором она закопала в землю деньги, переданные одним паникером. Впоследствии Мунетт не удалось найти этот тайник.

Капитан Леконт, у которого Морис Торез был шофером, редко пользовался машиной. Было обусловлено, что его шофер имел право без промедления выезжать из части на заседания Палаты депутатов. Морис Торез, проживавший у одного из жителей городка, как раз заканчивал со своими хозяевами традиционную партию в белот после ужина, когда Жанетта постучала в дверь домика. Хозяева Тореза, видя, что с ней приехал еще кто-то, деликатно вышли и поднялись наверх, оставив посетителей в столовой, не убрав даже карт со стола. Все сели вокруг стола. Сосредоточившись, Торез слушал Мунетт, которая передала ему решение:

— Теперь нужно готовиться к отъезду.

— Что говорят Жак, Бенуа? — спросил Торез, лицо которого неожиданно побагровело.

— Мы приехали по их поручению, они одобряют это решение.

Торез, попросив время на раздумье, какое-то время молчал, затем спросил Мунетт:

— У тебя есть явка на сегодняшний вечер?

Мунетт не ожидала подобного вопроса... Она не имела такой явки, но могла и иметь ее... Решали на месте...

— Да,— ответила она после некоторого колебания.

Торез опять замолчал. Затем, подойдя к гостям, сказал вполголоса:

— Тогда мы едем сейчас. Я сам не знал, что мы поедем; вы также этого не знали, следовательно, никто не был заранее предупрежден.

Он поднялся, не сказав ни слова. На ногах у него были тапочки. Он направился к двери, открыл ее, пропустил женщин вперед и закрыл за собой дверь. Пелео включил сцепление и тихо подъехал, дверцы захлопнулись. Было 20 часов 30 минут.

Жанетта очень беспокоилась. Что они скажут, если на какой-нибудь заставе их задержат или остановит патруль? Торез показывал окольные дороги. В качестве шофера капитана он ездил по ним каждый день.

По мере того как машина приближалась к Лиллю, объяснения, которые могли бы быть даны, менялись. В радиусе 50 километров после Шони «увольнение до полуночи» было вполне приемлемым. А потом? Потом все зависело от обстоятельств... В какой-то момент было решено спрятать путешественника в машине. В окрестностях Дуэ можно было сказать, что Морис едет к больной матери. По мере приближения к Лиллю нужно было отвечать, что едут навестить больную мать Жанетты. Однако беспокойство Жанетты было лишено оснований: от Шони до Лилля их ни разу не остановили.

Но при въезде в Лилль, точнее говоря, у контрольного пункта машина заглохла. Кругом безлюдные улицы. Подняли капот. Пелео покопался в нем. Мотор заработал, и вновь поехали. Было 22 часа 30 минут.

Явка в Лилле находилась в доме семьи Тетаэрт. Жанна и ее муж только что заснули. Жанна открыла дверь трем путешественникам ипустила их в коридор на первом этаже. Торезу дали плащ и кашне, которое он не надел. Мунетт попросила документы, подготовленные для Тореза.

— Они у мужа,— ответила Жанна Тетаэрт, показывая

на потолок. Мунетт поднялась наверх, в спальню. Тетаэрт лежал в кровати.

— Давай бумаги.

— Я не могу.

— Мы спешим.

— Я не могу.

— Ну в конце концов, товарищ (Мунетт добавляет это в максимально торжественном тоне), ты отдаешь себе отчет?

И тогда Тетаэрт говорит:

— Я без кальсон!

Мунетт расхохоталась... Бумаги на имя Пуарье были спрятаны в печке.

Машина немедленно направляется к Туркузну и останавливается неподалеку от дома № 24 на улице Гюбю, где живут отец и мать Дюжардена. Там Морис Торез снимает военное обмундирование. Мунетт берет его. Вместе с Пелео они отправляются в направлении Амьена. По дороге в лесу они прячут военный мундир в осеннюю листву.

Последующие события известны. На следующий день, 3 октября, Морис Торез с молочным бидоном в руках (и все еще в тапочках), говоря на местном наречии, вместе с сопровождающим смешался с сотнями рабочих, работавших на границе, и через сад, расположенный за заведением «Риск-нем всем», перешел границу.

Через несколько часов Жанетта Вермерш делает то же самое. Торез после короткой остановки у Ашила Вандервурда в Мускроне на машине поедет в Брюссель.

Проведя три ночи у адвоката Фонтейна, 6 октября во второй половине дня Торез будет иметь короткую встречу с Раметтом и Дюкло, прибывшими из Франции.

Тот же Пелео, вернувшись из Лилля в Париж 3 октября, возьмет в машину утром 4 октября Жака Дюкло и Артура Раметта, который хорошо помнит, в каких условиях он уезжал.

Париж — Брюссель: свидетельство Артура Раметта

В субботу, 30 сентября, во второй половине дня я сел в поезд, чтобы направиться в Дуэ и оттуда в Аниш, где я проживал. Прежде чем вернуться в Париж в понедельник утром, я хотел ознакомиться с обстановкой в угольном бассейне и провести собрание регионального руководства. Как только я прибыл, жена сообщила, что меня вызывают

в полицейский комиссариат. Я считал это весьма странным в отношении депутата парламента и отправился в комиссариат, чтобы выразить свой протест. Я не понял высказываний комиссара, который промямлил нечто маловразумительное вроде того, что по требованию супрефекта он должен был убедиться в том, что я нахожусь в Анише. Это делалось для того, чтобы в случае необходимости выдать мандат на мой арест. Вызов полицейского, проявившего слишком большое рвение, предупредил меня в отношении замышлявшихся операций. Довольно сухо простившись с комиссаром, я вернулся домой, решив на следующий день первым поездом уехать в Париж, где был бы в большей безопасности. Мое местожительство было известно в квестуре Палаты депутатов. Во время парламентских сессий я жил в местечке Пек, в квартире, принадлежавшей партии. Покидая небольшой домик рабочего в Анише, бывший моим пристанищем в течение многих лет, я не мог предположить, что вновь переступлю его порог лишь через пять лет.

В понедельник, 2 октября, мы вручили наше письмо Эррио. Копии его были вручены другим депутатам и представителям прессы. Во второй половине дня я подписал депутатам «Рабоче-крестьянской группы» доверенности на получение депутатских вознаграждений. (Доверенности, выданные ранее от имени коммунистической партии, были недействительны.) 3-го утром я вручил новые доверенности квестору Барту — радикал-социалисту. Когда я покидал его кабинет, он сказал, что наше письмо Эррио начинает вызывать много шума. «На вашем месте я бы не оставался здесь. В ваших интересах не показываться». Он больше не сказал ничего, однако предупреждение было ясным. Я всегда поддерживал с ним вежливые отношения. Даже в этих трудных условиях некоторые депутаты, которые вели с нами политическую борьбу, будучи демократами, в глубине души не одобряли репрессий, направленных против нас. Я сообщил об этом разговоре Жаку Дюкло, рассказав ему также о вызове в комиссариат. Дюкло сказал, что это совпадает со сведениями, полученными из других источников. «Это означает, что мы должны быть начеку. Если они решат закрыть парламентскую сессию, мы больше не будем пользоваться неприкосновенностью». Было условлено, что с этого вечера никто из нас не будет ночевать на своих обычных квартирах. Он сообщил Бонту и мне адреса товарищей, у которых мы должны были провести ночь.

Во второй половине дня антикоммунистическая истерия, вызванная письмом, дошла до высшей точки. Все больше признаков свидетельствовало, что репрессии будут усиливаться. Мы все время находились в парламенте, где узнали, что правительство действительно готовит декрет о закрытии парламентской сессии. Жак Дюкло потребовал, чтобы все присутствовавшие депутаты разъехались по своим избирательным округам и больше не проживали по обычным адресам, а находились у друзей, по возможности у тех, чья принадлежность к компартии была известна немногим.

В действительности переход на нелегальное положение был совершен без предварительной подготовки. На это были две причины. Первая: компартия была застигнута врасплох. Она не ожидала таких репрессий. В других западноевропейских странах коммунистические партии, занимавшие такие же позиции, как и мы, не подвергались никаким репрессивным мерам. Вторая: многие наши депутаты сохраняли, к сожалению, иллюзии относительно гарантий, которые им давала парламентская неприкосновенность. Большинство из них не последовали указаниям Жака Дюкло и были арестованы полицией у себя дома на рассвете 6 октября.

Мы выезжаем в Брюссель

Утром 4 октября я ожидал инструкций в своем новом жилище. За мной заехал Пелео, чтобы отвезти меня к Белино, где уже были Жак Дюкло и Бенуа Фрашон. Жак сказал, что мы оба сегодня же выезжаем в Брюссель на встречу с Морисом Торезом, который находится там со вчерашнего дня. С учетом сложившейся ситуации мы приняли необходимые меры. Бенуа оставался «на хозяйстве» в Париже, пока Морис и Жак были в Брюсселе. Ответственность за связь с Брюсселем была возложена на Треана. Создание подпольных организаций поручалось Артюру Далиде. Этот молодой 30-летний рабочий-металлист, вследствие несчастного случая освобожденный от военной службы, был замечательным организатором. В этот драматический период он сыграл большую роль. В мае 1942 года он был расстрелян нацистами в форте Мон-Валерьян вместе с Феликсом Кадрасом и Жоржем Политцером.

Во второй половине дня мы выехали в Лилль, причем

я не смог даже заехать домой, чтобы взять минимум необходимых вещей. Пелео довез нас до «Ля Мадлен» в предместьях Лилля и оставил на явке, которая служила для активистов, «находившихся проездом». Оттуда Жанна Тетаэрт отвезла нас в Туркуэн к отцу Эрнеста Дюжардена, в доме которого в креслах мы и провели ночь. Утром 5 октября, хромая и с болью в пояснице, мы перешли границу там, где был пост «Рискнем всем», во время, когда наплыв рабочих, работавших на границе, затруднял контроль. У нас были подложные бельгийские документы. Жак шел впереди метрах в 30 от меня в сопровождении одного бельгийского друга, которого хорошо знали на пропускном пункте. Они, болтая, прошли без затруднений через пункт, меня не спросили, что я могу предъявить для таможенного досмотра. Я не имел ни чемодана, ни даже сумки. По тому, как улыбался таможенник, я понял, что он меня узнал. Короче говоря, все закончилось благополучно, хотя в это утро пункт «Рискнем всем» соответствовал своему названию. День и ночь 5 октября мы были в Мускроне у Вандерворда, а 6 октября во второй половине дня на машине выехали в Брюссель. Мы сделали остановку в парке в предместье Брюсселя, где нас ожидали Клеман и Морис Торез. Встреча была короткой. Морис проинформировал нас о намеченном на воскресенье 8 октября в Брюгге заседании членов Политбюро и Центрального Комитета, находившихся в Бельгии. Бенуа Фрашон должен был приехать из Парижа. Вскоре мы расстались.

Клеман и Морис посадили к себе в машину Жака. Меня поручили связной. Заметив, что я без багажа, Клеман, спросив об этом, дал денег, чтобы купить минимум личных вещей. Таким образом, моя первая работа в Брюсселе заключалась в том, чтобы сделать несколько покупок в магазинах в центре города.

В течение семи месяцев пребывания в Брюсселе моей связной была Маринетт Лоран, работавшая очень эффективно. Она организовывала мои встречи с Морисом Торезом, Жаком Дюкло и Клеманом и обеспечивала переписку и передачу документов. В тот вечер она отвезла меня к адвокату-коммунисту Холендер, у которой я прожил несколько недель, прежде чем поселился в предместье Брюсселя, в коммуне Юккль, на площади Ван дер Киндерн. В последние месяцы, по мере того как полицейская сеть стягивалась вокруг меня, я должен был часто менять мес-

то жительства, переезжая из одной мебелированной комнаты в другую. Сразу же по приезде мне вручили люксембургский паспорт на имя господина Валкера. Что касается Мориса Тореза, то до отъезда в Москву в конце ноября он жил у адвоката Жана Фонтейна, который весной 1940 года будет защищать наших депутатов в военном трибунале Парижа. Жак Дюкло жил у другого адвоката. Клеман и службы Коминтерна устроились в Брюгге. Аллар проживал в Антверпене.

В этот тяжелейший для нас период Компартия Бельгии оказала нам очень ценную братскую помощь. Секретарь ЦК и депутат от Брюсселя Ксавье Релеком и Жозеф Лееманс, отвечавший за работу с кадрами, активно занимались безопасностью группы французов в Бельгии.

В воскресенье 8 октября я выехал в Брюгге на предполагавшееся собрание. Треан снял в центре города дом. Все утро мы ждали Фрашона и, наконец, узнали, что он не смог выехать из Лилля».

Париж — Лилль: туда и обратно

8 октября 1939 года на восходе солнца Бенуа Фрашон в сопровождении Мунетт направился в Брюгге на машине, которой управлял Монтель. Прибыв в Лилль утром, он узнал от Марты Дерюмо, что с вечера усилен контроль на пограничных пунктах. Об этом сообщали все газеты. После долгих размышлений он решил не рисковать и попросил Мунетт Дютейль проинформировать об этом Тореза, Клемана и Дюкло. Мунетт в течение дня совершила поездку по маршруту Лилль — Брюгге и обратно.

В Брюгге было решено: Бенуа остается ответственным за партийную работу во Франции. Именно это Мунетт и сообщила ему в конце дня в Лилле. Она сопровождала его во время возвращения в Париж, куда он вернулся в полночь.

Собрание в Брюгге: свидетельства Артюра Раметта

«В воскресенье вторую половину дня я провел с Эмилем Дютейлем. Мы долго гуляли по Брюгге. Была замечательная погода, и первые краски осени отражались в каналах.

Никогда этот город, который я знал и любил, — замечательное свидетельство богатого исторического и культурного прошлого Фландрии — не казался мне таким прекрасным.

Мы провели собрание 9 октября без Фрашона.

На нем были Клеман, Морис Торез, Жак Дюкло, Дютейль, Черрети, Треан, только что освобожденный от военной службы по состоянию здоровья, и я.

Мы обсудили два вопроса: положение в компартии и ее работа в условиях нелегальности, отношение компартии к войне.

Поступавшие к нам из Франции сообщения были драматическими. В течение 6 октября большинство депутатов «Рабоче-крестьянской группы», сотни активистов ФКП были арестованы. Мы узнали, что Пери, Ригаль, Монмуссо, Тийон и Катала избежали ареста. Размах репрессий вынудил Клемана высказать в наш адрес некоторые критические замечания. По его мнению, переоценка нами буржуазно-правовых норм помешала нам предупредить вовремя членов Центрального Комитета и парламентской группы. Эта критика была необоснованной, ибо мы дали все необходимые инструкции. Однако не все, кого это касалось, были убеждены в их обоснованности. В частности, выборные лица, депутаты и мэры считали, что их защищает мандат.

Однако правда заключается в том — и это главное, — что события застали компартию врасплох, она плохо подготовилась к новой ситуации. Волна арестов 6 и 7 октября заставила нас усилить меры безопасности. Было решено, что мы не вернемся во Францию, как предусматривалось первоначально. Бенуа Фрашон был утвержден ответственным за работу руководящего центра в Париже, а Жак Дюкло — за работу такого же центра в Брюсселе.

Две причины обуславливали создание центра в Брюсселе. Первая была связана с правилами безопасности. Необходимо, чтобы партийное руководство было «продублировано», и с этой точки зрения бельгийская столица, несмотря на наше вынужденное нелегальное положение, давала относительную свободу действий и максимум безопасности. Вторая причина была обусловлена тем, что возглавлявшийся Клеманом наблюдательный пункт Коминтерна для Западной Европы был создан в Брюгге. Товарищи поддержали предложение Клемана, что я буду заместителем Жака Дюкло. Так родился, как позднее по

привычке будут называть его в партии, «идеологический центр в Брюсселе», подразумевая под этим руководство ФКП, возглавляемое Жаком Дюкло, и Бюро Коминтерна во главе с Клеманом. Во время этого совещания Клеман сообщил нам о решении Коминтерна вызвать в Москву для консультаций генеральных секретарей европейских компартий. Это означало, что Морис Торез должен был покинуть Бельгию; я видел его во второй половине ноября за несколько дней до отъезда. Мы завтракали с ним в небольшом ресторане, заказав улитки. Затем он простился.

Я никогда не знал, каким образом он выехал из Бельгии в СССР. Позднее, в течение тех лет, которые мы провели вместе в Москве и Уфе, мы никогда не говорили об отъезде. Это может показаться удивительным, но соответствовало строгому соблюдению правил нелегальной работы. В 1939—1940 годах существовало два способа выехать в СССР из Брюсселя: воздушным путем через Скандинавские страны и на советских судах, отправлявшихся из Антверпена или из одного из голландских портов.

Во время совещания в Брюгге мы подробно обсудили международное положение. Запрещение компартии помогло нам полностью избавиться от иллюзий относительно целей войны, которую вело правительство Даладье.

Эта война между капиталистическими государствами, причины которой коренились в Версальском договоре, в значительно большей мере была войной империалистической, чем войной против фашизма и той угрозы, которую он представлял для человечества.

Мы понимали, что создавшееся положение было во многом противоречивым. Люди, капитулировавшие в Мюнхене, объявили войну Гитлеру, но не вели ее. Во Франции фашистские группы свободно расхаживали по улицам и их представители заполнили приемные члены правительства. Руководители государства заявляли о том, что они объединяют нацию, но осуществляли массовые репрессии против рабочих. Как Гитлер в Германии, они арестовывали коммунистов. Как и в Германии, были созданы лагеря для интернированных, и в них загонялись тысячи иностранных антифашистов, участвовавших в войне в Испании.

И тем не менее мы никогда не недооценивали реальности угрозы гитлеровского фашизма. Если наши решения в этот период были противоречивы, то это объясня-

лось обстановкой. Мы все время недвусмысленно осуждали гитлеризм, его режим, его гегемонистские планы. Антифашизм все время присутствует в наших позициях, он просматривается и на заседании в Брюгге. Клеман всегда учитывал это, поскольку сам в значительной мере разделял наши взгляды, а также потому, что в этот период Коминтерн продолжает разоблачать особую ответственность гитлеровской Германии».

Мануильский: «Самой большой опасностью была бы победа гитлеровского фашизма»

Действительно, в октябрьском номере «Коммунистического Интернационала» была опубликована статья одного из руководителей германских коммунистов В. Флорина, обвиняющая гитлеровскую Германию в развязывании войны. «Правящие круги Германии заявляют: «Англия и Франция объявили войну Германии. Германское правительство не хотело войны с этими странами». Однако факты противоречат этим ложным утверждениям. Германские рабочие и крестьяне имеют тысячи доказательств того, что германские капиталисты и их нацистская партия желали войны против Франции и Англии».

В «Монд» от 14 октября неподписанная статья о Версальском договоре (с. 16) также является обвинительным актом против гитлеровской Германии, которую считают ответственной за развязывание войны. В статье показывается, как ловко Гитлер смог использовать несправедливости Версальского договора, для того чтобы народ поддержал его политику империалистических завоеваний. Статья заканчивается такими строками: «Германские фашисты отнюдь не стремились освободить Германию от версальских цепей, а, наоборот, набросить на другие народы еще более тяжелые цепи и навязать им еще более постыдные договоры...

Германские фашисты, которые когда-то использовали в своих политических целях огромное бремя, возложенное на Германию Версальским договором, теперь захватывают иностранные территории, навязывают свое ярмо соседним народам и только что развязали вторую империалистическую войну».

В Москве в записке, подготовленной в середине октября и находящейся в архивах Коминтерна, Мануильс-

кий писал: «Победа германского фашизма в войне означала бы для международного рабочего движения самую большую опасность. Вот почему долг коммунистов всех стран, и в первую очередь коммунистов Германии — способствовать поражению германского фашизма»¹.

Подобный анализ середины октября показывает, что Коминтерн продолжал разоблачать особую ответственность гитлеровской Германии в этой войне.

Точно так же анализ Французской компартией империалистического характера войны ни в чем не ослаблял ее антифашизма. Об этом свидетельствуют два документа, принятых на заседании в Брюгге.

Первым было воззвание «Французская коммунистическая партия к французскому народу», опубликованное в «Монд» от 14 октября, написанное Торезом и Дюкло. Вторым — интервью Тореза «французскому коммунистическому журналисту», а на самом деле Сэму Расселу из «Дейли уоркер», опубликованное в «Монд» 28 октября и перепечатанное в специальном номере «Юманите», подготовленном в Бельгии.

Воззвание прямо осуждает гитлеровский фашизм:

«Коммунисты ненавидят Гитлера и режим репрессий, обрушившихся на рабочих, который он представляет. Но мы отрицаем за мюнхенцами, за капиталистами-эксплуататорами и прихлебателями Абеца право заявлять о том, что они против Гитлера, в тот самый момент, когда ими применяются во Франции методы фашистского подавления».

В своем интервью Морис Торез с большой силой подтвердил антифашизм компартии: «Мы, коммунисты, являемся антигитлеровцами, антифашистами...»

На вопрос: «Не думаешь ли ты, что другие члены компартии могут попытаться покинуть армию, чтобы продолжать борьбу в условиях нелегального положения?» — он ответил: «Нет, дорогой товарищ, не бойся этого. Коммунисты знают, где и как они должны бороться. Нужно было обеспечить, несмотря ни на что, руководство партией. Именно этим был озабочен я, когда подчинился принятому решению, и трудящиеся, которые думают о борьбе, мой поступок одобряют. Члены партии борются и будут бороться там, где находятся народные массы... Это

¹ Georges Cogniot. Parti pris, tome II.

означает, что коммунисты должны работать среди солдат в армии...»

Постановка этого вопроса и ответ на него являлись не только отпором кампании, проводившейся во Франции против М. Тореза, но означали также, что компартия не способствовала и не будет способствовать поражению своей страны. Разоблачение империалистической войны становилось разоблачением военных целей, которые не имели ничего общего ни с антифашизмом, ни с защитой демократии, точно так же как и требования мира любой ценой.

Отъезд Мориса Тореза в Москву

Мы не хотим выставлять на посмешище «специалистов», их досужие вымыслы относительно отъезда Мориса Тореза в Советский Союз. Все они — от Жана Луи Вижье до Гогийо (он же Ролан Гоше) — утверждают, что Морис Торез добрался до Москвы через Германию. Жан Луи Вижье даже заставил Тореза прожить несколько недель в Швейцарии. Гогийо запрашивал начальника антверпенского порта о заходах советских судов и получил ответ, что в тот период эти суда туда не заходили.

Пока еще никто не дал себе труда заглянуть в расписание бельгийской авиакомпания «Сабена». Ее самолеты регулярно вылетали из Брюсселя в Лондон, Берлин, Амстердам, Копенгаген, Лиссабон, Париж и т. п. В конце ноября 1939 года Морис Торез вылетел самолетом «Сабена», имея советский паспорт, из Брюсселя в Копенгаген. В Копенгагене он пересел на советский самолет, который не пролетал над германской территорией. Он летел один. Жанетта Вермерш, летевшая по тому же маршруту, покинула Бельгию за две недели до этого (около 15 ноября) вместе со своим сыном Жаном. Морис проживал в Брюсселе у адвоката Жана Фонтейна, который уже укрывал его в 1928 году. Он несколько дней прожил в Брюгге в доме, снятом Габриэлем Треан в начале войны.

В Москве Морис Торез участвовал в руководстве деятельностью подпольной партии.

Связные доставляли ему из Парижа и Брюсселя «корреспонденцию», которая не могла быть зашифрована и передана по радио, в частности, поступающие из Франции различные публикации, листовки, газеты, докладные за-

писки. После его отъезда первый контакт с Мунетт Дютейль состоялся в начале января 1940 года. Когда Мунетт приехала в Москву, Мануильский и Димитров попросили ее не появляться в здании Коминтерна и ни с кем не встречаться. Это указание не касалось Тореза, относилось лишь к Марти и работникам аппарата Коминтерна из Франции. Мунетт жила в Кунцево, где на нелегальном положении жил Торез. Она пробыла там две недели и вернулась во Францию так же, как выехала, — совершенно спокойно.

Осенью 1939 года Франция втянулась в «странную войну». В то время как на «линии Мажино» продолжают молчать орудия, стены городов и сел покрываются победоносными афишами: «Мы победим, поскольку мы сильнее. Мы куем сталь победы». Французская армия бездействует — оружие к ноге, — но ведется война песен. Модный припев утверждал: «Мы займем нашу оборону на «линии Зигфрида»... Если она еще будет существовать». Капиталисты отвозят свои капиталы за пределы Европы: в течение нескольких месяцев было вывезено 80 млрд. золотом. С затишьем на фронте резко контрастирует дипломатическая активность, направленная на поиски мира à la Мюнхен. Подавая предложения коммунистов о мире как измену, главы государств, дипломаты, деловые люди ведут многочисленные зондажи и пускают пробные шары с целью «европейского примирения». Их демарши порождают иллюзии у тех, кто считает, что настоящей войны не будет. Неясность целей, во имя которых ведется война англо-французской коалицией, усиливает смятение в умах. Те же самые люди, которые с негодованием отклонили мирные предложения, сформулированные в коммюнике Молотова — Риббентропа от 28 сентября, проявляют большой интерес к многочисленным попыткам установления мира, — мира любой ценой, но исключаящего СССР из европейского урегулирования.

Так, 20 октября итальянский посол Гаррилья сообщил своему правительству о существовании во Франции сильного течения, требующего заключения мира в ближайшее время. 7 ноября королева Нидерландов Вильгельмина и бельгийский король Леопольд III предложили посредничество, которое на следующий день было отклонено Гитлером. В это же время Даладье посылает в Бельгию, где

находится Абец, группу парламентариев. Однако эта акция терпит крах. Многие деловые люди — шведский промышленник Венер Грен, американский финансист Фрезер, президент компании «Дженерал моторс» Давид Муней — предлагают свои добрые услуги Берлину. В середине сентября Муссолини предлагает генеральному секретарю Кэ д'Орсе Алексису Леже четырехсторонний пакт четырех участников в Мюнхене. В новогоднем послании папа римский призывает к миру и особо подчеркивает угрозу коммунизма. В речи 31 декабря Франко предлагает нейтральным государствам объединиться, чтобы способствовать возвращению к миру, изображая СССР как «общего врага всех христианских стран». В Париже профашистское течение мобилизует все силы на заключение компромиссного мира. В Палате депутатов «Комитет по связям в защиту мира», образовавшийся вокруг М. Деа, объединяет парламентариев, которых позже мы увидим в Виши и среди коллаборационистов. Весной 1940 года государственный секретарь США Самнер Уоллес посетил Лондон, Париж, Рим и Берлин, но не Москву. Он не скрывает, что цель его поездки — способствовать компромиссу по мюнхенскому образцу, благословляющему новый раздел Европы. В какой-то момент Гитлер рассматривает возможность воссоздания под германским протекторатом как «Польши», ограниченной районом Мазовии, так и «Чехии», ограниченной центральной частью Богемии. По сообщению испанского посла в Брюсселе, Франция и Англия не возражают против этого проекта. В конечном итоге все эти попытки соглашения проваливаются, ибо Гитлер ожидает своего часа, для того чтобы свести счеты с Францией, которая все меньше понимает, из-за чего ведется эта война, и военные руководители которой, кажется, отказываются ее вести.

Война против народа

Если на внешнем фронте полное затишье, то на внутреннем война против коммунистов ведется с особой силой.

В середине октября 317 коммунистических муниципалитетов распущены и заменены специальными делегациями; 2500 членов муниципалитетов и 87 генеральных советников лишены мандатов. Тысячи активистов арестованы. 39 депутатов помещены в тюрьму «Санте»! Пресле-

дований пока избежали депутаты, которые, подобно Этьену Фажону и Раймону Гюйо, находятся в армии. Полиция мобилизована против распространителей подпольных газет и листовок. Министр внутренних дел Сарро вновь выдвинул лозунг, брошенный им десять лет тому назад в Бурбонском дворце: «Коммунизм — вот он враг!» В коммюнике он торжественно сообщает, что «мы выметаем из наших городов и сел, из наших муниципалитетов и социальных организаций коммунизм и его пособников».

Такие же репрессии обрушиваются в ВКТ на профсоюзных работников, бывших членов УВКТ, которые исключены из организации, некоторые из них арестованы. Так поступили с Семаром и Турноменом — руководителями федерации железнодорожников. Восемь руководителей, в том числе Ракамон и Анри Рейно, арестованы за то, что подписали резолюцию, осуждающую «священный антирабочий союз». Профсоюзы, выражающие доверие руководителям-коммунистам, распускаются. В течение нескольких месяцев распущено 620 профсоюзов. Отказавшись от борьбы за экономические требования во имя национального союза, Жуо и реформистские руководители организуют охоту на коммунистов в «обновленной ВКТ», которая, однако, теряет своих членов. Так, число членов профсоюза металлистов с 800 тыс. в 1939 году снижается до 30 тыс. к началу 1940 года. Наступление на коммунистов превращается во всеобщее наступление на рабочий класс. Патронат при эффективной поддержке правительства берет реванш за 1936 год. Серия антирабочих декретов подрывает основные завоевания Народного фронта: отменяется институт рабочих делегатов, лишь по решению министра труда пересматриваются коллективные договоры, восстанавливается система штрафов и наказаний, увеличиваются чрезвычайные вычеты из зарплаты.

2 декабря в «Монд» Артур Раметт под псевдонимом А. Рюке пишет о положении французских рабочих, «мобилизованных» на их рабочем месте, связанных по рукам и ногам и зависящих от произвола хозяев. «Завод стал каторгой, где «мобилизованный» рабочий имеет право только молчать и повиноваться. Министр труда Помаре, отвечая журналистам, объяснил, что «мобилизованный» рабочий не выбирает себе хозяина и не может от него уйти. Только администрация вправе перевести его

на другое место, и то, когда она сочтет это нужным. Когда ему прикажут, он должен работать сверхурочно. В случае проступка работодатель может его наказать, произведя вычет из зарплаты». Протест против несправедливости путем прекращения работы на более или менее продолжительный срок рассматривался как «акт саботажа», подпадающий под юрисдикцию военных трибуналов. Эта «капрализация» позволяет патронату отвоевывать все то, что он потерял в 1936 году.

В политическом плане идет установление авторитарного режима, предвосхищающего режим Виши. Используя чрезвычайные полномочия, правительство не созывает Палату депутатов. Частичные выборы запрещены. Свобода волеизъявления отменена. Власти имеют полное право увольнять чиновников по своему усмотрению, предписывать обязательное пребывание по службе в определенных местах, создавать концентрационные лагеря. Свободе личности нет места в этой системе. Десятки тысяч иностранных антифашистов, в частности испанцев и немцев, заключены в концентрационные лагеря. В первые месяцы 1940 года английская пресса выразит свое возмущение по этому поводу. В апреле 1940 года в Лондоне «Фабианское общество» * опубликовало брошюру под заголовком «Является ли еще Франция демократией?». Американский журналист Рихард Левинсон в книге, вышедшей в 1941 году, «Война без тайн» пишет об этом периоде: «Режим полностью изменился. Правительство овладело всеми рычагами власти, отменило все свободы. Господин Даладье концентрирует в своих руках больше министерств и больше власти, чем Клемансо в момент наибольшей опасности. Утверждают, что спасают демократию, а на деле — установили самую суровую диктатуру».

Г. М. Димитров: война и рабочий класс капиталистических стран

Когда в конце октября 1939 года были опубликованы знаменитая статья Г. М. Димитрова «Война и рабочий

* «Фабианское общество» — организация английской буржуазной интеллигенции. Создано в 1884 году, пропагандировало реформистские идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ (названо по имени римского полководца Фабия Максима). После создания в 1900 году лейбористской партии вошло в ее состав. — Прим. ред.

класс капиталистических стран»¹ и «Призыв Коминтерна к трудящимся всего мира», французские коммунисты уже занимали позиции, близкие к позициям Коммунистического Интернационала. Статья Г. М. Димитрова, в которой впервые изложена официальная позиция Коминтерна, положила конец дискуссиям о характере войны.

«По своему характеру и сущности,— пишет Г. М. Димитров,— настоящая война с обеих воюющих сторон есть война империалистическая, несправедливая, несмотря на обманные лозунги, которыми правящие классы воюющих капиталистических государств стараются прикрыть перед народными массами свои истинные цели...»

В статье отмечается особая агрессивность фашизма. «На первом этапе Италия, Германия и Япония непосредственно выступали в качестве агрессивных государств. Они наступали, а другие капиталистические государства — Англия, Франция, США — отступали, стараясь избежать решительного столкновения со своими соперниками и направить их экспансию в другую сторону, против страны социализма. Как известно, нынешняя Германия выросла на лозунгах реванша против Версаля и ударного кулака международной реакции против «мирового большевизма», против СССР». Национал-социалистический режим играл эту роль и получал полную поддержку английских и французских империалистов. Он извлек пользу из многочисленных уступок Англии и Франции.

До тех пор, «пока английские и французские империалисты надеялись направить экспансию Германии на Восток, они всячески поощряли ее агрессивные стремления, делая это за счет других народов, под флагом политики «невмешательства». Они отказались от коллективной безопасности и превратили Лигу Наций в посмешище. Они приняли также с большим удовлетворением заключение столь шумевшего «антикоминтерновского» пакта между Германией, Италией и Японией. Кульминационным пунктом этой политики была известная сделка в Мюнхене, откуда главы английского и французского правительств вернулись домой как «спасители мира», торжествуя, что им удалось наконец направить агрессию Германии против СССР.

Со времени кровавого подавления Парижской Ком-

¹ «Коммунистический Интернационал», № 8—9, 1939, с. 23—26.

муны,— указывается в статье,— Франция не знала такого похода реакции против рабочего класса...»

Никакой «священный союз» во имя организации национальной обороны невозможен с этими руководящими кругами. Г. М. Димитров подверг резкой критике социалистические партии, которые, как в 1914 году, стали проводить эту политику в жизнь.

В нынешний период задача коммунистов заключается в том, чтобы объяснять массам сложившееся положение и причины конфликта, разоблачать легенду об антифашистском характере войны, вести непримиримую борьбу против виновников этой войны, бороться за социализм, который только один может привести к длительному миру.

Статья Г. М. Димитрова призывает бороться против иллюзий, что эта война — война демократии против фашизма¹.

В ней ни разу не упоминается о лозунге, выдвинутом большевиками в 1914 году: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Призыв Коминтерна, опубликованный вместе со статьей, написан в том же духе.

Долой империалистическую войну

Статья Г. М. Димитрова и «Призыв» Коминтерна изданы и распространены во Франции во второй половине ноября.

Ход событий подтверждал то, что эта война не была войной свободолюбивых сил против фашизма. «Нельзя вести войну за свободу, когда эту свободу душат у себя дома»,— писала 3 ноября подпольная «Юманите». Компартия признает, что, стремясь избежать усугубления репрессий, она совершила ошибку в первые недели войны, замалчивая ответственность французских руководителей. «Юманите» пишет 13 ноября: «Те, кто был мюнхенцем или пораженцем, когда дело шло не о войне, а об обеспечении мира при поддержке СССР, стали рьяными поджигателями войны, когда с помощью патроната и отъявленных фашистов была объявлена война против народа, против рабочих, против бедняков». Мюнхенцы не борцы против фашизма. Они все уступили Гитлеру. Они смеют заявлять, что нужно продолжать войну, чтобы воссоздать

¹ «Коммунистический Интернационал», № 8—9, 1939, с. 24, 26, 27, 35—36.

Польшу, когда они даже пальцем не пошевелили, чтобы защитить ее? Как они смеют призывать к продолжению борьбы, чтобы заставить Гитлера пойти на длительное и прочное урегулирование европейских проблем, когда они выдали ему Австрию, Чехословакию, позволили удушить Испанскую Республику? Подлинный, длительный мир, учитывающий интересы народов, может быть достигнут только с участием и при гарантии СССР, который заставил Гитлера отступить.

Подобный мир возможен. Молотов подтвердил это в докладе по случаю 22-й годовщины Октябрьской революции. «В теперешней войне,— сказал он,— заложены основания для новой, уже всемирной, империалистической войны, если, конечно, рабочий класс согласится терпеть продолжение такой политики империалистических держав.

Сегодня мы стоим перед опасностью, что война в Европе вместе с войной в Азии превратится — если этому не будет дан решительный отпор — в новую, всемирную кровавую бойню народов. Советский Союз с его политикой мира, с его горячим стремлением обеспечить скорейшее окончание войны, противостоит всему этому»¹.

Еще осуществимое в этот период восстановление мира становится основной заботой компартии.

В то же время она берет на вооружение лозунг К. Либкнехта «Главный враг — в собственной стране». Но это не призыв к поражению, а призыв к политической борьбе масс против крупной буржуазии и «200 семейств». Под прикрытием диктатуры, установленной государством, находящимся в состоянии войны, представители крупного капитала хотят создать режим «сильной власти» и ликвидировать демократию. Они не смогли добиться этого 6 февраля 1934 года, теперь война предоставляет им такую возможность.

Именно против этого компартия призывает вести непримиримую борьбу. Военное положение не должно толкать рабочий класс на уступки в ходе упорной повседневной борьбы с капиталом.

Все эти идеи находят свое выражение в подпольной «Юманите», которая с 26 октября начинает выходить

¹ В. М. Молотов. XXII годовщина Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1939 г. — «Коммунистический Интернационал», № 10, 1939, с. 6, 8.

регулярно. Компартия преодолела трудности первых дней подпольной жизни. Два руководящих центра — в Париже и Брюсселе — действуют, их постоянная связь друг с другом надежно поддерживается, идет реорганизация компартии. Во Франции руководство обеспечивает Бенуа Фрашон, который нелегально живет в Гани. Ему помогают Артюр Далиде, Феликс Кадрас. «Юманите» выходит каждую неделю, но ее тираж ограничен. О политике компартии имеют смутное представление, в то время как официальная пропаганда упорно вдалбливает антикоммунизм. Компартии нужен смелый шаг, аналогичный письму к Эррио от 1 октября. Открытие парламентской сессии 30 ноября представляет для этого удобный случай.

Руководство компартии предлагает Флоримону Бонту в этот день выйти из подполья, прийти в Палату депутатов и зачитать там декларацию компартии. Жак Фове в книге «История ФКП» таким образом описывает это:

«Поскольку вход в Бурбонский дворец охраняется, Флоримон Бонт решает, что, выйдя из машины, он через подъезд на улице Бургонь проникнет в Палату, а затем займет место на скамье рядом с Гастоном Корнавеном, который, оставаясь членом партии, временно находится на свободе, и несколькими другими депутатами, которые уже вышли из нее: Бру, Сосо, Лупраду, Гау, Капроном. 25 октября они были освобождены из тюрьмы.

Около 10 часов председатель Совета министров Эдуард Даладье уже несколько минут находится на своем председательском месте: «Эта война — война за нашу безопасность, за нашу свободу...» Дальше он не может говорить. Депутаты, в том числе Жан Кьяпп, замечают Флоримона Бонта, и со всех сторон раздаются крики: «Прервать заседание! Вон, за двери!» Председательствующий на заседании Эдуард Эррио поворачивается наконец к Флоримону Бонту: «Ваше присутствие здесь — это скандал. Я предлагаю Вам покинуть зал». Однако это не производит впечатления, и Ф. Бонт пытается начать свою речь.

Служащие бросаются к нему и мешают ему говорить. Он цепляется за сиденье, затем за балюстраду, взывает к бессмертным принципам. В конце концов его выволакивают из зала».

Препровожденный на набережную Орфевр Флоримон Бонт заявляет, что его арест в Бурбонском дворце, после того как парламентская сессия началась, является неза-

конным. Он пользуется парламентской неприкосновенностью. Однако это не принимают во внимание: через час Палата депутатов лишает его парламентской неприкосновенности, и он присоединяется к 34 депутатам-коммунистам, уже находящимся в тюрьме «Санте». Однако инцидент вызывает много шума. Он становится известным всей Франции. Текст, который должен был прочитать Флоримон, сразу же отпечатан в виде листовки и быстро распространяется на заводах.

Советско-финляндский конфликт

Выдворение Флоримона Бонта с заседания Палаты депутатов показало ту степень ненависти, которую крупная буржуазия и правители Франции питали к компартии. Начавшийся 30 ноября 1939 года конфликт между Финляндией и Советским Союзом довел антикоммунистическую истерию правящих кругов до апогея.

В течение многих месяцев СССР предлагал Финляндии начать переговоры, чтобы урегулировать пограничные проблемы, которые встали с особой остротой в связи с ухудшением международной обстановки, вызванной германским нападением на Польшу и войной на Западе. Первая из этих проблем касалась положения Ленинграда — второго по величине города СССР и одного из главных промышленных центров, расположенного только в 32 километрах от границы. СССР предложил отодвинуть границы в районе Ленинграда в обмен на вдвое большую территорию в районе Карелии. «Монд» перепечатала 2 декабря статью из советской газеты, подписанную В. Федоровым: «Предложение территориального обмена имело целью установить границы на расстоянии, которое исключало бы всякую возможность обстрела Ленинграда и военно-морских баз... Речь шла о том, чтобы помешать вражескому нападению, которое исходило бы из районов Финляндии, занятых врагом». Кто же этот враг, если не гитлеровская Германия? Советский Союз не питает иллюзий относительно будущего советско-германского пакта, хочет выиграть время и гарантировать свою безопасность на северо-западных границах. Тем более, что связи военно-фашистского режима Финляндии с нацистской Германией хорошо известны.

В этом режиме, являющемся демократией только по названию, реальная власть принадлежит председателю военного совета фельдмаршалу Маннергейму, подлинному «некоронованному королю», как его назвала 17 октября 1939 года «Дейли мейл». Маннергейм — бывший генерал русской армии, служил в ней с 1889 по 1917 год, командовал в годы первой мировой войны кавказской дивизией. В 1917 году Октябрьская революция освободила Финляндию от ига царизма. Финский рабочий класс приступил к социалистическим преобразованиям. В 1918 году Маннергейм во главе белогвардейской армии и при поддержке германских войск с редкой жестокостью подавил финскую революцию. 20 тысяч рабочих были расстреляны или повешены, 100 тысяч отправлены в концентрационные лагеря, где большинство из них погибли. Он установил фашистский и антисоветский режим и после 1933 года был тесно связан с гитлеровской Германией. На советско-финской границе он построил укрепленную линию, которую возводил германский инженер Тодт, строивший «линию Зигфрида». «Линия Маннергейма» была задумана как вооруженный плацдарм для нападения на СССР. Вступление Финляндии в войну на стороне нацистской Германии в 1941 году показало, что опасения СССР были не напрасны.

В конце ноября 1939 года возросло число пограничных инцидентов. В ожидании начала переговоров Советский Союз предложил отвести финские войска на 25 км. В ответ Маннергейм сконцентрировал вблизи Ленинграда основные силы финских войск, которые вели артиллерийский обстрел советской территории. В ночь с 30 ноября на 1 декабря советские войска вступили на территорию, которую Москва безуспешно пыталась получить путем переговоров.

Вооруженный конфликт продолжался до 12 марта 1940 года, когда Финляндия приняла условия, предложенные Советским Союзом. Подписанный мирный договор подтвердил истинные цели Советов: не было вопроса ни об аннексии Финляндии, ни о навязывании политических условий ее правительству. К СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом и Выборгский залив с островами, западное и северное побережье Ладожского озера, часть полуостровов Рыбачий и Средний и ряд островов в Финском заливе, территория на севере Карелии, что обеспечило ему прикрытие северо-западных границ и сыграло

свою роль в 1941—1942 годах, когда нацисты были под Ленинградом.

В то время как Советский Союз был исключен из Лиги Наций, во Франции советско-финляндский конфликт был воспринят как сигнал для антисоветской пропаганды: Маннергейм изображается защитником свободы, а его диктаторский режим — моделью демократии.

Истинные причины конфликта не излагаются, пресса расписывает выдуманные провалы и поражения Красной Армии, что делает совершенно непонятной капитуляцию Финляндии 12 марта. Газета «Тан», не колеблясь, пишет 4 января о советских вооруженных силах: «Мы видим орды, неспособные выполнить тщательно разработанные военные планы». Но главное заключалось в том, что французские и английские руководители пытались превратить эту войну в антисоветский крестовый поход.

В книге Анри де Кериллиса «Французы, вот она, правда», опубликованной в 1942 году в Нью-Йорке, описывается эта реакция французской буржуазии: «Неописуемая буря гнева в кругах буржуазии. Дух свирепого крестового похода чувствовался всюду. Слышался лишь один крик: объявить войну России! Неожиданно самые убежденные пацифисты становятся рьяными сторонниками войны. Те, кто не хотел «умирать за Данциг», теперь готовы «умереть за Хельсинки». Те, кто доказывал, что нельзя бороться против Германии в одиночку, доказывают, что можно воевать против Германии, укрепившейся за счет России. Те, кто высказывался за иммобилизм под прикрытием «линии Мажино», умоляют, чтобы армию отправили на войну на Север... Именно в этот момент антикоммунистический психоз достиг своего апогея и принял эпилептические формы».

Вейган и бакинские нефтепромыслы

Французские руководители, которые не вели войны против Гитлера, готовили ее против Советского Союза. Советско-финляндский конфликт предоставлял удобный случай для сведения счетов со страной социализма. Вначале Франция посылала оружие. По признанию Даладье (речь в Палате депутатов 12 марта 1940 года), за три месяца войны она поставляет: 175 самолетов, 426 артиллерийских орудий, 5 тысяч автоматов, 400 морских мин, 200 000 гранат, 20 миллионов патронов. В начале января высшее французское ко-

мандование рассматривает вопрос о посылке войск. В феврале для участия в боях в Финляндии была создана и приступила к тренировкам альпийская бригада. Нейтрализованная пактом о ненападении гитлеровская Германия не может ввязаться непосредственно, но сообщает, что не будет препятствовать транзиту через Швецию в Финляндию материалов и добровольцев. Фашистская Италия посылает Маннергейму оружие и бомбардировщики. Она готовит корпус добровольцев. Итальянские самолеты получают разрешение пролететь в Финляндию над французской территорией. Создается настоящий антисоветский фронт, и намечается полная смена союзников. Фактическое перемирие на западном фронте оставляет Гитлеру открытую дверь для вступления в европейскую коалицию против большевизма.

Однако вся эта подготовка сводится на нет быстрой капитуляцией Финляндии. Мирный договор послужит косвенной причиной падения 21 марта правительства Даладье, его упрекают в недостаточно активных действиях в поддержку Финляндии. Пришедший ему на смену Поль Рейно приступает к реализации идеи интервенции против СССР. 25 марта, выразив сожаление в связи с поражением Финляндии, «которое позволяет русским армиям в будущем осуществлять как наступательные, так и оборонительные операции», он сообщает британскому правительству о своих военных планах по созданию двух театров военных действий: Скандинавия и район Черного моря — Каспия. Идея не нова. Еще 10 января газета «Тан» писала: «Вмешательство в войну в Финляндии должно быть увязано с мощным нападением, осуществленным в другой части обширной советской империи. Особенно подходящим для подобной операции является район Черного моря... Известно, что оно омывает жизненно важные для СССР объекты, нефтяные промыслы». Еще в январе Гамелен поручил составить план бомбардировки бакинских нефтепромыслов и района Батуми. Вейган одобрил этот план: «Я считаю весьма важным перебить поясницу СССР в Финляндии или в другом месте».

Заключение мира выдвигает на передний план операции, планируемые на Кавказе. Ударной силой должна стать находящаяся в Сирии армия под командованием Вейгана. Во время разгрома Франции в июне 1940 года немцы захватили в г. Шарите-сюр-Луар архивы французского Ге-

нерального штаба. Часть этих архивов они опубликовали в конце того же года. Согласно документам, 22 февраля французский генштаб подготовил план бомбардировки района Баку. Тем самым он считал необходимым «нанести очень серьезный, а может быть и решающий удар по советской военной и экономической структуре. По прошествии нескольких месяцев затруднения СССР должны принять такой характер, что могли привести страну к полному краху. 5 апреля план операции готов и начинается ее подготовка. Осуществляться она должна в начале июля. Очевидно, что локальное нападение на нефтеносные районы Черного моря связано с риском войны в широких масштабах против СССР. Поль Рейно считает, что рисковать нужно. В мемуарах Гамелен напишет: «создавалось впечатление, что почти все французские руководители с легким сердцем соглашались с подобной возможностью». Леон Блюм был не последним среди тех, кто поддержал крестовый поход против СССР. 26 марта он пишет в «Попюлер»: «На планы и действия союзников не должны оказывать влияния ни опасения разрыва со Сталиным, ни открытые военные действия с Советами. Этих событий не следует ни вызывать, ни опасаться... Если начала войны с Советами можно избежать, тем лучше, если нет — пусть будет так».

Вместо того, чтобы извлечь уроки из молниеносной войны в Польше и решающей роли в ней танков и авиации, Генеральный штаб и руководители Франции готовятся к войне против Советского Союза. Гитлер, который не может желать ничего лучшего, тем временем готовит вторжение во Францию, которому французская линия обороны не сможет противостоять. Одна из причин этого — уверенность общественности, что войны с Германией не будет. «В этот самый момент, — пишет де Кериллис, — в разгар войны с Германией мысль о немецкой опасности окончательно исчезает»¹.

Рассказывая о военных приготовлениях против СССР, Жак Фове уточняет:

«Эти проекты были бы лишь комедией, если бы не были так трагичны. Все происходит вначале так, что, будучи не в состоянии вести войну с Германией, мечтают о том, чтобы вести ее против Советского Союза. Это даже не дух Мюнхена, поскольку, если эта идея вначале пришла в

¹ De Kerillis. Français, voici la vérité. New York, 1942.

голову Даладье, ее воспринял затем Поль Рейно. В конечном итоге все закончится не активной военной деятельностью, а ростом коммунистической пропаганды. Коротко говоря, мы потерпели поражение на двух направлениях: стратегическом и политическом»¹.

Коммунистическая партия на боевом посту

Компартия ведет активную кампанию, разоблачая военные приготовления против СССР. Уже в феврале 1940 года в «Воззвании к народу Франции» она заявляет: «Армия, насчитывающая 400 тысяч человек под командованием генерала Вейгана, находится в Сирии для возможного нападения вместе с Англией и Турцией на страну социализма. Эти господа хотели бы в сообщничестве с финскими провокаторами получить возможность напасть на СССР с юга и севера, как они это сделали 20 лет назад... Если завтра правители Парижа и Лондона, вся ненависть которых концентрируется против страны социализма, ибо они озабочены прежде всего сохранением своих привилегий и защитой своих сейфов, если завтра эти люди захотят заставить французских трудящихся бороться против СССР, то тогда пример, данный Андре Марти и моряками Черноморской эскадры 20 лет назад*, найдет глубокий отклик среди моряков, солдат и летчиков.

...Точно так же, как прогрессивные люди всех стран 150 лет назад были на стороне Великой Французской революции против феодального деспотизма, точно так же сегодня трудящиеся стоят и будут стоять завтра рядом с Советским Союзом против империалистических эксплуататоров и угнетателей».

В этом же обращении подчеркивается, что «за последние десятилетия ни одно правительство не было столь непопулярным во Франции, как правительство Даладье... Зная, что народ ненавидит правительство, Даладье лишает его всех средств для изъяснения своего мнения. Он возводит слежку в государственный институт, а самые жестокие репрессии в средство правления; но все это не мешает рабочим протестовать на заводах; все это не мешает же-

¹ «Histoire du PCF», tome II, p. 33. Feyard, 1964—1965.

* Имеется в виду выступление моряков Черноморской эскадры Франции в 1919 году в Одессе против интервенции в Советской России. — *Прим. перев.*

нам мобилизованных выражать свой гнев; все это не мешает трудящимся массам показывать, насколько велико их недовольство... Более того, французский народ видит, что, несмотря на аресты и тюрьмы, несмотря на репрессии, коммунистическая партия находится на боевом посту».

Действительно, в первые месяцы 1940 года компартия в значительной степени преодолела дезорганизацию, вызванную мобилизацией и репрессиями. Она успешно перестроилась в условиях подполья. Репрессии оттолкнули от компартии слабых, но большинство ее кадровых работников закалились. Характерная и знаменательная особенность — многие жены мобилизованных и арестованных становятся активистками подпольной компартии. Через три месяца после запрета компартия располагает значительными кадрами, в частности на заводах, где многие рабочие мобилизованы на своих рабочих местах и где число женщин, пришедших на место призванных в армию, значительно возросло. Компартия располагает многочисленными типографиями. Секции и первичные ячейки приобрели средства для печати — листовки печатаются на ротаторах, гектографах, пишущих машинках, даже переписываются от руки. Создаются цепочки, чтобы передать на заводы печатную пропагандистскую литературу. Особый упор делается на работу на заводах, где, несмотря на доносчиков, активисты партии защищаются рабочими и непосредственно контактируют с ними. «Если первейшая задача компартии заключается в том, чтобы терпеливо и настойчиво объяснять империалистический характер войны», то вторая, «связанная с борьбой против империалистической войны, заключается в защите непосредственных экономических требований трудящихся масс»¹. Массы рабочих все более прислушиваются к голосу компартии: ее изоляция по сравнению с сентябрем 1939 года уменьшилась, поскольку политика Даладье бьет не только по коммунистам, но и по интересам всего рабочего класса.

Компартию слушают, читают ее листовки, воспринимают ее аргументы. В это же время социалистическая партия и реформистское руководство ВКТ все больше втягиваются в новый «священный союз». Компартия использует все легальные возможности, с тем чтобы заставить услышать себя. 9 января четыре мобилизованных депутата-коммуниста, получив увольнительные, при-

¹ «Cahiers du bolchevisme». 1er trimestre 1940.

сутствуют на открытии чрезвычайной сессии Палаты депутатов: это Раймон Гюйо, Фернан Гренье, Андре Мерсье и Шарль Мишель (которого нацисты расстреляют в 1941 году). При открытии сессии они отказались присоединиться к воинственным высказываниям старейшего депутата, что повлекло за собой лишение их права присутствовать на заседании. Но четыре депутата-коммуниста в военной форме решают остаться на своих местах. Тогда на них обрушивается пылающее ненавистью собрание, их силой стаскивают с мест, бьют, выталкивают из зала заседания. После этого инцидента правительство вносит законопроект, по которому депутаты-коммунисты, если они не отказываются выйти из компартии, лишаются своих мандатов.

Этьен Фажон на трибуне Бурбонского дворца

Дебаты о лишении коммунистов мандатов состоялись 16 января в присутствии двух депутатов-коммунистов — Адриена Мутона, депутата от Арля, и Этьена Фажона, который, не сумев получить увольнительную, не присутствовал на заседании 9 января. Этьену Фажону 33 года. Он депутат с мая 1936 года от округа Курбева-ля-Гаренн-Колонб, в Центральном Комитете отвечает за работу партийных школ. Было 8 часов вечера, когда он в форме сержанта поднялся на трибуну Палаты депутатов. Уже в течение многих часов ораторы, выступавшие один за другим, выливают потоки ругательств и клеветы на депутатов-коммунистов, требуя лишения их мандатов. Некоторые считают, что лишение мандатов является слишком слабой мерой. Докладчик от социалистической партии Жорж Бартеlemi говорит, что эта мера должна быть «прелюдией к более строгим мерам». Через месяц, 20 февраля, он уточнит свою мысль, потребовав для «таких руководителей, как Торез, Катала и других... не взвода для расстрела, что для них было бы слишком большой честью, а топора парижского палача». Его пожелание частично исполнится: Жан Катала — героический боец Движения Сопротивления — будет гильотинирован 24 сентября 1941 года в тюрьме «Санте». Другой депутат — социалист Шасень предпочитает, чтобы коммунистам просто «стреляли из пистолета в затылок». Радикал Венсен Бади считает, что нужно «разбить и уничтожить комму-

низм всеми средствами». Центрист Луи Битрикс, возбужденный общей атмосферой, заявляет, что «нужно начинать с того, что вырубить учителей». Фажон будет выступать в этой обстановке ненависти и погрома. За два дня до этого выступления Артюр Далиде, отвечавший за кадровую работу, устроил ему встречу с Бенуа Фрашоном. Было решено, что выступление Этьена Фажона будет коротким, ибо маловероятно, что ему позволят долго говорить, и будет касаться нескольких основных пунктов. Действительно, Этьен Фажон выступает в обстановке «кошачьего концерта». Одним из тех, кто больше всех прерывает его, является Макс Лежен. Сохраняя спокойствие и выдержку, депутат-коммунист противостоит орущей своре. Он подтверждает свою верность и верность арестованных товарищей делу коммунизма. Он показывает, что требование лишения их депутатских мандатов является произвольным и незаконным, поскольку депутаты-коммунисты не были судимы. «Вы, — заявил он, — хотите заменить собой народ и необоснованно лишить часть французского населения представительства, которого он добился. Голосование о лишении коммунистов мандатов является вопиющим нарушением принципов демократии, защитниками которой вы хотите себя представить». Для того чтобы оправдать преследования коммунистов, ссылаются на их отказ осудить советско-германский пакт, но это лишь предлог. Репрессии планировались и начались задолго до этого. Этьен Фажон напоминает о беседе в июле 1939 года германского посла с Жоржем Бонне, когда последний утверждал, что если надо, то «выборы будут отложены, открытые собрания запрещены, попытки иностранной пропаганды извне, откуда бы она ни исходила и какова бы она ни была, подавлены, коммунисты образумлены».

Этьен Фажон продолжает: «Таким образом, преследования были запланированы задолго до подписания пакта. Господин Бонне, нынешний министр юстиции, кажется, применяет на практике заявления, которые господин Бонне, будучи министром иностранных дел, сделал 1 июля прошлого года».

Отметив антисоциальный и антинациональный характер политики правительства и поддержку, которую ему оказывает соцпартия, он говорит в заключение: «Сегодня, господа члены правительства, вы можете преследовать нас, некоторых из нас арестовать, изгнать из парламента.

Но вы не можете сломить волю французского народа, его волю сохранить свои социальные завоевания, являющиеся плодами его борьбы, его волю идти и дальше по пути социального, экономического и политического прогресса. Эта народная воля будет выражаться, несмотря на ваши декреты, несмотря на ваши преследования.

Придет день, когда она окажется сильнее вас».

Рассказывая об этом заседании Палаты депутатов в книге «Моя жизнь называется свободой», Этьен Фажон пишет: «Я вернулся на место в обстановке невообразимого шума: «Продавшийся! Негодяй! Дерьмо!» Таковы некоторые из тех ругательств, которые я смог расслышать. Некоторые лица искажены гримасой, ко мне тянутся с кулаками. Кое-кто даже плюет. Я воспринимаю все это как почетные отличия. Адриен Мутон, которого я нахожу на наших местах, ведет себя замечательно и стойчески... В 22 часа президент Эррио сообщает результаты голосования в целом по законопроекту о лишении нас мандатов: в голосовании приняли участие 523 депутата. За — 521, против — 2. Законопроект принят. В борьбе против политики, которая приведет страну к поражению, против установления прогитлеровской диктатуры Петена компартия больше не будет располагать ни одним легальным средством. Никто из нас не будет присутствовать 10 июля в Виши, когда депутаты и сенаторы сложат с себя депутатские полномочия 569 голосами против 80.

Я учитываю сегодня голосование этих 80 несогласных, но в то же время обращаю внимание на то, что среди них не нашлось ни одного, кто открыто выступил хотя бы с малейшим протестом. Вследствие нашего изгнания похороны демократии произошли в обстановке молчания».

Непоколебимая позиция депутатов-коммунистов, мужество, которое они проявили, будучи одинокими, вызвали симпатии многих рабочих. Даже не разбираясь в деталях изменения политики компартии с августа 1939 года, они понимали, что депутаты и руководители компартии защищали народ, защищали мир, боролись против подготовки бессмысленной войны против СССР. Этого было достаточно, чтобы компартия начала отвоевывать потерянные позиции в рабочем классе.

«Защитник»

демократических свобод говорит...

Лишение депутатов-коммунистов мандатов позволило правительству пойти еще дальше по пути ужесточения репрессий. Министр внутренних дел Сарро 9 марта 1940 года нарисовал в сенате «картину охоты», изложенную следующим образом в «Журналь оффисьель»:

«По моему предложению правительство выработало основной декрет от 26 сентября 1939 года, который поставил коммунистов вне французского закона. До этого декрета не имелось юридических оснований для преследования компартии в нашей стране, в стране свободы выражения мнений. Сегодня сам факт, что ты коммунист, не является правом, вытекающим из свободы убеждений, этот факт подпадает под наказание. Надо было это сделать, и мы это сделали.

Точно так же по моей инициативе был принят декрет, который позволил распустить в массовом порядке коммунистические муниципалитеты; затем был принят декрет от 5 октября, лишивший неприкосновенности депутатов-коммунистов; декрет от 18 ноября, который, повторив положения, принятые в 1914 году, приостановил дисциплинарные гарантии, которыми пользовались служащие. Наконец, 18 ноября был принят знаменитый декрет — так называемый «Закон о подозрительных», который направлен против лиц, представляющих опасность для национальной обороны и общественной безопасности.

В условиях, которые мы сейчас переживаем, я стремился к тому, чтобы нанести суровый неотвратимый удар главным образом по врагам моей родины.

Посмотрим теперь, как использовало правительство это оружие, и на то, чему бы я охотно дал достаточно тривиальное название, на «картину охоты», проводимую правительством.

Легальность, эффективные мандаты для коммунистов больше не существуют. В этой связи я не хотел бы упоминать о проведенных недавно дебатах, в ходе которых парламент исключил депутатов-коммунистов... Если нужны цифры, то я могу добавить, что 300 советников муниципалитетов лишены мандатов, а в советах префектур цифры недельной давности, которые сегодня уже превзойдены: 87 генеральных советников, 70 советников по округам, 2500 муниципальных советников. Если добавить к этому

60 исключенных депутатов и сенаторов, то получится, что 2717 человек лишены мандатов. Таким образом, бывшая компартия не имеет ни одного мандата.

Но лишить их только мандатов было недостаточно, нужно было сделать еще другое. Имелись генеральные советники, которые, в частности в Париже, думали, что они смогут работать вопреки декрету от 26 сентября; сейчас они в заключении...

Начата в широких масштабах чистка администрации. Она затрагивает всех; в частности, в департаменте Сена она позволила на сегодняшний день получить следующие результаты.

Для города Парижа, его коммун, а также служб: 443 случая увольнения, временного прекращения действия мандатов или перевода по специальному решению на другую работу. И этот процесс продолжается! Еще сегодня — и мой друг господин Фиансетт, которого я вижу на своем месте, может это подтвердить — я дал необходимые инструкции в этом духе.

Наконец, коммунисты были выведены из паритетных комиссий, управлений дешевым жильем, различных служб, департаментских комиссий по труду, в которые они были допущены соответствующими министерствами, из конфликтных комиссий и советов представителей несовершеннолетних рабочих. Чистка продолжается.

Вот, господа, что касается выборных лиц и некоторых служб.

Компартия располагала значительной ежедневной и еженедельной прессой, список которой возглавляли «Юманите», выходившая ежедневно тиражом 300 тысяч экземпляров, а в воскресенье — 500 тысяч, и газета «Се Суар» с ежедневным тиражом в 240 тыс. экземпляров.

Этой прессы не существует, от нее ничего не осталось. Действительно, после запрещения с 27 августа «Юманите» и «Се Суар» — все это слова господина Сарро — 159 других коммунистических газет и журналов, в том числе 92 выходивших в Париже и 67 в провинциях, исчезли из продажи.

В то же время по моему приказу префектура полиции уничтожила и закрыла коммунистические типографии, в которых набиралась и печаталась коммунистическая пропаганда.

Таким образом, в настоящий момент мы не имеем в

стране никакой трибуны, никакого открытого органа, позволяющего коммунистам вести свою работу.

Я обращаю Ваше внимание на то, что в лице профсоюзных объединений, находившихся под их влиянием, коммунисты имели чрезвычайно мощное оружие. Мы его уничтожили. Мы распустили их профсоюзы и федерации в Париже и в провинциях; мы закрыли для них биржи труда *, конфисковали архивы и имущество, которого они были лишены декретом от 29 ноября, и передали его как автономной кассе национальной обороны, так и другим органам.

Но сторонников этой массы распущенных профсоюзных организаций коммунисты могли попытаться и действительно пытались объединить в других постоянных организациях, которыми они располагали в Париже или в провинции или в других — подпольных — местах. Повседневная слежка, которую мы вели, не позволила им сделать этого.

По моему приказу до сегодняшнего дня было проведено 11 тысяч обысков: 7 тысяч в провинциях и 4 тысячи в Париже. Нет необходимости говорить, что все старые помещения, в которых находились организации компартии, закрыты...

...Что касается 675 коммунистических организаций, состоявших из 3000 секций и ячеек, то они распущены. Если добавить к этому 62 профсоюза, то получим цифру 1295, то есть число коммунистических организаций, которые были распущены.

Бывшая компартия, как я это только что сказал, располагала хорошо расставленными кадрами активистов, направлявших и координировавших коммунистическую пропаганду. В соответствии с моими инструкциями на 7 марта сего года 2400 человек из них арестованы, в том числе 1480 в департаменте Сена, остальные в провинции.

Несмотря на то, что эта работа продолжается, ее итог меня не удовлетворяет ».

* *Биржа труда* — организация профсоюзного характера, существующая во многих городах и департаментах Франции. Биржами труда называются собрания членов профсоюза, принадлежащих к различным федерациям, но проживающим в одном месте. Большое значение во Франции для создания этих бирж сыграл Фернан Пелутье — один из основателей анархо-синдикализма. В 1892 году была создана федерация бирж труда, которая через три года влилась в ВКТ. Впоследствии биржи приобрели большое значение, в частности в связи с тем, что в их рамках стали развиваться бюро по трудоустройству. — *Прим. перев.*

Декрет от 18 ноября 1939 года — «Закон о подозрительных» — позволял отправлять в концентрационные лагеря людей, которых считали опасными для национальной обороны и общественного порядка. Декрет Сероля, названный так по имени министра-социалиста по вопросам юстиции в кабинете Рейно, принятый на заседании Совета министров 8 августа, предусматривал смертную казнь для каждого француза, который сознательно участвовал в деморализации армии или нации. Чтобы было ясно, против кого направлен этот декрет, в преамбуле декрета о мотивах его принятия говорилось: «Продолжающиеся происки коммунистов, их очевидные намерения подорвать всеми возможными средствами моральное состояние нации, ведущей войну, свидетельствуют, что те, кто их вдохновляет, являются виновниками очевидной измены».

Процесс над депутатами-коммунистами

С 6 октября 36 депутатов заключены в тюрьму «Санте», где они содержатся как уголовные преступники. 7 февраля они вместе с 9 другими депутатами, находившимися на нелегальном положении, предстали перед 3-м военным трибуналом Парижа. Процесс начинается 20 марта, в день, когда Даладьё, потерпев поражение в парламенте, подал в отставку.

Среди подсудимых три депутата — инвалиды войны 1914—1918 годов: Пьер Дадю, потерявший ногу, Феликс Брун, потерявший обе ноги, и брат Жака Дюкло — Жан Дюкло, раненный в челюсть. Все трое награждены Военным крестом, боевыми медалями и орденом Почетного легиона. С 20 марта по 3 апреля состоялось 27 судебных заседаний. Представителю правительства полковнику Лорио, который на первом же заседании потребовал ведения процесса при закрытых дверях, адвокат Зеваэс заметил, что во Франции, за исключением процесса Дрейфуса, политические процессы никогда не проходили при закрытых дверях. Однако правительство, не уверенное в законности своих действий, принимает решение провести процесс при закрытых дверях. К тому же у него не было гарантий, что будет вынесен нужный приговор, и оно добилось от парламента решения о лишении депутатов-коммунистов их депутатских мандатов до приговора суда. Во избежание дебатов по существу дела в обвинительном заключении

не содержалось обвинений ни в покушении на внешнюю и внутреннюю безопасность государства, ни в измене, а лишь в «активности и деятельности, имеющих целью пропаганду лозунгов III Интернационала». Единственное, что ставится в вину, это письмо Эррио от имени «Рабоче-крестьянской группы». Обвинительный акт содержит много натяжек и прямых нарушений закона. Флоримон Бонт легко это доказывает. Обвиняемые открыто заявляют, что являются коммунистами и подтверждают свою верность партии и ее политике.

Этьен Фажон говорит о причинах борьбы компартии за мир. «Если бы нас судили,— заявил он,— только на основе содержащихся в обвинительном заключении фактов, наше оправдание не вызывало бы сомнений, поскольку с точки зрения закона обвинительное заключение лишено оснований. Но если считается преступлением борьба против империалистической войны, против антисоветской авантюры, против крупного капитала, против его лакеев в правительстве и соцпартии, то тогда мы будем осуждены, ибо мы намерены, не ослабляя, продолжать эту борьбу до конца»...

В заключительном заявлении Франсуа Бийю от имени всех обвиняемых выдвигается обвинение в адрес самого процесса:

«Нас арестовали и нас преследуют за то, что мы коммунисты, что мы остались коммунистами, несмотря на различные попытки склонить на свою сторону, несмотря на угрозы и репрессии....

Нас преследуют за то, что мы решительно выступили и выступаем против империалистической войны, обрушившейся на нашу страну, что мы призываем народ, чтобы он потребовал положить конец войне путем заключения мира... В то время как национальные французские интересы не были затронуты советскими предложениями Финляндии, ясные и не вызывающие сомнения планы французских империалистов заключались в том, чтобы перейти от «странной войны» на Западе, то есть от войны, которую не ведут против Гитлера, к массовой интервенции против Советов. После того как этот маневр провалился в Финляндии, пытаются его предпринять на Балканах или на Ближнем Востоке. Чтобы оправдать эту авантюру, нас хотят осудить, предварительно тяжко оклеветав».

Франсуа Бийю заявил решительный протест по поводу

того, что борьба коммунистов за мир расценивалась как измена национальным интересам. «Мы не хотим быть,— сказал он,— ни рабами Гитлера, ни вассалами Чемберлена, ни слугами Муссолини. Мы хотим быть французами — хозяевами своей жизни».

3 апреля всех депутатов-коммунистов приговаривают к 5 годам тюремного заключения каждого, пяти тысячам франков штрафа и лишению всех гражданских и политических прав. Из 36 депутатов 9 приговорены заочно. Пять других, в том числе трое инвалидов войны, приговариваются условно. Но по выходе из суда их арестовывают и заключают в концентрационный лагерь.

Немцы, с которыми ведут войну

Французские коммунисты не единственные, кто оказался в концентрационных лагерях, созданных Даладье. Туда были отправлены тысячи противников нацистского режима. Единственные немцы, против которых ведется война,— это немецкие антифашисты.

С весны 1939 года Франция интернировала нашедших в стране убежище испанских республиканцев и бойцов Интернациональных бригад. Наиболее мрачной славой пользовались лагеря, созданные в Сан-Сиприене, Аржелесе, Гюре, Ле-Вернэ. В начале лета среди интернированных насчитывалось 700 немецких антифашистов, бывших бойцов Интернациональных бригад. Эти люди боролись с Гитлером у себя на родине. После войны с фашизмом на испанской земле они думали, что найдут убежище во Франции. Встреченные мобильной гвардией, они были помещены за колючую проволоку. После начала войны количество лагерей увеличилось. Немецкая антифашистская эмиграция во Франции была относительно велика. В 1936 году еженедельник «Дойче фольксцайтунг», выходивший в Париже при Народном фронте, имел 6 тысяч подписчиков.

С 1933 года во Франции существовал «Союз защиты немецких писателей», который под председательством Генриха Манна объединял писателей и публицистов, эмигрировавших из Германии. Аналогичной деятельностью занималась Ассоциация немецких свободных артистов. Крупный художник Макс Лингнер создал для ФКП в период Народного фронта несколько прекрасных афиш, а также

разработал проект оформления праздника газеты «Юманите». С 30 января по 1 февраля 1939 года в городе Дравей при содействии ФКП состоялся 14 съезд Германской компартии *. В заключительной резолюции съезда, в частности, указывалось: «Политика гитлеровского фашизма служит не национальным интересам Германии, а интересам крупных военных промышленников и нацистской бюрократии. В действительности это предательство интересов немецкого народа и угроза самому существованию немецкой нации. Поэтому высшим национальным долгом всех немцев является борьба против войны, свержение поджигателя войны Гитлера».

Именно на немецких антифашистов, в течение многих лет боровшихся с Гитлером, в сентябре 1939 года обрушиваются репрессии. За несколько недель десятки тысяч германских антифашистов арестованы и заключены в концлагеря, в которых они присоединяются к испанским добровольцам, а также в сотни созданных заново лагерей. В октябре комиссия по вопросам гигиены следующим образом описывает обстановку в этих лагерях: «Отсутствуют элементарные условия гигиены. Плохое медицинское обслуживание, питание, находящееся в вопиющем несоответствии с возможностями, которыми располагает страна, почти полное отсутствие одежды, перенаселенность барачков, в которых содержатся заключенные, слабое отопление, отсутствие условий для мытья, плачевное состояние туалетов, грязь, большое количество грызунов и насекомых — все это создало крайне тяжелую ситуацию».

Французская компартия — сама жертва репрессий — делает все возможное для организации помощи интернированным. Она разоблачает в глазах мировой общественности положение людей, чья вина заключалась в том, что они первыми начали борьбу против Гитлера.

В статье, опубликованной 25 ноября в «Монд», Артур Раметт (под псевдонимом А. Рюке) описал положение, в котором находятся антифашисты:

«Десятки тысяч беженцев-антифашистов содержатся в настоящее время в концентрационных лагерях, в условиях, о которых самое малое можно сказать, что они являются плохими. Руководители немецкого антифашист-

* Общегерманская конференция КПГ, по конспиративным сообщениям названная Бернской. По своему значению вошла в историю партии как 14-й съезд КПГ.— *Прим. ред.*

ского движения (а также много итальянцев) находятся в «лагере для нежелательных лиц» в Верне (департамент Аррьеж). Среди них бывшие депутаты-коммунисты Франц Далем, Пауль Меркер, Фридрих Редель, большое количество известных писателей, как, например, Фридрих Вольф, автор пьесы «Профессор Мамлок», идущей в настоящее время с большим успехом в Лондоне, Густав Реглер, Теодор Балук, Рудольф Леонар, являющийся президентом германского ПЕН-клуба и секретарем Общества немецких писателей, Бруно Фрей, Пауль Фридландер, Стефан Фингель, австрийский писатель Герард Эйслер и многие другие антифашисты. Они содержатся в этом лагере вместе с уголовниками-рецидивистами. Среди политических заключенных находятся немецкий писатель Герман Будциславский, автор книги «Весна мира», и Эрих Юнгеман, секретарь «Свободной германской молодежи». Гигиенические условия — ужасны. Холод и сырость вызывают ревматизм и т. п. В первых числах ноября в лагере умер молодой социалист Вилли Вебер. Комитетам помощи запрещают высылать заключенным деньги под предлогом, что они являются преступниками.

В Фееркроссе (департамент Лозэр) расположен концентрационный лагерь для женщин, в котором содержатся 60 женщин пятнадцати национальностей, в том числе 20 германских антифашисток. Среди них: мадам Мадалева — жена германского депутата-коммуниста, приговоренного в Германии к пожизненной каторге, вдова убитого нацистами рабочего Мута из Вупперталя, известная актриса Штейфи Спир и бывший депутат Роза Вольштейн, член Социалистической рабочей партии Германии (САП). Здесь также гигиенические условия ужасны.

В лагере Виллямар (департамент Луар-э-Шер) 75% арестованных, если они отказываются служить в Иностранном легионе, должны работать по 11—12 часов в день. Питание скудное. Заключенные спят в неотапливаемых амбарах, без одеял. 14 октября французский офицер избил одного из них, сломав о его спину палку. Заключенные — большей частью люди интеллектуального труда — попросили сократить рабочий день, с тем чтобы привыкнуть к условиям труда. За это их на неделю посадили в карцер. Условия в лагерях хуже тех, в которых во время последней войны содержались военнопленные.

Но это еще не все: нашелся «немец», согласившийся сотрудничать в «просеивании» заключенных в других лаге-

рях. Это господин Митценберг, который недавно сопровождал «комиссию по просеиванию» в лагере в Невере и разоблачил «подозрительных», то есть подлинных антифашистов. Ужасающая нищета царит в лагере волонтеров-ветеранов в Гюре».

Многие из этих людей в последующие годы станут участниками французского Сопротивления. Много других, выданных нацистам после перемирия в июне 1940 года, погибнет в гитлеровских лагерях.

С 3 сентября 1939 года по 10 мая 1940 года французская армия возьмет в плен всего 150 немецких солдат¹. Полиция Даладье действовала успешнее, арестовав 30 тысяч немецких и испанских антифашистов и тысячи французских коммунистов.

Коминтерн против Гитлера

Предполагал ли империалистический характер войн призыв к революционному пораженчеству? Во многих документах этого периода Коминтерн указывает на то, что положение отличается от ситуации первой мировой войны и что нельзя механически повторять те же лозунги. Однако ни в одном документе это не разъясняется. Тем не менее отличие заключается в том, что существует гитлеровский фашизм. Поэтому Коминтерн не призывает к отказу от национальной обороны народы стран, ведущих войну с гитлеровской Германией.

Так, статья Г. М. Димитрова «Война и рабочий класс капиталистических стран» призывает к отказу от «священного союза», но не от национальной обороны. В ней на передний план, пока еще есть время, выдвигается лозунг восстановления мира, с тем, чтобы предотвратить перерастание конфликта в мировую войну*. Однако статья разоблачает как поджигателей войны только мюнхенцев, тех, кто уступил Гитлеру, поощрял его стремление к агрессии. Все изложено так, как будто Димитров считает положение нестабильным, временным и не исключает изменений в бу-

¹ Service Historique de L'Armée.

* В статье говорится: «Рабочий класс призван положить конец этой войне по-своему, в своих интересах, в интересах всего трудящегося человечества, создавая тем самым необходимые предпосылки для уничтожения коренных причин, порождающих империалистические войны». — «Коммунистический Интернационал», № 8—9, 1939, с. 36 — *Прим. перев.*

душем. Таким образом, он не слишком связывает Коминтерн.

Не трансформирует ли развитие событий характер этой войны, вначале несправедливой? Не станет она для некоторых народов войной справедливой, войной за национальное освобождение? Этот вопрос ставится весьма осторожно в «Манифесте Компартии Чехословакии о нынешнем положении», опубликованном в «Монд» 18 ноября 1939 года.

В этом документе война рассматривается как империалистическая, поскольку западные страны не пожелали преградить путь гитлеровскому фашизму и начали ее как войну за империалистические интересы.

«Капиталистические правительства Запада,— заявляет КПЧ,— демагогически говорят сегодня о «справедливой войне» против фашизма, за национальную свободу, в защиту демократии. Недостойный обман! Когда дело шло о справедливой защите Эфиопии, ее предали. Когда дело шло о независимости Австрии, ее предали. Когда дело шло о помощи Испании, подвергшейся открытому нападению, ее предали. В момент, когда нужно было выполнять свои обещания по оказанию помощи подвергшейся нападению Чехословакии, они ее предали и встали на сторону Гитлера».

Таким образом манифест КПЧ подтверждает, что эта война — война империалистическая. В то же время в нем содержится горячий призыв к сопротивлению:

«Мы, ставшие жертвами фашистских захватов и предательства западных империалистов, не связываем нашу судьбу с Гитлером, как этого от нас требуют разные гавелки или гахи...

Чехи! Рабочие, крестьяне, весь народ! Удваивайте ваше сопротивление кампании по уничтожению, которую ведет германский фашизм. Объединяйтесь в прочном союзе!..

Сохраняя братскую солидарность, мы защитим каждого человека от иноземного террора. Всеми средствами мы организуем защиту против тех, кто хочет морить нас голодом и разграбить нашу страну в интересах Германии. Мы обращаем Ваше внимание на попытки ликвидировать последние остатки наших национальных прав. Мы требуем освобождения заключенных!»

КПЧ определяет далее перспективы борьбы в войне за национальное освобождение против гитлеровского фашизма в союзе с другими народами:

«В ходе ежедневной борьбы мы должны быть готовыми вместе с другими прогрессивными силами мира во главе с Советским Союзом в подходящий момент бросить все на весы истории и изгнать оккупантов из нашей страны».

Характерно, что «Монд» публикует манифест 18 ноября, хотя он появился в подпольной «Руде право» в конце сентября 1939 года, то есть через две недели после статьи Димитрова «О характере войны», показывая тем самым, что оценки Коминтерна должны применяться в зависимости от ситуации, в которой находится каждый народ, что война, определяемая как империалистическая, может стать для народа, подвергшегося агрессии и оккупации, войной за национальное освобождение, против фашизма. Совместное заявление компартий Германии, Австрии и Чехословакии, принятое в конце ноября 1939 года и опубликованное в «Монд» 16 декабря под заголовком «Против империалистической войны, за мир и свободу народов», повторяет те же положения и оценку характера войны:

«Крупный германский капитал использовал английскую поддержку для создания своей зверской диктатуры, силой овладел военным снаряжением малых стран, увеличив тем самым собственную мощь. Английские империалисты помогали ему в этих грабительских войнах, надеясь, что германские империалисты в качестве ударного отряда мирового капитализма начнут войну против Советского Союза. При этом условии они дали бы санкцию и согласие на порабощение Польши германским империализмом... Гитлер не начал войны против СССР и подписал пакт о ненападении. Когда планы подталкивания Германии против СССР, как стало ясно, провалились... английские империалисты решили начать войну против Германии и подтолкнули к ней своего польского вассала».

В заявлении провозглашается «полное право австрийского, чешского, словацкого, польского народов на самоопределение», содержится призыв к борьбе за «освобождение от ига германского империализма».

В этой связи было бы интересно узнать мнение тех историков, которые, фальсифицируя факты, обратили усиленное внимание на «германо-советский альянс», помощниками которого в каждой стране якобы были секции Коминтерна.

Антифашизм вошел в плоть и кровь

Позиции, занятые Коминтерном в вопросе о войне, не означают отказа от борьбы с фашизмом за национальную независимость. «Монд» не случайно перепечатывает призыв к сопротивлению КПЧ. Его публикация означает, что признаются различия в ситуациях, создавшихся для национальных компартий. Эти партии должны их учитывать. Война может принять иное направление, иной характер. С этой точки зрения Клеман придает «Монд» более ярко выраженную антифашистскую направленность. Даже большую, чем у журнала «Коммунистический Интернационал», который придерживается — ибо как раз в этом заключается его роль — своего анализа характера войны и следит за тем, чтобы не было отхода к «священному союзу».

Клеман непосредственно контактирует с компартиями Западной Европы. Он видит различие ситуаций, а иногда и противоречивые моменты в каждой из них. Вот почему он старается отразить в «Монд» все стороны борьбы коммунистов, в частности антифашистский элемент.

Точно так же обстоит дело в ФКП, которая не затухает антигитлеровскую направленность своей политики, даже тогда, когда осенью 1939 года задачу восстановления мира она выдвигает на первый план. Некоторые историки хотели бы измерить антифашизм ФКП и ее тревогу о национальной безопасности количеством антигитлеровских цитат, опубликованных в «Юманите» в 1939—1940 годах. По их мнению, оно будет небольшим!

Компартия в этот период противостоит репрессиям, которые непрерывно усиливаются. Она ведет борьбу с правительством, которое хочет ее разгромить, и заодно, используя военное положение, усмирить народ. Именно это отражается главным образом в «Юманите». Но, чтобы в полной мере оценить политику компартии в эти месяцы «странной войны», нужно посмотреть основные документы, определяющие направление ее политики. В этих документах находит свое выражение необходимость борьбы против гитлеризма и той смертельной опасности, которую он представляет для народа.

Это четко просматривается в призыве к французскому народу от 15 октября 1939 года, принятом после заседания в Брюгге.

Это четко просматривается в манифесте «Французский

народ», распространенном в феврале 1940 года. В нем можно прочесть:

«Чехословакию принесли в жертву, потому что она была союзником СССР, потому что в Испании продолжалась война за независимость и потому, что только сопротивление агрессии могло спасти мир, оно заставило бы фашизм отступить, что спутало бы планы империалистов».

Франсуа Бийю в последнем слове на процессе депутатов-коммунистов напомнил: «Мы были первыми в этой стране, кто показал, какую опасность представляет международный фашизм для дела мира во всем мире. Именно мы решительно осуждали гитлеризм в глазах французской общественности».

В марте 1940 года публикуется статья Мориса Тореза «Питты и Кобурги», от первой до последней строчки пронизанная духом народного патриотизма. В ней напоминает, что «среди тех, кто больше всех поносил коммунистов, есть такие, кто в 1938—1939 годах писал, что поражение Германии было бы несчастьем, ибо она является оплотом контрреволюции...»

В этот период «Юманите» решительно отвергает нападки на политику компартии, которая якобы ослабляет борьбу против Гитлера. Она категорически отклоняет обвинения в саботаже на заводах, работающих на национальную оборону. В номере от 27 марта 1940 года она пишет, что подобные обвинения являются провокацией: «Не сумев оторвать нашу партию от народа, вы готовите новый поджог рейхстага, с тем чтобы народ осудил нас».

Артюр Раметт считает, что в эти годы «странной войны» компартия делает первые шаги в объединении народных масс на основе борьбы за экономические требования и защиты свобод и прав рабочих, которым угрожала прогрессирующая фашизация режима. «Что касается антифашизма, то он так глубоко вошел в нашу плоть и кровь, что мы даже в малейшей степени не можем отказаться от него. Наша борьба направлена на то, чтобы помочь понять истинный характер войны, это означает, что партия не ослабит борьбу против Гитлера. Наоборот, эта борьба подготовила нас к борьбе за независимость страны после вторжения во Францию. Кто входит с первых месяцев в Движение Сопротивления (единственные в качестве организованной партии) — коммунисты. Кого мы видим в Виши среди коллаборационистов — наших вчерашних критиков, тех самых, кто разоблачал «измену» нашей партии.

В нашей борьбе, которую мы вели за осуждение «странной войны», и в предложениях, которые мы сделали в начале июня, чтобы изменить характер этой войны, была большая последовательность. Основой этой последовательности являлся наш постоянный антифашизм.

Гитлеровское нашествие

В первые дни мая 1940 года все заставляет французов думать, что в конце концов войны не будет: прекрасная весна, «сирень и розы» которой будут запечатлены в поэме Арагона. Обстановка тем более внушает доверие, что на фронтах полное бездействие: коммюнике изо дня в день повторяют, что на фронте «ничего существенного не произошло»; пресса восхваляет полезные для здоровья игры молодых людей, расквартированных на границах, «Пти Паризьен» называет это «вакациями Гамелена». И вообще, почему война должна вестись? Председатель Совета министров Поль Рейно повторяет в каждой речи, что «мы самые сильные», а верховное командование подчеркивает, что «Франция — не Польша». Изо дня в день правительственная пропаганда утверждает, что блокада уже достигла своей цели — уничтожения германской экономики. Видимо, для того, чтобы позволить умирающему сделать несколько вдохов, хозяева металлургических заводов отправляют в Германию лотарингскую руду, а французские суда везут бокситы в Антверпен, откуда их переправляют в Гамбург. За девять месяцев компания «Гном-э-Ронн» продала Италии 18 тыс. авиационных моторов, перепроданных затем германской фирме «Дорнье».

Но если французские руководители не ведут войну с Гитлером, то они усиливают ее в отношении коммунистов. 4 мая газета «Пти Паризьен» сообщает о «новой тележке» арестованных активистов-коммунистов. В этот же день вся пресса, ссылаясь на «надежные источники», утверждает, что Морис Торез находится в бывшем Великом Герцогстве Баденском и развертывает там «активную деятельность с согласия гитлеровского правительства и под его покровительством».

Министр информации мюнхенец Фроссар открывает 7 мая серию конференций на тему: «Измена коммунистических руководителей, которые хотят нанести удар в спину нашим солдатам». Он утверждает: «Репрессии — это

безопасность». Все пущено в ход, чтобы создать обстановку настоящего погрома, направленного против коммунистов. 9 мая префект полиции Ланжерон принимает поздравления от Генерального совета * департамента Сена в связи со своими действиями против «коммунистических агитаторов и их изменнической кампании».

Утром 10 мая радио сообщило о вторжении германских армий в Голландию, Бельгию и Люксембург. В этот же день французы смогут прочитать в «Пти Паризьен»: «В Западной Европе, так же как и в Восточной, ничего нового не произошло. Все слухи относительно Голландии или Балкан, исходящие, как в этом можно быть уверенными, из Берлина, не имеют под собой никакой серьезной основы».

Германское наступление разворачивается на двухсоткилометровом фронте — от Северного моря до «линии Мажино». За шесть недель в ходе молниеносной кампании Гитлер захватит Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию. 14 мая немецкие танки прорвали французский фронт у Седана, продвинулись на запад севернее реки Соммы и вышли в тыл лучшим французским частям, вступившим в Бельгию. 15 мая складывает оружие Голландия. 28 мая безоговорочно капитулирует бельгийский король. В конце мая северные армии, попавшие в ловушку, разгромлены. Английский экспедиционный корпус эвакуируется через Дюнкерк. Наступая на восток, германские части с тыла обходят «линию Мажино».

6 июня прорван фронт на Сомме. 14 июня германские танковые части вступают в Париж, в то время как другие соединения форсируют Луару.

Военный разгром Франции произошел быстро и неожиданно. Он был следствием «странной войны», которая демобилизовала нацию перед лицом гитлеровской угрозы, а также мюнхенской политики, которая лишила Францию советского союзника. Нацистская Германия могла быть побеждена только с помощью коалиции с СССР. Отказавшись в августе 1939 года от трехстороннего военного альянса, французские руководители выдали Францию Гитлеру.

* Генеральный совет департамента — собрание в каждом департаменте; генеральные советники избираются от каждого кантона прямыми всеобщими выборами; срок их мандата шесть лет. Каждые три года Генеральный совет наполовину обновляется. Практически Генеральный совет работает под руководством префекта. — *Прим. перев.*

Наиболее разумные политические деятели впоследствии признавали, что основной причиной французского разгрома стала антисоветская политика.

Так, Поль Рейно заявил, что «единственной армией, способной создать в Европе второй фронт, являвшийся кошмаром для генерального штаба в Берлине, была русская армия»¹. В свою очередь Пьер Кот предупреждал: «До тех пор, пока мы будем в согласии с СССР, мы не проиграем войну; с того момента, когда мы не будем больше в согласии с СССР, даже имея поддержку Англии, мы не сможем восстановить баланс сил в нашу пользу»². Французские руководители знали об этом, поскольку некоторые из них в конце мая, в момент полного разгрома, старались заручиться советской поддержкой. 25 мая 1940 года министр авиации Лоран Эйнак вел переговоры с советским поверенным в делах в Париже о поездке Пьера Кота в Москву, с тем чтобы добиться отправки советских самолетов во Францию. Однако клан Петена — Вейгана торпедирует эту миссию. В Москву будет послан французский дипломат, который прибудет туда только 22 июня!

Ибо во французских правящих кругах действительно существует партия капитулянтов, которая, поняв, что война проиграна, активизируется, чтобы быстро подписать перемирие и при поддержке гитлеровской Германии установить авторитарный режим, который она не смогла навязать в феврале 1934 года.

Заговор в Париже

25 мая главнокомандующий вооруженными силами Вейган поставил на заседании Военного комитета вопрос об ответе на возможное германское предложение³. 29 мая командующий четырьмя восточными армиями генерал Претела приходит к заключению, что все проиграно и следует «немедленно запрашивать перемирия»⁴. 2 июня

¹ Rapport Serre.

² Ibidem.

³ Ibidem, déposition d'Albert Lebrun.

⁴ Rapport Serre, déposition Dautry.

маршал Петен считает бесперспективной организацию последнего сопротивления¹.

Как только победа Германии становится очевидной, высшие военачальники больше заняты не организацией сопротивления, а добиваются перемирия, которое оставило бы им армию, достаточную для охраны внутреннего порядка. 18 мая, вступая в обязанности главнокомандующего, Вейган не скрывает своих намерений: «Я принимаю,— заявил он,— миссию возглавить армию, ибо следует спасти честь. Но когда честь будет спасена, нужно будет спасти армию, чтобы спасти порядок».

Большинство политических руководителей разделяет эти взгляды. Многие из министров кабинета Рейно — это люди 6 февраля 1934 года, в той или иной мере связанные с мятежными лигами. Они всегда видели в гитлеровской Германии если не политическую модель, то оплот против коммунизма. 18 мая Петен становится вице-председателем Совета министров. 6 февраля 1934 года бунтовщики выкрикивали его имя на площади Согласия. С этого момента он является тем спасителем, на которого все время возлагает надежды фашистское течение во Франции. В конце мая партия капитуляции доминирует в правительстве и в военных штабах. Ее двоякая цель заключается в том, чтобы сохранить порядок и свергнуть республиканский режим.

Для того чтобы убедить адмирала Дарлана в необходимости перемирия, Петен заявил ему: «Адмирал, мы совершим большие дела. Мы установим новый режим. Мы установим консулат, и вы будете первым консулом². 10 июня правительство укрывается в Туре, а затем 15-го — в Бордо. Давление сторонников перемирия непрерывно возрастает. 12 июня Вейган заявляет: «В настоящее время только прекращение военных действий может позволить еще сохранить немного порядка и сплоченности. Если война будет продолжаться, это будет означать расчленение боевых порядков войск, отступление, беспорядок. И не только военный беспорядок, но и всеобщий беспорядок». Это прямой шантаж революцией и «коммунистической угрозой». Для того чтобы заставить поверить в реальность этой опасности, 13 июня на заседании Совета министров Вейган зачитывает телеграмму, сообщающую,

¹ Rapport Serre, déposition Dautry.

² Rapport Serre.

что «Торез в Елисейском дворце». Он настаивает на том, что крайне необходимо запросить перемирие, «чтобы сохранить дивизии для поддержания порядка в стране». Создается настоящий заговор, для того чтобы прекратить всякое сопротивление Гитлеру и привести к власти Петена. 16 июня заговорщики достигают первой цели: Поль Рейно уходит в отставку, освобождая дорогу сторонникам капитуляции. На следующий день Петен запрашивает перемирия. 22 июня в Ретонде * в историческом вагоне, где было подписано в 1918 году перемирие, Гитлер принимает капитуляцию Франции.

Май 1940 года:

ФКП против национальной измены

Давление, оказанное на правительство изнутри с целью заключения перемирия, размах тех, кто предпочел Гитлера Народному фронту, приводят к тому, что основная тема «Юманите» в мае — июне — разоблачение национальной измены.

17 мая «Юманите» пишет: «Начались бедствия войны. Они затрагивают «тысячи человеческих жизней...» Пятая колонна агентов капитализма и фашизма не пострадала в нашей стране... Гитлеровские агенты пользуются поддержкой властей. Франко-германский комитет де Бринона и Жана Гои не распущен. Все те, кто был скомпрометирован в последние годы связями с агентами международного фашизма, все эти фландены, бонне, дорио, маркизы де крүсоль безнаказанно продолжают свои интриги. Более того, освободили кагуляров, которым на деньги и оружие, полученное из Берлина и Рима, было поручено организовать «пятую колонну» против Народного фронта... Нужно обезвредить тех, кто наносит ущерб,— агентов фашизма, проникших в государственный аппарат, и сделать это нужно прежде, чем они усилят свою подрывную деятельность».

В этом номере от 17 мая отчетливо видно изменение оценок и лозунгов, вызванных новой ситуацией (номер от 16 мая, совершенно очевидно, был подготовлен до гер-

* *Ретонда* — небольшое местечко близ города Компьень, где в 1918 году Германия подписала условия капитуляции в первой мировой войне. 22 июня 1940 года представители Франции подписали перемирие с нацистской Германией.— *Прим. перев.*

манского наступления и ограничивается еще разоблачением империалистического характера войны). Гитлеровское наступление и вторжение во Францию побуждают компартию выработать политику, способную помешать катастрофе.

Захват гитлеровцами Франции заставляет ввести понятие иностранного господства и фашистской диктатуры. Таким образом, дело идет о том, чтобы бороться с предательством и попытаться изменить характер войны, превратить ее в войну французского народа против гитлеровского фашизма. Этого можно добиться путем восстановления демократических свобод и прав рабочих, освобождения арестованных коммунистов и восстановления легального положения компартии.

«Юманите» от 20 мая указывает, что правительство, осуществив подобные меры, вызвало бы подъем народной энергии, необходимой для защиты Франции. В этом случае было бы возможным «если не выиграть войну, то по крайней мере добиться мира на условиях безопасности и независимости».

Компартия предпринимает в этом направлении конкретные шаги, и в частности тот, который Бенуа Фрашон поручил сделать Политцеру.

Могла ли война изменить свой характер!

В разговоре с Клодом Вилларом¹ Пьер Вийон вспоминает, как в начале июня 1940 года министру де Монзи были переданы шесть предложений ФКП об изменении характера войны. Эти предложения были следствием тех оценок, которые были даны Центральным Комитетом и в статьях Пери в мае 1939 года. Вийон хорошо помнит голубой листок бумаги, на котором они были написаны, и послание, которое он отправил Фрашону. Будучи секретарем редакции «Юманите», Пьер Вийон считал возможным написать передовицу, «в которой,— говорил он,— изложив оценку Маркса войны 1870 года (рассматривавшего ее как несправедливую до вторжения и справедливую после Седана), я призвал бы к борьбе против захватчиков».

Размышления Пьера Вийона точно так же, как решение о возвращении во Францию всех руководителей партийного центра в Брюсселе, равнозначны по своему политическому характеру. В течение нескольких дней компартия подготовилась к тому, чтобы использовать все свои возможности для борьбы за организацию национальной обороны.

Если бы правительство мобилизовало массы и освободило заключенных, активизировало связи с СССР, то война могла бы принять новое направление, изменить свой характер, и ни один коммунист не пожалел бы для этого усилий.

Пьеру Вийону Фрашон ответил: «Еще рано». Сегодня мы бы сказали: «Уже слишком поздно».

На заседаниях правительства в конце мая углублялся раскол между капитулянтами и сторонниками борьбы.

¹ Willard Claude. Résistant de la première heure.

И. Эренбург¹ рассказывает о своем разговоре с де Монзи. Он датирует его 24 мая. В этот день Монзи, определив положение как критическое, проинформировал его о решении правительства направить Пьера Кота в Москву. Он добавил: «Вы его знаете. Это ваш друг. Скажите об этом в Москве... Если нам не продадут самолеты, через месяц-два немцы оккупируют всю Францию».

Эренбург информировал советское посольство, которое снеслось с Москвой. Через три дня он будет допрошен полицией. Его арест, предпринятый по указанию служб Петена, был связан с просьбой Монзи. «Петен боялся ухудшения отношений с Советским Союзом». Эренбург обязан своим освобождением личному вмешательству министра внутренних дел Манделя, к которому обратилось посольство СССР; поездка Пьера Кота в Москву была «отложена».

Все это не ускользнуло от внимания руководства компартии. Конечно, Мандель арестовал пять отъявленных пронацистов, но его полиция не жалела усилий в охоте за коммунистами. С каждым днем все труднее было разобраться в положении, и это продолжалось до тех пор, пока окончательно не исчезли все возможности кардинального изменения ситуации и вооруженного сопротивления, подавленного немецкими танками и пикирующими бомбардировщиками.

Рассуждал ли Мандель так же, как и Пьер Вийон?

В конце мая Жан Жером* отмечался каждое утро на парижском заводе, выпускавшем акустические приборы, на котором он работал с октября 1939 года. Тогда же майор медицинской службы, по национальности поляк, в разговоре с Жеромом, решившим стать добровольцем польской армии, формировавшейся на французской территории, спросил его, не является ли он евреем. После утвердительного ответа оформление Жан Жерома задержали. Жан Жером жил легально, поддерживая связи с партийным руководством через Жанэна, а после ареста последнего (8 апреля) через Артюра Далиде. «В июне я виделся с Эмилем (Артур Далиде) каждый день. Это

¹ Ehrenbourg I. La nuit tombe. p. 334.

* Жером, Жан — псевдоним активного участника движения Сопротивления, видного партийного работника — Максима Файнтуша. За участие в Движении Сопротивления награжден медалью Сопротивления, а также Военным крестом. Автор появившихся в 80-е годы мемуаров. — *Прим. перев.*

был период колебаний: сегодня мы должны были уезжать, а на следующий день это отменялось, на завтра — опять уезжать. Я спросил Далиде, что я должен делать. Он ответил: «Делай что хочешь», что было весьма редким при наших взаимоотношениях».

Жан Жером остался. Но он недолго был «беспризорным». 15 или 16 июня он установил контакт с Треаном. Это было сделано через югослава Коли, бывшего участника войны в Испании, где он вместе с Марти формировал Интернациональные бригады в Альбасете.

В конце мая — начале июня связь между Парижем и Брюсселем прервалась. Следует особо подчеркнуть: как об этом любят писать специалисты, никому не поступает никаких указаний, никаких «приказов». Коллективная выработка повседневных решений в компартии отсутствует, остались только основные оценки и направления принципиального революционного действия. Никто из историков не ставит под сомнение факт передачи де Монзи предложений компартии. Слишком много участников свидетельствуют об этом, и в частности Бенуа Фрашон, Мунетт Дютейль, Пьер Вийон и другие. Однако полный текст письма так и не был найден.

Работая над романом «Коммунисты» в 1951 году, Арагон восстановил причины отправки письма де Монзи. Личность посредника, некоего Филиппа Бермана, была уточнена в ходе публикации романа. Напомнив о свидетельстве Жоржа Политцера, Арагон утверждает, что посланником компартии был Жак Соломон. Он был принят Монзи через несколько часов после переформирования правительства 5 июня 1940 года. Монзи спросил его:

«— Следовательно, мы можем считать, что ответ исходит от...

— Центрального Комитета Коммунистической партии.

— А, а!

Он снова перечитал ответ. Текст был короток и предельно ясен. «Коммунистическая партия будет рассматривать как измену сдачу Парижа фашистским захватчикам. Она считает важнейшим национальным долгом организовать оборону столицы». Для этого необходимо:

1. Изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость.

2. Освободить депутатов-коммунистов и активных работников коммунистической партии, а также десятки тысяч

заключенных в тюрьмы и интернированных рабочих.

3. Немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишат парламент, министерства и даже Генеральный штаб, подвергнув суровому наказанию.

4. Эти первые мероприятия вызовут всенародный энтузиазм и позволят создать массовое ополчение, о чем следует объявить немедленно.

5. Вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость».

«Монзи положил бумагу на письменный стол.

— Что ж, — сказал он, — это вполне определенная точка зрения. Боюсь только, что из-за третьего пункта и все остальные предложения будут приняты не слишком всерьез...»¹.

Бенуа Фрашон в «Юманите» от 17 августа 1964 года писал:

«Дело было в точности так, как это описывает Арагон в своей книге» — и добавляет: «Удивительно, я бы даже сказал — непонятно, что наши хулители не могут допустить, что мы выдвинули такое предложение. По их мнению, оно не соответствует нашей политике... Как-то нам сообщили из надежных источников, что де Монзи вроде бы хочет встретиться с Марселем Кашеном или с каким-либо другим руководителем партии, чтобы выяснить, что тот думает о сложившейся ситуации (...) О делегировании Марселя Кашена вопрос не стоял, впрочем как и кого-либо из других руководителей, поскольку не было никакой гарантии, что он вернется с этой встречи (...) В то время как мы передали наши предложения, нам стало известно следующее: двести легких танков были направлены в Парижский район в то время, когда их так не хватало на фронте. Это было в те дни, когда Эринг заявил, что он будет защищать каждый дом в Париже. Эти двести танков должны были защищать Париж? Это было бы слишком хорошо. Нет, сообщили нам. Это делается для того, чтобы противостоять народу: опасались народного восстания.

Я не ставлю под сомнение желание Эринга защищать Париж. Если бы он сделал это, мы бы поддержали его всеми силами и война изменила бы свой характер (...) Но делали нечто противоположное, и Вейган, бежавший из Парижа, из своего убежища тормозил подобные по-

¹ Л. Арагон. Коммунисты, том II, 1953, с. 735—736.

пытки знаменитой ложью, сказанной им на заседании Совета министров: «Коммунисты заняли Елисейский дворец».

И Фрашон замечает: (Наши клеветники.— *Прим. авт.*) могут не знать, что не всегда следует сохранять бумаги, бывают моменты, когда важнее делать историю, чем писать о ней...»

Тем не менее, пытаются «рыться в архивах». Одетта Жанвье свидетельствует: она спрятала часть архивов Катала в железном ящике в лесу Фонтенбло. Вернувшись из ссылки, она нашла дерево, но ящика там не было. В конце концов она нашла и его, в двух-трех метрах от места, но бумаги уже превратились в пыль.

Но мы нашли следы предложений письма в листовке, которая еще неизвестна историкам. По нашему мнению, она была написана между 10 и 12 июня. Ее отпечатали на ротаторе студенты-коммунисты, которым удалось избежать полицейских обысков. Ее редактором был Жорж Политцер, то есть соавтор (с Фрашоном и Далиде) письма к Монзи. Впервые в документах, отпечатанных компартией, появляется лозунг: «Создание и вооружение народной милиции».

12 июня Фрашон покидает столицу, а Дюкло приезжает в Париж, и в этот момент какой-то студент (сейчас он является преподавателем) прочитал этот «Призыв к действию», экземпляр которого он нам передал.

Коммунисты-студенты, лицеисты, к действию!

После месяца отступления немцы у ворот Парижа. Они подавили всякое сопротивление, в том числе «неприступную линию Вейгана» *. Французская буржуазия терпит невиданное в истории поражение. Чем можно объяснить такой поворот событий?

Это поражение — логическое следствие политики, проводившейся крупной буржуазией и ее лакеями-социалистами с момента «невмешательства».

Отныне дело спасения нации ложится на плечи рабочего класса и самой передовой его части — коммуни-

* «Линия Вейгана» — линия обороны французских войск, созданная в спешном порядке по рекам Сомма и Энн (на севере Франции) в середине мая 1940 года. Названа так по фамилии генерала Вейгана, заменившего генерала Гамелена на посту главнокомандующего французскими войсками. Прорвана немецко-фашистскими войсками 6 июня того же года.— *Прим. перев.*

стической партии. Только коммунистическая партия с момента создания всегда проводила политику, отвечающую интересам народа нашей страны. Только мы увидели и разоблачали то, в какую бездну толкают нашу страну империалисты-мюнхенцы.

Коммунисты-студенты, лицеисты!

Нам выпала великая честь и в то же время тяжелая ответственность обеспечить работу партии в университете. Накануне событий, которые могут стать решающими, мы будем действовать не хуже наших товарищей — рабочих на заводах. Не позволяя себя расслабить, с большим, чем когда-либо упорством, мы должны распространять правду и наши лозунги.

В тюрьму агентов «пятой колонны», Бонне, Фландена и других, которые выжидают удобного момента.

Нужно открыто выдвинуть обвинение против Даладье.

Вместо полиции, действующей против народа, будем требовать создания народной милиции, находящейся на службе у народа.

Долой правительство крупных банков, которые, используя неразбериху и частые изменения в правительстве, ставят на руководящие посты представителей капитала.

Да здравствует народное правительство, выступающее за хлеб, свободу и независимость, которое восстановит мир с помощью военного сотрудничества с СССР

.

Практические советы

Сохраняйте возможности письменных контактов с организацией всюду, где вы окажетесь; во время эвакуации или отпусков вы должны неустанно вести пропагандистскую работу, не боясь проявить личную инициативу, соблюдая при этом более чем когда-либо правила осторожности и всегда помня, что сейчас положение меняется с такой быстротой, что наши лозунги не могут оставаться статичными. Они могут уточняться, меняться или просто сниматься в течение короткого промежутка времени.

Не будем пленниками формул! Подумай, прежде чем начнешь действовать, но действуй все время!

Союз студентов и лицеистов-коммунистов Франции».

Этот замечательный призыв не остался без ответа:

через пять месяцев, день в день, 11 ноября 1940 года студенты-коммунисты пройдут к площади Звезды вместе со своими товарищами.

Бельгийская интермедия

Артюр Раметт рассказывал, какую ценную, эффективную и братскую помощь оказывала Компартия Бельгии французским коммунистам. Хотя компартия была на легальном положении, ее члены все время находились под усиленным наблюдением.

Нейтралитет Бельгии позволял властям запрещать любые публикации, которые противоречили ему. Под этим предлогом были запрещены ежедневные газеты «Драпоруж» и «Вуа дю пёплъ», а затем и еженедельник «Монд». Коммунистические газеты появлялись под другими названиями, но, как и предыдущие, конфисковались по тем же причинам. На всех листовках и отпечатанных текстах обязательно должны были указываться адрес и фамилия ответственного автора-издателя.

В феврале 1940 года правительство Янсона приняло чрезвычайный закон против тех, «кого правительство сочтет опасным для гражданских институтов». По этому закону предусматривалась возможность лишения мандатов или права быть избранным. У Даладье были ученики по другую сторону Кьеврана... 15 марта 1940 года руководство КПБ приняло меры безопасности, которые облегчили переход на нелегальное положение.

Компартия Бельгии продолжала активно действовать в парламенте. 10 мая голосом единственного депутата-коммуниста, присутствовавшего в Палате представителей, она одобрила введение осадного положения. 13 мая шесть парламентариев — членов компартии из девяти были на своих местах.

25 апреля француженки Марта Дерюмо и Алия Раметт и бельгийки Маринетт Лоран и мадам Ван дер Линден были довольно нелепо арестованы: первые за наличие фальшивых паспортов, а другие за то, что не сообщили о проживании у них иностранцев.

10 мая через несколько часов после германского вторжения полиция арестовала «подозрительных» иностранцев и бельгийцев, которые значились в заранее составленных списках. Среди них находился венгр Берей, представитель

Коминтерна при Компартии Бельгии. «Подозрительные» были высланы во Францию, где ими занялась мобильная гвардия. После капитуляции короля Леопольда III их стали рассматривать как членов «пятой колонны», и колониальные войска обошлись с ними очень грубо.

Был отдан приказ стрелять по этим «шпионам» при «попытке к бегству». Перевозка их в вагонах для скота в концентрационные лагеря в Гюре и Верне была настоящей пыткой.

Накануне немецкого вторжения четыре человека порознь перешли бельгийско-голландскую границу: Раметт, Гюйо, Тольятти и его соотечественник Гарланди. Они сели на советский пароход «Молотов» и утром 9 мая покинули Амстердам. Тольятти и Гюйо возвращались в Москву для участия в рабочих заседаниях Коминтерна и КИМа; Раметт — чтобы информировать Тореза и Коминтерн о положении во Франции. Все думали, что совершат поездку туда и обратно. Кто бы мог подумать, что пройдет четыре года, прежде чем они вернутся на родину? Только Гюйо, сброшенный на парашюте англичанами в 1942 году вместе с «пианисткой» Франсиной Фромон, нелегально находился в Южной зоне. Франсина Фромон была казнена нацистами за несколько дней до освобождения Парижа.

Последняя телеграмма между 12 и 16 мая, расшифрованная Анжеллой Салейретт до ее отъезда из Брюсселя, была необычно длинной, и сеанс связи был очень плохим. «Содержание телеграммы, — сказала нам Анжела Салейретт, — в основном соответствовало «Призыву» от 10 июля».

По нашему мнению, это был текст манифеста ФКП, опубликованный в номере 4 журнала «Коммунистический Интернационал» на английском языке. Последние слова соответствуют тону призыва к французскому народу:

«Французский народ должен заставить исполнить свою волю, должен взять свою судьбу в свои руки. Мы уверены, что тогда народ обретет физические и моральные силы и сможет избежать катастрофы и сохранить свое будущее».

Свидетельство Анжеллы Салейретт тем более важно, что 14 мая французский фронт был прорван у Седана. Ничто не мешает думать, что добавления были сделаны к манифесту после середины мая. «Мы обвиняем банду Даладье — Бонне, сообщников зловещего Чемберлена, в том, что они выдали Чехословакию германскому импе-

риализму и тем самым Германия получила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, миллион 90 тысяч винтовок, которые стреляют сегодня по французским солдатам».

Это был последний сеанс связи ФКП в Брюсселе. 16 мая утром Треан пулей влетел на явку, где находился радиоприемник. «Он сказал мне, что немцы скоро будут в Брюсселе и что нам следует сейчас же покинуть Бельгию. Он назначил нам встречу в Париже и дал немного денег. Своим ходом (то есть пешком) мы добирались до Парижа, куда прибыли через месяц» (свидетельство А. Салейретт).

В тот же день Треан отвез Дюкло в надежное место. Использование советских паспортов «иностранными пассажирами», уплывшими на пароходе «Молотов», делает вполне вероятным предположение, что место, где они могли их получить, пользовалось дипломатическим иммунитетом (советское или чилийское посольство). Поскольку Брюссель был занят и стал зоной военных действий, то жизнь в нем шла по немецким военным законам.

Это, к счастью, не применялось в отношении тюрем и заключенных. Наши четыре узницы имели свидания и получали передачи. Этим занимались адвокат Холендер, мэтры Фонтейн и Леви, и помогали тем самым сохранять связи с партией. Приговоренные к месяцу тюремного заключения, они были освобождены 26 мая, в день рождения Алии Раметт. Подобные совпадения не забываются и облегчают исследователям определение хронологических дат.

Бельгийские товарищи быстро восстановили контакты с Клеманом, Дюкло и Треаном. Сначала выяснили условия, при которых был совершен арест. Клеман ничего не мог понять. Марта Дерюмо настаивала: «именно Треан 25 апреля заставил ее покинуть явку и посоветовал укрыться у Маринетт Лоран. Она ушла, оставив ключ в двери. И вот, поскольку Треан не смог найти для нее другую явку, он предложил ей вернуться на уже обнаруженную предыдущую явку... в тот момент, когда немцы были уже в Брюсселе! Но нет, Марта на это не пошла!»

На повестке дня собрания «французов» вопросы безопасности. Первое решение, — как можно быстрее вернуться всем во Францию. Дюкло сообщил Алии Раметт, что ее муж прибыл в надежный порт (это подтверждает, что связь по радио между Москвой и Брюсселем сохранялась). Клеман предложил ей поехать к нему. Она отклонила

предложение, стремясь вернуться во Францию, где оставила сына. Клеман, как всегда великодушный, нанял автомашину с водителем, который отвез Алию Раметт.

Второе решение — Марта Дерюмо должна возвратиться в Лилль, провести реорганизацию Северного района, восстановить и укрепить каналы перехода границы. Лилль пал 1 июня. Марта прибыла туда 2-го или 3-го и немедленно стала восстанавливать контакты. Через три дня, 6-го или 7 июня, Треан приехал к ней. Марта Дерюмо вспоминает, что встреча была не из легких. «Треан спросил, что я сделала.

— Я начала с того, что обеспечила свою безопасность, как ты можешь догадаться. Что касается остального, то связи потихоньку восстанавливаются.

— Но нужно проявиться, — сказал он мне, — нужно показать, что мы существуем, и начать выпускать легально «Аншене»!

— Как ты себе это представляешь?

— Нужно, чтобы газета выходила. Без разрешения. Ты завтра же сообщишь об этом в префектуру. И если полицейские тебя арестуют, ты потребуешь, чтобы тебе дали возможность позвонить в комендатуру и скажешь им, что арестовывают тех, кто выступает за советско-германский пакт.

— Я не была согласна так работать. Я поговорила с товарищами, в частности с товарищем Густавом Казье. Было решено печатать «Аншене» нелегально и отказаться от какого бы то ни было компромисса с бошами».

Это напоминание о воинственности Треана должно быть приобщено к делу, так же как и отрывок из подпольного издания «Аншене». «Французский народ не намерен проливать свою кровь за капиталистов, наполняющих свои сейфы».

«Французский народ хочет мира и обеспеченного существования».

Газета описывает мытарства отступления: «Сколько человеческих жизней погублено во время этого испытания (...), в то время как несущие за это ответственность изменники и предатели находились в безопасности. После войны мы зададим им этот вопрос и добьемся, чтобы эти господа ответили».

Итальянец Амилькар Росси (Таска), бывший коммунист, бывший социалист, во время войны работал в министерстве внутренних дел, занимаясь классификацией и

обобщением всех коммунистических материалов, конфискованных префектами и собранных в Виши. Мы делаем это уточнение, ибо коммунисты Севера, у которых не было архивов, не смогли найти этот экземпляр газеты «Аншене»...

Свидетельство Марты Дерюмо

«Я рассталась с Жаком Дюкло 2 июня в Брюсселе. Мы выработали план работы компартии в новых условиях, создавшихся в связи с немецкой оккупацией. Нужно было, чтобы французы поняли, что партия живет и готова к борьбе. Я собрала нескольких надежных товарищей: Жозефа Энтжеса, Гюстава Казье, Жерминаль Мартель, Эмиля Патинье. Я сообщила им указания Жака Дюкло: прежде всего показать, что мы существуем. Лучшим способом, конечно, была бы публикация «Аншене». Отказавшись от идеи просить разрешения на издание, мы решили издать номер подпольно. Нужно было достать бумагу — один товарищ достал ее. Бумага предназначалась для мясной лавки. Это не имело значения, нужно было использовать те средства, которые имелись. Вместе с Энтжесом и Казье мы написали статьи. Я сама передала газету на ротатор, который спрятал железнодорожник с завода Фив-Лилль. Патинье отпечатал один тираж газеты в Армантьере, а Жерминаль Мартель — второй тираж в Дуэзи.

Это было 6 июня 1940 года, и этот номер газеты «Аншене» стал первым, вышедшим в период оккупации. Кроме того, что он подтвердил наше существование, мы ждали, что он также поможет нам собрать отдельных коммунистов, которые совершенно не знали, что стало с партией».

Подобно лошади, несущейся галопом, коричневая волна надвигалась на Фрашона и Вийона, которые оставались в Париже... Действительно, было уже слишком поздно...

Итак, Треан был в Лилле 6 и 7 июня. Потом из Брюсселя он приехал вместе с Дюкло и Клеманом в большом «форде», которым управлял Пелео. Они были переправлены через «Рискнем всем» отцом Жанны Коллет. Из Лилля Пелео отвез своих пассажиров в «городок железнодорожников» в Аррасе к мадам Кампин. Неподалеку от ее дома находились явки партии, куда Треан мог

отправлять разведчиков и сам совершать поездки, как об этом свидетельствует Пелео.

Здесь мы теряем следы Клемана. По сообщению Пелео, он якобы отправился в Брюссель, после того как убедился, что связи восстановлены. Он мог также поехать в направлении Парижа, используя вторую машину. Но мы не склонны соглашаться с этим: Клеману нечего было делать в Париже, он был необходим для сохранения связи Брюссель — Москва.

Дело «Вуа дю пёплъ»

Теперь настал момент разоблачить самую «большую ложь» официальных историков. Чтобы сделать это, вернемся в Брюссель. С 21 по 29 мая, то есть до капитуляции 28 мая, брюссельская федерация КПБ выпустила «нелегально» несколько номеров «Вуа дю пёплъ», отпечатанных на ротаторе. В нашем распоряжении находится подшивка этой газеты.

Речь идет о газете, текст которой напечатан на обеих сторонах страницы на пишущей машинке, а не о журнале, отпечатанном на плоскочечной машине или на ротаторе. Этот листок выпущен подпольно. Конечно, адрес газеты — улица дэ Богар, 30, тел. 11—79—45 — помещен под заглавием «Вуа дю пёплъ». Это адрес дома, в котором проживал книготорговец, продававший издания на иностранных языках, вышедшие в Москве. Это все, конечно, не соответствовало действительности! Точно так же, как если бы нелегальная «Юманите» сохранила под своим заглавием свой предыдущий адрес — Фобур Монмартр. Вот он, бельгийский юмор...

Внизу страницы второй или на странице четвертой, когда «Вуа дю пёплъ» выходит на четырех полосах, фигурируют (устарелое, предусмотренное законом правило) имя и адрес ответственного издателя: Ван дер Линден, ул. Вилье-Брюссель, 33. В Париже сделали бы следующую подпись: ответственный издатель Морис Торез, 8, бульвар Робеспьера, Иври-сюр-Сен.

Мы встретились с господином Ван дер Линденом, одним из серьезных, хотя и не дипломированных исследователей. Напомним, что его жена была арестована вместе с Мартой Дерюмо и «бандой при Маринетт Лоран», как говорили брюссельские полицейские.

Основное из его ответов мы записали на магнитофон.

«Меня не было в Брюсселе 17 мая, когда туда вступили немцы, я находился в Боринаже, где руководил подпольной федерацией КПБ. Выбор моего имени в качестве ответственного издателя был сделан без меня, ибо знали, что меня трудно найти. Приведенный адрес не соответствовал месту, где я жил. После капитуляции я вернулся в Брюссель, хотя это было сложно — я не смог перейти линию фронта. Все было в полнейшем беспорядке. В начале июня меня как ответственного издателя газеты «Вуа дю пёплъ» вызвали немцы. В этот момент национальное руководство, как и руководство Брюссельской федерации КПБ, временно было дезорганизовано: Эдгар Лальман был арестован и вывезен во Францию, Констан Колен, Жюльен Ляо, Анри Глинер, Дж. Ван Экстергем были в своих провинциях, Жозеф Лееманс находился на нелегальном положении. В Брюсселе из членов Политбюро оставались Ксавье Релеком и Жорж Ванден Боом. Он сопровождал меня. Один из немцев в эсэсовской форме приветствовал его: «Но это же господин Ванден Боом!» И, продолжая на брюссельском наречии, добавил: «Тридцать три года тому назад я был коммерсантом на улице Нёв. Вы меня не узнаете?» Не было вопроса о том, чтобы издавать наши газеты, а только о том, чтобы использовать наши подписи. Я должен был сотрудничать в газете «Насьон Бельж», где, как говорили мои собеседники, «мы имеем наших людей, которые работают». Нам предложили 300 франков только за нашу подпись и 500 франков, если мы будем писать сами! Во второй раз они свели нас с людьми из «Легия» (пронацистское агентство печати). Они даже пригласили нас в роскошный ресторан «Ле Кантербери»: «Садитесь, пожалуйста, мы позавтракаем...» Мы отказались и от завтрака, и от сотрудничества. Тогда один из немцев сказал мне: «Убирайся вон, негодяй! У нас очень толстое дело на Вас, господин Ван дер Линден... Будьте осторожны. Концлагерь Вас ожидает». Ван дер Линден считает, что эта последняя встреча состоялась где-то в июне. Со своей стороны, Маринетт Лоран вспоминает, что в немецком приказе сообщалось о начале выхода бельгийских газет. Его фамилия (без его согласия) фигурировала внизу под просьбой о выходе. Ван дер Линден свидетельствует, «что после возвращения из лагеря в Верне в начале августа 1940 года Констан Колен информировал его через связника, обеспечивающего контакт с Политбюро, что возможность издания «Вуа дю

пёплъ» была отклонена руководством КПБ без всякого обсуждения. Использование легальных возможностей имело пределы, которые нельзя было преступить, не опозорив партию» (письмо авторам).

Из этих свидетельств следует, что в Бельгии, как и во Франции, отдел пропаганды немцев пытался использовать коммунистов-«раскольников» или «сошедших с рельсов», но никогда ни одна коммунистическая газета в Бельгии не выходила с разрешения германской цензуры.

Мы разделяем мнение бельгийского историка Жозе Готовича, выступавшего 28 апреля 1979 года на семинаре о деятельности КПБ в 1921—1944 годах. По мнению Готовича, оккупанты вначале отказывали коммунистам в праве на легальную деятельность, но допускали их существование, чтобы лучше за ними наблюдать и заводить на них полицейские карточки. (Об этом свидетельствует переписка между брюссельским гестапо и Берлином.)

Такие деятели, как Ляо, Гроньяр, Тоннэ, были оставлены на своих постах, на которые их избрало население, чтобы помешать рексистам (активисты фашистского движения РЭКС (Rex) * и пронацистам овладеть ими. Такую же позицию в 1914—1918 годах и в 1940—1944 годах занимали многие депутаты социалистических муниципалитетов на севере Франции. Но от этого они не становились коллаборационистами. С этой же целью бельгийские коммунисты осуществили поездку во Францию депутата Ляо в лагерь для беженцев. Располагая немецким пропуском, он установил контакт и обеспечил возвращение в Бельгию видных активистов компартии, с тем чтобы помочь реорганизации КПБ и ее перестройке в подполье.

Те бельгийцы, которые настроены антикоммунистически, тем не менее продолжают утверждать, что, делая

* Рексисты (от лат. *Christus Rex* — Христос владыка — девиз партии) — члены фашистской партии, существовавшей в Бельгии до 1944 года. Основана в конце 1935 года. Лидер партии Леон Дегрель. Рексисты пропагандировали тоталитарные корпоративные идеи, в демagogических целях критиковали капиталистические монополии. Пользовались некоторым влиянием среди мелкобуржуазных слоев Валлонии. После захвата Бельгии фашистской Германией способствовали установлению в стране оккупационного режима. Из рексистов была сформирована мотобригада СС «Валлония», разгромленная советскими войсками под Корсунь-Шевченковским в 1944 году. После освобождения Бельгии от оккупации рексистская партия прекратила существование. — *Прим. перев.*

это, он помогал оккупантам, ибо способствовал возвращению трудящихся на бельгийскую территорию! Но кто не враг самому себе...

В течение более чем сорока лет официальные историки старались придать видимость правды этим ложным измышлениям, что свидетельствует как об уровне их научной добросовестности, так и о простодушии некоторых историков-коммунистов, не сомневавшихся в своих титулованных коллегах.

Ложь относительно бельгийской коммунистической печати позволила выдвинуть различные «объяснения» по этому поводу: секретные приказы Коминтерна, требования советской дипломатии, руководствовавшейся государственными соображениями, и даже указания (переданные в закодированном виде по радио) самого Сталина.

Мы предлагаем господам Анри Мишелю, Стефану Куртуа, Филиппу Робрие, Роллану Гошару, Анри Амуру, не забывая при этом Шарля Тийона и Пьера Декса и других, показать хотя бы один экземпляр бельгийской коммунистической газеты, опубликованной легально в период германской оккупации. При этом мы уточняем, что последний номер газеты «Вуа дю пёплъ», изданный подпольно на ротаторе, датируется 29 мая 1940 года.

Вполне очевидно, что Треан, как Клеман и Дюкло, был информирован в начале июня:

1. О желании и надеждах редакторов «Вуа дю пёплъ» (которая издавалась подпольно на ротаторе) найти типографию для издания газеты (также подпольно). Об этом проекте открыто упоминается в номере 5.

2. О контактах, которые стремился установить Отдел пропаганды брюссельской немецкой комендатуры с Ван дер Линденом.

Отъезд французов из Бельгии произошел до второго контакта, который, как мы видели, завершился прямыми угрозами репрессий. Из этого первого бельгийского опыта вытекало знаменитое решение «попытаться издавать «Юманите» и поставить немцев перед свершившимся фактом».

Мы видели, как уже 6 июня Треан пытался оказывать давление на Марту Дерюмо, с тем чтобы она поставила «власти» Лилля перед «свершившимся фактом». Он хотел «обогнать» немцев и не попасть в положение, при котором нужно было бы к ним обратиться с какой бы то ни было просьбой. Методы, примененные в Дании и Норве-

гии, обнадеживали его, несмотря на реакцию немцев в Брюсселе.

Треан думает, что в Париже он сможет усыпить германскую цензуру и французскую полицию ссылкой на легальную бельгийскую, датскую, норвежскую коммунистическую прессу... Но он никого не смог обмануть. Знали ли они, эти господа «историки», все обстоятельства датской ситуации так, как ее описывает господин Лориц Биндслоф в № 80 «Ревю д'истуар де ля Дезиеме герр мондиаль»? Господин Биндслоф показывает, как в Дании правительство пыталось сохранить государственный аппарат под своим контролем. В отношении прессы был издан внутренний регламент, нарушение которого подпадало под юрисдикцию трибунала по делам печати. Нацистские газеты, отказывавшиеся соблюдать его решения, могли быть привлечены к суду. Господин Биндслоф говорит в заключение: «Пресса имела возможность свободно оказывать коллегияльную помощь таким образом, чтобы правительство и оккупационная власть не вовлекались в судебные дела».

Норвежский вариант отличается от датского. Несомненно, в Осло маневры немцев по проникновению в коммунистическую прессу встретили наименьшее противодействие в течение первых недель оккупации. Но в августе 1940 года «Арбайтерен» была запрещена (что показывает, что «сотрудничество» по меньшей мере может быть оспорено). Отметим, наконец, что если «приказы» о сотрудничестве из Москвы существовали, то находившийся в Брюсселе Клеман мог не спрашивать разрешения руководства Компартии Бельгии. Однако ничего подобного не было по той простой причине, что так называемые указания являются плодом антикоммунистической политики (1940—1983 годы).

Поездка из Брюсселя в Париж

Видимо, мы никогда не узнаем маршрут, которым Дюкло и Треан вернулись в Париж. Альфонс Пелео свидетельствует, что отъезд из Брюсселя состоялся где-то около 6 июня. Он вел восьмисильный «форд», зарегистрированный во Франции, но без дипломатического номера. Рядом с ним сидел Треан. На заднем сиденье находились Клеман и Дюкло. После первой остановки у мадам Кампин

около Арраса они разошлись: Треан возвращается в Лилль, а Пелео на велосипеде едет на разведку в Амьен и Лонго, с тем, чтобы проверить существующие каналы связи. Его сопровождает один из сыновей Кампина. Повредив ногу во время дорожного происшествия, он возвращается в Аррас. Пелео, не сумев восстановить контакты с железнодорожниками Амьена (эвакуированы в направлении Дюнкерка), возвращается 7 или 8 июня обратно к мадам Кампин, но не застаёт там своих пассажиров. Ему передают послание от Треана, который приказывает возвратиться в Париж через Руан, где он должен попытаться связаться с активистами партии. На велосипеде Пелео прибывает в Руан. Мосты взорваны, нефтяные баки горят. Он видит, как немцы форсируют Сену на надувных лодках (11 июня). Он поворачивает обратно, едет в направлении Абвиля и 14 июня прибывает в Париж. 16 и 17 июня восстанавливается контакт с Треаном через явку на улице Шаронн.

Клеман, убедившись, что канал связи по маршруту Лилль — Париж действует, возвращается в Брюссель 7 или 8 июня. Франко-бельгийская граница больше не существует. Лилль включен в зону, в которой командуют оккупационные власти в Брюсселе. Она предшествует появлению в будущем «запретной зоны». Поэтому Клеман не сможет легко и свободно передвигаться. Его место пребывания и средства связи находятся в Брюсселе.

Маршрут Треана и Дюкло между Аррасом и Парижем остается неизвестным. После освобождения Дюкло сообщил Раймону Далиде, что он сделал три попытки, прежде чем вырвался из «амьенского котла».

В Брюсселе из французской команды остаются Жильберта Дюкло и Эмиль Дютейль. Они вернутся в Париж 15 августа.

Путешествие по маршруту Брюссель — Москва: свидетельство Артюра Раметта

«В последних числах апреля Клеман и Жак Дюкло приняли решение направить меня в Москву. Нужно было информировать Коминтерн и Мориса Тореза о состоянии партии, ее работе, но главным образом провести углубленную дискуссию о развитии обстановки. Связь с Москвой по радио и через связных позволяла нам передавать

достаточный объем информации и в свою очередь получать ее из Москвы. Однако подобные связи исключали дискуссию, хотя момент для нее наступил. Эту миссию поручили мне, поскольку в течение всего этого периода я был самым близким сотрудником Жака Дюкло. Вместе с тем я стал мешать работе в бельгийской столице, поскольку полиция, арестовавшая жену, шла по моим следам. Каждую неделю я менял гостиницу или меблированную комнату. Люксембургский товарищ, чье имя и паспорт я взял, был арестован. Сеть вокруг меня затягивалась все туже. Моя фигура была очень заметна в толпе брюссельцев, а внешний вид и лицо трудно поддавались изменению. Таким образом, было бы неплохо, если бы я покинул Бельгию, хотя бы на несколько недель. Было предусмотрено, что я вернусь в Париж, в Брюссель или в Швейцарию, где планировалось создать еще один руководящий центр. Окончательное решение должно было быть принято в Москве.

Мой отъезд, намеченный на середину мая, был несколько ускорен, поскольку корабль, на который я должен был сесть в Амстердаме, покидал порт раньше предусмотренного срока. Ничто из моего разговора с Клеманом в этот момент не позволяет сделать вывод, что он располагал информацией о скором германском вторжении. Самое большое беспокойство у нас вызывали приготовления Франции против Советского Союза. 7 мая Жак Дюкло неожиданно сообщил, что мой отъезд назначен на следующий день. Ночь с 7 на 8 мая я провел у него, в зеленом пригороде бельгийской столицы, бывшем вне подозрений. Мы проговорили всю ночь о создавшемся положении и о том, что я должен был передать Морису и Коминтерну. Мы были очень озабочены усилением антикоммунистических репрессий и все более ужесточавшейся кампанией против СССР. Декрет Сероля, приравнивавший коммунистическую деятельность к измене, каравшейся смертной казнью, подтверждал наше мнение, что Франция вовсю готовилась к военному нападению на Советский Союз. Какова должна быть позиция Французской партии в этом случае? До этого момента мы ограничивались тем, что призывали сорвать антисоветские интервенционистские планы. (Призыв от февраля 1940 года.) *Но если начнется интервенция и мы узнаем об этом, какие конкретные лозунги мы должны будем выставить?*

В начале мая мы продолжали выдвигать на передний

план необходимость восстановления мира при поддержке и гарантиях со стороны СССР. Мир, которого мы требовали, был не мюнхенским миром, дающим свободу рук Гитлеру, а миром, который создал бы для нацистской Германии препятствия в виде коллективной безопасности. Мы понимали, что развитие событий может внести изменения в наш лозунг. Месяцем раньше Гитлер вторгся в Норвегию и Данию. Не ставя под сомнение империалистический характер войны, мы отдавали себе отчет, что положение с каждым днем становилось все более сложным и что в своих оценках мы должны это лучше учитывать.

Я расстался с Дюкло рано утром 8 мая. Мы были очень взволнованы, понимая, что впереди неизвестность и, возможно, нас ждут чрезвычайные события. На прощание мы обнялись.

Утром я направился на Северный вокзал, чтобы сесть в амстердамский поезд. Треан ожидал меня. Он вручил мне железнодорожный билет, советский паспорт и командировочное удостоверение экспортно-импортной фирмы. На следующий день я должен был сесть на советский пароход «Молотов», отправлявшийся в Ленинград. Он также вручил мне чемодан, наполненный документами — в основном экземплярами наших подпольных газет и публикаций. Я совершил путешествие без осложнений. На пограничном голландском вокзале контрольная служба, увидев мой советский паспорт, отправила меня в вокзальное отделение жандармерии. На перронах было полно народу. В этой толкучке большие группы солдат ожидали посадки. Жандарм, к которому я обратился, был хорошим малым. Я пробормотал несколько слов по-французски и по-английски. К счастью, никто не говорил по-русски, который, если верить паспорту, был моим родным языком, но ни одного слова из которого я не знал. Жандарм, проштамповав паспорт, отправил меня в мой поезд. В Амстердаме такие же группы солдат, такая же толкучка.

Выйдя с вокзала, я сел в такси и показал водителю карточку с названием экспортно-импортной фирмы, в которой я якобы работал: КЛЕБ. Он отвез меня туда, не выразив никакого удивления. По-видимому, я был не первым подобным клиентом. Голландия не имела дипломатических отношений с СССР, а только экономические. В фирме КЛЕБ меня ждали и сразу отвезли в порт, где я сел на пароход «Молотов», новенький, с иголки, который СССР только что закупил на нидерландских вер-

фях. Он должен был совершить свое первое плавание.

Через несколько часов на борт взошел Гюйо. Подняли якорь. Поздно ночью 9 мая, незадолго до отхода, я с удивлением увидел, как на пароход поднялся Эрколи, приехавший из Антверпена на машине.

На рассвете 10 мая, когда мы выходили из канала в Северное море, то заметили на берегу сильное движение: батареи зенитных орудий занимали боевое положение, появились колонны танков, военные корабли бороздили канал. Капитан объяснил нам причину столь необычной активности: Германия только что напала на Бельгию и Голландию.

Едва мы вышли в открытое море, как до нас донеслись раскаты первых воздушных бомбардировок. Через два дня мы пришли в литовский порт Лиепая, единственный порт, куда мы заходили до Ленинграда.

В Лиепеае мы простояли неделю, ничего не делая, находясь на нашем пароходе и не располагая информацией. Мы не могли установить контакты с Коминтерном, находившимся в Москве. Мы беспокоились в особенности, что мой район Нор — Па-де-Кале вновь станет ареной кровавых битв.

В Ленинграде мы пробыли один день, получив незначительную информацию. Однако нам сообщили о немецком наступлении в Арденнах и о прорыве французского фронта. Мы прибыли в советскую столицу 24 или 25 мая, где узнали о размерах катастрофы. Немцы достигли Перона, Амьена и Абвиля и окружили ударные силы французских и английских войск, которые отступали к Дюнкерку.

Север Франции был занят немцами, и я вспомнил годы оккупации 1914—1918 годов, которые пережил в молодости.

Я был потрясен этой драматической ситуацией.

Моя встреча с Димитровым и Мануильским

По прибытии в Москву нас отвезли в Кунцево, чтобы несколько дней мы могли отдохнуть. Кунцево в прошлом было дворянской усадьбой в предместьях столицы. В большом парке, засаженном елями и березами, были построены деревянные дачи и две небольшие гостиницы. Руководители и сотрудники Коминтерна проводили воскресные дни в этом парке отдыха. Морис Торез и Жанетта

Вермерш жили в одной из этих дач с момента прибытия. Морис ждал меня и засыпал вопросами.

Были последние дни мая. Мы узнали о капитуляции Бельгии, о боях на Сомме и Энн, об эвакуации из района Дюнкерка. Мы предчувствовали разгром. Но у меня не было времени обменяться мнениями с Морисом. Как только я приехал к нему, Димитров, сгоравший от нетерпения увидеть Тольятти, Гюйо и меня, прислал за нами машину. Он жил в доме вблизи Кремля, и в его квартире состоялась встреча, на которую он пригласил Мануильского. Я познакомился с ним на VII конгрессе в 1935 году. Увидев меня, он расхохотался. Стремясь изменить внешность, я сбрил в Брюсселе волосы. Моя голова стала как бильярдный шар, кроме того, я надел большие очки. Обняв меня, Мануильский воскликнул: «Товарищ Раметт, у Вас голова настоящего боша!»

Во встрече принимали участие: Марти, Гюйо, Тольятти и Степанов, болгарский товарищ, сотрудник Димитрова, занимавшийся французскими проблемами. Тольятти начал первым, рассказав о контактах с итальянскими товарищами. Но поскольку после многих месяцев заключения он вышел из тюрьмы в Париже только в апреле, у него было мало информации о своей партии. В то же время он детально информировал о работе центра в Брюсселе и беседах с Клеманом и Дюкло о деятельности ФКП. Я улыбнулся про себя, считая, что о положении в нашей партии должен был говорить я.

Когда Тольятти закончил говорить, я ограничился тем, что подтвердил его слова, уточнив некоторые моменты о состоянии компартии и размахе репрессий, которые на нее обрушились. Я также рассказал об отдельных деталях процесса над нашими депутатами, приговоренными к 5 годам тюремного заключения. Руководители Коминтерна вновь были очень суровы в отношении Французской компартии, упрекая в том, что репрессии застигли ее врасплох и она оказалась полностью неподготовленной к работе в нелегальных условиях.

В частности, Димитров спросил, как могло случиться, что половина членов Центрального Комитета и парламентской группы была арестована? Кроме того, руководители Коминтерна выражали удивление и беспокойство по поводу военного поражения Франции, которое к этому моменту стало очевидным. Я постарался объяснить, как французская буржуазия ни в военном плане, ни морально не гото-

вила страну к сопротивлению Гитлеру. В заключение моего выступления я решил затронуть вопрос, который мучил меня уже несколько дней: что мы будем делать в новой ситуации, созданной вторжением во Францию. Какие позиции должна занять компартия в момент, когда гитлеровская Германия реализовала свои планы порабощения Франции.

У меня не было времени обсудить эти вопросы с Морисом. Но поскольку представился случай, я задал их Димитрову, сказав следующее:

— Товарищ Димитров, я покинул Брюссель накануне немецкого наступления. С этого момента события развиваются очень быстро. Немцы вторглись во Францию. Ее оборона трещит по всем швам. Возможно падение Франции. Французские руководители несут тяжелую ответственность. Сегодня можно оценить значение выбора французских капиталистов: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Буржуазия принесла в жертву своим классовым интересам независимость нашей страны. Но кто за все это будет платить, если не народ? И что станет с нашим лозунгом о восстановлении мира в момент, когда фашизм уже может продиктовать нашей стране рабский мир? Что мы будем делать завтра, если Франция будет оккупирована?

Димитрова не удивила моя речь. Помолчав, он задал мне вопрос:

— А как Вы, товарищ Раметт, оцениваете положение?

Я подумал, что его вопрос дает возможность четко высказать свои мысли. Не колеблясь, я ответил:

— Я не вижу возможности, кроме того, чтобы компартия призвала к борьбе против оккупанта, которым к тому же является гитлеровский фашизм. Мы должны мобилизовать рабочий класс против фашизма и, чтобы преградить ему дорогу, создать Народный фронт, который мы горячо поддерживали в период войны в республиканской Испании. Наш съезд в Арле принял решение объединить все силы, решившие сопротивляться гитлеровской агрессии. Мы боролись против капитуляции в Мюнхене и разоблачали тех, кто заявлял: «Лучше рабство, чем война». Только буржуазия согласится с иностранным господством, с помощью которого она будет душить рабочий класс. Народ не примирится с этим. Именно он должен взять в свои руки защиту национальных интересов в момент, когда становится ясным, что «200 семейств» предали Францию. Я думаю, что очень скоро мы рискуем попасть в положение,

в каком оказались после капитуляции в Седане. Именно Парижская Коммуна, народ Парижа выступил против коалиции версальцев и пруссаков.

Я напомнил также, что на VII конгрессе Коминтерна Тольятти говорил, что если малые страны станут жертвами гитлеровской агрессии, то они должны будут вести справедливую национально-освободительную войну. Не должны ли мы сейчас распространить эту оценку на Францию? Следовательно, нам нужно объединить народ против захватчика и его сообщников внутри страны. Речь идет о том, чтобы высоко поднять знамя борьбы за национальную независимость. Я хорошо помню, что использовал это выражение — высоко поднять знамя национальной независимости. Я высказал убеждение, что мы переживаем поворотный момент и что война меняет свой характер и природу. В новой ситуации, которая сейчас создается, нет другого пути, кроме борьбы против захватчика. Я закончил очень эмоционально, что главное в этой ситуации — гитлеровское вторжение и, следовательно, необходимо призывать народ к борьбе за сохранение его свободы и независимости. Пока я говорил, я заметил, как Мануильский одобрительно качал головой. Тем не менее мои слова были встречены молчанием. Никто мне не возражал, но и не одобрял. Затем Димитров поблагодарил меня за информацию и сказал, что понимает всю важность поставленной проблемы, однако не выразил согласия с моими оценками.

Заявление ФКП от 13 июня

Вернувшись в Кунцево, я сообщил Торезу об обороте, который приняло заседание, и проблеме, которую я неожиданно поднимал. Я констатировал, что и у него она была в центре размышлений. Я бы сказал, что его это очень мучило. Мы — и он, и я — пришли к одинаковым выводам. Он безоговорочно одобрил мои слова и анализ, высказав глубокое сожаление, что не смог принять участия в этом заседании.

Его отсутствие было связано с тем странным положением, в котором он оказался. Официально он находился не в Москве, а «где-то во Франции», руководя компартией, как это утверждали наши тогдашние публикации. Таким образом, он не мог выезжать из Кунцева без риска быть увиденным или узанным в советской столице кем-либо из

иностранных дипломатов или журналистов. Так решил Коминтерн. Это нелегальное положение, которое сильно угнетало Тореза, существовало до апреля 1943 года, когда мы вернулись в Москву после пребывания в Уфе.

Компартия отказывалась признавать, что Морис Торез находился в СССР с ноября 1939 по апрель 1943 года, тайна, которую хотели сохранить и которую можно объяснить условиями того времени. Его уход из армии в октябре 1939 года развязал против него сильную кампанию ненависти. Весной 1940 года радио официально утверждало, что он укрылся в Германии. Мы говорили, что Генеральный секретарь занял свое место в руководстве партией на французской земле и что он покинул армию, чтобы избежать ареста, которому подверглись другие депутаты-коммунисты. Впоследствии не было причин скрывать, каким образом все произошло на самом деле. Многие французские патриоты, в том числе политические деятели, покинули Францию, чтобы продолжать борьбу за рубежом. Представители «Сражающейся Франции» находились в Лондоне, Бразавилле, Алжире. Они находились также в Москве, где были летчики полка «Нормандия — Неман» и рабочие-активисты в Коминтерне. Мы требуем, чтобы это было признано не только нами. Я всегда считал, что надо было рассказать о нашей работе в Брюсселе осенью 1939 года и в Москве в 1940 году. В эти трудные и драматические для Франции месяцы мы заложили фундамент политики, которая сделала Французскую компартию основной опорой борьбы против оккупантов. То, что эта политика уже изначально была определена более или менее правильно, что в некоторые моменты она противоречила оценкам Коминтерна, что для того, чтобы утвердиться, ей пришлось преодолеть многочисленные трудности и препятствия, — все это так. Принятые нами документы свидетельствуют, что наша борьба против фашизма никогда не ослабевала. В мае — июне 1940 года в Москве мы убедили Коминтерн учесть поворот в ходе войны.

Вопросы, которые я задал Димитрову, выдвинула жизнь. От них нельзя было уйти ни Коминтерну, ни нам.

В ходе этих драматических дней, когда решалась судьба Франции, в условиях меняющейся обстановки, мы собирались у Тореза в Кунцево почти ежедневно, чтобы следить за событиями и определить позицию компартии, ибо хорошо понимали, что наши предыдущие оценки и лозунги все меньше отвечают новой ситуации.

С октября 1939 года мы выдвигали на первый план требования справедливого мира. Но что мог означать этот справедливый мир, когда захватчик — им был гитлеровский фашизм — занимал часть нашей родины и чувствовал себя победителем? В эти томительные дни Торез все время возвращался к двум основным вопросам: независимость страны и борьба с фашизмом. Им была посвящена его статья от 20 апреля о «Питтах и Кобургах».

Некоторые историки (как, например, Стефан Куртуа) обвиняют компартию в том, что в этот период (конец мая — начало июня) она стремилась взять власть, используя условия, созданные поражением Франции и с помощью оккупантов. Для того, чтобы сделать правдоподобной эту грубую фальсификацию, они используют наши весьма многочисленные ссылки того периода на Парижскую Коммуну и на наши постоянно повторявшиеся обвинения в адрес руководителей Франции.

Да, мы ссылались на пример Коммуны, чтобы показать, что отныне только рабочий класс имеет право говорить от имени нации, что политика правителей Франции отдала страну гитлеровскому захватчику. Эти же самые руководители в предшествующие месяцы обвиняли коммунистов в измене. Мы напомнили и обратили эти обвинения против них. Кто предал Францию? Кто, как не руководители своей политикой в период от Мюнхена до «странной войны», готовили поражение? В момент поражения больше не было возможностей для «священного союза», точно так же, как их не было раньше, в условиях военного положения. Тем более, что крупная французская буржуазия была готова пойти на заключение мира с захватчиком, для того чтобы сохранить свои привилегии, то есть занимала позиции, которые «Юманите» разоблачила 20 мая: «Подобно Тьеру, который 69 лет назад принял драконовские условия мира Бисмарка в обмен на его помощь, с тем чтобы раздавить Коммуну, они готовы принести в жертву Гитлеру независимость страны, лишь бы он гарантировал их капиталистические привилегии».

Когда узнаешь, что мюнхенцы и агенты Абеца продолжают находиться в правительстве, что кагуляры выполняют различные поручения, что Дорио * находится в военной

* Дорио, Жак — ренегат Французской коммунистической партии, ставший гитлеровцем. В течение ряда лет вел борьбу против политики ФКП и Коминтерна. В 1934 году исключен из ФКП. После этого создал фашистскую организацию «Французская народная партия» (ППФ) и

цензуре в Сенлисе, начинаешь понимать, что «пятая колонна», сыгравшая немалую роль в успехах гитлеровской армии, не была сброшена на парашютах. Она находится в правительстве...».

Что касается лозунга о народном правительстве, то в основном он означал, что перед лицом поражения и измены руководителей народ должен был взять в руки свою судьбу. Будучи реалистами, мы предложили в тот период принять меры, с тем, чтобы помешать подстрекателям пораженческого лагеря, восстановить демократию, легальность компартии и вызвать народный подъем, необходимый для защиты Франции от Гитлера.

Такие идеи, которые обсуждались у Тореза между 8 и 9 июня, должны были выразить позицию партии и ее оценку происходящих событий. То, что я высказал Димитрову, совпадало с мнением Тореза.

Только Марти придерживался оценок Коминтерна и произнес перед нами целую речь об империалистическом характере войны. Мы определили основные направления декларации, которую должен был написать Морис. Но прежде он хотел убедить Димитрова и Мануильского, что и было сделано в последующие дни. Декларация была написана между 11 и 13 июня, как раз перед вступлением немцев в Париж. Скорее всего это было 13, ибо дискуссии с Димитровым продолжались два или три дня. Этот текст в качестве декларации не был использован во Франции, ибо его предвосхитили события, в частности установление вишистского режима. Но он ориентировал партию в борьбе против виновников разгрома, против гитлеровских захватчиков, за независимость Франции.

Декларация от 13 июня была опубликована в английском издании журнала «Коммунистический Интернационал» № 7 за июль 1940 года. Непонятным образом этот текст, который гораздо глубже в своих оценках, чем «крик» «Призыва» от 18 июня генерала де Голля, остался неизвестным. Стефан Куртуа опубликовал французский перевод этого текста в приложениях к своей книге «ФКП в период войны». Из оригинального текста на французском языке мы имели лишь несколько отрывков, которые были напечатаны в материале, изданном ФКП. Мы благодарим

вступил в годы войны в «Легион французских добровольцев против большевизма». Убит во время бомбардировки нацистской Германии, куда сбежал переодетым в гитлеровскую форму.— *Прим. перев.*

издательство «Рамзей», сделавшее возможным воспроизведение этого перевода, который точно воспроизводит текст.

Заявление ФКП от 13 июня 1940 года

Французский народ переживает трагические дни. Ужасные драмы обрушились на него, несмотря на усилия, прилагавшиеся компартией, чтобы избежать их. Чужеземная армия грубо ворвалась во Францию. Начав войну, которая ведет страну к катастрофе, и послав на поле битвы миллионы трудящихся и крестьян, французские империалисты теперь готовятся капитулировать за спиной народа. Над Францией нависла угроза исчезновения как нации, как независимого государства.

Совершенно недвусмысленно следует сказать, что такой поворот событий означает крах французской буржуазии, ее режима, ее коррумпированных политиканов, некомпетентных генералов. Это полный крах. Крах империалистической политики французской буржуазии, которая питала шовинистическую и реваншистскую пропаганду германской реакции и облегчила ее приход к власти.

Это крах лавалей, фланденов, даладье, бонне и блюмов, которые вопреки интересам французского народа и в ущерб делу мира всеми способами поддерживали происки реакции во всем мире. Именно лавали подписали Римские соглашения (январь 1935 г. — *Прим. ред.*), которые позволили Италии беспрепятственно захватить Эфиопию и подготовить нынешнее выступление итальянского фашизма против Франции. Именно фландены способствовали усилению мощи германского империализма, согласившись с ремилитаризацией левого берега Рейна. Именно блюмы своей преступной политикой так называемого невмешательства позволили опасности приблизиться к нашим границам в Пиренеях и открыли дорогу завоевателям. Именно Даладье и его министры передали Германии для ее сорока дивизий оружие из Чехословакии, включая 1600 самолетов и 500 танков, которые сейчас убивают французских солдат. Именно такие деятели, порожденные биржей, как бонне, систематически саботировали франко-советский пакт о взаимопомощи. Все эти негодяи несут прямую и непосредственную ответственность за империалистическую войну. Именно они ввергли наш народ в эту преступную бойню.

Это крах политиков соцпартии и радикалов, реакционных руководителей ВКТ, изменивших трудящимся и торпедировавших Народный фронт (который мог бы помешать началу империалистической войны) и предавших его программу, развязавших руки силам реакции и спровоцировавших войну.

Это крах социалистической партии, ее гнусных руководителей, которые, как это всем ясно, выступают в качестве сторонников империалистической войны и которые сделали все возможное, чтобы сбить с толку трудящихся и свести на нет их борьбу за мир, которая только одна отвечает интересам народа. Своей гнусной клеветой на Советский Союз, на его социалистический строй, на его рабоче-крестьянское правительство именно они больше, чем кто-либо другой, вопреки чувствам французского народа способствовали отдалению нашей страны от Советского Союза и облегчили изоляцию Франции.

Это крах некомпетентных генералов, с их устаревшими концепциями ведения войны, игнорировавших прогресс военной техники и возможности, которые им открывались, и изменения, которых он требовал в ведении военных операций. Это крах верховного командования, которое упрямо, вопреки здравому смыслу стремилось доказать, что эта война будет исключительно позиционной войной. Вместе с Даладье, несущим непосредственную ответственность, поскольку в течение восьми лет он был военным министром, верховное командование ухлопало миллиарды на строительство «линии Мажино», обрекая тем самым Францию на пассивную оборону. Оно оказалось неспособным оценить значение двух наиболее важных в современной маневренной войне видов оружия: танков и самолетов.

Французская буржуазия, Генеральный штаб имели восемь месяцев, срок достаточный, чтобы наверстать упущенное и организовать оборону страны. Но они не сумели и не хотели использовать это время для того, чтобы ускорить производство танков и самолетов. Они даже не построили укреплений и не довели «линию Мажино» до Дюнкерка, хотя легко было предвидеть, что германское наступление будет осуществляться через Голландию и Бельгию.

В течение этих восьми месяцев французская буржуазия не провела ни одной военной операции против Германии, которой она тем не менее объявила войну. Она была слишком занята организацией предательского нападения на Советский Союз, который, однако, не находился в состоянии

войны с Францией. Для этого она поддерживала и вооружала финских белогвардейцев и направила экспедиционный корпус в Сирию, чтобы подготовить нападение на Баку и Черноморское побережье Советского Союза.

В течение этих восьми месяцев империалистическая французская буржуазия, исходя из своих узкоклассовых интересов, нисколько не заботилась об обороне самой Франции, организации защиты ее северных рубежей и Парижа, думала лишь о сохранении и укреплении своего господства в колониях. В течение этих восьми месяцев буржуазия вела войну не против германских армий, а против рабочего класса собственной страны, бросив тысячи передовых рабочих, тысячи лучших сынов народа в концентрационные лагеря. Она дезорганизовала военную промышленность, изгнав с военных заводов квалифицированных рабочих только за то, что они были коммунистами или симпатизировали компартии. Это в то время, когда она поручала самые ответственные посты в армии и в государственном аппарате кагулярам, этим агентам германского империализма, а на наиболее стойких и честных защитников народа обрушивала свирепые репрессии. Ведя курс на подавление и истребление самой активной части нации,— коммунистов, этих передовых борцов, буржуазия подорвала моральное состояние народа и армии, ослабила оборону страны и обрекла ее на военное поражение. В то время как Германия систематически и тщательно подготавливала крупное наступление, Даладье и Блюм были заняты охотой на коммунистов и тайно поступали таким образом, чтобы самые революционные, самые передовые и боевитые части рабочего класса — рабочие севера Франции и Парижа были раздавлены и подверглись разграблению иноземными силами.

Чтобы спасти Францию от разгрома, необходимо немедленно принять героические меры в области политики, социальной жизни, экономики, в военной области и наведении порядка; только такие меры способны мобилизовать все богатства, все ресурсы, всю энергию страны для ее обороны, эти меры должны развязать инициативу масс. Прежде всего необходимо положить конец политике репрессий, проводимых против масс, против коммунистов, и восстановить демократические права и свободы.

Одновременно было бы необходимо немедленно устранить кагуляров со всех ответственных постов, которые они занимают, и строго наказать предателей, саботаж-

ников, спекулянтов, всех наемников «пятой колонны».

Однако буржуазия и правительство продолжают проводить совершенно другую политику. Сегодня наш народ своей кровью, своими страданиями расплачивается за преступления хозяев-капиталистов, за измену буржуазных и «социалистических» правителей. Вместе со всем народом более миллиона коммунистов и симпатизирующих им проливают в армии кровь. Мы, коммунисты, говорим народу:

Буржуазия привела страну на край пропасти. Сегодня, когда германский империализм осуществляет свои планы порабощения Франции, единственное, что заботит французскую буржуазию,— это сохранение привилегий, капиталов и классового господства. Она готова пожертвовать независимостью страны и жизненными интересами нашего народа. Она готова договориться с захватчиками и использовать немецкие штыки, чтобы оградить себя от расплаты, которую возмущенный народ хочет потребовать от нее. Буржуазия и ее «социалисты» являются подлинным проклятием для народа. Их режим основывается на преднамеренной измене нашей нации.

Мы, французские коммунисты, все время боролись против капиталистической эксплуатации, против политического угнетения, осуществлявшегося буржуазией, против эксплуатации и угнетения народов колоний. Мы все время боролись против алчности империалистической политики французской буржуазии в отношении других народов, и в частности, в отношении немецкого народа. *По праву, с полным осознанием положения мы будем энергично бороться против угнетения нашего народа иностранными империалистами. Рабочий класс и народ Франции никогда не примирятся с иностранными угнетателями* (подчеркнуто нами).

Как всегда, как при всех условиях, в нынешние дни драматических испытаний, ужаса и сокрушительного разгрома мы, коммунисты, были и остаемся вместе с нашим народом. Его судьба является нашей судьбой. Мы глубоко верим в силу и будущее нашего народа, в будущее Франции. Наш народ не погибнет. Его воля и любовь к свободе не будут разбиты темными силами предателей, эксплуататоров, захватчиков и завоевателей».

Свидетельство Артюра Раметта

«Эти возмущенные и эмоциональные строки, принадлежащие перу Мориса Тореза, составляют основу будущего «Призыва» от 10 июля. «Декларация» была опубликована 13 июня в момент, когда пораженцы, объединившиеся вокруг Петена и Вейгана, искусно маневрируя, осуществляли давление на правительство, с тем чтобы оно запросило перемирия. За неделю до этого Бенуа Фрашон передал французскому правительству шесть предложений компартии по организации обороны столицы.

В решающий момент для жизни страны между руководителями партии в Париже и ее руководителями в Москве отмечается полное совпадение оценок. Оно было выражением глубокого патриотизма нашей партии, ее антифашизма и воли к непримиримой борьбе с гитлеризмом.

Вступление немцев в Париж, капитуляция и перемирие привели к тому, что нашу «Декларацию» обогнало быстрое развитие событий. Но основные ее идеи остались в силе. Опубликовав декларацию в июльском номере журнала, Коминтерн тем самым одобрил суть позиции Французской компартии. Когда я говорил, что мы подвели Коминтерн к тому, что необходимо принять во внимание и учесть поворот, осуществившийся в ходе войны, то это не было ни бахвальством, ни переоценкой роли ФКП.

В этом же июльском номере журнала была опубликована декларация Итальянской компартии, осуждавшая фашизм и его экспансионистские стремления, и послания Компартии Германии польскому, чешскому и австрийскому народам, ставшим жертвами гитлеровской агрессии. Эти документы могли появиться только с согласия Г. М. Димитрова. Впоследствии я всегда считал, что молчание Димитрова во время нашей первой встречи в Москве означало молчаливое одобрение. К сожалению, Коминтерн был не в состоянии учесть все разнообразие сложившейся обстановки.

Летом 1940 года это стало очевидно и национальным компартиям. Поэтому роспуск Коминтерна в мае 1943 года был воспринят ими безболезненно. Те же причины, которые обуславливали этот роспуск, с большой силой проявились уже в период, о котором идет речь.

Что касается ФКП, то ее утверждение в качестве важнейшего фактора национальной жизни — и это произошло после съездов партии в Арле и Виллербане — тре-

бывало все большей независимости в отношении Коминтерна.

Разгром Франции вызвал сильные переживания в Москве и особенно в Коминтерне, в котором работали многие из тех, кто сражался в Испании и для кого Франция была полем деятельности. Эти переживания способствовали пониманию руководителями Коминтерна наших оценок, о чем свидетельствуют рекомендации, данные в директиве ИККИ от 22 июня:

«Не поддаваясь провокациям и избегая преждевременных действий, нужно поддерживать и организовывать сопротивление масс насилию, грабежу и нарушению законности, осуществляемым захватчиком...»

Надо хорошо запомнить эту дату: 22 июня 1940 года Коммунистический Интернационал призвал коммунистов всех стран, подвергшихся нападению, к организации сопротивления захватчикам. Когда в оккупированной Франции виновники ее поражения подписывали капитуляцию, коммунисты взяли в свои руки знамя борьбы за национальную независимость».

Джулио Черрети:

«Раметт бросил камень в воду...»

Точка зрения, высказанная Раметтом в ходе его встречи с Димитровым и Мануильским, стала импульсом к изменению позиций Коминтерна. Тольятти считает ее настолько важной, что тотчас же информирует о нем Черрети, когда тот 9 июня прибывает в Москву. Действительно, в течение всего июня Коминтерн внимательно следит за развитием обстановки на Западе и приходит к выводу, что для коммунистических партий не представляется возможным определять свою политику, исходя из общей для всех оценки. К тому же, оценка войны как империалистической все меньше отражает положение, сложившееся во Франции, Бельгии, Голландии. Переоценка ситуации тем более необходима, поскольку в Президиуме ИККИ, а также в руководящих кругах СССР все глубоко обеспокоены молниеносной победой германских армий на Западе. Почему произошел этот разгром Франции, разгром, который может серьезно изменить всю международную обстановку?

ИККИ меняет свою позицию или, точнее говоря, считает необходимым, чтобы каждая партия учитывала специ-

фические особенности своего положения. И уже рассматриваются проблемы организации сопротивления народов гитлеровским оккупантам. «Этот процесс был начат после выступления Раметта», — заявляет Тольятти.

Именно об этом свидетельствует Черрети:

«Нужно было знать настроения в Коминтерне в день вступления немцев в Париж, чтобы оценить значение инициативы Раметта, когда после прибытия в Москву он встретился с Димитровым. Советские люди испытывали даже не удивление, а скорее непонимание, смешанное с очень сильным беспокойством, вызванным разгромом Франции. Было очевидно, что рассчитывали на длительную войну между Германией и Францией, которая позволила бы Советскому Союзу выиграть время и подготовиться к возможному, а скорее реальному столкновению с гитлеровской Германией. Поражение Франции спутало эти расчеты. В Коминтерне удивление сменилось смятением. Нужно ли было продолжать настаивать на позиции, которую он выдвинул в октябре 1939 года, заявив, что эта война империалистов? В этот решающий момент именно выступление Артюра Раметта определило направление деятельности Коминтерна, признавшего, что в странах, захваченных Гитлером, линия компартий могла быть только линией борьбы за национальную независимость.

К моменту моего приезда в Москву поворот уже осуществился, и Тольятти рассказал, как это происходило. Он в самых лестных выражениях отозвался о политическом чутье и мужестве Раметта, с которым ехал из Амстердама в Москву и которого раньше знал только по его выступлениям в Бурбонском дворце, в частности, в защиту шахтеров и рабочих-иммигрантов. В последующие недели было нелегко осуществлять эту линию, направляющую на борьбу против оккупантов, поскольку первое время немцы вели себя корректно и это породило иллюзии о возможности работы коммунистов в легальных условиях. Но с осени 1940 года всякие колебания прекратились. Торез и Раметт правильно оценили ситуацию. Бросив камень в воду, Раметт вызвал круги, которые привели к переоценке политики Коминтерна.

Был взят курс на организацию сопротивления в оккупированных странах. В Коминтерне все знали о выступлении Раметта, он стал в «Доме» «самым популярным французом».

Приезд в Париж

Прибыв в Париж вечером 12 июня, Морис Треан, обеспечив безопасность Жака Дюкло, ищет возможности связаться с руководителями партии, оставшимися в столице.

Контакты восстанавливают либо через руководящие органы партии на улице Попинкур, либо напрямую. С этой точки зрения большое значение имеет работоспособность команды Треана. В журнале «Фамий Нувелль» (Жанна Шродт, Анриетта Вирлуве, Валентина Грюненбергер и ее сын), высокая отдача Дениз Жиоллен и группы связных (Гаэтан Фарэн, Одетта Жанвье) и, наконец, тот факт, что на своих местах находятся Габриель Пери, Жан Катала и Пьер Вийон. Последний, оправившись от болезни, совершил поездку в район Дьепа, чтобы взять оттуда маленького сына. Он вернулся в Париж только в начале июля. В мае — июне пришлось помучиться, чтобы обеспечить запасы бумаги, ротаторы, восковки, печатные машины. С 24 мая ни один номер «Юманите» (№ 49) не распространялся либо потому, что типографии были демонтированы, либо потому, что весь тираж конфисковывался до того, как его раздавали распространителям. Ограничение контактов позволило сократить число провалов.

Объяснить перерыв в выходе «Юманите» в период между 24 мая (№ 49) и 17 июня (№ 55) нехваткой машинисток, которые не подверглись репрессиям и продолжали работать, не зная о конечных результатах своей работы, было бы самым легким...

Треан прежде всего обращает внимание на издательскую работу, за техническую обеспеченность которой отвечает Дениз Жиоллен. Он заставил аппарат работать. Впервые с 26 октября 1939 года под названием «Юманите» появляется подпись: «Основатель Жан Жорес; главный редактор (с 1926 по 1939 годы) Поль Вайян-Кутюрье».

С октября 1939 по апрель 1940 года эта подпись фигурирует только на номерах, отпечатанных и привезенных из Бельгии. Это уже хороший признак.

На развороте номера от 17 июня можно прочитать на французском и немецком языках лозунг секции Коминтерна: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он доминирует над всеми статьями: о политическом положении, Муссолини, военной ситуации, новостях на Востоке, серьезном положении в Париже.

В этот же день 17 июня в доме № 6 по бульвару Пуассоньер выходит первая парижская газета: ротационные машины газеты «Матэн» выдают 200 тыс. экземпляров, которые раскупаются в несколько часов. На следующий день «Матэн» удвоила тираж. В нескольких открытых киосках можно найти также газету «Виктуар» Густава Эрве — человека, написавшего в свое время: «Петен — вот кто нам нужен».

Морис Треан, которого называли «Толстяк» или «Толстый Морис» («Большим Морисом» называли Тореза, а только «Большой» — Клемана) не смог, как ему поручалось, «поставить немцев перед свершившимся фактом», обеспечив выпуск «Юманите».

И тем не менее он не сидел без дела. Его приезд из Лилля в Париж совершился не так скоро, как это предусматривалось. Он нашел опустевшую столицу, которую покинули рабочие, служащие, просто жители. Наборщиков он разыскал вечером 12 июня. Он едва успевает укрыть Жака Дюкло в безопасном месте, а 13 июня Париж объявляется открытым городом. На рассвете 14 июня передовые отряды вермахта достигают на севере городской черты. Треан объехал некоторые используемые явки: на бульваре Мартье, в Курбевуа, в Антони, на площади Вогезов. Они немногочисленны. Пункт с ротатором на авеню Опера (в доме, в котором проживал Кериллис) не тронут. Фрашон, Далиде, Кадрас, Мишо, а также вся партийная связь находятся на юге. Так называемые подпольные передатчики, работавшие по указке Геббельса (радио «Революсьон», радио «Юманите»), а также радиостанция Штутгарта с Фердонне полностью господствуют в эфире. Лондон и длинноволновые передачи на обычных приемниках принимаются с трудом. Не хватает материальных средств для обеспечения пропагандистской работы.

Будучи импульсивным, динамичным, властным, напористым, Треан трудно привыкает к нелегальной работе,

ибо в Париже она была другой, нежели в Брюсселе, — более «хитроумной», чем активной. Треан, решавший большие вопросы (он был одним из основных участников оказания помощи республиканской Испании), удесатеряет усилия, обеспечивая ежедневно по 15—20 контактов! Компартии как массовой организации больше не существует в Париже. Приходится начинать с нуля, располагая двадцатью кадровыми работниками и получая противоречивую информацию о судьбе заключенных и эвакуации арестованных.

Освободите товарищей!

Почетная и первостепенная задача — выволить товарищей. Для ее выполнения используется все: демарши, петиции, протесты, кампания в прессе, тайные контакты и связи вне тюремных стен, с тем чтобы обеспечить индивидуальные или коллективные побегі. Треан в первую очередь занимается технической стороной дела. Остальное принадлежит к области «давления масс» и... адвокатам. Массы? Где они? Их нет ни на заводах, ни в бюро, которые закрыты и эвакуированы, они на дорогах... В Париже нарастает недовольство: сберегательные кассы закрыты, зарплата не выплачивается, перебои в снабжении, учреждения не работают, поезда в метро ходят редко, растет безработица... власти латают дыры, как только могут.

Треан, который из Брюсселя следил за связями бельгийского адвоката Фонтейна со своими французскими коллегами во время процесса над депутатами-коммунистами, не нашел в Париже мэтра Марселя Виллара, возглавлявшего коллектив защитников. Он выехал в окрестности Ниора... Адвокат Александр Зеваз находится в Бордо. Адвокат Тьюо — в Амьене. Из адвокатов в Париже только мэтр Буатель, Фуасен и Жюльетта Губле.

10 июня во 2-м военном трибунале Парижа должен был начаться процесс... Обвиняемые — «33 коммуниста, находящиеся под влиянием Москвы». Одиннадцати из них грозила смерть, в том числе Роберу Бланшу, «бывшему секретарю бывшей «Юманите». Треан узнал об этом, а также о том, что в 17 часов в зелено-белых автобусах Общества муниципального транспорта Парижского района на Юг отправлены сотни осужденных. Среди них находился Анри Жанэн, секретарь Центральной комиссии полити-

ческого контроля, лишенный своего мандата мэр города Вильнев-Сен-Жорж и земляк Треана, так же, как и он, родившийся во Франш-Конте. Он был арестован 8 апреля, подвергнут ужасным пыткам и приговорен в мае к пяти годам тюремного заключения. Осужденные эвакуированы, но те, кто находится под следствием, как Бланш, Муссиак, Пьер Жорж (будущий полковник Фабие), как Берлимон, где они? У Треана были все причины для того, чтобы в первую очередь установить контакт с Фуасеном, одним из юридических советников советского торгпредства.

Советское посольство последовало за правительством, предварительно сообщив Полю Рейно согласие Москвы о назначении новым послом Эрика Лабона. Москва дала агреман по телеграфу через несколько часов после запроса. Лабон прибыл в Москву 12 июня и уже 14 июня был принят Молотовым, который беседовал с ним в течение двух часов. Торгпредство пользуется дипломатическим иммунитетом, и Треану — старому и опытному специалисту в области радиосвязи — отнюдь не безразличны возможности, которые дает такая ситуация...

Треан просил Фуасена, с которым он увиделся после встречи с Буателем, собрать максимум информации о своих «клиентах». Он уже знает, что депутаты были эвакуированы 13 мая и помещены в трех тюрьмах. Этьен Фажон был арестован 3 апреля, а затем помещен в военную тюрьму «Шерш-Миди», 20 мая он был переведен в тюрьму «Санте». Он не нашел там своих товарищей, которые уже были эвакуированы. Фуасен узнал об этом через Жюльетту Губле — молодого адвоката, которая была «техническим секретарем» коллектива защитников. Жюльетта утверждала, что во «Френе» и «Санте» «остался еще народ...». Решено, что Треан ежедневно будет встречаться с Фуасеном, которому поручено не отлучаться из Дворца правосудия, с тем чтобы узнать как можно больше.

Утром 17 июня

17 июня среди первых читателей газет «Матэн» и «Виктуар» несколько активистов компартии и все адвокаты, пришедшие в это утро во Дворец правосудия, в том числе и профессор Гримм, который собирает сведения для доклада Верховному командованию вермахта.

Около 12 часов в зале «Потерянных шагов» париж-

ского Дворца правосудия к Фуасену подошел адвокат Пикар, которого он не знал лично, но который узнал его без труда: защищая в течение почти 15 лет коммунистов, Фуасен получил определенную известность. Ни тот, ни другой не знают, что в эту ночь в Бордо Петен через франкистского посла запросил у немцев их условия, «чтобы прекратить бой».

Мэтр Андре Пикар — 50-летний человек скромного достатка, бывший фронтовик, которого четырежды отмечали в приказах, открыто афиширует свои крайне правые взгляды; в начале 1940 года демобилизован по состоянию здоровья. Мэтр Пикар — антисемит, увивающийся около «Солидарите франсез»* «антиплутократа» — был глубоко потрясен и дезориентирован советско-германским пактом. Он хорошо знал Абеца, Гримма, деятелей Франко-германского комитета и был с распростертыми объятиями принят своими немецкими друзьями, вновь появившимися на улице Лилль** уже 16 июня. Он их консультирует. «Верных друзей» в Париже осталось так мало! Пикар, так же как и другие, пришел во Дворец правосудия за новостями. Во второй половине дня он должен встретиться с Гриммом. Утром 17-го Пикар на службе и собирает свой урожай («петрушку») в зале «Потерянных шагов».

Он приближается к небольшой группе, в которой «говорят о политике». Вокруг Фуасена пять или шесть адвокатов (по меньшей мере двое из них — евреи). Пикар отводит Фуасена в сторону, и они начинают ходить по выложенному плитам залу Дворца. Он также хочет говорить с ним «о политике», но конфиденциально. Чтобы ознакомиться с позициями ФКП, Фуасену не нужно читать «Юманите»: в течение трех недель во время процесса он защищал депутатов-коммунистов. Ныне поражение налицо, и следует свести счеты. Советский Союз может нам в этом помочь, думает он, ибо он остался нейтральным, но не стал меньше поддерживать, по крайней мере из принципиальных соображений, все политические и антиимпериалистические битвы за свободу и независимость на-

* «Солидарите франсез» — фашистская организация, состоявшая из разнородных элементов. Возглавлялась отставным майором колониальных войск Жаном Рено. Организация издавала еженедельную газету под тем же названием. Руководители организации поддерживали петеновское правительство и сотрудничали с гитлеровскими оккупантами. — *Прим. перев.*

** Посольство Германии. — *Прим. перев.*

родов. Пикар также думает, что наступил момент великого переосмысления и что трудящиеся, коммунисты — это «лучшие французы» («Франс о травай», 3 июля 1940 года). Только они боролись против этой войны, развязанной еврейством. Национал-социализм или национальный социализм — какая разница? Находящиеся в тюрьмах? Он надеется, что все они скоро выйдут, разделяющие фашистские взгляды из газеты «Же сюи парту» — это его друзья — и «ваши друзья коммунисты». Он, Пикар, этого желает и скажет это тем, кто должен это решать. Он лично знаком с Гриммом, Абецем и другими. Он знает, о чем говорить и с кем говорить.

Да, «Матен» и «Виктуар» (этот старый каналья Густав Эрве) начали выходить, но будут выходить и другие газеты, считает Пикар: «А вы, коммунисты, правоту которых подтвердили события, что будете делать вы? Решила ли компартия — да или нет — выпустить «Юманите»?

Фуасен не верит своим ушам. «Этот тип сумасшедший? Или выполняет поручение немцев? Он зондирует почву? За кого он меня принимает? Я обратил внимание на настойчивость, с какой он говорил о моих связях с посольством, и на уверенность, с какой он оценивал дружеские германо-советские отношения. Я согласен с этими оценками, но мы уже больше не живем в августе 1939 года. Я прикинулся простаком: у меня нет «никаких связей с руководством моей партии, запрещенной в сентябре 1939 года».

— Ну, бросьте, бросьте. Кто вам поверит, что защитник парламентариев-коммунистов отрезан от своей партии! Во всяком случае, не я! Мой дорогой собрат, мы можем открыть двери тюрем. Что касается меня, то я не пожалею усилий. Я лояльно отношусь к вам, я не коммунист, но, как и Вы, я вижу, что без коммунистов Франция не поднимется и царствование английских толстосумов и евреев продолжится. Будет оказана полная поддержка нашему доброму согласию между вами, коммунистами, и мной, национал-социалистом. По примеру Гитлера и Сталина под сенью пакта, почему бы не стать друзьями? Мы всегда будем в Вашем распоряжении.

Вечером 17 июня

Ежедневно в конце дня встречаясь с Фуасеном, Треан выслушивает детальный рассказ об этом разговоре, не про-

ронив ни слова. Его больше всего смутила не столько настырность Пикара, сколько наивность Фуасена. Кажется, он верит в подобное соглашение и союз с нацистами и как Фуасен отстаивает возможность освобождения арестованных коммунистов. «Это наше постоянное требование!» Треан это знает. Он боится этому верить. Если бы смогли «их освободить» и включить в борьбу, насколько усилилась бы партия! Выпуск «Юма» — это другое дело. Нужно, чтобы Жиоллен установила сначала контакт с печатником Данжоном; Треан не прерывает Фуасена. Как бы ему хотелось узнать побольше о связях Пикара с вермахтом...

Треан в раздумье. Эх! Завтра будет тяжелый день. И завтра Фуасен будет знать больше. Сейчас нужно подумать, прежде чем начать действовать. Фуасен, уходя, возложил на него ответственность за заключенных: все средства хороши, чтобы их освободить.

— Да,— бросает ему Треан,— именно так думает Життон, но в совершенно других целях.

Париж пламенеет в лучах заходящего солнца. В перелеске, где-то к югу от Вьерзона, Анри Жанэн ждет наступления ночи. Он сбежал несколько часов назад во время привала колонны.

18 июня

18 июня в Париже печатаются два заявления ФКП. Они написаны до того, как начались переговоры о перемирии. От руки в напечатанную восковку вписано: «Ответственные за поражение подписывают капитуляцию». В тексте об этом прямо не упоминается, но все это подразумевается («Юманите» от 19 июня 1940 года, № 56) и все обвиняет.

В этой филиппике, в которой узнаются перо и анализ Габриэля Пери, нет фамилий двух министров: «первого» — Поля Рейно и Жоржа Манделя. То же самое можно констатировать в отношении заявления ФКП, написанного в Москве накануне падения Парижа, в котором чувствуются и перо и подход Мориса Тореза. То же можно отметить в отношении декларации, опубликованной в «Юманите» 17 мая 1940 года. Создается впечатление, что до последнего момента Пери, Торез, Фрашон — каждый со своей стороны — верили в чудо, в возможность кардинального изменения поведения руководителей, способных объединить

вокруг себя всю нацию, к которой присоединились бы арестованные коммунисты. Таков же смысл предложений Бенуа Фрашона от 6 июня.

Нужно, чтобы те, кто к нам придирается и ищет в наших текстах слово «сопротивление», не замечая в них слова «борьба», признали это. Декларация ФКП, опубликованная в «Юманите» 19 июня, знаменательна во многих отношениях: 1. Генералы Советской Армии под командованием Ворошилова укрепляют безопасность СССР, в то время как французские генералы позволяют «захватчику» укрепляться в нашей стране. 2. Их уже называют не поджигателями войны, а «поджигателями, виновными в разгроме». Очень важный политический нюанс. 3. «Если вы не хотите попасть в рабство и унижение (после всех несчастий поражения), нужно дать возможность коммунистам сказать свое слово». 4. «Кровь солдат требует отпущения» (набрано в тексте большими буквами). 5. Требуйте освобождения коммунистов, возобновления издания «Юманите» и в ожидании этого читайте нашу «Юма», отпечатанную на ротаторе».

Здесь также те, кто придирается к словам и копается в истории, должны отметить разницу между словом «возобновление» и словом «выход». Дело не идет об опечатке или об описке, а о выпускаемой на ротаторе газете, о «политике свершившегося факта», которую Треан уже не может осуществить.

Несмотря ни на что, он хочет направить все силы на «возобновление» издания. Он думает только об одном: получить возможность для распространения «Юма». Десятками тысяч экземпляров. Для него это основное: альпийский рог, пушечный выстрел. У Треана нет иллюзий: «Юма» сможет выходить самое большее два дня. Но какой будет выигрыш времени: «боши» запретят газету после того, как мы обнародуем наши лозунги, покажем наши позиции! Сколько времени будет выиграно для перегруппировки сил, для разъяснения! Треан уже воображает, как он закажет поддельную печать немецкой цензуры, которой он будет штамповать статьи, переданные Данжону на второй или на третий день. Прежде чем фрицы обнаружат это, сто тысяч экземпляров уже уйдут из типографии и... разлетятся! Пролетарии хорошо посмеются. Данжон легко выйдет из положения, прикинувшись наивным. «Но, господин цензор, как я мог догадаться, что это поддельная печать?»

Дениз Жиноллен установила контакт с издателем, но

тот быстро охладил ее пыл: он не сможет печатать газету без согласия немецких властей. Он готов пойти на риск конфискации газеты французскими полицейскими, но у него нет для этого финансовых средств. Нужно его прикрыть: по меньшей мере 50 тыс. франков за набор и бумагу.

Треан выслушал отчет Дениз Жиоллен:

— Ясно, нужно идти к ним. Ты туда пойдешь.

— Ты хочешь обеспечить издание «Юма»?

— Ты сейчас пойдешь к немцам. Ты им скажешь, что вас собралось несколько друзей, что ты из организации ФКП Парижского района, и что вчера ты прочитала «Матен» и «Виктуар». Ты хочешь знать, что нужно сделать, чтобы наладить выпуск газеты. Ты расскажешь им, что в Дании, Норвегии и Бельгии это уже делается. Ты записываешь?

— В Бельгии товарищи печатают газету? Ты ее видел?

— Я не говорю тебе, что я ее видел, я говорю, чем ты должна аргументировать.

— А если они привяжутся?

— Ты сошлешься на правительство, которого нет, ты объяснишь им, что наши товарищи находятся в тюрьме из-за того, что выступили в поддержку советско-германского пакта, но теперь все закончилось и нужно, чтобы нам дали возможность высказаться, публиковать наши материалы и освободить из тюрем наших ребят. Это ясно?

— А если они не согласятся?

— Ты скажешь им: *ничего не будет публиковаться вам на пользу, но ничего и против вас*. Ты слушаешь их и затем все мне расскажешь. Ты знаешь, что такое зондаж? Не забывай, что ты парижанка и нас несколько парижан, которые думают об этом. «Па-ри-жа-не»!

Итак, зондаж! Она сделала все, что могла. В доме № 12 на бульваре Мадлен лейтенант Вебер, к счастью, говорит по-французски. Вежливый, внимательный, он записывает. Он будет об этом докладывать. Это не кажется ему невозможным. Пусть она придет завтра утром.

Треан слушает свою посланницу:

— Итак, завтра вновь пойдешь туда, в котором часу?

— С самого утра.

— Встретимся у метро Пале-Руаяль в полдень.

Жиноллен ждет уже два часа. Лейтенант Вебер удручен: он сможет дать ей ответ только после совещания секции по вопросам печати, которое только что началось: «Приходите к 16 часам».

Она придет, она согласна. Конечно, нужно было бы представить тексты для того, как газету начнут печатать.

Треан в восторге:

— Предупреди Данжона, чтобы он подготовил все. У тебя не сложилось впечатления, что они используют нас как подсадную утку?

— Меня? Почему?

— Погляди на этих двух типов. За тобой не следили?

— Конечно, нет.

— Посмотри: они расходятся. Давай к Данжону и скажи ему, что все идет, как надо. Что касается денег, то я этим займусь. Тетин (Валентина Грюненбергер) передаст ему их.

Действительно в конце дня Валентина и связник Треана идут вместе в типографию. Данжона нет. Велосипедист отправится один в дом № 5, площадь Сен-Мишель, на квартиру к Данжону, с тем чтобы вручить ему по временной расписке 50 тыс. франков. Комендантский час начинается в 21.00, и последний поезд метро уходит с конечной точки точно в 20 часов. Валентина пешком возвращается в предместье Сен-Мартен, где она живет.

В это время на улице Веррери Жак Дюкло строчит на бумаге. Он пишет две листовки и один призыв. Он уже отделал Густава Эрве — «Болтовня Густава Эрве». Завтра хозяйка его квартиры отнесет эти тексты машинисткам. Его радиоприемники молчат.

Явку Жака Дюкло (псевдоним Лео) — 102, улица Верриери — знают только двое: Генриетта Вирлуве и Треан. И тем не менее... тем не менее нужно хитрить. Вот почему, вручив деньги, предназначенные Данжону, в присутствии Жиноллен и Шродт, Треан дает указание сыну Грюненбергер, хорошему велосипедисту, поехать в Пуленген в Бретани к бабушке Вуазине, с тем чтобы передать «господину», чтобы он оставался на месте. «Господин» — это

Жак Дюкло. Треан этого не сказал, но дал понять. И вот молодой Грюненбергер в пути. Конечно, в Пуленгене он не нашел никакого «господина»... Вернувшись уже после освобождения Треана, то есть самое раннее 25 июня, он скажет ему, что съездил напрасно. И Треан, как всегда быстрый, ответит: «Да, я знаю, знаю. Хорошо» (рассказ Грюненбергера Раймону Далиде).

К вечеру 19 июня 1940 года Треан вымотан, но счастлив. Одна за другой прибывают из Бельгии его шифровальщица Анджелла, радистка Луиза и верный Пелео. Женщины добирались из Брюсселя пешком ровно месяц; Пелео — из Арраса на мопеде с опозданием на четыре дня. Треан набросился на него. Пелео возражает: «Я же прибыл не на лимузине!» Пелео говорит достаточно сухо, ибо история с бумагами, оставленными в Аррасе у Кампин, не забыта им: «Мы уезжаем, я жду тебя в Париже». Его, Пелео, не обманешь: Треан отправил его не из-за боязни, а с тем, чтобы лучше укрыть Дюкло. Самое меньшее, что можно сказать, — это сумасшествие...

Комендантский час вынуждает Треана вернуться на явку в Курбеуа, где он находит Анджеллу. Он не может заставить себя не думать о двух мужчинах, которые только что были у метро.

Комендантский час не мешает доктору Гримму. В номере отеля «Крийон» он заканчивает свой доклад. Во второй половине дня Отдел пропаганды подтвердил приход мадам Жиоллен, которая хочет издавать «Юманите». Именно этому было посвящено совещание, состоявшееся в полдень.

Гримм перечитывает доклад. Мысленно он подводит первый итог: с Пикаром дела идут быстро, слишком быстро, но, если мы будем осторожны, можно будет разыгрывать карту коммунистов. Бумельбург * это хорошо понял. Дело идет о том, чтобы добраться до головы, а это займет время. Париж опустел!

* Представитель гестапо в Париже (прим. перев.)

Париж 19.06.1940

**Отрывки из доклада Гримма
Верховному командованию
вермахта в Париже**

3. Больше осторожности

Один француз сказал мне: будьте осторожны.

В первые дни каждый француз мог без труда подойти к любому немецкому генералу. Не заметили ли вы в отеле «Крийон» и в других реквизированных отелях, что вокруг вас крутятся агенты «секретной службы»? Старый персонал должен быть удален из всех гостиниц и заменен либо немецким персоналом, либо тщательно отобранными доверенными людьми. В любом случае необходим строгий контроль.

4. Ланжерон и Вилей

Префект полиции Ланжерон и префект Вилей не заслуживают никакого доверия. Они стараются держать вас в неведении относительно населения, используя чиновников, оставшихся на местах. Оба они франкмасоны и сторонники Народного фронта.

12 июня 1940 года полицейским чиновникам даны новые инструкции, а именно: препятствовать любому сближению населения со службами немецкой армии, вести наблюдение за населением и немцами. Пронемецки настроенные французы не осмеливаются приближаться к вам, поскольку перед каждым общественным учреждением находятся французские полицейские, которые наблюдают за каждым входящим и выходящим.

5. Французская администрация

Французы сделали очень хитрый ход, когда оставили на своих местах коммунальных служащих и полицейских. Люди, которые охотно обратились бы к немцам, чувствуют, что за ними наблюдают служащие. Никто не осмеливается к вам приблизиться.

Вы должны сказать этим служащим: выполняйте вашу службу и следите за порядком на улицах, но уйдите из наших гостиниц. Центры наблюдения за противником и контрпропаганды находятся в полицейских комиссариатах. Нужно направить в каждый полицейский комиссариат немецкого чиновника.

10. Политическая амнистия

Вы должны настоять на проведении политической амнистии. Все, кто был заключен в тюрьму из-за пораженческих настроений и т. п., должны быть немедленно освобождены, и особенно коммунисты. Нужно, чтобы население знало, что именно вы добились того, чтобы были приняты эти меры, что вы — освободители.

11. Коммунисты

До войны миллион избирателей голосовал за коммунистов. Сегодня их по меньшей мере пять миллионов. Самая большая ошибка правительства — это то, что оно преследовало коммунистов. Аресты и несколько месяцев тюремного заключения не пугали людей, но придавали им ореол мучеников.

12. Сотрудничество с коммунистами

Мне говорили: нужно завоевать на свою сторону коммунистов. Сегодня это возможно. Коммунисты становятся антисемитами и противниками марксизма*. Поэтому день, когда они сделают шаг к национал-социализму, недалек. Разрешите выход коммунистической газеты, но примите меры предосторожности против злоупотреблений.

13. Причины поражения

Мне неоднократно приводили причины краха:

- а) преследование коммунистов;
 - б) пассивное сопротивление и саботаж;
 - в) коррупция, разбазаривание, транжирство, нежелание работать;
 - г) обострение социальных конфликтов, способствующее внутреннему разложению;
 - д) бюрократизм;
 - е) ухудшение материального снабжения армии и превосходящая немецкая тактика.
-

15. Коррупция и разбазаривание ресурсов Франции

Бездействие на фронте способствовало всеобщей деморализации. В войну не верили, думали, что все ограничится «странной войной». Поскольку имелось изобилие продовольствия и сырья, их легко тратили и вели жизнь с комфортом. Таким образом надеялись ублажить народ и

* По-видимому, Гримм подразумевает нескольких ренегатов, вышедших из рядов ФКП в 1939—1940 годах или несколько ранее (например, Дорио). — *Прим. перев.*

не видели элементов разложения. Солдаты думали только о том, чтобы поесть, выпить, а также о других удовольствиях; офицеры — тем более. С этой точки зрения «линия Мажино» имела губительные последствия. В укреплениях играли в карты и вели политические дискуссии. Были даже созданы солдатские Советы.

Все больше увеличивался разрыв между солдатом и офицером.

У людей не было никакой цели. Мелкий, но весьма показательный факт. Мне рассказывали, что время от времени в моторизованных частях выливали бензин из бензобаков, поскольку полагалось получить новую порцию. И все это делалось для того, чтобы заставить поверить, что в промежутке между двумя заправками что-то совершалось. Подобные факты многое объясняют. Французский солдат был не тем, что в 1914 году.

.

18. Евреи

Не все евреи уехали. Повсюду они оставили своих людей, которые уже начинают организовывать сопротивление. Из двадцати адвокатов, оставшихся в Париже и каждый день встречающихся во Дворце правосудия для политических дискуссий, восемь — евреи.

19. Печать

Исходя из основополагающих принципов, принятых во Франции, пресса должна быть свободной. Поэтому гнев против цензуры французской прессы велик. В этом вопросе мы также из принципа должны выступить в качестве освободителей. Нам нужно разрешить появление нескольких (немногих) газет, строго их контролировать, пряча в то же время следы цензуры.

20. Цензура прессы

Нужно, чтобы цензорами были люди, прекрасно знающие Францию. Нельзя позволить, чтобы хитроумные журналисты, подобные Эрве, подсмеивались над нами между строк, подрывали наш авторитет в глазах населения. С этой точки зрения типичен первый номер газеты Эрве «Виктуар». В нем имеются такие выпады, как «фриц», «бош» и т. п., чего нельзя терпеть.

21. Комендантский час

Введение комендантского часа (21 час) воспринято плохо. Парижане привыкли находиться вне дома допоздна, особенно летом. Поэтому как только будет возможно,

следует рассмотреть и удовлетворить требования населения по этому вопросу. Однако нужно сделать так, чтобы инициатива исходила от немцев¹.

19 июня: Абец, Гримм, Бест и Бумельбург

Доклад Гримма от 19 июня обращает на себя внимание своей тонкостью и ловкостью. Стремясь осуществить задуманное, он оперирует предложениями вымышленных французов... Вернеру Бесту, как и военным, Гримм сбывает в качестве контрабанды свой товар и товар Абеца, используя методы, применяемые в Брюсселе. Вечером 14 июня Абец, окончив дела, взял его в свой спецсамолет, который из Берлина направили в штаб-квартиру Гитлера на франко-бельгийской границе. Там Риббентроп определил рамки его миссии: быть советником Верховного командования в области франко-германских отношений. Обширная программа, которая исключает, однако, инструкции политического характера. Трио (советников.— *Прим. перев.*) «будет сотрудничать со всеми», а верховное командование не обязательно будет следовать их мнению.

В ходе задуманного маневра Гримм и Абец сблизились с представителями гестапо Бумельбургом и Вернером Бестом, стоящим во главе сектора V политического отдела штаба оккупационных войск. Адвокат по профессии, Бест является теоретиком политической полиции, одним из основателей гестапо и РХСА (Главное имперское управление безопасности). Он имеет чин бригаденфюрера (генерал-майор СС) и только что подписал в печать выходящую в Берлине книгу «Немецкая полиция», на которую все время ссылается немецкая полиция.

Гримм и Абец знают эту птицу высокого полета: именно он принимает решения и дергает за веревочки. Не следует смешивать скорость и поспешность. Для них также важно, прежде чем действовать, подумать. У них в руках вся власть, а у Треана ничего.

20 июня

Треан просыпается в Курбевау. Утро вечера мудренее: вчера у метро двое мужчин, которые следили за Жинол-

¹ Centre de documentation juive contemporaine. LXXV 253.

лен, несомненно были шпиками. Фуасен может сколько угодно говорить, что больше не существует законов и декретов о прессе, что «Матен» и «Виктуар» выходят без визы французской цензуры, что цензоры, как и французские полицейские, бежали, однако реальность, видимо, не так проста. Шпики остались... 10 часов, улица Никола-Фламель.

Утром Треан ведет Анджеллу Салейретт на улицу рядом с большим магазином «Базар д'Отель-де-Виль»: «Мы прошли мимо какой-то прачечной. Затем он назначил мне встречу на улице Ташри, выходящей на авеню Викториа. Он мне сказал: «Сейчас у меня будет встреча по вопросам «Юма». Если в 17 часов я не появлюсь, ты найдешь в прачечной Генриетту и попросишь ее, чтобы она свела тебя с Лео. Если я не вернусь, ты скажешь ей, что меня арестовали, и сразу же перевезешь его на бульвар Мортье... «Толстяк» накануне проводил меня туда и представил женщине, проживавшей в квартире на пятом этаже» (Анджелла Салейретт, авторам книги).

Это очень важное свидетельство, подтверждающее, что немцы не «прикрывают» Треана. Он страшно рискует. Однако он не хочет своими жалобами на наблюдение и слежку, которые ведет французская полиция, повышать ставку в пользу Отдела пропаганды немцев. Если, как в это пытаются заставить поверить наши критики, сговор между СССР и «третьим рейхом», а также между ФКП и нацистами действительно существовал, то почему же тогда не использовали немецкое прикрытие «с самого начала»?

В первую очередь Треан заботится о безопасности Дюкло. Уже накануне все хорошо продумано. Утром 20 июня Треан, опасаясь слежки, не вошел вместе с Анджеллой в прачечную Генриетты Вирлуве. Таким образом, женщины не знали друг друга. Накануне в целях безопасности Треан послал сына Грюненбергер в Поленген... Это было сделано, чтобы навести на ложный след.

С точки зрения Треана, дело движется с места: «Юма» накануне (19 июня) опубликовала два добротных материала; набирается небольшая пачка статей и листовок; их матрицы. Жан Жером по просьбе Дюкло готовит предложения о создании нелегального аппарата для печатания. Жиноллен координирует все действия. (Пунктуальный в делах Данжон утром отдал расписку Валентине Грюненбергер в обмен на временную, переданную накануне неизвестным велосипедистом.)

Первые статьи должны были набираться в полдень. Утром Треан покидает Анджеллу, встречается с Пелео и назначает ему следующую встречу в типографии. Хотя он уверен, что за ним слежки нет, он, прежде чем идти дальше, сообщает о своих опасениях.

14 часов

Кортеж французских уполномоченных покидает Бордо и направляется в Париж, куда он прибудет 21 июня в 8 часов.

14 часов 30 минут, улица Фобур-Монмартр, 123

В указанный час Треан и Пелео встречаются в типографии Данжона. «Мы поднялись вместе. Он взял гранки, уже поставленные в полосу. Он передал мне один экземпляр:

— Это второй экземпляр статей. Они могут понадобиться. Сохрани их и подожди меня. У меня встреча в кафе «Круассан» (свидетельство Пелео автору). Для Треана тексты «Юманите» священны. Легально или нелегально они должны быть напечатаны. Пелео будет их хранить. В кафе «Круассан» Треан передал гранки Жиноллен. В дверях типографии Пелео столкнулся со старыми знакомыми — продавцами газет, которые, будучи безработными, пришли сюда, чтобы узнать новости квартала. Ожидая возвращения Треана, он рассказывает им о предстоящем выходе «Юманите» и о том, как она будет распространяться. Смешавшись с группой велосипедистов, он становится незаметным для наблюдателей, за исключением Данжона, который его спрашивает:

— Что ты тут делаешь? Ты не видишь, что вокруг твоего товарища и этой женщины полно полицейских? Сматывайся, и побыстрее.

Данжон хорошо знает полицейских из комиссариата своего округа, которые каждый вечер приезжают к нему в типографию, чтобы взять первые номера газеты, предназначенные для службы французской разведки, для тех, кто проводит обыски и кто конфисковывал газеты 26 августа 1939 года. Он их знает и очень хорошо, и не только по внешнему виду...

Пелео не заставил просить себя дважды. Он хватает велосипед и мчится что есть силы, без цели, с бьющимся сердцем, оборачиваясь, как чемпион на финишной прямой, для того чтобы убедиться, что его не преследуют. Он мчал-

ся до Версаля. Бумаги? Он тут же бросил их в первый водосток» (рассказ Пелео авторам книги).

О последующих трех часах мы знаем мало. Знаем, что Треан, не придя на встречу с Анджеллой, тем самым дал сигнал «своим отсутствием», но не знаем, удалось ли ему оторваться от своих преследователей. Мы не знаем, была ли за Жиноллен, которая получила от Треана гранки, слежка от улицы Круассан до бульвара Мадден. Нам известно, что полицейские пришли в типографию Данжона (где у них, видимо, был информатор) утром 20-го. Они рассказали ему о приметах того, кого искали: «Густо заросший волосами. Носит черные велюровые брюки. Пиджак голубой, двубортный. Каскетка, туфли на веревочной подошве...» — Когда Данжон рассказал мне это, я вспомнил: брюки и пиджак это те, которые были даны Морису, когда он перебирался в Бельгию. Я их потом нашел» (Пелео авторам книги). Таким образом, Пелео и Треана засекли уже накануне. Велосипед спас Пелео от слежки.

Наконец, мы знаем от Пелео, что накануне (впервые) Треан сказал ему:

— «Юма» скоро начнет выходить, возможно, только в течение одного или двух дней. Правда, это произведет эффект?

Он спросил меня, что я об этом думаю.

— «Юма» при бошах? Я думаю, что эффект может быть не таким, которого мы ждем.

— Нужно воспользоваться неразберихой. Нужно попытаться это сделать. К тому же принято решение, а решения должны выполняться (свидетельство Пелео).

Решение? Какое решение? Треан не ошибается: решение существует: «Попытаться наладить выход нашей прессы. Поставить немцев перед «свершившимся фактом». Принятое в Бельгии до отъезда в Париж, решение устарело на три недели. Тогда никто не знал, станет ли он открытым городом или укрепленным лагерем.

17 часов 20 минут, улица Никола-Фламель

Как было условлено, Анджелла, не встретив никого на улице Ташри, пошла в 17.15 к прачечной на улице Никола-Фламель.

«Я пришла на встречу в 17 часов на маленькую улицу рядом с Сенной. Морис Треан не пришел. Я спокойно посмотрела по сторонам и, убедившись, что за мной никто не следит, не теряя времени, пошла на улицу Никола-

Фламель. Вошла в указанную прачечную. Это было небольшое помещение, в котором за гладильной доской стояла женщина. Я попросила ее организовать встречу с Лео. «Какой Лео?»

Я настаиваю. Я прошу ее передать о моем визите человеку... человеку, которого мне описали... Вспоминаю, что Жак знает мой почерк, и пишу ему небольшую записку: «Как было условлено с «Толстяком», мне поручено увидеть тебя и обеспечить твой переезд. Жанетт». Я передаю записку женщине и говорю: «Я вернусь сюда в 18.30» (свидетельство А. Салейретт авторам книги).

18 часов, бульвар Мадлен

Дениз Жиоллен вошла в бюро лейтенанта Вебера и положила на его стол копии статей. Не дочитав до конца гранки, Вебер вспылал при виде заголовка «Да здравствует Сталин». Он был просто взбешен.

— Мадам, это совсем не то, чего мы хотим. Тут полно политики. Мы хотим лишь информации, новостей, но не политики. И статья о Сталине! Невозможно! Нужно все это переделать, если Вы хотите, чтобы это было напечатано (документы Жиоллен).

Дениз Жиоллен говорит лейтенанту Веберу, что она не уполномочена это делать. Что она должна связаться со своими товарищами, которые могут сделать возможные купюры и внести изменения в текст, что она лишь скромный, небольшой винтик и так далее и так далее.

— Прошу Вас, мадам, возвращайтесь. Я буду ждать Вас до 23 часов. Я выдам пропуск, который позволит Вам передвигаться после комендантского часа.

«Этого надо было ожидать»,— думает про себя Дениз. Фуасен уверовал в новогоднего Деда Мороза! Мы их сочли за дураков. Дениз испытывает определенное облегчение: она говорила о плане издания с несколькими товарищами, но это не встретило поддержки или было плохо воспринято. Погрузившись в свои мысли, она идет по бульвару Мадлен. Спускается в метро на станции «Опера», станция Сен-Мартен закрыта. Она выходит на станции «Страсбург-Сен-Дени». Сыщики тоже.

После встречи с Жанной Шродт и Треаном у нее другая встреча с Эдмондой Шомей в кафе по соседству. Затем ей надо вернуться в «Мадлен» и зайти к Данжону. Будет уже полночь. Она поедет на велосипеде...

18 часов 30 минут, улица Веррери

«Генриетта, которая работает одна, закрывает лавку и ведет меня в дом 102 по улице Веррери. Небольшая дверь, ворота, мощный дворик и маленькая лестница, деревянный балкончик вызывают желание жить здесь. Квартира кокетлива. Жак там. Он обнимает меня и выражает крайнее беспокойство: «Что они могут сделать с Толстяком?» Он больше беспокоился о Толстяке и совсем не думал о себе. Я помню это совершенно точно. Рано утром следующего дня я увезла Жака. Кроме опасений за судьбу Толстяка, Жак ни о чем со мной не говорил» (А. Салейретт).

20 часов 30 минут, метро Сен-Мартен

Шродт пунктуальна. Треан появляется секунда в секунду. Он приходит со стороны галереи.

— Смотрите, вы тоже здесь. Какой приятный сюрприз. Я думал что вы в зоопарке.

Сколько их — два, четыре? Их окружают, показывают трехцветные карточки.

— Следуйте за нами для контроля в комиссариат.

Следовать с ними? Они их окружили! Не сказав ни слова! Трудно избавиться от бумаг! Дениз разорвала и бросила «Юманите» от 19 июня. Они собрали обрывки. Идут в комиссариат: по пассажиру Дезир.

Эдмонда Шомей, сидевшая на террасе ресторана за бутылкой «Виши», все видела. Товарищи будут предупреждены.

21 час, пассаж Дезир

В комиссариате Сен-Мартена их обыскивают. Жиноллен пытается повлиять на полицейских. Она хочет позвонить по телефону лейтенанту Веберу, который ее ждет. Полицейские отказывают и увозят арестованных, следя, чтобы между ними не было никаких контактов.

22 часа 45 минут, бульвар Мадлен, 12

Лейтенант Вебер подождет еще 15 минут, в 23 часа он уйдет. «Матен» привозит свои гранки, «Пари-Суар» — свои. С газетой «Виктуар» покончено. Получен приказ свыше — запретить. А «Юманите»? Он был прав. Нельзя было разрешать публиковать политические просоветские и объективно антинацистские материалы. Вебер ни о чем не жалеет, не хватало, чтобы они нас приняли за дураков.

Завтра будет ясно. Он садится за машинку: докладная Бесту «20 июня в 23 часа посыльная из «Юманите» не представила требуемых изменений, поэтому газета 21 июня не выйдет. Вебер».

Что скажут ему ночью 20-го или утром 21-го? И что можно сказать Веберу: «Не занимайтесь этим, наш маленький цензор. Мы владеем ситуацией». Или, быть может, «коммунисты изменили свое мнение в последний момент. Вы их испугали. Посмотрите, что делается в типографии Данжона». Вебер хотел позвонить Данжону, но не сумел с ним связаться: в этот момент он был на набережной Орфевр, в кабинете комиссара Лафона.

21 июня

18 часов 30 минут

Лейтенант Вебер не мог оставаться «в неведении» более одного дня. Почему? Потому что 21 июня около 18 часов, когда ему принесли гранки «Матэн» за 22-е, он мог прочитать внизу на первой странице: «Арест в Париже. Префектура полиции, установив, что некоторые члены запрещенной коммунистической партии возобновили деятельность и начали распространение революционных листовок, немедленно приступила к расследованию, которое привело к аресту: Мориса Треана, отвечавшего за комиссию по кадровым вопросам в бывшей Французской компартии; Дениз Рейде — жены Жиноллена, ответственного со-

трудника Всемирного комитета женщин;

Жанны Ляклош — жены Шродта;

Валентины Ру — жены Грюненбергера.

Обвиняемые были немедленно переданы органам юстиции».

Но это же вызов! Лейтенант Вебер вспомнил фамилию принятой им накануне посетительницы. Будут ли вымывать это сообщение, которое является пощечиной вермахту и ему лично? Позволит ли он публиковать сообщения о том, что охота на коммунистов продолжается? Именно так. Вы скажете, что это странно?

Во всяком случае завтра из газеты все члены компартии Парижского района узнают об аресте своих товарищей. Арестованные будут освобождены, и освобождены теми, кто заинтересован в этом, — немецкой «юстицией», и в соответствии с германской справедливостью и вели-

кодушием, в соответствии с симпатиями наци(!), и по этому поводу французские коммунисты проявятся.

Это — маневр, ибо дело идет о маневре, который получит дальнейшее развитие. За палкой вырисовывается морковка «хорошего человека». Хорошие люди — это мэтр Фуасен и его собрат мэтр Пикар, «в любой момент готовые предоставить себя в распоряжение своих друзей»...

22 июня

В субботу 22 июня из тюрьмы «Санте» Треан по пневматической почте посылает Буателю письмо, в котором просит согласия стать его защитником (он уже прочитал «Матен»). Фуасен также прочитал «Матен» и сразу позвонил коллеге Буателю: он хочет с ним встретиться. Фуасен объясняет Буателю, каким образом он оказался у истоков этого вопроса, насколько ему было бы предпочтительнее, чтобы он... и т. п. И добивается, что Буатель снимает свою кандидатуру. Только через день, 24 июня (перемирие было подписано 22-го в 18 часов 50 минут, но французские уполномоченные должны побывать в Риме и, следовательно, сообщение о перемирии пока сохраняется в тайне), в понедельник (кабинеты следователей в воскресенье закрыты) мэтр Фуасен «вместо Буателя» посещает судью Пиера и знакомится с делом. Почему Треан не назвал Фуасена? Ответ прост: поскольку он хотел видеть Буателя. А почему Фуасен вмешался в это дело и добился, чтобы была принята его кандидатура? Почему такой «форсаж» с его стороны? Такого вопроса не возникает.

24 июня

Как будет действовать Фуасен? Утром он сообщает новость Пикару, затем посещает Треана в тюрьме «Санте». «Он передал мне письмо с протестом, адресованное немецким властям, оригинал которого я сохранил»¹. Не будем рассказывать о судьбе, которая была уготована подлинным документам Треана. Эти документы были доверены Фуасену, и тот приобщил их к протоколу комиссара Лафона. Но эти оригиналы не были най-де-ны... Во второй половине дня Фуасен узнал, что Пикар со своей стороны ознакомился с досье у судьи Пиера «и вечером рассказал

¹ Archives Daladier. Note du 7 novembre 1944.

об этом в посольстве» (Германии.— *Прим. перев.*). Пикар эффективен! И оперативен!

25 июня

«Утром 25 июня я вновь увидел Пикара...» — записывает Фуасен. Следовательно, он видел его накануне? Кто знает? Знать надо, ибо Жан Фонтенуа сообщит, что с 25 июня у Пикара свой рабочий кабинет в посольстве.

«Я вновь увидел Пикара, который, заверив меня, что мои товарищи будут освобождены в течение дня, попросил, чтобы я предложил им прийти на следующий день в посольство. Им расскажут об условиях, при которых цензура позволит выпускать «Юманите», а также выяснят обстоятельства, при которых произошел их арест, но главное — это рассмотреть проблему «*в целом*» (подчеркнуто нами). Я немедленно поехал в «Санте», чтобы рассказать об этом Треану»¹.

Уф! Наконец-то передышка! Можно перевести дух. Треан знает, что все попытки провалились. Его «выдумка» относительно коммунистической газеты в Бельгии — это детская игра. Его заявлению в полицию об «открытом» характере издания не поверили. «Печатающая газету в типографии господина Данжона, — говорит он, — мы показали бы, что действуем открыто и что с этого момента нет ничего общего между нашим изданием «Юманите» и номерами «Юманите», отпечатанными на ротаторе, которые могут распространяться, подпольно либо сейчас, либо в будущем».

Из тюрьмы Треан попросил Фуасена связаться с Каталой, которого он просит о помощи и спрашивает его мнение о встрече, запланированной на следующий день. 25 июня Катала отнюдь не испытывает восторга при мысли, что на следующий день надо идти в посольство. Он отрицательно относится к этой затее. Попытка издавать «Юманите» провалилась, думает он, и неизвестно, почему и как это произошло; и давайте разберемся в этом.

Катала работает вместе с Пери, которому Фрашон поручил руководить Парижским районом. Но Катала возьмет на себя ответственность и завтра выслушает Треана, а затем решит. Они решат. Быть может, речь пойдет об освобождении арестованных...

¹ Archives Daladier. Note du 7 novembre 1944.

Поздно вечером 25 июня Треана освобождают из тюрьмы «Санте». Арестованные женщины освобождены из тюрьмы «Рокетт» еще раньше. Они собрались у Тетин (Грюненбергер, дом № 65 по улице Фобур-Сен-Мартен), но Треан не появляется. Испытывая беспокойство, они за скромным ужином уже разрабатывают план его освобождения, когда в квартиру вваливается Толстяк. Вопрос о возвращении на свою явку, имея на хвосте сыщиков, отпадает. Он останется ночевать здесь. Они ужинают на свободе и говорят о политике. Все-таки они на свободе! Все! Этот Фуасен и этот Пикар — люди слова. Но что касается «Юманите», то дело лопнуло. «Я связался с Каталой,— говорит Треан,— и мы решили пойти туда. Дениз будет нас сопровождать. В противном случае Фуасен пойдет один».

Сын Грюненбергера и Треан будут спать на матрасах, положенных на пол. На войне как на войне.

— Ты знаешь, каковы причины оживления экономики? Последние новости Парижа? Прочитай внизу справа.

Глаза молодого Грюненбергера блестят от удовольствия, когда он протягивает газету...

Над семью колонками заголовков, набранный большими, как на афише, буквами: *«Война окончена. Сегодня в 1 час. 35 мин. огонь прекращен»*. И совсем внизу справа: *«Господин Ланжерон больше не является префектом полиции»*.

Париж, 25 июня

Пресс-бюро военного губернатора Парижа сообщает:

«Губернатор Парижского района счел необходимым отказать от услуг господина Ланжерона, занимавшего до сего дня в течение многих лет пост префекта полиции Парижа.

Его должность временно вакантна. Господину Маршану, директору муниципальной полиции, поручено временно исполнять эти обязанности.

Господину Маршану предложено проинструктировать (!) своих сотрудников, с тем чтобы они соблюдали в отношении населения предупредительность и вежливость и без необходимости не прибегали к суровым мерам.

Подобное поведение в отношении населения соответствует германским указаниям (!) о задачах полиции, сотрудники которой должны рассматривать себя в качестве друзей и защитников населения».

Последняя рекомендация из доклада Гримма вопло-

щена в жизнь. Ланжерон, префект Народного фронта (!), агенты которого (секретные) запрещали французам посещать германские учреждения, получил отставку. Но немилость быстро закончится, и Ланжерон снова будет проявлять рвение. Вот так нужно обращаться с этими неполноценными — должен был думать Бумельбург.

Можно с уверенностью написать: в этот вечер Треан с трудом мог заснуть. Ланжерон арестовал Треана. Ланжерон уволен. Треан на свободе.

Что кроется за словами «вежливость», «защита», «строгость, которая не будет вызываться обстоятельствами» и т. п.? В голове Треана уже зреет другой вариант, в успех которого он не очень верит. Отпечатанная на ротаторе «Юманите» распространяется и продается по 50 сантимов (дамы и господа, налетайте, покупайте). Деньги — нерв войны, и можно говорить, что она окончилась, но все-таки ресурсы партии не безграничны. Пусть читатели платят!

Относительная свобода, которую вообразил себе Треан и которой, как он считает, компартия могла бы воспользоваться, дело рук Гримма — Абеца — Бумельбурга, о чем Треан не знает. Но Гримм и Бумельбург знают о нем все: член Центрального Комитета, ответственный за работу с кадрами, то есть важная птица. За десять дней гестапо добилось первого успеха, но рыбка еще не клюнула на приманку.

Треан инстинктивно это чувствует. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Более чем когда-либо нужно сделать так, чтобы Дюкло был вне опасности. Явка Вирлуве действительно проходной двор. Ведь все иностранцы — участники Интернациональных бригад прошли через нее. И какие люди! Например, югослав Тито! Ведь Вирлуве — кандидат партии от IV округа на муниципальных выборах в 1935 году. Нужно, чтобы Жак как можно быстрее покинул Париж и надежно укрылся. Треан не может заснуть. Он рисует себе картину: на углу улицы Суфло и бульвара Сен-Мишель у киоска на табуретке лежит пачка «Юма», придавленная большим камнем, чтобы не разлетались газеты, и небольшая плошка. Люди поднимают камень, берут по одному экземпляру. Некоторые бросают 50 сантимов, другие не бросают. Издалека один товарищ наблюдает за этим¹.

¹ Artur London. Conversation avec l'auteur. Histoire vraie, sauf la soucoupe.

Наши доказательства нацистской провокации

Итак, мы изложили первые наброски истории издания «Юманите» без документальных доказательств, без видимых материалов и немногочисленными свидетельствами людей, живших в то время. Теперь мы вступаем в период, о котором имеется много документов, часто еще не издававшихся. «Подлинная правда», как говорят наши противники, требует публикации документов, на которые ссылаешься. ФКП подала пример, полностью опубликовав подшивку подпольной «Юманите», а также документов Турского съезда. Мы также публикуем наши доказательства. В конце книги, в тот момент, когда, как говорится, пассажиры покидают поезд, читатель увидит, что мы хотим устроить настоящий праздник официальным историкам, равно как и «лицам, участвовавшим в сотрудничестве» и выступавшим под псевдонимами...

Одиннадцать документов требуют ответа на наши вопросы:

1. Доклад Гримма от 19 июня 1940 года.
2. Протоколы допросов.
3. Две записки в защиту мэтра Фуасена перед Советом ордена и его письма мэтру Пикару.
4. Текст письма, известного под названием «Просьба о возобновлении издания».
5. Письмо от 28 июня Абеца генералу Тюрнеру.
6. Подлинный текст листовки «К парижанам», воспроизведенной (после правки) в первом номере «Франс о Травай» под заголовком «Голос трудящихся».
7. Записка Абеца от 7 июля 1940 года в штаб вермахта.
8. Докладная Отто Абеца Гитлеру от 30 июля 1940 года.
9. Записка Вернера Беста от 19 августа 1940 года.
10. Конфискованный экземпляр опечатанной статьи «Пятая колонна славит победу».
11. Гранки «Се Суар».

История использования протоколов допросов довольно пикантна. Когда Раймон Турну* опубликовал их в

* Турну, Раймон — видный журналист и историк, автор многих работ на исторические и политические темы. В изданной в 1975 году работе «Секретный журнал» ряд страниц посвятил вопросу об издании «Юманите» в июне 1940 года. — Прим. перев.

1975 году в своей книге «Секретный журнал» (он знал о них в течение уже многих лет) и сообщил их происхождение. «Досье исчезло из архивов министерства юстиции и нашли его спустя несколько месяцев после Освобождения между двумя балками на чердаке здания на площади Вандом»¹.

«Досье» — это чудовище, которое время от времени появляется на поверхности, чтобы вдохнуть немного воздуха: в 1946 году его использовал Даладье (получив от Фуасена), в 1947 году — Шевинье (ему дал его Тэтжен), в 1974 году — Понятовский *, в 1975 году — Турну. Его взяли на вооружение (Амуру, Робрие, Анри Мишель, Стефан Куртуа в 1980, Гоше в 1974 году).

Нам не удалось получить из архивов префектуры полиции оригиналы: Раймон Турну открыл перед нами свои архивы и передал фотокопии (в которых отсутствовала одна страница допроса Треана и написанная его рукой записка). Пьер Анри Тэтжен, бывший министр юстиции, передавший эти фотокопии Раймону Турну, написал нам, что он, «очевидно, оставил оригиналы в министерстве юстиции». Записка Треана, приобщенная к протоколу, все еще закрыта для исследований.

С протоколами допроса Треана и Жиноллен в настоящее время можно ознакомиться, но необходимо учесть давление, которому они подверглись, поэтому они полностью не могут способствовать восстановлению истины. В то же время ничто не позволяет думать, что следующее заявление Дениз Жиноллен неточно: «Я давно не видела моего товарища Треана. Я встретила его в прошлый понедельник (по нашему мнению, это было 17 июня после разговора Фуасена с Пикаром и после встречи Фуасена с Треаном), и мы поговорили о положении (...) Оно изме-

¹ Raymond Tournoux. Journal secret, p. 205.

* Понятовский, Мишель — один из активных правых деятелей Франции, генеральный секретарь партии независимых республиканцев. Близкий друг Валери Жискара д'Эстена. Происходит из семьи последних польских королей, а также связан с семьей Талейрана. Автор ряда книг по политическим вопросам. Во время второй мировой войны служил в парашютных частях, затем учился в Национальной школе администрации, служил в министерстве финансов. Занимал ряд дипломатических постов в Марокко и США. Был начальником кабинета ряда министров. В 1959—1966 годах являлся шефом кабинета Жискара д'Эстена. В 1974—1976 годах — министр внутренних дел Франции. Член Национального собрания Франции. — *Прим. перев.*

нилось, и, быть может, следовало предпринять действия с целью возобновления издания газеты „Юманите”».

Мы допускаем, что встреча Треана с Жиноллен (с помощью Газтан Фарэн) состоялась в понедельник, 17 июня. Но она могла произойти 15-го или 16-го, это обстоятельство не имеет первостепенного значения. Мы датируем вторником 18 июня первые шаги в Отделе пропаганды немцев и в типографии Данжона.

Среда 19-го — два разговора с лейтенантом Вебером.

Четверг 20-го — статьи, принесенные в конце дня лейтенанту Веберу. Это статьи, подготовленные для публикации в нелегальной «Юманите». Это те же статьи!

Их отклоняют. Это известно, а также то, что некий Дальбьец читал у Дениз Жиноллен «некоторые статьи, написанные в приемлемом духе!» (протокол допроса Жиноллен).

Неправомерно утверждать, как это делают историки, занимающиеся политическими спекуляциями, что полиция Ланжерона оказала услугу ФКП, помешав публикации «Юманите». Немецкий отказ предшествовал аресту. Этот отказ касается двух подписанных документов: заявления Французской компартии, опубликованного 19 июня (№ 56) и изъятого из сумочки Жиноллен, и конфискованного текста «„Пятая колонна” славит победу», который мы не смогли найти.

Что это, случайность?

Среди конфискованных документов есть те, что скрываются, и те, что публикуются. Кто виновен в том, что на нас обрушиваются все несчастья?.. Не тот ли человек, который между балками на чердаке министерства юстиции нашел эту конфискованную связку документов, столь желанную для историков? Причем эта находка лишь по частям была доведена до сведения общественности?

Рукописные листки, «разглагольствования господина Густава Эрве», отпечатанный на ротаторе листок «„Пятая колонна” славит победу» — долго ли их будут от нас скрывать?

Мы благодарим издание Института марксистских исследований «Кайе д'Истуар», которое помогло нам воспроизвести знаменитый текст «„Пятая колонна” славит победу».

Содержание этой листовки объясняет, почему ни полиция Ланжерона, ни гестапо не разрешили ее публикацию в июне 1940 года.

Это первая публикация листовки (20 июня 1940 года)

«Пятая колонна» славит победу

Париж захвачен, знамя со свастикой развевается над ратушей, женщины, старики, младенцы — на дорогах; наши солдаты, брошенные на произвол судьбы в Париже, стали военнопленными.

А «пятая колонна» славит победу.

Снабжение столицы не обеспечено. Домашние хозяйки стоят в нескончаемых очередях у некоторых открытых лавок; бюро по безработице больше не выплачивает пособий; не выплачиваются пособия военным; управление сберкасс уехало с твоими деньгами. Все это ведет к голоду и нищете, причем тысячи рабочих и работниц уволены, подчас без выплаты зарплаты.

А «пятая колонна» славит победу.

Роскошные автомобили укатили в тихие уголки, правительство трусливо убежало, крупные банки надежно спрятали свое золото. Богачи в миллионных мехах уехали на военных грузовиках, оставив захватчику больных в больницах управления социального обеспечения.

А «пятая колонна» славит победу.

В то время как народ оставлен на поругание, даладье, бонне, ля роки, ибарнэгаре с помощью блюмов, жуо предали Францию, открыли ворота захватчикам, выступив в качестве жалких лакеев германского фашизма.

Подозрительные ораторы уже стараются соблазнить парижан «прелестями» национал-социализма.

А «пятая колонна» думает, что она может славить победу. Нужно остановить изменников, продавшихся французских гитлеровцев: парижане не позволят себя убаюкать, они помнят о вашей предательской политике.

О Мюнхене, подписанном Даладье, Бонне, выдавшем Гитлеру вместе со страной ее военную технику и знаменитые 45-тонные танки, которые тысячами давили наших солдат.

О политике «невмешательства» зловещего Блюма, позволившей раздавить Испанскую Республику. Не будь ее, мы имели бы сейчас поддержку миллиона солдат, готовых помочь и расположенных на нашей пиренейской границе.

О политике раскола рабочего класса, целенаправленно проводимой блюмами, жуо, которых поддерживали реакционные правительства, предоставлявшие свободу кагулярам и бросавшие в тюрьмы защитников народа, запрещав-

шие их прессу, рабочие организации лишавшие мандатов их избранников.

Остановите изменников! Довольно смертей, страданий, нищеты! Парижане хотят мира!

Они хотят правительства, которое будет опираться на народные массы и вести переговоры о мире, которому будет гарантом великий Советский Союз.

Они хотят, чтобы им вернули их компартию, которая всегда была с ними в борьбе, хотят, чтобы освободили их избранников, освободили тысячи рабочих, заключенных в концентрационные лагеря по методам германского гитлеризма.

Долой правительство изменников и трусов, бросивших Париж на произвол судьбы!

Да здравствует мир на условиях, обеспечивающих национальную независимость, с тем чтобы объединенный народ вновь вернулся к своим очагам в обстановке счастья и радости, мира и свободы!

Французская коммунистическая партия (ФСКИ).

Мы приведем второй пример замалчивания информации — несколько строчек из второго допроса Дениз Жиноллен:

«На вопрос к мадам Жиноллен и просьбу уточнить, в каких условиях она пыталась добиться возобновления издания «Юманите», она отвечает:

«Действительно, мы (группа коммунистов.— *Прим. перев.*) виделись каждый день и после моего визита 19 июня в комендатуру выработали позицию, которую решили занять по вопросу о возобновлении издания «Юманите». Она резюмируется следующим образом: *следование линии компартии* (подчеркнуто авт.).

Ознакомилась, подтвердила и подписала».

Можно понять причины этого утаивания информации (речь идет не о конфискованных материалах, а о самом протоколе допроса). Почему напоминание о «следовании линии компартии» «смущает» официальных историков? Потому, что оно не позволяет истолковывать статьи в «Юманите» в благоприятном оккупантам и нацизму духе. Застенографированная аргументация Дениз Жиноллен уточняет это. Но 43 года спустя она продолжает оставаться под запретом, как и записка Треана, которую комиссар Лафон приобщил к протоколу его допроса.

Мы предлагаем нынешнему министерству юстиции осмотреть все балки на чердаке здания на площади Вандом или приказать архивным службам министерства открыть досье, включая и то, которое было конфисковано и приобщено к протоколам.

В этом случае можно было бы просмотреть досье на «Голубой план» (неофашистский заговор 1947 года), в котором фигурирует господин Пикар, сотрудник антикоммунистической газеты «Эпок», руководимой Жан-Луи Вижье. Возможно, речь идет об однофамильце. Молодые исследователи, посмотрите ваши выписки. И не забудьте о фотокопии прошения о возобновлении издания «Юмани-те», опубликованного этой газетой, но подписанного только Фуасеном.

Господин Гогийо, он же Ролан Гоше, в прошлом отвечавший за молодежную организацию Национального народного объединения, созданную Деа при оккупации, пишет: «В этот период (...) именно коммунисты делают авансы». Он извращает факты. Авансы делал Пикар, влиятельный агент, французский фашист. Пикар, беседуя с Фуасеном, был пойман на слове, но из этого не следует, что французские коммунисты, которые в это время верили (или делали вид, что верили), что германская цензура может разрешить публикацию листовки «„Пятая колонна“ славит победу», пошли с ним на политический компромисс.

Господин Анри Мишель из служб премьер-министра использует документы по этому периоду весьма недобросовестно. В книге «Немецкий Париж» он пишет: «Несомненно, компартия рекомендовала французским рабочим „сотрудничать с немецкими оккупантами“»¹. Он продолжает: «Именно Ланжерон арестовал ответственных представителей компартии, вышедших из подполья, чтобы открыто возобновить свою незаконную деятельность»². (Господин Мишель рьяный сторонник Даладье. «Подобное поведение сразу же и в последующем было чревато для него большими неприятностями и жестокими нападками (но не нападками со стороны господина Мишеля.— *Прим. авт.*). Компартия должна ему поставить свечу, поскольку он, по всей видимости, помешал ей углубить сотрудничество, которое на долгие годы испортило бы ее

¹ Henri Michel. Paris Allemand, p. 50.

² Ibid., p. 154.

реноме и во многом затруднило бы поворот в июне 1941 года»¹.

Читая господина Анри Мишеля, можно подумать, что не свечку, а большую свечу товарищи Жан-Пьер Тэнбо, Шарль Мишель и все мученики Шатобриана, расстрелянные по приказу немцев, но арестованные полицейскими Ланжерона, должны были бы поставить в память префекта Ланжерона. Но не ему ли обязаны они своей смертью?

Господин Анри Мишель сам разоблачает себя. Разве не он восхищенно писал: «Коммунисты обладали опытом подпольной работы и встали на позицию мучеников, которая часто позволяла им преобладать над более старыми движениями»². Было бы хорошо узнать, каковы эти более «ранние движения», может быть, «движения настроений» * и откуда идет эта знаменитая способность коммунистов страдать? Может быть, от монгольских хромосом?

Еще более неосознанной и, следовательно, подозрительной является позиция господина Анри Амуру из Академии. В своей книге, касаясь ареста и освобождения Трелана и его товарищей, он вопрошает: «Через четыре дня — 25 июня — неожиданные изменения. Господин Фриц, старший советник немецкой военной администрации, у которого можно было бы спросить, кто его предупредил (подчеркнуто авт.), дает приказ о немедленном освобождении арестованных, которым заявляет: «Французская полиция вас арестовала, а немецкая — освобождает»»³.

В действительности Фриц говорил не о немецкой полиции, а о «военных властях». Он не раскрыл этим активистам игру гестапо. И тем не менее правильно, что за все ниточки дергали Бумельбург, Абец и их агент мэтр Пикар, первой жертвой которого стал мэтр Фуасен.

Именно им мы теперь займемся. Академик Анри Амуру узнал, кто же предупредил доктора Фрица.

¹ Ibidem.

² Histoire de la Résistance, p. 38.

* А. Мишель имеет в виду враждебные к оккупантам настроения определенных слоев французского народа, которые на первом этапе Движения Сопротивления не воплощались в конкретные действия. — Прим. перев.

³ Henri Amoureux. Quarante millions de Pétainistes, p. 419.

Манипулирование

Первый вопрос: кто сообщил полицейским Ланжерона о планах коммунистов, арестованных 20 июня?

В задачу людей, бывших к тому же доносчиками Ланжерона и помогавших осуществлять сценарий профессора Гримма «Выступайте в качестве освободителей», не входило доносить на людей, за которыми устанавливалась слежка.

Второй вопрос: как можно освободить того, кто не арестован? Ланжерон вспоминает¹, что у него были информаторы, наблюдавшие не только за теми, кто входил в немецкие учреждения, но и в самих учреждениях, в частности на улице Лилль и на бульваре Мадлен. Он сообщает, что Дорио подкармливался из его секретных фондов. По этому поводу Дитер Вольф в биографии Дорио пишет: «В 1939 году Ланжерону поручили осуществить ряд антикоммунистических мер и с этой целью сотрудничать с партией Дорио. Действительно ППФ организовала нечто вроде осведомительной службы, состоявшей из специалистов по антикоммунизму, и эта горстка людей в 1939 году и, естественно, во время немецкой оккупации была включена в полицию. То, что Дорио, как указывает Ланжерон, за это платили, вполне вероятно»².

Профессионализм французской полиции был уровня Вернера Беста и Бумельбурга. После вступления немцев в Париж они не только посвящали все свое время поискам Гринспана (который в 1938 году убил германского дипломата в Париже) в тюрьмах Парижского района. Они возобновили контакты со своими «достопочтенными корреспондентами» — немцами и французами. Среди немцев это мнимые эмигранты, активные секретные или законсервированные агенты, которым удалось избежать арестов Вторым бюро и Службой безопасности (контрразведка). В июле 1937 года в Париже проживало 16 тысяч 987 немцев! А кто был из французов? Это руководители фашистских лиг, среди которых особенно выделялись дориотисты и активисты Франко-германского комитета.

Один из руководителей гестапо Бумельбург хорошо знал Францию. Перед войной он руководил предприятием по обслуживанию центрального отопления. По свидетельствам одних, он получил подряд на строительные работы

¹ Langeron. Paris juin 40, p. 95.

² Dieter Wolf. Doriot, p. 294.

в Военной школе, по мнению других — в министерстве внутренних дел. Но это уж слишком!.. В 1938 году Бумельбург имел многочисленные контакты с французскими полицейскими в международной организации — предшественнице Интерпола, находившейся в Вене. В связи с приездом во Францию в декабре 1938 года Риббентропа, он прибыл в Париж и после отъезда министра был включен в штат германского посольства и пытался добиться признания в качестве атташе «по делам полиции», подобно военному или торговому атташе в министерстве внутренних дел... Бывший руководитель французской контрразведки Поль Пайоль рассказывает, как ему не без труда удалось объявить Бумельбурга персоной нон грата¹.

Поль Пайоль считал Бумельбурга правой рукой Гейдриха. При такой фигуре человек типа Фуасена не имел большого веса. Остается выяснить, сколько французских полицейских Бумельбург сумел завербовать во время своего двухмесячного пребывания в Париже. Кто осмелится сказать, что не нашлось ни одного, когда миллионы в оплату за измену текли в карманы администраторов газет «Фигаро», «Тан», журналистов, промышленников... Вопрос, каким образом французская полиция могла знать, что она найдет у коммунистов, арестованных 20 июня на станции метро Сен-Мартен? Кто выдал мужчину и трех женщин, если не те, кто был осведомлен, кому арест был необходим для осуществления своего плана? Поставить вопрос — значит ответить на него. Быстрота, с какой немцы реагировали, то особое участие, которое проявил немецкий агент Пикар в «немедленном» освобождении арестованных 25 июня, предложение о встрече 26 июня в посольстве несут на себе следы деятельности Бумельбурга, Гримма и Абеца.

Вопрос об убеждениях

Утром 26 июня в кабинете мэтра Фуасена развернулась жаркая дискуссия. С самого начала Жан Катала выступает против посещения посольства (он говорит: «гестапо»). Он напоминает о своем опыте в Чехословакии, в 1939 году после вступления немцев. Все, кто не ушел в подполье, были арестованы (беседа Одетты Жанвье с авторами книги). Фуасен придерживается другого мнения. «После

¹ Paul Paillote. Services secrets, p. 137.

советско-германского пакта,— говорит он,— положение изменилось, оно совсем другое. Нужно все оценить заново. Мы можем извлечь для себя выгоду из соглашения: ничего для них, но ничего и против них; взаимный нейтралитет может помочь возобновить связи. Что мы теряем? С нами они корректны и держат свое слово, вы не можете этого отрицать. Я знаю из надежных источников, что отдан приказ «освободить» всех политических заключенных из тюрем «Френ» и «Санте». В настоящий момент они выходят оттуда».

Проведенная нами проверка показывает: по данным тюремных служб, во «Френ» из 406 освобожденных только 54 — коммунисты и около десятка в тюрьмах «Рокетт» и «Санте». Конечно, среди 135 осужденных за «пораженческие настроения» могли также быть коммунисты.

Классификация осужденных, проведенная руководством тюрьмы «Френ» в отношении освобожденных 25 июня 1940 года:

Пораженческая пропаганда	— 123
В связи с запрещением компартии	— 3
Подстрекательство к неповиновению	— 1
Отказ от работы	— 1
Нищенствование	— 1
Ношение оружия	— 1
Итого:	— 130

Общее число освобожденных		
Дата	Место	Количество
17.06	«Френ»	17
18.06	«Френ»	2
21.06	«Френ»	8
24.06	«Френ»	143
25.06	«Санте»	4
	«Рокетт»	15
26.06	«Френ»	130
	«Санте»	1
27.06	«Френ»	85
	«Рокетт»	1
	Итого:	406

(Источник — архивы префектуры полиции.)

Фуасен сказал правду. 26 июня шесть девушек, обвинявшихся в распространении листовок, были освобождены из тюрьмы «Френ» после небольшой морализующей речи офицера. Более того, утром 23 июня по приказу немцев 400 политических заключенных были собраны в одном из больших помещений тюрьмы «Френ». Отряд немецких вооруженных солдат в касках построен перед заключенными. Появляется офицер. Он медленно проходит вдоль рядов, останавливаясь время от времени:

- Почему Вы здесь?
- Потому, что защищал мир.
- А Вы?
- За распространение листовок.
- А Вы?
- За пораженческие высказывания.

Офицер встает рядом с солдатами и, обращаясь к заключенным говорит: «Господа, вы защищали мир. Вы боролись за то, чтобы ваша страна не была втянута в войну, которой жаждали английские капиталисты и евреи. По приказу фюрера вы освобождены и можете покинуть тюрьму завтра же» (свидетельство Луи Гэ автору книги).

Действительно, утром 24-го первые заключенные покидают «Френ». Ланжерон указывает в своих воспоминаниях на освобождение «пяти сотен пораженцев». Находившийся в тюрьме Луи Гэ рассказал нам о дискуссиях, которые шли между подпадавшими под «освобождение» в ночь с 25 на 26 июня: «Одни не хотели выходить из тюрьмы, чтобы не быть обязанными нацистам своей свободой. Другие были убеждены, что Сталин потребовал и добился от Гитлера их освобождения «благодаря пакту». Последняя группа — группа прогитлеровцев из газеты «Же ски парту» — считала, что их друзья нацисты слишком долго тянули, чтобы освободить их».

Вот почему утром 26 июня Фуасен в разговоре со своими товарищами настаивает на том, чтобы идти в посольство: «Я узнал об этом от Пикара (депутаты-коммунисты не освобождены. — *Прим. перев.*). В посольстве не понимают, что произошло с «Юма». Они хотят внести ясность в это дело. Вы знаете, что Ланжерон вчера был уволен. Оккупанты не возражают против публикации газеты для трудящихся. Все еще возможно».

Фуасен знает о том, что Треан отвечает за работу комиссии по кадрам. Он знает также, что тот обеспечивает

технические связи между компартией и Коминтерном. Некоторые в шутку называют его ГПУ. Катала, работавший вместе с Треаном во время войны в Испании, может подумать, что такой шаг, так же как и его личное участие в этой встрече, является требованием Коминтерна. Тем более, что Треан повторяет с ним свою маленькую хитрость: «В Бельгии, Дании, Норвегии пресса выходит...» Но положение в этих странах нельзя сравнивать с ситуацией в стране, тем более что все основывается на информации, устаревшей на месяц или даже два. Но есть в этом что-то искреннее, правдивое: Треан не допускает, чтобы партия по собственной инициативе отказалась от публикации «Юма». Даже без борьбы?

Катала спрашивает себя: не установил ли Треан через Фуасена контакт с Клеманом и Коминтерном? О таких вещах не спрашивают. (Наше исследование доказывает, что 26 июня таких контактов не было.) Теперь их беседы станут более результативными, ибо Фуасен уверяет: он один из защитников депутатов-коммунистов. Он не жалеет для этого труда. С профессиональной точки зрения его роль заключается в том, чтобы сделать все возможное для освобождения еще находящихся в тюрьме коммунистов. (26 июня детали соглашения о перемирии еще неизвестны, точно так же как неизвестно деление Франции на зону оккупации и свободную зону, на запретные и особые зоны...) Для него, Фуасена, после освобождения накануне заключенных нет оснований сомневаться в доброй воле немцев. Он повышает тон: «Мы не имеем права оставить наших товарищей без защиты и помощи. К тому же — «Освободите заключенных» это наш постоянный лозунг».

Аргумент весомый. Катала уступает. «Хорошо, иди туда! В конце концов, ты адвокат, иди защищать! Без нас! Когда я увижу их на свободе, я в это поверю», — бросает Катала. «Сейчас я не пойду». «Но Жан, — прерывает Треан, — Фуасен не делает ничего, кроме того, что защищает нашу линию и наши требования об освобождении заключенных. Он не выборное лицо, мы члены Центрального Комитета, ты и я, мы должны взять на свои плечи ответственность. И я ее беру. Я сторонник этой встречи, но при твоём участии. Делегация партии не может состоять из одного человека. Ты это знаешь, это «обязательное» правило. Мы должны отчитаться в «Доме» (то есть перед руководством компартии и Французской секцией Комму-

нистического Интернационала. — *Прим. Эстаже*) о немецких предложениях. Ты должен пойти, Жан, и не забывай, что ты представляешь всю партию, которая стоит за тобой» (свидетельство Жана Катала Мунетт Дютель; то же самое ей скажет позже Треан. Он «давил на Катала, занимавшего очень сдержанную позицию»).

Катала был поколеблен не столько этим давлением. Коминтерн не был иерархической организацией, построенной по военному образцу, а был лишь местом, где проводились дискуссии и сопоставлялись оценки. А Треан не сказал ему: «Это решение „Дома“».

На Катала произвел впечатление аргумент о возможном освобождении арестованных товарищей и подключении их к борьбе. Это была сила!

В этих условиях предполагаемый визит становится политическим актом с огромными практическими последствиями, одним из которых могло бы быть прекращение преследования коммунистов. Катала согласился с аргументами Фуасена. Вопрос о возобновлении издания «Юманите» — это не основание. Главное — освобождение товарищей.

Он пойдет.

26 июня

Улица Лилль

В посольстве Пикар ставит их перед свершившимся фактом: их примет лично Абец. Это ловушка! Сидеть в приемной Абеца, которого больше всех ненавидят противники Мюнхена, человека из Франко-германского комитета, самого активного агента нацизма во Франции! В свое время Габриель Пери и Люсьен Сампэ были инициаторами его высылки из Франции. Даладьё и Бонне чуть ли не извинялись перед Гитлером и перед германским послом фон Вейцзекером, которому Бонне, «министр, чуждый французским делам» (здесь игра слов — иностранный и чуждый. — *Прим. перев.*), говорил: «Коммунистов поставят на место, собрания будут запрещены и т. д.»¹.

В двух документах излагается (частично) отчет об

¹ Livre jaune français sur les origines de la guerre.

этой встрече. Один принадлежит Абецу, другой — Фуасену (докладная с объяснениями от 7 ноября 1944 года). Что в ней говорится? «Разговор касается главным образом политических затруднений, связанных с возобновлением издания «Юманите» (подчеркнуто нами), а также о необходимости выбора другого заголовка и о конкретной программе компартии. Мои товарищи обещают выработать план действий и план мероприятий по пропаганде. 27 июня я передал Абецу записку моих товарищей из руководства ФКП, копию которой я сохранил».

Второй документ — отчет Абеца (письмо от 28 июня генералу Тюрнеру, генеральному директору администрации в штабе вермахта).

«Эти три человека не произвели впечатления, что их можно заставить изменить свои убеждения. Наоборот, и т. д.»

Впечатление от этой встречи различно, в зависимости от того, на какой стороне отношений между немцами и коммунистами акцентирует внимание. В обоих документах Фуасен выступает как умиротворитель, балансирующий на грани оппортунизма. Писать в ноябре 1944 года, как он это делает в своем объяснении Совету ордена юристов (в то время как коммунисты участвуют в правительстве де Голля): «Мои товарищи обещают передать рабочий план и план пропаганды» — это значит намеренно вольно обращаться с правдой, с тем чтобы (в 1944 году) выйти из игры. Вместо рабочего плана нацистам было послано идеологическое кредо ФКП. Оно не подлежит обсуждению. Чтение нелегальной прессы также убедило Абеца.

Конечно, в письме Абеца Тюрнеру можно прочесть: «В то же время эти люди, кажется, могли бы нам оказать услуги и т. п.» Но это мнение Абеца. Он уже запретил возобновление издания «Юма» (по политическим причинам). И предложил издавать газету, находящуюся «на службе у народа», в которой могли бы сотрудничать коммунисты.

Та и другая стороны быстро поняли и позиции друг друга и то, какими они были: непримиримыми и антагонистическими. Фуасен в конце предпринятого маневра ставит (поднимает) вопрос об освобождении заключенных из тюрем и о возвращении выборных лиц на их посты. Абец просит дать ему время подумать, ссылаясь на то, что он всего лишь политический советник Верховного

командования. Он охотно соглашается с тем, что экономическое положение и ситуация в социальной области трудные и что избранники народа, пользуясь его доверием, могли бы принести большую пользу. Лично он не настроен враждебно в отношении этой просьбы, хотя желательно, чтобы она была изложена в документе другой стороной, с тем чтобы точно отразить идеи его собеседников. Он передаст ее незамедлительно. Фуасен хватается за протянутую руку помощи. Треан и Катала, испытывая облегчение от того, что с этим можно покончить, соглашаются с ним: маневр Абеца разгадан и они спешат покинуть посольство.

В конце диалога коммунисты уже глухи ко всем вопросам. Просят письменный документ. Они готовят его так, как будто не слышали, что возобновление издания «Юманите» исключено по политическим причинам. Что касается освобождения заключенных, они скажут об этом в постскрипуме и поставят как «условие» возобновления издания. Таким образом, подразумеваемые причины разрыва будут изложены черным по белому уже 26 июня. Такие же условия будут поставлены через десять дней в связи с вопросом о возобновлении издания газеты «Се Суар», а именно — освобождение всех заключенных.

Дискуссия, начатая утром 26 июня в кабинете Фуасена до разговора в посольстве, продолжается во второй половине дня. Фуасен составляет документ, подлинность которого не подлежит сомнению, хотя подписанный экземпляр не был найден.

Все памфлетисты, сделавшие антикоммунизм своей профессией, прилагают большие усилия, чтобы приписать авторство текста самому Жаку Дюкло. Они ссылаются на столь любимый Дюкло оборот «издаваемая нами «Юманите». Поскольку в тексте он повторяется семь раз, это якобы должно служить неоспоримым доказательством.

Мы внимательно прочитали текст. Действительно, семь раз «издаваемая нами». Но с каких это пор группа коммунистов могла взять на себя ответственность за издание центрального органа ЦК Французской секции Коминтерна? Катала обращает особое внимание на выражение «издаваемая нами». Это уловка, которая фиксирует для настоящего и будущего, для Истории индивидуальный характер этого мероприятия: разведчики

оставляют возможность для дезавуирования. Никто еще не отметил двойного смысла этого выражения: «издаваемая нами». Когда партийное руководство запрашивает разрешения, оно не скрывает своей ответственности за вычурность стиля. Оно не говорит «издаваемая нами», а говорит «издаваемая партией». Стремление сделать акцент на этом очевидно, точно так же как отказ от всякого соглашения или компромисса, которое подчеркивается напоминанием о свойственном Даладье использовании ренегатов в октябре 1939 года. Одновременно отклоняется предложение Абеца об издании эрзац-газеты, задуманное отделом пропаганды и его доверенными людьми из числа французов. Эта формула — «издаваемая нами» — сводит на нет нацистские планы, дорогие сердцу профессора Гримма: „Юманите“ должна выходить в том виде, в каком она доходила до читателей до ее запрещения Даладье», то есть когда она вела кампанию против мастера шпионажа Абеца. Это принципиальное заявление, обращение к тому, кто в это утро запретил возобновление издания.

Фуасен, обладавший хорошим стилем, показал кончик своих ушей защитника и юридического советника, редактируя постскрипtum: «С тем чтобы «Юманите» могла выполнить свою задачу *защитника и советника народа*». Члены ЦК не выражаются подобным образом. У каждого свой профессиональный язык!

Фуасен пишет этот документ «один» и относит его на следующий день, 27 июня, в посольство тоже «один», что не ускользает от Абеца. Ясно, что его хотят убавокать: подписавшие эту бумагу делают вид, что не слышали сказанного им накануне «нет». Должен ли Абец отказаться от любого сотрудничества с представителями ФКП? Будущее покажет. Тем временем он приказывает Пикару ускорить выпуск газеты «Франс о Травай», предназначенной для трудящихся и рабочего класса.

Пикар ничего не скрывает от дорогого коллеги Фуасена. Советник советнику не создает трудностей. Действительно, Пикар 25 июня стал советником Абеца по вопросам прессы. Именно ему надоедает Фуасен 28 и 29 июня, чтобы получить ответ, «ожидаемый с таким нетерпением» на его документ от 27-го.

Но Пикару до этого нет дела. В течение этих двух суток он вместе с швейцарцем Дьедонэ, Жюльеттой Губле и несколькими писателями-антисемитами лихора-

дочно готовит макет газеты «Франс о Травай». Абец щедро финансировал их. Когда 30 июня появится первый номер газеты, Катала, Треан, Пери, Дюкло найдут в ней текст листовки ФКП, озаглавленной «К парижанам». С некоторыми купюрами...

Мы еще детально рассмотрим это в главе VIII. 30 июня для всех, кто вел «зондаж», после провала линии «свершившегося факта», то есть возобновления издания без разрешения, страница перевернута.

Для всех, кроме Фуасена. Он не успокаивается и остается твердо убежденным, что с точки зрения политической освобождение заключенных еще может быть предметом для разговора.

Париж. Первая половина июля

Бенуа Фрашон покинул Париж 12 июня, за несколько часов до возвращения туда Жака Дюкло. В сопровождении владельца гаража в Вильжюиф Монтея он поехал через Лимож на ферму к родственникам Маргариты Монтре, расположенную между Фоль и Фурсеном в десяти километрах от Сан-Сюльпис-Лорьер. Только Артюр Далиде и Мунетт Дютейль знали эту явку. Связь осуществлялась (используя центральный пост связи) через Лимож. Этим занималась Мари Дюбуа, жена Робера Дюбуа, оставшегося по указанию Артюра Далиде в Париже. Робер Дюбуа, по профессии арматурщик, за шестнадцать месяцев до этого был направлен на работу в секцию кадров. Жена Раймона Далиде получила такое же указание, как и Дюбуа: остаться в Париже. Она работала продавщицей в магазине «Монопри» на бульваре Барбес и жила в Монруже. Там она поддерживала контакт с секретарем секции, бывшим участником Черноморского восстания Террионом, который просит сообщить, когда вернется Раймон.

И вот Раймон Далиде приезжает. В конце июня он получил от одного крестьянина справку, что работает у него, временно освобожден от сельскохозяйственных работ. Он едет в Монруж, находит там свою жену... и секретаря секции. Секретарь секции в восторге!.. Внимательно прочитав первые номера «Франс о Травай», он объясняет Раймону Далиде, что дело идет о маскировке (тот же адрес, тот же шрифт). В газете сообщается о выходе в ближайшее время «Юманите».

«У меня волосы встали дыбом,— рассказал нам Раймон Далиде.— Я счел это весьма серьезным. Жена сообщила, что имелась возможность через товарищей — это были Дюбуа и Бретон — установить связи с руководством. Именно таким образом, почти сразу, я смог встре-

титься с Жаком Дюкло на бульваре Мортье. Это было 3 или 4 июля».

Дюкло знал братьев Далиде давно и ни минуты не колебался, чтобы встретиться с Раймоном Далиде, который прямо сказал ему о катастрофической путанице, которая возникла в работе очень опытных товарищей, принявших газету «Франс о Травай» за газету, издаваемую коммунистами.

Дюкло согласился с ним. «Для того чтобы ликвидировать эту путаницу,— сказал он мне,— нужно, чтобы партия ясно и подробно изложила свою позицию. Я велел найти Леблана (Жан Жером), с тем чтобы он изыскал возможности напечатать призыв, работу над которым я заканчиваю и который надо широко распространить. Тем временем наша маленькая «Юма», издаваемая на ротаторе, должна продолжать выходить. Это самое главное. Нам нужно оставить свидетельство для истории.

«Буржуазия и тысячи предателей, связанных с ней, которых мы разоблачаем, сейчас может быть удовлетворена: у нее есть покровители. Мы, выражающие интересы народа, надежды нации, не имеем права бросать его. Париж сдан без борьбы, Париж был занят без единого выстрела! Какое бессилие». (Раймон Далиде — авторам книги). Таково было настроение Дюкло, который внимательно следил за ходом событий в Виши.

Первая половина призыва была уже написана. Он дал ее прочитать Раймону Далиде. «Франция хочет жить свободной и независимой. Франция не станет колонией. Франция не встанет на колени. Единство нации может осуществиться. Франция должна стать страной труда и свободы, а не землей рабства и нищеты. Никогда такой великий народ, как наш, не станет народом рабов».

У Раймона Далиде навернулись на глаза слезы.

Для него теперь все ясно. В Париже, будучи один, Жак Дюкло должен иметь время, чтобы все осмыслить. У него в руках еще не сосредоточены все нити руководства партией, пока они ограничиваются несколькими связными и типографиями, за которые несут ответственность Пери и Катала. Он не знает всего, у него мало информации. Сколько коммунистов в Париже? Он точно не знает. И то, что ему рассказал Раймон Далиде, укрепляет его волю и решимость мобилизовать все средства для массового распространения платформы ФКП, которая

станет программой действий на ближайшие месяцы и годы.

Свидетельством этого являются поиски формулы, потом ею станут слова «Национальный фронт». Сначала это была «Юманите» от 7 июля 1940 г., «Фронт свободы, труда и независимости Франции», который (12 июня) становится «Фронтом свободы, независимости и возрождения Франции». Затем в сентябре — октябре — «Союзом французской нации», предвосхищающим «Союз за реванш» (февраль 1941 года), и, наконец, — «Национальный фронт борьбы за независимость Франции» (25 марта 1941 года).

После встречи с Жаком Дюкло, приблизительно 4 июля Далиде спросил Терриона, который готовился отпечатать в виде листовки некоторые статьи из газеты «Франс о Травай»:

— Кто тебе дал эти инструкции?

— Никто.

Вот так было. При отсутствии нормальных демократических условий для политической деятельности каждый действовал на свой страх и риск; так было не в первый и не в последний раз... Иллюзии о советско-германском пакте, непобедимости германской армии и близком поражении Англии порождали довольно примитивные схематические размышления, на которые на-слаивались тревоги за судьбы близких: «Где мой муж, где мои близкие, погибли ли они, попали ли они в плен, ранены ли?» И во всей этой сумятице продолжали верить в «доброе папашу Петена», который тем не менее не мог быть изменником...

Коммунисты были не одни, кто верил в эти иллюзии, их разделяли миллионы добропорядочных французов, которых ввел в заблуждение Петен и которые были очень удивлены «корректным поведением» германской армии. Кто виноват в разгроме? «Пятая колонна», Народный фронт, евреи, «200 семейств», англичане, генералы, изменники, коммунисты? Каждый искал свое объяснение. Чем грубее оно было, тем большее впечатление производило на общественность, еще не пришедшую в себя от катастрофы.

Подавляющее большинство коммунистов Парижского района в течение первой половины июля разделяло мнение Раймона Далиде об отказе от всякого компромисса с нацистскими оккупантами. Ален Герэн в своей много-

томной работе «Сопротивление» убедительно подтвердил это. Мы добавим еще свидетельство Жана Жерома.

«После возвращения Треан сразу стал искать меня. Я восстановил с ним контакт через югославского товарища Коли, воевавшего в Испании. Треан попросил меня от имени Жака подготовить предложения по нелегальному изданию материалов. Думаю, что это было в конце июня. За один день я составил план, который включал, как тогда говорили, четыре установки:

1. Использование оставшихся еще легальными типографий.

2. Перемещение печатных средств партии в предместья Парижа.

3. Создание издательской структуры, не связанной с беспартийными. Она была создана, и некоторые типографии работали без провала до Освобождения!

4. Использование подсобных средств для печатания, схему которых я нарисовал сам.

Я забыл дату моей второй встречи с Треаном. Она произошла после его выхода на свободу. Я сообщил ему свой план. Он предложил мне «также» заниматься легальным изданием «Юма». Я был вместе с Жанэном (вернувшимся в Париж после побега 17 июня). Треан говорил нам избитые вещи: о большевистской фракции в Государственной думе, использовании легальных и нелегальных методов. Он старался убедить нас в том, что попытка добиться издания «Юма» оправдана: это должно стать сигналом для сбора коммунистов. «Я не питаю иллюзий, это не продлится долго», — говорил Треан. Между нами завязалась очень острая дискуссия. Жанэн заявил ему: «Это политическая ошибка». Треан заколебался, но попытался обратить все в шутку: «Браво, вы очень умны, сильны, намного умнее Мануильского, сильнее, чем Коминтерн». Эти аргументы со ссылками на авторитеты не произвели на Жанэна никакого впечатления. Он повторил: «Это политическая ошибка, и я отказываюсь в этом участвовать».

На вопрос Герэна, какова была его позиция, Жан Жером ответил: «Честно говоря, когда мне отдают приказания, я, как дисциплинированный солдат, им подчиняюсь. Нужно было знать, что из себя представлял Треан. Это был товарищ, который отвечал за кадровые вопросы и технические связи с Коминтерном, замечательный человек, но очень властный. Он умел использовать власть, которую давала ему ответственная работа. С ним нельзя

было дискутировать. Так вот все это хорошо зная, на его предложения я ответил: невозможно, чтобы я занимался одновременно легальным сектором и нелегальным. Они несовместимы друг с другом».

Выбор был остановлен на последнем.

Анри Жанэн (бывший мэр города Вильнев-Сан-Жорж, воевавший в Испании, секретарь Комиссии политического контроля, организовавший в 1941 году побег из лагеря в Шатобриане) выражал свое несогласие с Треаном и после возвращения из лагеря смерти, что тогда произвело на Треана глубокое впечатление. Пери, Гурдо, Лондон, Вийон, Шомей, Пелео и многие другие заявили о своем несогласии с планами, как только узнали об установленном контакте с немцами и скором издании «Юманите».

Слухи продолжали упорно распространяться в течение многих недель, лишённые всякого основания после 30 июня. Сам Треан не питал никаких иллюзий о возможностях легального издания. Перед арестом он принял необходимые меры.

«Полиция помешает нам издавать «Юманите». Ты поищешь изолированный дом, чтобы разместить там типографию», — говорил он 20 июня Валентине Грюненбергер, которая сняла особняк на улице Кремье, около Лионского вокзала» (свидетельство Грюненбергера Раймону Далиде). Эти поиски помещения вписывались в план, подготовленный Жаном Жеромом. То, что это провокация полиции, Жаку Дюкло было ясно.

Две редакции июльского «Призыва»

Типография Тирана (легальная), находившаяся в помещении на бульваре Понятовского, выпустила первый залп: был набран (и перебран) знаменитый «Призыв к французскому народу», так называемый призыв от 10 июля.

Официальные историки считают, что текст был составлен после 10 июля, поскольку в нем фигурируют фамилии министров, назначенных только 13 июля.

Это замечание правильно. Два абзаца были добавлены к уже полностью набранному первоначальному тексту 13 июля или днем позже. Действительно, если бы Жак Дюкло правил свой текст в конце июля, он разоблачил бы бывшего руководителя ВКТ Белена, ставшего министром промышленного производства и... труда.

Но Белен был назначен на этот пост 16 июля, на четыре дня позже своих коллег. Если 13 июля Жак Дюкло не написал ни одного слова о Белене, то это произошло потому, что он не знал, что тот вошел в правительство. Когда эта книга уже была сдана в печать, мы ознакомились с листовкой, подписанной Фрашоном и полностью посвященной участию Белена в новом правительстве. Эта листовка, написанная по горячим следам приблизительно 18 июля, была отпечатана на ротаторе членами профсоюза железнодорожников в городе Сен-Сюльпис-Лорьер в последние дни июля, перед возвращением Фрашона в Париж. Таким образом измена Белена получила принципиальную оценку активистов профсоюзов. Ниже мы публикуем добавления к «Призыву к французскому народу», составленному 13 июля.

«Пособничество партии радикалов и партии социалистов позволило Петену назначить себя диктатором, но за ним стоит Лаваль, тот, кто, возможно, в будущем заменит его и у кого в руках власть. Министры-радикалы и министры-социалисты исчезли с политической сцены после того, как они содействовали удушению демократических свобод. На их место пришли реакционеры, подобные Лемери и Пьетри и директору газеты «Тан» господину Миро.

Это позорное правительство, эти базены * 1940 года, в котором бок о бок сотрудничают потерпевшие поражение военные, отъявленные аферисты, прожженные политики, бесчестит нацию. Французские трудящиеся и демократы, таковы результаты политики Даладье, Блюма и их сообщников, которые, нанося удар по Французской компартии, подготовили ликвидацию республиканских свобод в нашей стране и только что помогли Лавалю—Марке и Вейгану стать хозяевами Франции».

Эти два абзаца усложнили дело и задержали публикацию на несколько дней. Некоторые свидетели утверждают, что первый тираж был уже отпечатан, когда Анжелла Салейретт принесла Треану дополнительные строчки. Исправленный текст, отпечатанный на ротаторе... не укладывался на страницу с оборотом. Жан Жером вспоминает: «Что можно было вычеркнуть? Это была тяжелая политическая ответственность. Я предложил Треану

* *Базен, Франсуа Ашиль* — французский маршал. Во время франко-прусской войны 1870—1871 годов сдал крепость Мец. В 1873 году был приговорен к заключению за государственную измену.— *Прим. перев.*

убрать абзац, в котором коммунисты «провозглашали право колониальных народов на независимость». Я убеждал себя, что эти народы находятся далеко. Они не получают текст раньше, чем через несколько недель, их можно будет предупредить... Треан взорвался: «Если ты урежешь это, я тебя расстреляю. Не трогай ни одного слова в этом тексте». Пришлось искать более мелкий шрифт. Я нашел его у еврея — хозяина маленькой типографии около площади Сен-Сюльпис, и мы заново набрали весь текст, используя девятый номер шрифта (беседы с автором книги. Подобные вещи трудно придумать).

Мы находим дополнительные свидетельства в этой двусмысленной ситуации, которую официальные историки сводят только к попытке добиться легального издания «Юманите». В тот самый момент, когда Треан обеспечивает набор «Призыва», он еще надеется на легальное издание газеты «Се Суар». Смесь легальности и нелегальности продолжает пьянить некоторых активистов в первую неделю июля. Кто не учитывает этих многочисленных центров руководства и самоуправления, не может правильно оценить истинное положение, в котором находилась компартия в начале июля 1940 года.

Тому, кто с ним спорил, Треан выдвигал одни и те же аргументы: «Кругом полная неразбериха. Нужно ею воспользоваться. Нужно собрать наших ребят!» Как объяснил через 30 лет Жак Дюкло в мемуарах, намерения товарищей были хорошие. Но это была ошибка, заблуждение, что проявилось в проекте издания газеты «Се Суар», о чем мы еще будем говорить. Она поддерживалась также верой некоторых во всеобщую амнистию.

Эти дебаты в конце июня, создающие странное впечатление, отражали в основном индивидуальную позицию, выражаемую почти инстинктивно, поскольку их теоретический уровень подчас был невысок и связан с политическим настроением каждого. Компас сбился с правильного направления. Не было политической программы, которая была бы противопоставлена политике правительства, которое, запросив перемирия, могло существовать только под защитой германских штыков. Дюкло это хорошо понял, и развитие событий подтвердило его правоту.

В течение нескольких недель этих искусственных разногласий, он полностью выполнил свою роль руководителя в ситуации, напоминающей положение пилота, у которого на высоте 10 тысяч метров отказали управление самолета.

том и система герметизации. Осмысление положения осложнялось присутствием армии, которая вела себя, как тогда говорили, «корректно». Тот факт, что эти специфические «туристы» в военной форме бросились в магазины, кафе, рестораны, к историческим памятникам, дал некоторым повод думать, что оккупанта можно обойти или обмануть, поскольку он любит порядок и спокойствие, и что, например, в муниципалитетах «красного пояса», депутаты которых были изгнаны, было бы в порядке вещей, чтобы назначенные Даладье муниципальные делегаты ушли с этих постов. Заявляя «война окончена», парижские газеты питали коллективное неосознанное стремление к тому, чтобы все вернулось к довоенному времени. Пусть все будет, как это было раньше, несмотря на присутствие оккупантов: метро — «как раньше»; газеты тоже — «как это было раньше»; снабжение продовольствием — «как раньше»; легкое белое вино — «как раньше»; театры, лотерея, матчи футбола — «как было раньше»; отцы, братья, жёны вокруг семейного стола — «как раньше». В бюро, в цеху, в профсоюзах — «как было раньше!» Однако ничего не могло быть «как раньше», даже учитывая то, что комендантский час был перенесен с 21 на 23 часа. Коммунисты, которые попытались вновь занять свои места в муниципалитетах, были подвергнуты критике за их легалистский кретинизм. Они достаточно дорого заплатили своими жизнями, чтобы над ними надсмехались. Действуя в новой обстановке, они вели себя как разведчики авангарда и «в любую минуту могли лишиться головы». Что касается спокойствия, которое охватило некоторых активистов, вернувшихся в Париж после демобилизации, то оно объяснялось также полным отсутствием практики работы в нелегальных условиях и незнанием железных правил подполья. Лишь незначительное меньшинство партийных кадров пережило с сентября 1939 по июнь 1940 года нелегальное положение. Об этом не следует забывать!

Легализм может восприниматься по-разному. Коммунисты использовали его для возвращения потерянных позиций, для социалистов в департаментах Нор и Па-де-Кале он был «вынужденной жертвой». Социалист Жюст Моро объясняет так: «Необходимо было сохранить в своих руках 130 муниципалитетов, возглавлявшихся в департаменте Па-де-Кале социалистами (...), поскольку регистрация актов гражданского состояния очень ценна для изго-

товления подложных документов. Мэры должны остаться на своих постах и делать хорошую мину оккупанту. Таковы указания руководства подпольной социалистической партии»¹.

В июле 1940 года в Париже, как и по всей Франции, происходило воссоединение семей. Сотнями тысяч французы возвращались туда, откуда они уехали, где ничего не могло остаться таким, каким было раньше. Начинали с того, что считали недостающих: военнопленных, пропавших, безработных, покинутых. «Государство ничего не может сделать для них», — говорил Петен. Находясь на службе у «его величества народа», что могла сделать компартия? Прежде всего объединять, организовывать, объяснять, почему создалось такое положение, как с ним бороться. Где можно было лучше всего это сделать, как не там, где «раньше» были профсоюзы, партийные организации, спортивные ассоциации, там, где еще имелись доказательства их умения и преданности? Как только коммунисты получили возможность, они пошли в массы, чтобы вникнуть в ситуацию (к промышленным рабочим, в места скопления людей, к безработным, студентам), в те муниципалитеты, в которых компартия раньше была в большинстве. Как только «семья» (а именно так иногда называли партию, когда появлялись нежелательные уши) начала «восстанавливаться», как только кровь вновь начала приливать к онемевшим предместьям, обмен идеями, дискуссии позволили быстро избавиться от некоторых ошибок, допущенных в начале пути. Этому помогло распространение «Призыва», который 20 июля уже ходил по рукам, сначала в Париже, а затем, согласно плану, разработанному Лебланом, достиг оккупированной зоны и позднее — зоны южнее Луары. Достоинно сожаления, что господин Дюроссель, профессор Сорбонны, ссылаясь на господина Галиссо и не проверив его источники, пишет «...Можно предположить, что призыв от 10 июля 1940 года, конечно, существовал, но исходил от нескольких активистов, а не от самой партии»². Мы понимаем, что господин Дюроссель специалист по истории дипломатии, но все же писать, что текст, подписанный Торезом и Дюкло, исходит от нескольких активистов!.. От негодования перехватывает дыхание.

¹ Alain Guérin. *La Résistance*, tome II, p. 177.

² M. J.-B. Duroselle. *L'Abîme*, 1939—1945, 1983, p. 413.

Вторая половина июля

Начиная с 15 июля, когда немцы стали создавать оккупационный режим, компартия только приступила к организации. Раймон Далиде вспоминает, как в это время он вновь встретился с Дюкло на бульваре Мортье. Дюкло готовился скрепя сердце покинуть Париж. Несомненно, Треан хотел усилить меры защиты. Возвращение к делам Ланжерона (ставшего накануне весьма эффективным) свидетельствовало о пересмотре нацистских планов. Гестапо убедилось, что оно без помощи и сотрудничества французской полиции не сможет действовать. Аресты возобновились, и их число значительно возросло в августе. Арестовывают, но ненадолго «лампистов» (то есть людей, арест которых мог помочь выследить более значительных лиц, в том числе генерального советника Гранделя *, арестованного 23 июля. — *Прим. перев.*), в чем нацисты упрекают Ланжерона. Немецкие педагоги учат своих учеников технике «длинного поводка»: никогда не считать оконченным дело, пока не доберешься до самого верха, давать возможность действовать, усыплять бдительность и в соответствующее время вытянуть сеть, чтобы выловить «большую рыбку». В октябре эта новая техника принесет двойной улов.

Раймон Далиде вспоминает о поручении, которое дал ему Жак Дюкло: «В максимальной степени возобновить связи с ответственными товарищами. Передать им, что они должны подготовиться к тому, чтобы прекратить всякую деятельность и уйти в глубокое подполье. Если в силу личных причин они не смогут этого сделать, то должны проявить максимум осмотрительности и осторожности, ибо борьба будет длительной и бескомпромиссной».

Что же произойдет? Разница между теми, кто привык к условиям подполья, и теми, кто не имел опыта и проявлял беззаботность, стала вырисовываться очень рано. Для старых работников — это привычное дело, для многих — новое. «Интернационалисты» — команда, которая была

* Грандель, Жан (1891—1941) — активист ФКП, членом которой он являлся с 1922 года, деятель профсоюзного движения Франции, активный участник Движения Сопротивления. Являлся видным профсоюзным деятелем, в частности, заместителем секретаря федерации почтовых работников, входившей в ВКТ. Мэр города Женвилье и генеральный советник департамента Сены. 22 октября 1941 года расстрелян вместе с другими заложниками в Шатобрианс. — *Прим. перев.*

создана для оказания помощи Испании, руководители, для которых это не впервой, чувствуют себя как рыба в воде. Тот факт, что Фрашон, Дюкло, Тийон пережили четыре года оккупации и не «завалились», свидетельствует об эффективности приемов, а также о героизме тех, кто «знал» и не проронил под пытками ни слова, как Феликс Кадрас и Артур Далиде, брат Раймона. Раймон — живая память тех ужасных месяцев, хотя это проводимое нами исследование является весьма поверхностным, этот Раймон еще и сегодня не рассказывал нам, какова была реакция его товарищей на предупреждение Дюкло. Он отчитался об этом перед «Лео» в конце июля. Монтель указал ему маршрут, который вывел его на явку в Виллере в департаменте Сены и Марны, где за городом Дюкло, находясь вдалеке от Парижа, сгорал от нетерпения. Для Раймона Далиде, бывшего любителя-велогонщика, поездка по маршруту Париж — Морэ была лишь прогулкой, полезной для здоровья. И он без труда нашел мельницу Куанье, куда Треан увез Жака Дюкло.

Раймон Далиде ознакомил нас только с выводом Дюкло: «Я никогда не приеду жить в Монтрей, не появлюсь там ни в каком кафе. Я не хочу, чтобы меня замели».

Все указывает на то, что, слишком долго играя в сыщиков и жуликов, забыли, что сыщика нельзя обманывать до бесконечности и что контингенты французских инспекторов полиции, эвакуированных на Юг, также садились в поезда с беженцами, которые возвращались в столицу, чтобы вновь начать «как раньше».

Москва — Брюссель — Париж

Историкам нравится представлять ФКП и Коминтерн в 1940 году как секретное сверхиерархизированное военное общество, генералиссимусом которого якобы был Сталин, начальником штаба — Димитров, генералами армии или бригадными генералами — Торез, Дюкло, Фрашон и другие. Признание эффективности организации не отражало ни всей правды, ни реального положения вещей. Конечно, постоянная скрытность стала второй натурой, безусловным рефлексом у руководителей и активистов, находившихся на нелегальном положении. Однако не видеть разницы между конспиративной практикой и содержанием политических предложений ФКП недопустимо. Нет ничего

более открытого, чем речи коммунистов в июле 1940 года. Нет ничего менее конфиденциального, чем листовки, газеты, маленькие листовки, лозунги, написанные на стенах и мостовых. Историческая школа, теоретизирующая о двойном лице ФПК, уподобляется критикам, которые сравнивают театр Гиньоля* с японским театром «Но». Позволить компенсировать отсутствие архивов, которые день за днем отражают жизнь ФКП, различными вымыслами секретной истории и секретной жизни одних и других — значит придать фантастике признаки реальности; и слишком долго коммунисты оставляли без ответа «объяснения» разных «специалистов». Именно поэтому самые фантастические вымыслы, которые покрылись паутиной, тем не менее повторялись из года в год. Эти горы клеветы являются историческими только по названию. Несмотря на то что их скребли, терли песком, почистили, они не приняли белизны скульптур, очищенных по указанию Мальро (министр культуры. — *Прим. ред.*), которая нас привлекает, но демонстрирует всю глубину пустоты.

Мы боремся в этой книге против извращения правды, приводя наши доказательства, восстанавливающие истину. Эти материалы служат Истории. Коммунисты могут выдерживать критику, хотя они ее не ищут специально. Критиковать — это дать оценку. Но критиковать, когда дело идет о Французской компартии, это не значит отождествляться с чем-то подозрительным, с тем, кого постоянно обвиняют, а *rigori* считают преступником. В июле 1940 года кое-кто, поскольку они были вне (или рядом) коллективно определяемой политики, был отброшен (и разоблачен). Так случилось с Фуасеном, идеологическая слабость которого не нуждается в том, чтобы ее доказывали. Фуасен не является козлом отпущения, принесенным в жертву пропаганды. Это человек, который после первой ошибки (совершенной вместе с другими) продолжал упорствовать. Поставил ли он своими действиями компартию под угрозу? Конечно, нет. Для этого нужно было нечто большее. Даже Дорио обломал себе зубы. Но на своем уровне Фуасен мог нанести ей ущерб, и он это сделал. Нанесение ущерба не создает угрозы.

Как и Морис Торез в Москве (и задолго до него), Дюкло, Фрашон, Клеман осознали большую опасность,

* Гиньоля — французское название кукольного театра, близкого к русскому театру Петрушки. — *Прим. ред.*

которую представляет германская попытка скомпрометировать компартию (не говоря уже о поведении и политической эволюции Фуасена).

Почему и как они осознали это? Потому что все исполнители отчитывались о своих действиях и поскольку информация поступала более или менее быстро и никогда не прерывалась.

1. Передача информации из Парижа в Брюссель, из Брюсселя в Москву.

Как это было организовано? Либо при помощи личной связи через адвоката Фонтейна (который рассказал Алену Герэну, что в июне—июле по заданию Клемана он на машине неоднократно совершал поездки по маршруту Брюссель — Париж и обратно), либо через обычные каналы (железнодорожники Амьена, Лонга, Арраса и др.), которые Марта Дерюмо и Жанна Колетт задействовали с начала июня. По каналам связи из Брюсселя в Париж передавались директивы, о которых *Морис Торез писал в записной книжке*:

«19 июня — Задача: объединить все силы против оккупации.

1. Никакого пессимизма (комментарии); для компартии положение неплохое. У нас имеется значительный задел. Потерпела банкротство буржуазия.

2. КП оценивала правильно.

3. Рабочий класс только под нашим руководством может выйти из хаоса.

Беседы с Ф. С. и С. (французы и Степанов. — *Примечание авторов.*)

20 июня — С. (и затем М.) ставят вопрос об отъезде всех во Францию.

22 июня — теле. в указанном выше смысле (внутреннее)».

Это «теле» не телекс, а закодированная радиограмма с текстом заявления ФКП, опубликованным до падения Парижа. Она была получена 24 или 25 июня.

Полностью заявление было передано по радио в Брюссель, а затем в конце июня переправлено с курьером из Брюсселя в Париж. Этот же посыльный, вернувшись в Брюссель через неделю, привозит Клеману информацию, которую Торез получил от Соркина * 12 июля.

В ней будет сообщаться, что связь с Парижем затруднена, что не мешало Клеману передать туда инструк-

* Соркин — сотрудник Коминтерна. — *Прим. перев.*

ции. Информация, привезенная посыльным из Парижа в Брюссель, относится к периоду до 4 июля. Например, в ней говорится о том, что, по сведениям Жюльетты Губле, Муссинака не выпустили и перевели из тюрьмы «Санте». Она же опубликовала 4 июля в «Франс о Травай» передовицу «Страдания политических заключенных», в которой обобщила информацию, собранную адвокатами о заключенных. Другой пример: сообщение о том, что правительство чувствует себя неуютно в Клермон-Феране — промышленном городе, относится также к 3 июля, когда правительство Петена переехало в Виши — город с меньшим количеством рабочих. Наконец, еще одна иллюстрация — арест Треана. Ничего еще нет об отмене конституции. Это сообщение, сделанное в Брюсселе Клеманом 4 или 5 июля, было направлено с посыльным из Брюсселя в Москву. Это объясняет тот разрыв в семь дней, который имеется (по свидетельству Мунетт Дютель, Димитров, которому была предназначена эта информация, сейчас же передал ее). Но вернемся к записным книжкам Мориса Тореза. Они очень содержательны.

«12 июля — СК (Соркин): Клеман передал директивы. Связи затруднены. Толстяк, кажется, был арестован на три дня, а затем отпущен.

В рабочей массе, а также среди мб (мелкой буржуазии) и интеллигентов значительна ненависть к немцам. Они приказали полиции Кьяппа арестовывать коммунистов. (Кьяпп — бывший префект полиции — в это время был председателем делегации муниципального совета в Париже.— *Прим. авт.*). Они освободили Жансона и задержали Муссинака и других в тюрьме. Пр. (правительство) может вернуться в Париж. Германская армия — его единственная опора. Даже не осмелилось остаться в Клермоне, промышленном городе. Отправилось в Виши. Петен имеет определенную базу среди крестьян. В целом доминирующее мнение: усталость, разочарование, потеря иллюзий, безнадежность.

Трудности с продовольствием. Вскоре наступит голод. Немцы грабят все, в том числе и машины. Более одного миллиона военнопленных работают (в оккупированной зоне.— *Прим. авт.*).

В Париже арестовывают дезертиров и передают их немцам.

3. Единственная сила: п. коммунистов, которая увеличивает свое влияние. Все остальные дискредитированы. Но

коммунисты, по крайней мере до ухода Гитлера, не являются достаточно сильными (?)

12 июля — СК: Толстяк по выходе из тюрьмы был отвезен к Абецу, который предложил ему издавать газету вместо «Юманите» (попытка наладить сотрудничество с компартией). Скомпрометировать ее, поскольку она остается единственной силой. М.)» (М.— Морис.— *Прим. авт.*).

Заметки Тореза показывают, как Клеман подает эти факты. «Его отвезли к Абецу» свидетельствует, каким образом немецкое давление оказывалось на Треана. За ним ведется усиленное наблюдение 26 июня. Именно на это предложение Абеца Фуасен по указанию Катала и Треана ответил отказом 27 июня или за два дня до того, как газета, предназначенная заменить «Юманите», будет выпущена.

Оценка Тореза: попытка скомпрометировать такая же, как у Дюкло и Фрашона, и они пришли к единому мнению, как только узнали об этом предложении. Вот почему письмо, которое приписывается Треану — Катала и ставшее предметом наших замечаний, не могло быть написано, как это утверждают Тийон и «историки», которые его цитируют, Жаком Дюкло. Тот, кто писал его, был Фуасеном. И именно он отнес эту крапленную карту в приемную Абеца. Письмо оставляет дверь приоткрытой, поскольку в постскриптуме говорится об освобождении заключенных как неперемennom условии для продолжения контактов. Резюме сообщения Клемана свидетельствует об отсутствии иллюзий относительно подобной возможности на самом высоком уровне.

II. Передача информации: Париж — Лимож.

Пери, Катала, Треан, Дюкло, оставшиеся в Париже, могли связаться с Фрашоном через Мари Дюбуа в Лиможе. Механизм связи был хорошо отлажен до отъезда на юг 12 июня. Конечно, эта структура, несколько легковатая, но хорошо приспособленная к местным условиям, продолжала действовать в Париже.

Около 12—14 июля из Парижа в Лимож прибыл первый связник, бывшая машинистка Центрального Комитета. Мунетт Дютейль легко ее опознала, получила устное послание и в какой-то момент подумала, что полиции удалось внедриться в компартию. Молодая посыльная сообщила ей о немислимых фактах: «Юманите» скоро начнет выходить. С немцами продолжаются переговоры относи-

тельно освобождения арестованных и возвращения в муниципалитеты лишенных мандатов советников. Хотят, чтобы Бенуа как можно быстрее возвратился в Париж. Ошеломленная Мунетт просила посланницу описать товарища, который дал ей это поручение, и постепенно был воссоздан портрет толстого, большого, плотного Треана.

После этого опасение в полицейской провокации было снято, но сильное беспокойство осталось. Мунетт села в первый же поезд и поехала в Сен-Сюльпис-Лорьер, прошла 10 километров лесом и передала Фрашону новости из Парижа. Как обычно, когда им овладевало негодование, Фрашон долго молчал, расхаживая вдоль и поперек комнаты, посасывая трубку. Было решено созвать собрание «южан», которых можно было быстро предупредить в Лиможе, Тулузе, Лионе, Клермоне, Сент-Этьене и в их окрестностях. Артюр Далиде устроил так, чтобы их вызвали, а сам выехал в Тулузу (линия Париж — Тулуза начала работать с 17 июля). Он встретил там Мадлен Жегузо, которую называли Красные Ногги, и немедленно отослал ее в Париж, с тем чтобы встретиться с Треаном и сообщить ему о скором возвращении Бенуа. Она это сделала, но не смогла сказать Треану (который разозлился и стал угрожать), где находится Бенуа. В конце июля связь с Парижем была продублирована через Монтеля. Он приехал в Лимож по поручению Дюкло, который не соглашался оставаться в вынужденном укрытии и просил передать Фрашону, чтобы тот возвратился как можно быстрее. Когда Монтель на машине приехал в Лимож и встретился с Мунетт, она воскликнула (не зная, что он приехал по приказу Дюкло):

— Что ты тут делаешь? Ты приехал кстати.

Монтель ответил:

— Когда я нужен, я всегда на месте (свидетельство М. Дютель).

Созванное Фрашоном собрание состоялось на берегу речки Фюрсанн. Приглашенные ударили рыбу. Мунетт стояла на страже в небольшом соседнем леске. Рыбаков звали Фрашон, Артюр Далиде, Виктор Мишо, Феликс Кадрас. Они приняли два решения:

1. Далиде и Фрашон возвращаются в Париж, чтобы самым внимательным образом следить за развитием обстановки;

2. Были распределены зоны, за которые отвечали: Леон Мовэ — Лион; Жорж Маран — Сент-Этьен; Шарль Тий-

он — Бордо; Виктор Мишо — Юго-Восток; Феликс Кадрас — Тулуза. Через месяц после перемирия руководство ФКП в Южной зоне было «на коне».

За несколько дней до этого Фрашон через посольство СССР в Виши решил связаться с Коминтерном. Маргарита Монтре — очень красивая женщина, — элегантно одетая, поехала с шофером на роскошной машине из Лиможа в Виши. Машина остановилась перед виллой, в которую переехало посольство СССР, и перед Маргаритой открылись двери.

Она училась в Москве на радиокурсах Коминтерна. Елена Димитрова — жена Димитрова — обучила ее шифровке и дешифровке, как и Анджеллу и Луизу. Советский дипломат, будучи убежден, что имеет дело с красивой провокаторшей, указал ей на дверь.

В подобной же ситуации Анжелле Салейретт повезло больше, ей предложили нанести второй визит. Таким образом, миссия Маргариты Монтре потерпела фиаско, и после их возвращения в Фюрсанн Бенуа Фрашон еще сильнее стал посасывать свою трубку.

2 августа Монтель отвез Фрашона, Мунетт Дютель и Маргариту Монтре из Фюрсанна в Париж. В конце дня он остановился на бульваре Даву, перед зданием, в котором Маргарита имела квартиру, где Бенуа скрывался еще до разгрома Франции. Артюр Далиде, ехавший в Париж на велосипеде, прибыл туда до Фрашона!

Мунетт вернулась на конспиративную квартиру на улице Брока и затем нашла Артюра Далиде.

Но ей потребовалось 10 дней, чтобы установить контакт с Треаном, который, как она говорит, тем не менее знал, как ее найти. Их первый контакт был достаточно бурным. Она вспоминает об этом: «Это произошло в ресторане «Мандолина» около станции метро «Жан Жорес». Я работала секретарем Треана с 1937 года. В этот день мы подвели итог моей работы с момента оккупации. Я высказала ему свое беспокойство о Бенуа в связи с известием связника относительно возобновления издания «Юма». Он мне ответил: «Немцы не знали, с какой ноги начать танцевать. Это был хороший момент, чтобы открыто выпустить «Юма». Это объединило бы рабочих. Можно было бы даже организовать ее распространение».

В связи с отсутствием «Комитетов защиты «Юмани-те»» для этого планировалось использовать безработных и даже бродяг с рынка «Чрево Парижа». Они должны

были получать половину пятифранковой купюры утром и вторую половину после распространения газеты. Треан планировал распространять «Юманите» либо путем продажи, либо путем распространения отпечатанных на ротаторе листовок, либо листков, отпечатанных в типографии, либо газеты большого формата. Он очертя голову бросился в эту историю.

Мунетт Дютейль добавляет: «От утверждения о необходимости компромисса, от умения сочетать легальные и нелегальные методы Треан перешел к напоминанию о своих усилиях убедить Катала в необходимости оценить реальные возможности освобождения арестованных товарищей. Я вспоминаю сказанную им фразу: «Не забудь, Жан, за тобой вся партия». Позднее Катала подтвердил мне эти высказывания. И Треан добавил: «И к тому же это директивы из высокого «Дома». Он спросил меня, почему я уехала вместе с Бенуа. Я ответила, что Бенуа дал мне такое указание. Разговор был очень натянутым, и я вышла после этой встречи скорее потрясенной, чем растерянной. Я детально рассказала об этом Артюру. Он не хотел мне верить, разговор шел на высоких нотах: по его мнению, я ничего не поняла. Я не знала, что он уже встречался со своим братом Раймоном, от которого он получил такую же информацию, относившуюся к концу июня. Я никогда не видела Артюра столь обеспокоенным.

Я поняла, что он напишет отчет в Коминтерн. После освобождения и моего возвращения из ссылки Раймон сообщил мне, что Морис Торез, говоря об этом докладе, сказал ему: «Артюр был прав» (беседа с автором).

Раймон Далиде подтвердил нам пункт за пунктом этот разговор. И он добавил: «Морис Торез сказал мне также о Треане: бывает, что люди правильно оценивают, бывает, что ошибаются. Однако это не мешает тому, что они остаются членами партии и хорошими товарищами».

III. Передача информации по маршруту Москва — Париж (июль — август).

В Париже в начале августа отмечается то, что Бенуа Фрашон в своих неизданных рукописных заметках называет «нормальным функционированием партийного руководства».

Во второй половине июля бельгийский адвокат Фонтейн вновь приехал во Францию, на этот раз в сопровождении адвоката Пельса. Последний должен был ре-

шить вопрос об освобождении бельгийских интернированных, арестованных в свое время правительством Янсона, а затем вывезенных во Францию. В конце июля Фонтейн приезжает в Париж, но не находит никакого письма, которое следовало бы отвезти Клеману в Брюссель: Бонуа, Жак и сам Треан находились вне Парижа.

Именно это отмечает Морис Торез в блокноте 17 августа: «Сообщение Клемана об отсутствии связей и существующие опасности в установлении контактов».

Итак, Торез отмечал 2 августа: «Комм.ДФ (Сообщение Димитрова.— *Прим. авторов*): интриги Н. (немцев.— *Прим. авторов*). продолжают. Серьезная опасность. Фуасен. Национальное революционное правительство с комм. Категорическое предупреждение. Исключение тех, кто будет скомпрометирован».

Источник информации — Димитров (ДФ), дата 2 августа и появление фамилии Фуасена позволяют нам утверждать, что Г. М. Димитров передал информацию, полученную по дипломатическим каналам. Действительно, Фуасен в записке, которой он себя защищает, сообщает о разговоре, состоявшемся во второй половине июля с советником советского посольства, находившимся проездом в Париже. То, что в своем идеологическом прорыве — который великодушно питался Пикаром — он набросал картину «революционного национального правительства», не может нас удивлять. Для Фуасена будущее заключается в союзе Гитлера со Сталиным, а следовательно, в союзе ФКП с французскими нацистами. Ах! Фуасен не останавливается на деталях. В разговоре с советским собеседником он рассуждает: о Треане, Коминтерне, о речи Молотова. Что сделает советский дипломат? Очень просто, он напишет длинную телеграмму в представляемое им министерство министру. Его министр Молотов сообщит ее содержание Мануильскому, Димитрову, Димитров — Торезу, который не ошибется в своей оценке. Германские интриги продолжают. Таким образом, информация передается достаточно быстро, поскольку вопрос об исключении Фуасена был поставлен уже 2 августа.

Не пройдет и недели после возвращения в Париж Фрагона и Дюкло, как «Юманите» от 9 августа опровергнет сотрудничество коммунистов с «Франс о Травай». Процесс прояснения и расследования в отношении тех, кто «был бы скомпрометирован», приведет к исключению

из партии Фуасена, о чем объявляется открыто. Возобновление контакта между Дюкло и Фрашоном на конспиративной квартире, возвращение в Париж демобилизованных или бежавших активистов компартии, среди которых много профсоюзных работников, подтолкнет дело реорганизации партии (не без того, чтобы вновь прибывшие не всегда соблюдали осознанно элементарные правила безопасности и конспирации). В августе аресты продолжаются, но отмечается новый факт: немцы и гестапо, получив серьезную поддержку от французской полиции, отнюдь не тормозят деятельность Ланжерона и нажимают на все педали. Фуасен не смущается. Он продолжает посещать посольство и ведет разговоры с Бумельбургом, которому сообщает о своем исключении. Старая лиса ему отвечает: «Бывают исключения, сделанные по тактическим соображениям». Бумельбург ошибается точно так же, как он ошибся в возможности выйти по этому каналу на Жака Дюкло. Треан сорвал его попытки — операция ему не удалась. Бумельбургу надо было следовать совету Дорио, который тот дал ему в конце июня: «Ни в коем случае не выпускайте Треана».

Неизданные заметки Бенуа Фрашона

Мы предоставляем Бенуа Фрашону возможность завершить эту главу:

«Периодически, когда голлизм или другие реакционные партии хотят сделать выпад против ФКП, они вытаскивают старую клевету: якобы компартия попросила разрешения на выпуск «Юманите»

Мы уже говорили: никогда руководство ФКП не предпринимало такого шага и не высказывало такой просьбы.

На это нам отвечают: были приведены доказательства, что подобный факт был. Мы не будем отрицать этого факта, но настаиваем, что он был сделан не от имени партийного руководства, хотя заинтересованное лицо чистосердечно думало, что дело обстоит именно так (...).

В этот момент наше руководство состояло из двух центров (!). Кто из тех, кто нас критикует, может записать себе в актив такую быструю и такую эффектив-

ную реорганизацию, что вынужден был признать сам Черчилль... (многоточие в рукописи).

В этот момент немцы уже опасались деятельности компартии и ее влияния. Они искали способов бороться с ней и ее влиянием среди населения, и особенно среди рабочих. Они даже создали «левую» газету «Франс о Травай», к изданию которой привлекли одного коллаборациониста — ренегата ФКП, одного предателя — адвоката Фуасена, для того чтобы придать реальность этой иллюзии. Но мы взяли бы на себя слишком много, если бы стали утверждать, что та огромная задача, которая стояла перед нами, решалась всегда гладко, без срывов и столкновений.

Случалось, что во всеобщей неразберихе руководство не имело тесных контактов со всеми активистами, которые вопреки руководству проявляли инициативу, чтобы быстро решить вопрос.

Именно таким образом был предпринят шаг к возобновлению издания «Юманите». Как только руководство партии стало функционировать нормально, оно исправило эту ошибку, допущенную одним человеком. Оно это сделало открыто, в больших масштабах, в частности путем публикации в сотнях тысячах экземпляров «Призыва от 10 июля». Нам могут сказать: что общего между «Призывом» и просьбой об издании «Юманите»? Но у нас есть и другие факты, которые показывают, что руководство компартии твердо и быстро сорвало попытки нацистов и вишистских предателей скомпрометировать компартию.

В это время в Париже издавалась газета «Ви увриер кляндестэн». Ее редактором с начала войны был некий Клеман. Очень быстро обнаружилось, что он предатель, способствовавший аресту многих активистов, в том числе Толе *. Через некоторое время он заплатил за свои преступления. Его ликвидировали в центре Парижа. Немцы пришли в ярость, поскольку считали его одним из преданных слуг. Он также хотел, чтобы мы запросили разрешения на издание «ВУ», и настойчиво требовал встречи с Фрашоном по этому вопросу, но каждый раз

* Толе, Андре — видный деятель профсоюзного движения Франции, член ЦК ФКП. Активный участник Движения Сопротивления.—
Прим. перев.

получал сухой отказ. В тот момент у нас не было данных, что он полицейский шпик. Тем не менее во время разговора между Фрашоном и Энаффом * было решено, что он больше не будет редактировать «ВУ», когда мы вынудим его раскрыться.

(Неизданные рукописные записки Б. Фрашона. Документы принадлежат авторам книги.)

* *Энафф, Эжен* — видный деятель профсоюзного движения Франции. Член ЦК ФКП. После побега из Шатобриана в июне 1941 года включился в Движение Сопротивления. Являлся членом созданного ФКП Национального военного комитета. После войны долгое время являлся председателем объединения профсоюзов ВКТ Парижского района. — *Прим. перев.*

Письмо Абеца Тюрнеру

Мы уже приводили наши оценки письма, составленного 27 июня Фуасеном и переданного Отто Абецу. Этот текст зафиксировал отказ Абеца дать разрешение на возобновление издания «Юманите». В действительности все было решено уже 20 июня в 18 часов, когда лейтенант Вебер отказался дать разрешение на печатание статей, представленных Дениз Жиоленн.

28 июня Абец, не будучи уверен в том, какие функции ему придется выполнять, диктует государственному советнику Тюрнеру сопроводительную записку, которую мы публикуем:

Париж, 28 июня 1940 года
Военному губернатору Парижа
Военная администрация при
государственном советнике
докторе Тюрнере
Содержание: газета «Юманите»

При этом направляю Вам копию полученного вчера письма, в котором три представителя Центрального бюро Французской коммунистической партии излагают мотивы и программу возобновления издания газеты «Юманите» и выступают за освобождение арестованных французским правительством коммунистов, а также за восстановление в своих правах французских чиновников-коммунистов, которых отстранили от должности в начале войны.

Письмо написано Морисом Треаном и Жаном Катала и было лично принесено Робером Фуасеном.

Хорошо информированные бывшие члены ФКП, находящиеся сегодня в национальном лагере, утверждают,

что Морис Треан с августа 1939 года до вступления германских войск в Париж руководил противозаконной пропагандой, направленной против войны, французского правительства, за германо-советское соглашение, он располагает картотекой на французских коммунистов и 8 млн. французских граждан.

В доме депутата Жана Катала во время Гражданской войны в Испании проживала Пассионария.

Робер Фуасен в течение десяти лет выполнял поручения советского посольства в Париже и был официальным связником Французской компартии с Советским правительством.

Вышеперечисленные три человека не произвели на меня впечатления людей, которых можно заставить отказаться от их взглядов.

Вместе с тем они могли бы быть полезными, если бы мы пришли к четкому соглашению, направленному на оживление французской экономики и создание более здоровой социальной обстановки.

Они утверждают, что незнакомы с прилагаемой листовкой «Призыв к парижанам», принесенной одним доверенным человеком, и сомневаются, чтобы не связанная с политическими проблемами деятельность компартии во Франции, осуществляемая с полного согласия германских властей, давала бы реальные преимущества, поскольку неконтролируемые действия, особенно со стороны троцкистов, могли бы найти поддержки.

Фуасен, Треан и Катала просят о встрече с компетентным представителем военной администрации.

Приложение: два документа, которые подлежат хранению.

Советник Абец.

О чем свидетельствует эта сопроводительная записка?

Прежде всего о большой осторожности Абеца. Наблюдая за подготовкой первого номера «Франс о Травай», он в то же время прикидывается несмышленищем, пытаясь переложить решение на компетентные власти, с которыми подписавшие письмо просят встречи. Но подобного пожелания, приписываемого Треану и Катала, в письме нет, есть лишь следы особого словесного усердия Фуасена или советника Пикара.

Будучи осторожным, Абец не настаивает на необходимости предварительных переговоров «с тремя названными лицами».

Ссылки на полицейские услуги ясны. «Бывшие члены ФКП» и «доверенный человек» упоминаются, чтобы показать, что гестапо в курсе маневра и наблюдает за его развитием.

Тем не менее в записке сквозит легкое разочарование: операция не создала у Абеца «впечатления, что можно заставить этих людей отказаться от их взглядов».

Характеристика мэтра Фуасена как человека, которому «советское посольство „давало поручения“, не лишена изобретательности, точно так же как и формула, согласно которой „он был связником ФКП с советским правительством“. Но кто может приписать такие огромные задачи „дипломату,, (Фуасен.— *Прим. перев.*), который в мемуарах пишет, что имел только один протокольный контакт с советским дипломатом в 1940 году?

Наше внимание должна привлечь копия листовки «Призыв к парижанам», которая была послана Тюрнеру. Кто этот доверенный человек, который смог достать материал ФКП? Не является ли им сам Фуасен? (В письме к Пикару от 5 августа он жалуется на конфискацию «досье листовок, предназначенных господину Абецу», в ходе обыска, проведенного гестапо.)

Но счастье не изменило Фуасену. Через четыре года после событий, в сентябре 1944 года, он «найдет» листовку и приложит ее к оправдательному документу, представленному Совету ордена юристов. Резюмируем.

1. Абец предъявляет своим собеседникам-коммунистам листовку. Они утверждают, что не знают ее. Треан говорит правду. Он вышел из тюрьмы «Санте» и в течение шести дней был не в курсе событий. Но Катала?

2. Абец снял копию для Тюрнера.

3. Он передал также копию мэтру Пикару.

Последний, осуществляя план Гримма, использует ее наилучшим образом. Насколько мы знаем, еще никто из «специалистов» не сказал, что «письмо», опубликованное в первом номере «Франс о Травай» под заголовком «Голос трудящихся», является текстом «Призыва к парижанам», из которого вычистили всякие ссылки на ФКП и упоминание о ней.

Редактор первоначального текста (Дюкло, Пери, Катала,— какая разница кто) без труда узнал бы свое творчество. В этом случае он понял бы германский маневр. Некоторые распространители листовок так же поняли бы, что это немецкая подделка. Другие пошли бы

далее и сделали вывод, что коммунистам удалось проникнуть в «Франс о Травай», но что германская цензура изуродовала их текст. Подобная реакция отмечалась в тот день ответственным за выпуск Шарлем Дьедонэ. Он писал в № 2 от 1 июля: «Мы уважаем наших читателей. Мы не скрываем от них, что газета «Франс о Травай», как и другие органы печати, выходящие в занятой столице, подвергаются цензуре.

Мы не говорим всего, что думаем. Но все, о чем говорим, продумано».

Формула эта очень кстати. Ее вполне достаточно, чтобы в течение нескольких дней или недель убаюкать неразвитые в политическом отношении умы. Является или нет Фуасен доверенным человеком нацистов, это не имеет значения. Он знает, как оригинальный текст листовки был извращен, он знает гнев своих товарищей. Станным образом он об этом не говорит. Ни в 1940 году, ни четыре года спустя, прилагая оригинальный текст листовки к оправдательной записке перед орденом юристов, он воздерживается от указания на ее фальсификацию.

Мы даем текст «Призыва к парижанам», отпечатанный в «Франс о Травай» под заголовком: «Голос трудящихся». Произведенные Пикаром и службами Отдела пропаганды немцев купюры в листовке отмечены курсивом (в русском переводе этот текст дается в скобках.— *Прим. перев.*).

Голос трудящихся

Мы получили от группы рабочих Парижского района следующее письмо, которое отражает мнение весьма широких кругов.

«Перемирие подписано. Наши солдаты больше не воюют. И в то время, когда прекратилась пушечная стрельба, наши мысли обращены к тем, кто остался на поле битвы — вдовам, сиротам, к калекам, ко всем несчастным жертвам войны.

Напрасно агенты империализма пытаются убедить сейчас французский народ, что он должен продолжать войну в интересах финансистов Сити. (И в то время, как эти господа стремятся распространить огонь войны на колонии, коммунисты говорят колониальным народам: «Используйте трудности ваших угнетателей, чтобы раз-

бить сковывающие вас цепи, освободиться, завоевать независимость».)

Французский народ стремится к миру и потому, несмотря на репрессии Даладье — Рейно, Мандела, лозунги (борющихся коммунистов) за мир, вызвали такой глубокий отклик в его душе.

И сегодня, перед лицом катастрофы, вызванной войной, народ понимает, что если бы он слушал (коммунистов), (голос разума), Франция не знала бы войны.

(Депутаты-коммунисты), (люди), которые имели мужество требовать в сентябре 1939 года мира, подвергались подлому нападению, преследованиям и тюремному заключению. Их обвиняли в том, что они хотели «мира с белым флагом» (то есть призывали капитулировать перед Германией.— *Прим. перев.*), мира без погибших, который оставил бы Францию такой же, как до сентября 1939 года. (И среди тех, кто требовал для коммунистов казней за то, что они хотели мира, особенно усердствовал один из нынешних министров маршала Петена, представитель Французской социальной партии Ибарнэгарэ.)

Все партии, все политические деятели от Блюма до Марэна *, всякие жуо и их сообщники, все они оскорбляли (коммунистов) (этих мужественных людей), поскольку те хотели мира, однако сегодня каждый француз понимает, что те, кто заключен в тюрьмы,— правы, а преступники те, кто вовлек Францию в войну.

(В последние дни мрачный Ланжерон, человек Даладье и Мандела, готовый на все, продолжает свою грязную работу, подвергая арестам честных защитников мира, повинных только в том, что слишком рано поняли все.

Тот факт, что те, кто несет ответственность за наши несчастья, продолжают свою преступную политику, убеждает народные массы в необходимости свершения правосудия.)

В то время как народ думает об усилиях, которые следует предпринять, чтобы восстановить страну, ее экономику, когда он озабочен судьбой раненых, сирот,

¹ *Марэн Луи* — один из руководителей правой буржуазной партии — Республиканская федерация, пользовавшейся некоторым влиянием в довоенной Франции. В период Сопротивления часть партии примкнула к движению генерала де Голля, пропагандируя пассивное ожидание высадки союзных войск. После освобождения Франции Республиканская федерация была преобразована в группу «независимых республиканцев». — *Прим. перев.*

вдов, стариков, он хочет справедливости. (И требует, чтобы ответственные и все те, кто использовал войну в своих целях, возместили понесенные расходы.)

Вот почему парижане, выражая чувства всего французского народа, решив способствовать лучшему будущему под знаком труда, справедливости, мира (и братства народов), требуют, в частности:

1. Освобождения (всех избранников народа и активистов) всех товарищей, брошенных в тюрьмы за то, что они защищали мир. (И восстановления прав и функций представителей народа, лишенных мандатов.)

2. Предъявления обвинений и открытого суда над всеми, кто втянул Францию в войну и обманул французский народ, чтобы иметь возможность продолжать свою преступную политику.

3. Конфискации всех военных прибылей, обложения большими налогами крупных состояний, национализации без возмещения банков, шахт, гидроэлектростанций, крупных предприятий, железных дорог, с тем чтобы мобилизовать все экономические и финансовые ресурсы страны.

4. Пуск в ход всех предприятий, в том числе и тех, хозяева которых убежали.

(5. Восстановления демократических прав рабочих и профсоюзных свобод.

Однако подобная программа не может быть реализована правительством, состоящим из людей, которые способствовали краху, правительством, в которое входят побежденные военные и политики с нечистым прошлым, как Лаваль, Фроссар* и компания...)

Правительство (которого ждет страна, которого ждет французский народ и которого требуют события) должно быть избрано народом (и опираться на народ, должно внушать ему доверие и дать ему возможность работать и надеяться), должно быть правительством борьбы с плутократией (состоящим из мужественных, честных людей, доказавших свою преданность делу народа), правитель-

* Фроссар, Людовик-Оскар — ренегат Французской компартии, генеральным секретарем которой был в первое время после ее основания. Позднее вступил в Социалистическую партию. Ярый противник единого фронта и единства действий. Поддерживал мюнхенскую политику. Министр информации во время «странной войны». Отличался яркой антисоветской и антикоммунистической клеветой. — *Прим. перев.*

ством, решившим сохранить мир (правительством, решившим продолжать с СССР — страной социализма — политику дружбы, которая удачным образом дополнила бы германо-советский пакт и способствовала бы созданию условий для справедливого и прочного мира).

Парижане! (Присоединяйтесь к призыву тех, кто, рискуя своей свободой и жизнью, всегда говорил правду. Под знаменем борьбы против капитализма, порождающего нищету и войны, под знаменем труда, свободы, мира, братства и независимости народов) (именно так) мы поднимем Францию из руин.

(Организация района Большого Парижа Французской коммунистической партии.)

Если к этому добавить *, что в статье, опубликованной в этом же номере — № 1 «Франс о Травай», озаглавленной «Да здравствует свобода», можно прочитать:

«В то время со стороны трудящихся масс, разделяющих позиции левых, раздавались призывы: «Долой войну». Мужественные депутаты-коммунисты подписали письмо протеста против бойни, но было уже поздно. А Даладье дополнил декрет от 26 июня декретом от 26 сентября, направленным против всех французов, которые не хотели выдавать Францию Англии». (Допущены две ошибки в содержании и хронологии.— *Прим. авт.*)

Если к этому добавить:

статью, опубликованную в № 2 «Франс о Травай» (1 июля): «В нашем вчерашнем номере во имя свободы мы изложили цели декретов от 25 июня 1939 года, направленных против французов, обвиненных в том, что они выступали против евреев и англичан, а также декрета от 26 сентября, который был направлен против французских коммунистов, ужесточив репрессивные меры декрета от 25 июня. Германо-советский пакт был только что подписан».

«Мы потребовали во имя свободы (...) немедленного освобождения *всех политических заключенных*, какие бы правонарушения и преступления они ни совершили.

Меры по освобождению политических заключенных сами по себе недостаточны (...). Нужно отменить эти скандальные декреты, текст которых был задуман Даладье

* Далее авторы приводят цитаты из газеты «Франс о Травай» с тем, чтобы наглядно показать методы фальсификации и дезинформации, применявшиеся в этот период немецко-фашистскими оккупантами.

и усугублен евреем Манделем. Нужно отменить эти гнусные декреты, явившиеся одной из причин, и отнюдь немаловажной, военного поражения (...).

Эти декреты нас оскорбляют (...) Их нужно сжечь на Гревской площади».

Если к этому добавить:

передовицу от 3 июля: «Коммунисты находятся среди истинных французов, поскольку в сентябре они поняли и провозгласили: «Долой войну, чуждую нашим интересам».

Если к этому добавить:

передовицу от 4 июля: «Страдания политических заключенных», подписанную инициалами Ж. Г., то есть Жюльеттой Губле, близкой сотрудницей Фуасена, в которой она пишет об убийстве политических заключенных после их эвакуации из тюрьмы «Санте» и заканчивает утверждением (ложным), что «политические заключенные освобождены...», то станет ясно, что тут слишком много напечатано для пяти дней. Материала достаточно, чтобы дезориентировать отдельных коммунистов и симпатизирующих им. Отдел пропаганды, следуя предложению Гримма, добился успеха. В передовице от 3 июля «Франс о Травай» с восторгом пишет:

«Это коммунисты! Вот что говорят некоторые наши читатели!! Одни одобряют содержание наших трех первых номеров, а другие опасаются! (...)

Мы не те коммунисты, какими нас рисует буржуазия (...) таких коммунистов больше нет, поскольку революция уже произошла в сознании народа» и т. п.

С 30 июня началась первая фаза политической борьбы, которая в течение месяца будет то усиливаться, то ослабевать и закончится исключением Фуасена. Она будет вестись на четырех уровнях.

Если можно так сказать, на первом уровне — в «Юманите». С 1 июля (№ 58), через день после выхода ложной левой газеты (абсолютный рекорд в отношении сроков) в «Юманите» появляется статья под заголовком: «Для того, чтобы вернуть Францию к работе» (игра слов на основе заголовка газеты «Франс о Травай». — *Прим. перев.*).

О чем говорится в статье? «Речь не идет о том, чтобы разглагольствовать о возвращении Франции к работе, нужно действовать».

Это почти незаметный сигнал, на него не обратили внимания. 7 июля (№ 60) уже удар колокола: «Очень

много говорят о том, что следует вернуть Францию к работе, но ничего конкретно не делают».

Второй уровень: Треан — Катала. Со времени написания письма, которое Фуасен адресовал Абецу, их позиция определилась. С 30 июня, с момента фальсификации, осуществленной во «Франс о Травай», они прерывают контакты. Но Фуасен цепляется и предлагает альтернативное решение: «Юманите дю Суар». Катала не соглашается. Фуасен вновь пытается убедить, что освобождение заключенных возможно. И именно в этот момент «Франс о Травай» усиливает кампанию по этому поводу. Она достигает кульминации 4 июля в статье, подписанной инициалами Жюльетты Губле, которая сообщает, что политические заключенные «освобождены». Речь идет о том, чтобы лишить смысла кампанию компартии за освобождение товарищей, кампанию, которая станет бессильной, поскольку, если верить «Франс о Травай», они освобождены.

Этим днем датируется решение полного разрыва с Фуасеном, которое он не выполняет и 4 июля пишет Пикару письмо, публикуемое нами далее. И это третий уровень — уровень опытных активистов, таких, как Раймон Далиде, Жанэн, Лондон, Вийон, Шомэй и другие. Встречаясь по разным поводам, они высказывают свое полное несогласие (с действиями Треана. — *Прим. ред.*) и указывают опасность. Жак Дюкло тоже это понимает, но у него, также как и у других активистов, нет возможности организовать демократическое обсуждение, в ходе которого можно было бы объяснить действия Треана и оздоровить положение. Таков смысл разговоров Дюкло с Раймоном Далиде: использовать все печатные средства, чтобы широко распространить предложения и оценки компартии. Именно такую миссию поручает Дюкло через Треана Жану Жерому.

Четвертый уровень: внутренний противник, оккупант, гестапо. 5 июля уже можно подвести первый итог: по мнению Пикара, с точки зрения чистой пропаганды маневр удался, но потерпел полный провал, поскольку не удалось привлечь коммунистов на сторону нацистов. За исключением ренегатов — сторонников Дорио, еще до оккупации выступавших за сотрудничество с Германией, нельзя сослаться ни на одну значительную подпись или отречение. Фуасен колеблется. Пикар это хорошо видит и чувствует его уязвимость и то, что Фуасен еще не

оставил надежды освободить своих клиентов. Пикар советует Абецу и Бумельбургу, а также Фуасену (ибо он почти «обращен», если применять полицейский термин) реагировать на беспокойство коммунистов и их нетерпение красной тряпкой — возможностью возобновления издания газеты «Се Суар».

Именно это погубит Фуасена. Попад между молотом и наковальней, он встретит понимание, которого не ждал от своих товарищей. Он им гарантирует, что «Се Суар» будет ключом, который откроет двери тюрем. Быть может, он сам в это верит. Это мы оставляем поклонникам легальности, но «Се Суар» — это не «Юманите». «Се Суар» могла бы стать центром скрытой идеологической и политической борьбы, противовесом «Франс о Травай». Он думает, что игру можно начать вновь. Три свидетельства дают нам возможность определить планы тех и других: письмо Фуасена Пикару от 4 июля, гранки газеты «Се Суар» от 6 июля, записка Абеца своим начальникам от 7 июля, воскресенье...

Первое письмо мэтра Фуасена нацистскому агенту мэтру Пикару

Париж, 4 июля 1940 года

«Наши переговоры относительно возобновления издания «Юманите» тянутся уже две недели, и впечатление такое, что сейчас мы дальше от цели, чем были вначале. Это тупик, дело стоит на мертвой точке. Поэтому бесполезно сделать выводы из создавшегося положения. Я это делаю по личной инициативе, но я достаточно старый активист и хорошо знаю прошлую жизнь и нынешнее положение в партии, чтобы точно отразить мысль моих товарищей.

1. Именно ты с первой нашей встречи во Дворце поставил передо мной вопрос о выходе «Юманите» (...).

Комментарии излишни. Фуасен извращает мысль своих товарищей, которые в это же утро предупредили его по поводу Жюльетты Губле в связи с ее статьей «Страдания политических заключенных» (см. «Юманите» от 27.09.1940). Итак, инициатива исходила от нацистского агента Пикара: «Именно ты (...) поставил передо мной вопрос».

«II. С первого контакта я оценил твою лояльность, мужество и твердость твоих убеждений. Поскольку я также все время старался проявлять такую же лояльность, мужество и такую же твердость, я никогда не ставил под сомнение искренность твоих предложений, которые, если бы они исходили от кого-то другого, показались бы мне провокацией».

Итак, вопрос поставленный в параграфе первом, становится предложением в параграфе втором. Возможность провокации, предвиденной Фуасеном в момент прозрения, отклоняется с порога ввиду мужества и лояльности обоих.

«Будучи убежден, что подобный проект мог служить не только моей партии, но и французскому народу, потерпевшему военное поражение и переживающему экономическую разруху вследствие действий «распутинской» буржуазии, я немедленно стал искать ответственных руководителей моей партии, которые, несмотря на ее роспуск и репрессии, продолжали и продолжают свою деятельность (...)»

«Открытие» ответственного «руководителя» произошло немедленно — во второй половине дня 17 июня.

«III. Арест моего товарища Треана, члена Центрального Комитета компартии, и его трех товарищей за то, что они попытались издать «Юманите», издание которой было, как ты это знаешь, разрешено комендатурой, вынудил меня возобновить переговоры с тобой. Твои энергичные действия, почти немедленное освобождение моих товарищей, встреча, состоявшаяся в посольстве, — все это, одним словом, убедило меня, что разрешение на выпуск «Юманите» будет дано очень быстро (...)»

Можно заметить разрыв в хронологии между параграфом вторым — «немедленные поиски» — и параграфом третьим, в котором вновь возникает Треан. Фуасен остается единственным, кто считает, что «решение будет дано немедленно». Дремучая глупость Фуасена отражается в следующем перле: «Арест моего товарища (...) вынудил меня возобновить переговоры с тобой».

Фуасен, или счастливо обманутый!

«IV. Правда, были некоторые возражения. Говорили,

что было бы предпочтительнее взять другой заголовок для центрального органа ФКП или что было бы, быть может, лучше сначала начать издание «Се Суар», а затем газеты «Юманите нувель». После выхода газеты «Франс о Травай» добиться выхода вечерней газеты под заголовком «Се Суар» или «Юманите дю Суар».

Я вел длительные переговоры с моими товарищами, которые прежде всего хотели сохранить заглавие «Юманите» и ее как утреннюю газету в силу серьезных причин, о которых нет необходимости тебе напоминать. Затем, приняв во внимание быстрое ухудшение политической и экономической ситуации в стране, необходимость для власти привлечь массы к конструктивной работе, отвлечь их от анархических действий, полицейских, троцкистских или политиканских провокаций, которые подпольная пресса не способна задуть в зародыше путем разоблачения, мои товарищи согласились, что газета будет вечерней и будет выходить под заголовком: «Юманите дю Суар». Я тебе сообщил об этом решении вчера утром» (3 июля.— *Прим. авторов*).

Кто этот «кто-то», кто предложил сначала издавать «Се Суар»? Это Абец. Компромисс относительно «Юманите дю Суар» был отклонен отделом пропаганды. Да был ли он предложен? Абец не мог отступить. Ему следовало сделать вид, что он благословляет «Се Суар».

«V. Ты доверительно сообщил мне о действиях, которые были направлены на то, чтобы удушить голос единственной партии, которая в состоянии гасить ненависть французских масс к германскому народу и которая способна отнестись к миру без стремлений к шовинистическому реваншу. Нас обвиняли вчера в том, что мы издали на ротапринте газету «Юманите». Не желая говорить тебе что-либо до того, как я проверю все сам, я могу сказать, что это ложь и что если подобный номер вышел, то его содержание не отвечает взглядам компартии. Я официально уполномочен сделать тебе подобное письменное заявление (...)

Ренегаты компартии, присоединившиеся к Дорио и желавшие издавать «Юманите Нувель», имели возможность в типографии подготовить фальшивый номер «Юманите». Немцы воспрепятствовали этому, точно также как

они отказали Дорио в праве взять заголовок «Юманите Нувель»¹.

«VI. Лично я убежден, что руководители рейха не хотят вмешиваться в вопросы политического режима Франции; они неоднократно делали категорические заявления по этому поводу. И тем не менее выход дориотистского листка оказал глубокое воздействие на рабочие массы.

Для того чтобы снять эти плохие впечатления, а также восстановить жизнь в стране: возобновить работу, наладить производство, организовать снабжение и распределение, необходимо разрешить выход «Юманите» на условиях, которые уточнены выше; массы нуждаются в этом органе для того, чтобы координировать свои конструктивные усилия».

Вот пример, свидетельствующий о политической неграмотности и наивности этого лица. Разве мог Бумельбург отказаться от такого посредника — простофили и карьериста?

«В соответствии с просьбой посольства я передал 27 июня письмо двух членов Центрального Комитета Французской компартии. Я прошу тебя добиться, чтобы на него был дан какой бы то ни было ответ. Само собой разумеется, мои товарищи и я готовы вести дискуссии, но общая ситуация требует немедленного ответа.

Подпись — Фуасен»²

Получив это письмо 4 июля, Пикар понял, что если он не бросит приманку, его маневр может сорваться. Он бросает ее, и, как указывает Фуасен в своей записке от 7 ноября, контакты возобновляются 4-го и продолжаются 5 и 6 июля. Фуасен практически больше не покидает кабинетов немцев. Он добьется определенного успеха, «организовав» операцию «Се Суар», в ходе которой Абец на какое-то время потеряет контроль над дезинформацией.

Ликвидаторские обязательства Фуасена настолько лег-

¹ Victor Barthélemy. Du communisme au fascisme, p. 199.

² Archives Daladier. Fondation nationale des sciences politiques.

комысленны (практически он предлагает удушение прессы ФКП), что сегодня этот проект предстает как проект, полностью лишенный реальности.

6 июля вечером будущий посол (Абец.— *Прим. перев.*) принимает «кандидата на пост директора» газеты «Се Суар» полковника Дюмона, которого сопровождает Фуасен. Гранки газеты «Се Суар» лежат на столе. Теперь очередь за Абецем. Он больше не может уходить от решения. Бумельбург приходит в ярость, нет людей и нельзя использовать связи ФКП и добраться до руководителей.

Гранки газеты «Се Суар»

Можно понять, почему «знаменитые» гранки газеты «Се Суар» не были использованы так называемыми специалистами по истории ФКП... Поскольку они не были убедительными. Их не брали на вооружение. Кроме того, это было весьма опасно, ибо их содержание опровергает клевету, распространяемую уже 43 года о «коллорабационизме» коммунистов.

Эти гранки низкого качества — небольшой шедевр политической контрабанды, фейерверк из фраз и ключевых формул, в которых в июле 1940 года антифашисты могли найти все, что им нужно.

Комментарии не смогут донести сути шести статей, помещенных на первой странице. Статья, озаглавленная «Народные комитеты солидарности и взаимопомощи», была перечеркнута цензором, который на полях поставил вопросительный знак. Может быть, он задался вопросом: какие цели преследует эта газета, которая хочет быть «центром связи комитетов, сеть которых — мы в этом уверены — распространится на всю страну», и которая будет «точным выразителем настроений и страстным защитником этих комитетов».

Вторая статья под заголовком «Что стало с депутатами-коммунистами?» с раздражением отвергнута цензором со следующей оценкой: «Никакого хныканья». Значение, придаваемое освобождению политических заключенных, становится яснее после ознакомления со статьей «Всеобщая амнистия», в которой выдвигается требование арестовать всех членов правительства Даладье и Рейно за нарушение конституции. Юридическая форма подачи материала позволяет нам приписать эту статью Фуасену

и коллективу адвокатов. Она кончалась фразой: «Мы обвиняем членов парламента,— сенаторов и депутатов,— несущих общую ответственность за жизнь избранников рабочего класса».

За легалистскими иллюзиями следовали парламентские иллюзии, которые, однако, подправлялись выводом, в котором требовалось восстановление муниципалитетов, лишенных своих прав: «По крайней мере они действительно будут находиться на службе народа».

Появление вызывающего подзаголовка во «Франс о Травай» «На службе народа» могло лишь привлечь внимание ее духовного (и финансового) отца Отто Абеца. Гимн прошлой деятельности газеты, основанной в разгар испанской войны Жаном Ришаром Блоком и Л. Арагоном, с тем чтобы противостоять пропаганде политики невмешательства вечерними газетами того времени «Пари Суар» и «Тан» (не говоря уже о «Журналь дэ Деба»), не мог понравиться Абецу. Как свидетельствует передовица «Се Суар», которую мы приводим полностью, Абец попал в ловушку, расставленную им самим.

Десять месяцев запрета

«Независимая газета «Се Суар», которая мужественно вела кампанию в защиту французского народа, была запрещена в то же время, когда и «Юманите», за то, что одобрила германо-советский пакт и тем самым служила делу мира.

Таким образом, накануне войны, которая привела нашу страну к катастрофе, «Се Суар», будучи независимой трибуной, подверглась запрету, поскольку в высших кругах боялись правды и знали, что наша газета вопреки всему говорит правду.

Сегодня после десяти месяцев запрета «Се Суар» получила разрешение на возобновление издания, однако она не сможет существовать, ибо решила не быть никому обязанной, кроме читателей, если они ей помогут.

Как в прошлом, «Се Суар» будет выступать против сил зла, против мощи капиталистов, классовый эгоизм которых и стремление ликвидировать все социальные завоевания привели страну к поражению.

Как в прошлом, «Се Суар» будет защищать свободу и права французского народа, имеющего богатое наследие освободительной борьбы.

И, наконец, в тот момент, когда каждый спрашивает, что принесет завтрашний день, в тот момент, когда столько мужчин и женщин испытывают тяжелую нужду, «Се Суар» — выразитель настроений всех людей доброй воли, которые хотят помочь, оказать содействие и проявить солидарность в отношении тех, кто трудится.

Комитеты солидарности и взаимопомощи, которые уже существуют в некоторых местах, ставят своей задачей обеспечение населения, оказание помощи несчастным и т. п., найдут в газете «Се Суар» верного выразителя их идей и страстного защитника.

Служить народу — таков закон, которому мы будем следовать, как это было в прошлом.

Мы намереваемся также служить справедливости, а служить справедливости в наше смутное время, которое мы переживаем, это прежде всего требовать суда над теми, кто несет ответственность за несчастья нашей страны, и освобождение тех, кто имел мужество в момент всеобщей трусости бороться за мир.

Да, необходимо, чтобы продажные министры, консервативные военные и подкупленные политики, которые привели Францию к поражению, были разоблачены и наказаны, так же как представители капиталистической олигархии, дергающие за веревочки своих марионеток.

Являясь независимой газетой, независимой от денежных мешков, и находясь исключительно на службе народа, газета «Се Суар» вновь вступает на прежний путь и призывает читателей, своих друзей поддерживать ее.

Друзья «Се Суар», если вы хотите, чтобы мы могли печататься, если вы хотите, чтобы мы могли выполнить нашу миссию распространения правды и справедливости, помогайте нам, посылайте ваши пожертвования (!).

Газета, находящаяся на службе народа, и именно на народ мы рассчитываем».

«Се Суар»

Отто Абец почувствовал опасность. Он посвятил часть воскресенья составлению записки Верховному командованию. Как можно убедиться, записка не лишена гибкости. И все-таки при ее чтении создается впечатление, что отрицательные моменты, связанные с выходом «Се Суар», превалируют над преимуществами, несмотря на эквилибристику будущего посла.

Записка Абеца о Французской коммунистической партии

7 июля 1940 года

«Существует большая опасность, обусловленная тем, что во Франции коммунисты с каждым днем увеличивают свое влияние, поскольку безработица, трудности снабжения и возрастание числа неразрешимых экономических и социальных проблем создают для них благоприятную почву.

Французская коммунистическая партия — единственная партия, имеющая, как это показала ее пропагандистская работа во время войны, хорошо организованный аппарат и большое количество фанатичных членов, презирающих смерть. Она может воздействовать на массы, используя тот факт, что она была единственным французским политическим движением, осудившим войну уже 3 сентября, высказавшимся против ее продолжения и потребовавшими разрыва с английской политикой.

Следовательно, коммунизм, если ему не будет противопоставлена активная контрпропаганда, располагает наиболее благоприятными предпосылками для завоевания влияния среди крестьян, проживающих на оккупированной территории, в лагерях беженцев, в поездах репатрируемых, в рабочих массах промышленных районов.

Стремление французской полиции арестовывать при случае какого-то одного агитатора, в целом не мешая движению развиваться, недостаточно, ибо таким образом нельзя арестовать ответственных руководителей компартии. Французская полиция всегда не умела определять, ибо в ее глазах самыми презренными коммунистами являлись те, кто во время войны высказывался за германо-советский пакт и сепаратный мир Франции с Германией.

Борьба против коммунистической опасности во Франции должна предусматривать осуществление следующих мер:

1. Установление контакта с наибольшим числом освобожденных коммунистических функционеров, как ответственных, так и рядовых. Это даст возможность полностью учесть работников аппарата партии и тем самым установить наблюдение за ними и выявить, кого из них можно привлечь к различным политическим акциям.

2. Попытаться через них проникнуть в рабочие массы,

не вызывая подозрений, с тем чтобы они немедленно оказались под влиянием нашей пропаганды.

3. Элементом компартии, отобранным для сотрудничества, обеспечить твердую поддержку в решении экономических и социальных вопросов в городах и коммунах, с тем чтобы они разделяли ответственность за положение в стране.

4. Разрешить выход газеты, носящей название одного из наиболее известных листков периода движения Народного фронта «Се Суар», чтобы сразу завоевать доверие масс, склонных к марксизму.

Журналисты, выделенные коммунистическим движением для руководства редакцией, уже заявили о своей готовности представлять на просмотр до напечатания каждую статью и четко придерживаться нашей линии при рассмотрении наиболее важных политических вопросов, как это делается в газете «Франс о Травай», которую мы редактируем сами.

Если разрешение на выход вышеуказанной газеты будет получено, компартия могла бы отказаться от нелегального издания «Юманите» и наиболее важных листовок, а также принять все меры для выполнения этого обязательства.

Делая это далеко идущее с точки зрения тактических целей коммунистов предложение, авторы, конечно, надеются, что они постепенно могли бы усыпить нашу бдительность и с помощью газеты, которая вначале выглядела бы аполитичной и выступающей только против плутократов и англичан, начать выдавать небольшими дозами коммунистическую пропаганду.

Однако группы сотрудничающих французов и немцев гарантируют нам, что не мы, а коммунисты будут усыплены и что в этом органе, издания которого они хотят и который будет подан трудящимся массам в качестве коммунистического, наши идеи найдут дорогу к массам французских трудящихся.

Париж, 7 июля 1940 года ¹».

На эту записку господ из Верховного командования не ответили. Они не верят ни единому слову из этой волшебной сказки: ФКП воздержится от нелегальных публикаций, коммунисты за чечевичную похлебку в виде

¹ CDJC — LXXIX — a 1—82 Note Abetz.

какой-то аполитичной газеты «Се Суар» откажутся от политической деятельности. В течение десяти дней дезинформация достигает невиданных ранее размеров, чему в немалой степени способствовал Абец. Разве не он представлял Фуасена как человека, обеспечивающего связи между ФКП и русским правительством?!

Хранит молчание Верховное командование, хранит молчание Абец, а Фуасен 8 и 9 июля осаждает его, задает через Пикара вопросы. Он говорит о «нетерпении» своих товарищей. Но Абецу есть чем заняться: ликвидация Конституции 10 июля, формирование правительства Лавалья 12-го — вопросы более важные, чем мелкие полицейские операции против коммунистов.

Тем не менее 13 июля Абец организует встречу, в которой, как говорит Фуасен, приняли участие Треан и Катала. Мы сомневаемся в присутствии Треана, но не можем привести контрдоказательств. Одетта Жанвье, бывшая связником Катала, вспоминает о встрече в Тюильри, где она ожидала возвращения Катала. «Я иду в гестапо», — сказал он, подразумевая под этим посольство, сады которого выходят на левый берег Сены. По нашему мнению, причина, конечно, заключалась не в издании «Се Суар», а в беспокойстве за судьбу заключенных, по вопросу о которых готовилось выступление Леона Ноэля, представителя Петена.

13 июля Абец сообщил о своем скором отъезде в Германию: его вызывал Гитлер. Все вопросы, сказал он, будут доложены фюреру. Содержание записки Абеца от 7 июля слово в слово повторяется в его докладе Гитлеру 30 июля в Зальцбурге.

Фуасен не мог знать содержания записки от 7 июля. Интересная деталь: Бумельбург, все более приходящий в ярость от того, что не смог через Катала и Фуасена выйти на руководство партии, воспользовался отсутствием Абеца, чтобы в ходе обыска, проведенного в кабинете Фуасена 31 июля, захватить все досье мэтра Фуасена. По крайней мере он не переоценивает этого «агента связи русско-советского правительства» и не боится никаких дипломатических осложнений. Фуасену приходится еще раз обратиться к весьма эффективному Пикару, который только этого и ждал. Будучи в сговоре с Бумельбургом, Пикар, чтобы «поправить» ошибки его службы, посылает к нему «вежливого» Пфанстиля — старого сотрудника гестапо, занимавшегося тайными обществами. Действи-

тельно, через пять дней все конфискованные бумаги (после того, как они, само собой разумеется, были сфотографированы), в день приезда Абеца были возвращены. Странное совпадение! Прощайте, несбывшиеся надежды: Абец заставил Фуасена ждать встречи с ним до 22 августа. В этот день посол позволяет себе роскошь сообщить ему, что лично Гитлер (и Риббентроп) считают невозможным возобновление издания газеты «Се Суар», которая приобрела слишком большое влияние во время войны в Испании. Однако, уточняет он, фюрер согласен освободить всех политических заключенных в оккупированной зоне (!!!).

Ни один из историков, враждебных компартии, еще не осмеливался утверждать, что Треан и Катала, действовавшие по указанию Дюкло, Клемана, Коминтерна и Сталина, потерпели поражение как руководители, якобы намечавшие роспуск Французской компартии и ликвидацию ее прессы в обмен на возобновление издания газеты «Се Суар». И тем не менее они говорят, что приказы поступают сверху!..

Со 2 августа руководство ФКП вновь функционирует в Париже. Распространение «Призыва к французскому народу» приобрело широкий размах. Фуасен исключен и посрамлен. Начинается подлинная борьба.

Непоследовательность «Юманите» в июле 1940 года и, следовательно, проникновение в нее противника!

Содержание статей «Юманите» в июле 1940 года отражает закулисную борьбу, в которой противостояли друг другу сторонники ослабления борьбы против немцев (мотивируя это вызывавшим сомнение освобождением заключенных) и сторонники борьбы с немцами за национальное освобождение.

На одной стороне — Фуасен, Жюльетта Губле, оба руководимые и находившиеся под влиянием мэтра Пикара, действовавшего по указке нацистов. На другой — Треан, Катала, Жиоллен.

3 июля Фуасен передает Пикару согласие его товарищей на заголовок «Юманите дю Суар». В этот же день выходит № 60 нелегальной «Юманите». Если на с. 2 полностью перепечатана обратная сторона «Юманите» № 58

от 1 июля, то в длинной статье на с. 1 утверждается, что в июне коммунисты были сторонниками прекращения «кровавого, но бесполезного сопротивления». Это противоречит правде.

Подлинность этого номера стоит под вопросом, поскольку 4 июля выходит «Юманите» № 59, а через три дня, 7 июля, — «Юманите» *вновь под № 60*. В этом номере за подписью Тореза и Жака Дюкло публикуется первый призыв к формированию того, чем станет потом Национальный фронт:

«Французы, объединяйтесь! Создавайте фронт свободы, труда и независимости Франции».

Это действительно «хорошие страницы» призыва от 10 июля, которые редактирует Жак Дюкло, сделавший более актуальным заявление ФКП, составленное в Москве до падения Парижа. Эта чехарда дат и номеров — *единственный случай за все пять лет нелегального издания*. Мы это подчеркиваем специально.

Из этих двух номеров 60 один — более чем сомнительный, другой — подлинный. Один раз два номера «Юманите» уже выходили в один день — 19 июня. На одном был поставлен № 56, и в нем были опубликованы два текста, подписанные ФКП. Другой — без номера, но за это же число — воспроизводил коммунике о военных действиях, опубликованное «*по приказу германских военных властей*».

Таким образом, по меньшей мере две редакции, два центра использовали заголовок центрального органа ФКП, но только один опубликовал заявление компартии и тексты, подписанные Торезом и Дюкло. Никаких регулярных, ежедневных связей между Дюкло и редакцией центрального органа не было. Следовательно, не представлялось возможным осуществлять политический контроль за газетой, в которой о том, что она оставалась центральным органом партии, свидетельствовало только название. Макетеры и дежурный редактор по своему усмотрению использовали более или менее «автономные» копии, «копии банды Фуасена» (в том числе и Жюльетты Губле). И меньше всего проявляли внимания к нумерации газет, ибо не имели повседневной связи с «центром», который ничего не «централизует».

При изучении политической деятельности ФКП в июле 1940 года не следует принимать «Юманите» за «Журналь Оффисьель», публиковавший законы и декреты. Следо-

вательно, иными словами, не нужно вести себя, как господин Пешанский, который попал в смешное положение (правда, после других), когда по пальцам стал считать, сколько раз в июле — августе 1940 года в «Юманите» появляется прилагательное «немецкий» (три раза!). У господина Пешанского хорошее будущее в области арифметики. Он положительно относится к № 59, 61 и 65, в которых «восхваляются» контакты между французскими трудящимися и немецкими солдатами, но ни слова не говорит о № 63, в котором публикуется статья, резюмирующая составленное в Москве в середине июня заявление, из которого вымараны все призывы к борьбе против немецких захватчиков. Он обходит молчанием важное добавление, раскрывающее причины, приведшие к поражению (среди перечисления): «Был сломлен моральный дух народа, а высшее духовенство подыгрывало поджигателям войны». На этом добавлении печать людей Абеца. Он не отметил испытанный журналистский прием: «Дорио схвачен за руку», в котором ссылаются на разговоры Дорио с «неизвестным» (в данном случае Шлеером, заместителем Абеца). В основе этой подброшенной новости болтовня Пикара. Фуасен был ее редактором. Здесь виден отклик на короткий визит Дорио в Париж. В лучших традициях печати, падкой на сенсации, 17 июля (№ 62) заголовок сообщал: «Дорио появляется вновь. Находясь уже несколько дней в Париже, Дорио ведет переговоры, с тем чтобы попытаться обуздать французский народ (...). Поэтому будьте осторожны с этим подделком. В следующем номере будут приведены подробности его действий».

Дрийе ля Рошель пишет об этом времени: «Казалось, Абец испытывает все большее отвращение к Дорио». Дрийе добавляет: «Он (Абец) признался мне, что презирает Дорио и относится к нему пренебрежительно»¹. Это пренебрежение и презрение передалось через Пикара Фуасену и подпольной «Юма»! Таким образом, накануне отъезда в ставку Гитлера Абец дает полицейским Бумельбурга и Вернера Беста доказательства того, что у него имеются свои люди, которые вертятся около коммунистов. Он дает понять дориотистам, которые действуют в Париже, что их противники-коммунисты имеют своих людей в их окружении. Таково первое доказательство

¹ Drieu la Rochelle. Fragments de Mémoires, p. 48.

той тактики, которая рекомендуется Гитлеру: «(...) развивать прессу (...) как можно более разнообразную и (...) заставить газеты полемизировать друг с другом или, иначе говоря, распределить роли». В том же № 63 появляется для равновесия статья (которая ни в чем не στε-сняет Пикара, но порождает иллюзии), содержащая резкие нападки на «Франс о Травай». Таким образом, можно еще сильнее спутать карты.

Эта непоследовательность «Юманите» в июле подтверждает отсутствие политического контроля со стороны центрального руководства. Она облегчает действия небольшой группки, исключение которой вопрос лишь нескольких дней. Если 7 июля № 60 вышел под контролем Дюкло, то 20 июля № 63 делался фаусенистами.

Инциденту 19 июля (когда полицейский открыл стрельбу по распространителям «Юманите» на улице Узст) был посвящен специальный номер, направленный против Ланжерона. В номере от 20 июля разоблачаются новые аресты коммунистов (Моро в IV округе, Дюмона из газеты «Се Суар» в XX округе, муниципального советника в Монтрее, трех активистов в Обервиле). В середине июля Жак Дюкло с помощью Треана, который добровольно прервал свои связи на несколько дней, выехал из столицы. 20 июля Абец, вызванный к Гитлеру, складывает чемоданы, чтобы выехать в Берхтесгаден.

Благодаря Фуасену, своему верному слуге, Абец одним из первых прочитал *«Призыв к французскому народу»*, днем и ночью печатавшийся в типографии Тирана на бульваре Понятовского. Призыв коммунистов к единству, к созданию единого фронта вызывает у него беспокойство. Он обращает внимание Гитлера на серьезность угрозы создания *единого сплоченного фронта* и считает крайне важным вести борьбу против коммунизма, не отказываясь, однако, от намерения с помощью газеты «Се Суар» проникнуть в компартию.

Ниже мы публикуем отрывки из его докладной записки Гитлеру.

Политическая работа во Франции

Зальцбург, 30 июля 1940 года

«Если мы хотим понять и оказать влияние на внутренние политические французские течения, имея при этом в виду неизменные требования и конечные цели нашей

внешней политики, необходимо установить контакты со всеми движениями, а также влиятельными политическими деятелями в оккупированной и неоккупированной зонах.

С этой целью желательно развернуть пропаганду в прессе и по радио — как можно более разнообразную — и в определенной мере заставить их полемизировать друг с другом, то есть распределить роли, которые они должны играть.

Наши позиции должны меняться в зависимости от партнера и целей, которые им были поставлены. Нужно сделать так, чтобы часть деятелей и политических движений сохранили надежду или, скорее, иллюзии о возможности соглашения с Германией в будущем. «Нет», сказанное всем, могло бы немедленно повлечь за собой создание единого и сплоченного фронта всех французов. Следовательно, цель пропаганды должна заключаться в том, чтобы помешать созданию такого единого фронта. Политически сплоченная Франция стала бы очагом постоянных международных интриг против рейха, даже если бы они не подкреплялись ее военной мощью.

Угроза шовинизма

Французы по своему характеру мужественные люди. Тем не менее в этой войне они вели себя плохо, поскольку поверили нашей пропаганде, что это не «французская» война, а война международного еврейства, английского империализма и плутократов против Германии Адольфа Гитлера, который хотел договориться с Францией.

В условиях навязанного тяжелого мира французы могли бы прийти к мысли, что война была тем не менее войной против Франции, и стали бы рисковать жизнью, которой они не хотели жертвовать в войне, рисковать в условиях нелегальности в период мира. Подогреваемые социальными трудностями и безработицей, подобные настроения могли породить движения типа немецких добровольческих корпусов после мировой войны.

Борьба против коммунистов

Единственным противовесом распространению такого движения, которое могло бы рассчитывать на полную поддержку церкви, армии и «Комите де Форж», является революционный рабочий класс, внутри которого компар-

тия располагает лучшей организацией. Тактика компартии направлена на сохранение ее организаций и проявление при этом лицемерного дружелюбия в отношении германских оккупационных сил. Поскольку не в интересах Германии и на Западе иметь большевистского соседа, борьба против коммунизма уже сегодня является наиболее важным вопросом.

Коммунистическая партия запрещена на основании французского закона, применяемого также и на оккупированной территории; точно так же обстоит дело с пропагандой, за которую полагается тюремное заключение. Многочисленные аресты распространителей листовок явно недостаточны, ибо главные организаторы остаются неизвестными.

Таким образом, было бы целесообразно рекомендовать:

1. Установить контакты с руководством компартии, получить полное представление о 20 тыс. активистов и в случае необходимости выявить элементы, склонные к антимарксистской идеологии;

2. Под предлогом оказания социальной помощи создать несколько профсоюзных организаций, куда были бы внедрены немцы и французы, отказавшиеся от борьбы против коммунистов.

3. Начать выпуск ежедневной газеты под притягательным заголовком, хорошо известным с периода Народного фронта, как, например, «Се Суар», и начать в этой газете работу по распространению антимарксизма. Трудящиеся могли бы принять подобный листок за коммунистическую газету и охотнее воспринимали бы публикуемые там статьи¹.

Снова о проекте «Се Суар»

Таким образом, последними следами «плана Гримма» в докладной Абеца является проект возобновления издания «Се Суар». Он будет отвергнут самим фюрером, который не забыл кампании, которую вела эта ежедневная газета во время войны в Испании.

В действительности попытка ввести в заблуждение, точно так же как и проникнуть в ФКП, провалилась с

¹ Archives CDJC. LXXI — 28.

конца июня месяца в связи с отказом пойти на малейший компромисс в вопросе об издании мнимолевой газеты. Только мэтр Фуасен и адвокат Жюльетта Губле оказались в команде Абеца — Бумельбурга — Гримма. Скудные трофеи.

Ошибка Треана и его товарищей, веривших в возможность выпуска «Юманите», проистекала из недооценки противника и большой политической близорукости. Разве можно было себе представить, что оккупанты благосклонно отнесутся к разоблачению агентов «пятой колонны» и своих наиболее ценных помощников — «французских фашистов»? Если бы французская полиция не вмешивалась (а источники ее информации остаются невыясненными), то несостоявшееся событие — выход «Юманите» — прошло бы незамеченным.

Лейтенант Вебер мог только запретить печатание столь откровенно антигерманских и антинацистских статей. Что он и сделал, и содержание статей, изъятых у Дениз Жиоллен, не могло заставить изменить их оценку. Ложный шаг, ошибки, о которых Жак Дюкло пишет в мемуарах, были немедленно исправлены. Доказательство тому — публикация в «Юманите» 7 июля первого «Призыва» к союзу и созданию *«Фронта независимости»*, что не ускользнуло от внимания германских служб.

Тем не менее 6 июля, в то время, когда машинистка печатала восковку номера от 7 июля, мэтр Фуасен занимался махинациями в кабинете Абеца. В обмен на появление газеты «Се Суар» он хотел поставить под контроль всю нелегальную прессу ФКП!

Впервые здесь появляется имя Жюль Дюмона, и в этой связи возможно наличие пятого уровня. Кто он, Жюль Дюмон? Что это за пятый уровень?

Жюль Дюмон — незаурядный человек, родился в 1888 году в буржуазной семье в Рубэ. Призванный на военную службу, он служил в Марокко, где его полк участвовал в 1912 операциях по «умиротворению». Не успел он закончить службу, как разразилась война. С 1914 по 1918 годы, в течение 52 месяцев он на фронте, где был отравлен газами и неоднократно ранен. Окончив войну в чине капитана, он остался в армии, комендантом Дюнкерка, затем — командовал округом в Марокко. В конце 20-х годов ушел в отставку и основал кооператив по продаже сельскохозяйственной техники с целью оказания помощи марокканским крестьянам. Антиколониалистские

настроения сблизили его с Французской компартией, в ряды которой он вступает в начале 30-х годов. За это его вычеркнули из списков кавалеров ордена Почетного легиона. В 1934 году уезжает в Эфиопию, подвергшуюся в 1935 году агрессии со стороны Муссолини, и поступает на службу к негусу. В конце 1936 года командует батальоном «Парижская Коммуна», входившим в состав Интернациональных бригад и отличившимся во время обороны Университетского городка в Мадриде, потом командует 14 Интернациональной бригадой, носившей имя «Марсельеза». В чине подполковника-резервиста участвует во второй мировой войне: в конце июня 1940 года, демобилизованный после перемирия, становится на службу компартии. Осенью и зимой 1940—1941 годов готовит побег депутатов-коммунистов из тюрьмы в департаменте Пюи, который оканчивается неудачей.

Осенью 1941 года Жюль Дюмон — один из основателей ОС * и военный комиссар первого Национального военного комитета организации «Франтиреры и партизаны» (ФТП). Именно он разрабатывал формы операций, осуществляемых мобильными группами вдалеке от их баз в городах и районах, где вооруженное сопротивление еще не было достаточно развито.

В начале 1942 года Жюль Дюмон под именем «полковника Поля» отвечает за военные операции организации ФТП в районе Нор — Па-де-Кале — Эн — Арденны, его заместителем стал Шарль Дебарж. В конце 1942 года был арестован и заключен в тюрьму «Френ», 15 июня 1943 года его расстреляли в форте Мон-Валерьен. В период заключения, закованный в кандалы, он подвергался ужасным пыткам. Немцы знали, кого поймали, внеся его в список под заголовком «глава террористов». «Полковник Поля» умер, не сказав ни слова.

Что представлял собой пятый уровень? Это была служба «безопасности» французской секции Коминтерна. В ее функции входила охрана руководителей, покупка зданий, которые служили явками и перевалочными пунктами при переходах или для связи. Сотрудники этой службы отвечали за организацию побегов и связь с организациями партии в лагерях и тюрьмах. Во время своих

* ОС — специальная боевая организация, создана ФКП осенью 1940 года для развертывания вооруженной борьбы с оккупантами. Явилась зародышем организации «Франтиреры и партизаны». — *Прим. перев.*

поездок в СССР Торез, Дюкло, Раметт, Гюйо, Тольятти, Кодовилья использовали службу безопасности Французской секции Коминтерна (ФСКИ) или Коминтерна.

Бельгийский адвокат Фонтейн рассказывал Алену Герэну, как он передавал советские паспорта командирам Интернациональных бригад, интернированным в лагерях на юге Франции. Советская секция Коминтерна не жалела усилий для оказания помощи иностранным товарищам.

Жюль Дюмон, надежный боец, мог организовать побег депутатов и внедриться в среду дориотистов, старавшихся получить от заключенных «заявления» о выходе из рядов партии (в конце 1940 — в начале 1941 годов Життон, Супэ, Барбе затратили на это много времени). Жюль Дюмон был способен сыграть роль ренегата, директора газеты «Се Суар», который в посольстве якобы поддался увещеваниям национал-социалистских сирен. Бумельбургу (получившему сведения от десятка ренегатов и изменников) была хорошо известна биография Жюля Дюмона.

Нацистским попыткам проникновения Треан (который хорошо знал Дюмона с войны в Испании) попытался противопоставить свой маневр: проникновение кадрового военного, умеющего правильно поставить себя в отношениях с немцами и способного сообщать партии о намерениях противника. Напомним, что по приказу компартии один из депутатов в ноябре 1939 года вступил в группу Життона. Подобные вещи делаются с дальним прицелом: ренегаты всегда уязвимы, а первые вооруженные акции против оккупантов уже не за горами...

Такова наша гипотеза. Абец почувствовал опасность, как об этом свидетельствует записка от 7 июля, составленная на следующий день после его первой встречи с Дюмоном.

Через две недели после возвращения из Германии, 22 августа, он, пытаясь оживить все это дело, заявил Фуасену, что, хотя Гитлер против возобновления издания газеты «Се Суар», он тем не менее благожелательно настроен к освобождению заключенных. Однако ниточка оборвалась — никто уже не верил в сделку — освобождение заключенных в обмен на разрешение издания «Се Суар». В этом отношении весьма показательно письмо амьенского адвоката мэтра Тойо, направленное в 1944 году в Совет ордена юристов по просьбе Фуасена. Оно дает

представление об атмосфере переговоров и неблагоприятной роли Фуасена, роли подчиненного, который должен принимать многочисленные шаги, чтобы освободить своих подзащитных, а не роли руководителя, которую он себе приписывал. Мы публикуем отрывки из этого письма.

«Амьен, 17 ноября 1944 года.

Мой коллега, мэтр Робер Фуасен, попросил меня дать показания в Совете ордена юристов о том, что я знаю о связях, которые у него возникли с представителями германских властей сразу же после отступления (...). Я познакомился с мэтром Фуасеном во время процесса над депутатами-коммунистами, проходившего с октября 1939 по апрель 1940 года. Что касается меня, то я защищал депутата от Амьена Луи Про.

В июне 1940 года, то есть сразу же после отступления, узнав, что оккупационные власти освободили политических заключенных, я постарался наладить контакты с адвокатами, выступавшими на процессе депутатов (-коммунистов.— *Прим. перев.*) (...). Мэтр Фуасен подтвердил мне, что между компартией и немцами начаты переговоры, в частности, об освобождении заключенных (...) и что именно он служит посредником между его партией и германским посольством.

(...) Я узнал от него, что освобождение *зависело* (подчеркнуто нами.— *Авт.*) от соглашения между коммунистической партией и оккупационными властями по более общим вопросам, что переговоры велись с Абецом и важным лицом из германской полиции по фамилии, насколько я помню, Бумельбург! (...). В какой-то момент мэтр Фуасен даже говорил мне, что разрешение на издание «Се Суар», кажется, дано (...): за этим должно было *немедленно* (подчеркнуто нами.— *Авт.*) последовать освобождение заключенных»¹.

По возвращении Абеца в Париж нацисты, находящиеся в столице, считают, что с коммунистами можно больше не церемониться: перемирие подписано, Конституция 1875 года отменена, а создание реакционного правительства, которое, как кажется, хочет служить им, подтверждает сделанный выбор. Это правительство не отменяет антикоммунистических законов, принятых Даладье.

¹ Fonds Daladier. F.N.S.P.

Сменивший Леона Ноэля его заместитель генерал де ла Лоранси заочно приговаривает де Голля к смерти и, кажется, проявляет понимание. Оккупанты помогают укрепиться режиму Лавалья — Петена, по которому «Юманите» наносит удары: они возвращают на пост главы полиции префекта Ланжерона, связь которого в прошлом с Народным фронтом больше их не пугает; возобновляют аресты коммунистов (среди них те, «кто был освобожден» в конце июня); наконец, производят обыск у Фуасена, в ходе которого конфискуется досье депутатов-коммунистов.

В первую пятидневку августа 1940 года противоборствующие стороны снова на своих местах. Бенуа Фрашон и Жак Дюкло сделали это 3 августа, Абец — 5 августа. Исключение Фуасена, которого потребовал 2 августа из Москвы Торез, находится в стадии рассмотрения. Эта перемена в действиях не связана с каким-то таинственным приказом, пришедшим с Востока, но она совершенно ясно видна из письма, которое Фуасен направил Пикару 5 августа. Это письмо — констатация провала, призыв о помощи, это крушение несчастного типа, который воображает, что он просит партию «освободить его от поручения», в то время как он уже разоблачен как враг.

Публикуя (без удовольствия) письмо мэтра Фуасена от 5 августа 1940 года Пикару, мы тем самым не одобряем его содержания. Мы лишь исправляем беспамятство официальных историков, которые просто «забыли» об этом письме.

Странно. Вы думаете, только «странно»?

Письмо мэтра Фуасена Пикару (5 августа 1940 года)

«После моего письма от 4 июля возникла необходимость вновь подвести итоги:

1. До сего дня судья Пиер не получил от немецких властей приказа вернуть Данжону 50 тыс. франков, которые мои товарищи заплатили ему при известных тебе обстоятельствах.

2. Более двух недель все говорят о том, что разрешение на издание газеты «Се Суар» получено. Однако до сего момента «Се Суар» не выходит, поскольку никто еще не дал официального письменного разрешения.

3. Сотни политических заключенных еще находятся в

тюрьмах и лагерях оккупированной зоны. Хотя специальное заявление по этому поводу было передано германским властям, уже более 10 дней мои товарищи находятся в заключении или интернированы за то, что с самого начала они выступили в защиту германо-советского пакта, последующее развитие которого только что было так удачно подчеркнуто Гитлером и Молотовым в их недавних речах.

4. В то время как нас официально заверили, что до завершения переговоров, о которых ты знаешь, мы можем не беспокоиться, около сотни активистов с 13 июля заключены в тюрьмы за то, что они распространяли наши издания, что могло делаться только подпольно, поскольку для нас всякая свобода издания исключена. Они были задержаны немецкими военными властями. Мы не знаем, в чем они обвиняются, какие наказания им грозят и как они могут обеспечить себе защиту или быть защищенными. Мы знаем только, что один из них был приговорен к шести месяцам тюремного заключения, хотя распространявшиеся им листовки ни в чем не затрагивали интересов рейха или оккупационных властей и войск.

Во многих коммунах Парижского района произошли стихийные рабочие демонстрации, требующие, чтобы назначенные префектом делегаты уступили свое место избранным народом. Многие из делегатов в связи с наступлением немецких войск трусливо покинули свои посты и в течение длительного времени проводили политику, не отвечающую интересам рабочих. Французская полиция действовала со своей обычной жестокостью (женщины и дети были избиты дубинками и т. п.), а арестованных передали немецким властям. В некоторых местах оккупационные власти приняли участие в разгоне демонстрации и избиении.

6. С момента вступления немецких войск в Париж я контактировал со многими сотрудниками посольства. Несмотря на это, 31 июля в мое отсутствие два агента гестапо проникли в мой рабочий кабинет, унесли некоторые документы, не имевшие никакого отношения к предмету их миссии, и опечатали эти документы.

7. Эта полицейская операция тем более недопустима, что в течение 10 лет я являюсь адвокатом посольства и торгпредства СССР во Франции. Информированные об этом моей женой, полицейские должны были бы прекратить обыск или по меньшей мере пригласить советского представителя присутствовать при нем. Эти обстоятельства

придают операции чрезвычайно серьезный характер, но, желая верить, что это была просто ошибка или неосторожность, я до настоящего момента воздерживался официально информировать об этом инциденте посольство СССР (!).

8. Благодаря твоему вмешательству, за которое я весьма признателен, печати были сняты и не было проведено более тщательного обыска. Однако, вопреки обещаниям, досье, документы и унесенные бумаги мне не возвращены. Вот уже 5 дней, как я лишен их. Среди этих документов находились следующие:

а) Безобидное досье коллеги Буателя, которого я заменял.

б) Паспорт, который мне абсолютно необходим, поскольку я в ближайшее время должен поехать в неоккупированную зону, чтобы выполнить там особо ответственное поручение.

в) Досье газеты «Се Суар».

г) Список, касающийся недавних арестов, на основании которого надо составить доклад господину Абецу.

д) Досье листовок, также предназначенных для господина Абеца.

е) Мое досье, связанное с процессом депутатов-коммунистов, и много других документов, которые мне необходимы и не представляют ценности для гестапо.

Таков итог. Ты, видимо, согласишься, что он разочаровывает. Эта серия провалов ставит меня в очень трудное положение перед партией. Участвуя без всякой задней мысли во всех переговорах, о которых ты знаешь, я просил моих товарищей из руководства проникнуться важностью поставленных проблем и необходимостью проконсультироваться с высшими инстанциями рейха, будучи уверен, что мы очень скоро добьемся положительных результатов. Однако я больше не могу заставлять ждать руководство моей партии, которое считает, что вот уже в течение трех недель по отношению к ней германские оккупационные власти занимают открыто враждебную позицию. Что я могу им ответить? Приведенные выше факты, кажется, дают им право так считать.

Нужно понять, что нетерпение моих друзей связано с быстрым развитием событий, все более вызывающими беспокойство действиями вернувшихся в Париж вишистов и их сообщников, а также ухудшением экономического положения, которое через два-три месяца станет катастро-

фическим. Нужно готовиться к битве, которая начнется в ближайшее время. Моя партия не может до бесконечности воздерживаться от осуществления решений, выполнение которых и так запоздало.

Следовательно, если на этой неделе не будет принято какого-либо решения, я буду вынужден просить партию освободить меня от поручения, которое она к тому же не может поручить никому другому.

Ты знаешь, с какой верой я действовал до сегодняшнего момента, и речи Гитлера и Молотова убедили меня, что дружба между рейхом и СССР должна оказывать глубокое влияние на эволюцию политики Франции.

Я убежден, что таким было и останется твое мнение. Теперь надо, чтобы со своей стороны ты так же приложил усилия, как и я прилагал их в течение последних полутора месяцев. С дружеским приветом,

твой Робер Фуасен».

Немецкий маневр, который мог начаться в последние дни июня, теперь разоблачен нелегальной прессой. «Юмани́те» от 2 августа предостерегает против «провокаций, которые совершаются в пригороде», а 9 августа появляется «разъяснение»: «В некоторых кругах циркулируют слухи о том, что коммунисты сотрудничают в газете «Франс о Травай», антикоммунистические выпады которой мы разоблачаем. Эти слухи не соответствуют действительности. Ни один коммунист не сотрудничает в газете «Франс о Травай».

17 августа Абец собрал всех немецких представителей — гражданских и военных, — имеющих контакты с французами. Мы публикуем отрывки из отчета, сделанного вермахтом.

Записка для ориентации в политических проблемах оккупированной зоны

19 августа 1940 г.

«Посол Абец во время совещания, состоявшегося 17 августа 1940 года, определил основные линии политической деятельности рейха в области внутренней политики на оккупированных территориях.

Рейх заинтересован в том, чтобы Франция оставалась слабой во внутреннем плане и изолированной от иностранных держав, враждебных рейху.

(...) Все должно быть направлено на то, чтобы способствовать внутреннему расколу и тем самым ослаблению Франции.

Вот почему нет никакого смысла поддерживать во Франции подлинно национальные силы... (...).

Необходимо постоянно оказывать помощь силам, которые могут способствовать расколу. В зависимости от конкретной обстановки эти силы могут ориентироваться налево или направо.

Исходя из этих принципов мы не должны уничтожать французских коммунистов; тем не менее необходимо действовать так, чтобы в любой момент им можно было нанести решающий удар, который лишил бы их возможности причинить нам вред.

Тем самым можно было бы уже в ближайшие месяцы помешать нежелательному усилению коммунистического движения, поддерживая другие социалистические организации, которые будут его уравнишивать.

Начальник административного штаба (подпись)».

На этом документе постскрипtum Беста начальнику административного штаба имперскому министру Шмидту:

«С учетом приведенной выше информации не следует делать каких-либо практических выводов из документа «Впечатления и предложения», подготовленного профессором Гриммом.

Подпись: Вернер Бест»¹.

Активная деятельность компартии не осталась незамеченной генералом армии Форнелем де ла Лоранси. Этот генерал после того, как он заочно приговорил де Голля к смерти, за «измену и дезертирство», был назначен Петеном «генеральным делегатом французского правительства на оккупированных территориях». Сей «великий патриот» 31 августа направил префектам оккупированной зоны письмо, в котором излагает деятельность ФКП лучше, чем это могли бы сделать мы.

¹ Archives CDJC XXIV — Ia

«Генерал армии, генеральный делегат французского правительства на оккупированных территориях,

Господам префектам

Я особо обращаю ваше внимание на необходимость еще более активизировать ваши действия в отношении членов бывшей компартии, которые, пользуясь нынешними трудностями, мешают деятельности правительства и администрации.

Они пропагандируют свои намерения большей частью подпольно, путем печатания различных материалов, листовок, маленьких листовок, с помощью различных надписей. Они ведут пропаганду на собраниях и сборищах, даже на улицах. Она осуществляется путем формирования делегаций или создания комитетов «солидарности и взаимопомощи», «комитетов на предприятиях», «ассоциаций торговцев», «комитетов помощи военнопленным» и т. д. Эти комитеты под видом социальной и экономической деятельности скрывают подрывные политические цели.

Оккупационные власти сообщили, что всякое нарушение постановления о запрещении собраний в публичных местах будет подавляться самым решительным образом. Вместе с тем они не будут создавать препятствий для преследования нарушающих французские законы о распространении печатных материалов. Нам не кажется, что они настроены враждебно в отношении твердых и энергичных мер против бывших коммунистов и, наоборот, будут помогать нашей деятельности в этом направлении».

В середине октября 1941 года мы найдем Лоранси в Лионе, где он принимал Анри Френэ — основателя газеты «Комба» вместе с двумя таинственными американцами Смитом и Скоттом. В этот день генерал де ла Лоранси впервые получил возможность представить своим гостям, членов будущего правительства: Лемери — министра юстиции, Жакино — министра по делам колоний, адмирала Ляборда — военного министра и т. п. В книге Анри Френэ «Ночь кончится»¹ можно прочитать рассказ об этой встрече. Оттуда мы узнаем, что господин Скотт — это не кто иной, как Аллен Даллес, руководитель американской политической разведки в Европе и будущий директор ЦРУ.

¹ Henry Frenay. La Nuit finira, p. 121, 122.

Френэ * (знал ли он о коллаборационистских и антикоммунистических циркулярах своего хозяина?) получил от де ла Лоранси деньги (которые помогли дать сильный импульс движению Сопротивления.— *Прим. перев.*). На эти деньги он издает свои бюллетени, в частности «Верите», в котором 25 сентября 1941 года была опубликована статья о Национальном фронте «Нарождающаяся опасная попытка»¹.

«Антигерманский фронт, который Москва хочет создать, но мы его создавали с большим упорством и создали (...). Когда речь шла о защите нашей земли, Торез дезертировал, а его пропаганда звучала в унисон с пропагандой доктора Геббельса... Этого мы не забудем; сегодня он пытается использовать самый искренний патриотизм на пользу Советам».

Позднее Френэ дважды встретится с Пюшэ ** в январе и феврале 1942 года².

Значение встреч и ловушек, которые Пюшэ расставляет Френэ, а Абец Треану — Катала, одинаковы: старые уловки высших чинов полиции, на которые клюнул даже Френэ, работавший во Втором бюро. Визит Френэ к Пюшэ был санкционирован и одобрен руководящим комитетом «Комба», собеседники Абеца такой санкции не получали, именно в этом и заключается основное различие. Когда Френэ встретился в феврале 1942 года с Пюшэ, мученики Шатобриана уже были расстреляны. Катала гильотирован, Пери и Сампэ расстреляны, а Пюшэ лично участвовал в этих преступлениях.

* Как известно в Движение Сопротивления входили самые широкие слои населения оккупированных стран и организации с различными, в том числе и антикоммунистическими взглядами. Эти взгляды и оценки особенно имели хождение до июня 1941 года и вновь поднимаются в наше время в случае обострения борьбы на международной арене — *Прим. перев.*

¹ Ibid., p. 122.

** Пюшэ — полномочный администратор компании «Жапи» и секретарь Металлургического банка. До второй мировой войны распределял между кагулярами и сторонниками Дорио миллионы франков, выделявшихся их покровителями — промышленниками и финансистами. Председатель организационного комитета машиностроения при режиме Виши. Министр промышленного производства, а затем министр внутренних дел в правительстве Петена. Находясь на этом посту, предал казни или выдал гестапо многих патриотов. За свои преступления был приговорен к смертной казни и расстрелян в Алжире 20 марта 1944 года.— *Прим. перев.*

² Henry Frenay. La Nuit finira, p. 153—161.

Чего хочет Пюшэ? Компромисса. Чего хочет Френэ? Хитрит в какой-то момент и добивается освобождения своих товарищей — заключенных и интернированных. Как бы глубоки ни были наши расхождения с ним и какой бы зоологический характер ни носил его антикоммунизм, мы не хотели бы превращать этого правого участника Движения Сопротивления в сообщника наших палачей.

Мы лишь предлагаем нашим политическим противникам, вчерашним и нынешним, уважать память людей, идеи которых они отвергали.

В первые недели оккупации Париж опустел. 14 июня, когда немцы вошли в столицу, в ней насчитывалось не более 700 тыс. жителей — три четверти населения выехало. Через месяц, в середине июля, в Париже еще не более миллиона, возвращение основной массы начнется около 15 августа. Но когда французы после многих недель скитаний возвращаются домой, то видят, что города перестали нормально функционировать, экономическая и социальная жизнь парализована, их покинули гражданские власти и администрация. К этой дезорганизации на Севере и в Пикардии добавляются и разрушения, причиненные войной: разбитые или частично сожженные города, пришедшие в негодность дороги, перебои в снабжении. В Парижском районе, как и в северной части Франции, большинство заводов закрыто. Возобновление экономической деятельности потребует длительного времени. Экономическая жизнь в июле и августе парализована. Заводы начнут работать с большим трудом и постепенно. А когда будет казаться, что все начало действовать, проведенные внезапно оккупационными властями в массовых размерах реквизиции усилят дезорганизацию. Оккупанты начнут грабить запасы продовольствия, сырья, склады горючего, текстиля, кожи, промышленного оборудования, транспортные средства.

Расчленение национальной территории усугубит трудности. Демаркационная линия изолирует занятую гитлеровскими армиями северную зону, то есть богатую в промышленном и сельскохозяйственном отношении Францию, от южной зоны, то есть от Франции, бедной в сельскохозяйственном отношении, в которой вишистский режим на какое-то время создаст иллюзии действительно свободной зоны. Департаменты Нор и Па-де-Кале будут

переданы в ведение оккупационной администрации, находящейся в Бельгии. В июле 1940 года приняты меры по присоединению Эльзас-Лотарингии к германскому рейху *. На содержание оккупационных войск Франция выплачивает ежедневно 400 млн. франков.

Экономический паралич, реквизиции очень быстро приведут к массовой безработице и резкому снижению жизненного уровня. В сентябре только в Парижском районе зарегистрировано 600 тыс. безработных, которых пропаганда активно соблазняет уехать на работу в Германию. Осенью введено строгое рacionamento: 250 г хлеба в день, 180 г мяса в неделю, 500 г сахара в месяц. Жизнь в рабочих семьях стала тяжелой, поскольку им не хватает денег, а снабжение становится трудноразрешимой проблемой. После перемирия оккупанты тем не менее ведут себя очень сдержанно. Они избегают всего того, что могло бы вызывать резкую реакцию населения. В пострадавших от войны городах они реквизируют запасы продовольствия и часть его распределяют среди населения. Они заменяют бездействующие или отсутствующие французские власти, выступая в роли защитников. В одной из афиш провозглашалось: «Покинутое население, доверьтесь германскому солдату».

«Национальная революция» и коллаборационизм

По замыслам тех, кто в течение первых двух недель июня интриговал и составлял в правительственных кругах заговоры, чтобы как можно быстрее прекратить сопротивление Гитлеру, перемирие и капитуляция были лишь первым этапом. В ходе второго этапа имелось в виду ликвидировать республиканский режим и парламентскую демократию, установить авторитарный режим, к которому французские правые и патронат стремились с момента провалившегося путча 6 февраля 1934 года. «По крайней мере в ходе этого поражения,— заявил Вейган,— мы получим такую компенсацию, как низвержение республики»¹. Укрывавшемуся в Виши правительству Петена пона-

* Осенью 1940 года от Франции были отторгнуты Эльзас и Лотарингия, которые гитлеровцы включили в систему немецкой гражданской администрации.— *Прим. ред.*

¹ Rapport Serre. Déposition Paul-Boncour.

добилась неделя, чтобы согласно Конституции 1875 года добиться от парламентариев уничтожения республики их собственными руками. 10 июля 1940 года парламент — депутаты и сенаторы — собрался в Виши, чтобы высказаться по законопроекту, который предоставляет маршалу Петену очень широкие полномочия в исполнительной и законодательной областях. Вейган дает приказ войскам войти в город и угрожает захватить зал, в котором собрался парламент, если последний не проголосует за собственное отречение. В таких условиях и в отсутствие депутатов-коммунистов 569 парламентариев предоставляют Петену неограниченные полномочия. Только 80 депутатов-парламентариев голосуют против. Из 175 парламентариев-социалистов только 36 голосуют против, в то время как Поль Фор, Рив и Спинас безоговорочно поддерживают правительство Виши. Ни один депутат не набрался мужества взять слово и разоблачить государственный переворот. Установленный таким образом режим Виши быстро начнет выполнять свою работу.

Став 27 июня вице-председателем Совета министров, Лаваль в начале июля изложил цели правительства: «Равняться на германскую и итальянскую конституции, решительно встать на сторону Германии»¹. 11 июля три конституционных акта дают Петену титул главы французского государства и неограниченную власть. Выборные органы власти, которые могли бы обсуждать вопросы, исчезли из всех уровней национальной жизни. Вся полнота власти принадлежит главе государства. Четвертый акт, принятый 12 июля, назначает Пьера Лаваля председателем Совета министров. Сформированное в этот же день новое правительство объединяет таких представителей фашиствующих правых и участников заговора 6 февраля, как Альбер и Ибарнэгарэ, таких представителей крупной деловой буржуазии, как Миро (Комите де форж), Шарль Ру (Банк де Пари и де Пеи-Ба), Бертоло (железные дороги), Пюшэ (Банк Вормс), Казьо (Креди Фонсье), представителей правых клерикалов, таких, как Ксавье Вала и Роберт Шуман, и побежденных военных, охваченных воинственными амбициями: генералы Вейган и Хюнтцигер, адмиралы Дарлан, Офан, Платон. Правительство поражения одерживает по крайней мере одну победу: победу реакции над французским народом, обес-

¹ Rapport Serre. Déposition Louis Noguères.

печивает реванш буржуазии над Народным фронтом. Правительство вырабатывает целую систему репрессивных законов: задержание по решению префекта, придает обратную силу репрессивным законам, увольняет чиновников за их убеждения, отменяет право на забастовку. В ноябре будут распущены профсоюзы. Экономика перейдет в руки крупного капитала с помощью «Организационных профессиональных комитетов». Новый режим предпримет то, что он называет «национальной революцией», и будет создавать социальную базу среди бывших фронтовиков и в массах католиков, которых он постарается привлечь к себе с помощью реформы в морально-этической области. В июле создаются «Молодежные стройки», а в августе — «Легион борцов и волонтеров национальной революции». И то, и другое движения возглавляются офицерами. Режим Виши восстанавливает союз государства с католической церковью, которая оправдывает поражение, осуждая республиканский режим, атеизм которого навлек на французов гнев божий. Католические священники высокого ранга своим присутствием освящают официальные церемонии, и кардинал Герлие заявляет: «Петен — это Франция». В обмен на это государство возвращает церкви ее старые привилегии, в частности в области образования, и ликвидирует светские законы. Новый моральный порядок опирается на две силы, которые традиционно являются помощниками французской реакции: Армию и Церковь.

Новое правительство и его действия поощряются оккупантами. Для того чтобы обеспечивать опеку над Францией, Гитлер счел необходимым сохранить французское правительство. Накануне перемирия он сообщил Муссолини, что следует сохранить «французское правительство, действующее на французской территории, для того чтобы оно было стороной, участвующей в переговорах. Это было бы предпочтительнее ситуации, в которой французское правительство отклонило бы германские предложения, выехало бы за границу, в Лондон, для продолжения войны, не говоря уже о неприятной ответственности в случае, если бы оккупирующим державам пришлось взять на себя наряду с другими управление в административной области»¹.

Действительно, правительству Виши разрешили испол-

¹ Documents on German Foreign Policy.

нять его обязанности на всей территории, в том числе и в оккупационной зоне. Его цель заключается в том, чтобы заставить примириться с поражением и оккупацией, а также управлять Францией на местах в интересах оккупантов. Таким образом, с июля 1940 года начинается «коллорабационизм», который станет официальным только в октябре после встречи Гитлера с Петеном в Монтуаре. Этот коллабационизм станет очень эффективным с июля в борьбе против коммунистов. В первые недели после перемирия в оккупированной зоне немцы не вмешивались непосредственно в борьбу с компартией. Они оставляют это для полиции Петена, которая проявляет чрезвычайную активность. В первые недели июля только в Парижском районе французской полицией были разгромлены 9 типографий компартии, арестовано 90 активистов, 63 были интернированы в лагеря. С июля по ноябрь в том же районе произведен 871 арест и захвачено 35 типографий. Виши отдает приказ своей полиции усилить репрессии, начатые Даладье после роспуска компартии. В июле 1940 года деятели Виши ликвидируют республиканские институты и устанавливают авторитарный режим фашистского типа, усиливают борьбу против коммунистов, служат передаточной инстанцией для приказов нацистских оккупантов. Поэтому именно против Виши, против тех, кто капитулировал и пытается взять социальный реванш, против версальцев в этот момент компартия наносит свои основные удары.

Присутствие компартии

Ибо компартия действует. Это проявляется в мае, в июне, в июле. Когда все другие партии исчезают в водовороте, коммунистическая партия, руководство которой насчитывает лишь несколько человек, которым не удастся даже проконсультироваться друг с другом, тем не менее открыто выражает свое мнение в продолжающей выходить подпольно «Юманите».

«Юманите» от 19 июня обвиняет ответственных за поражение в том, что они подписали капитуляцию. Она выносит в заголовок на двух языках (французском и немецком): «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Иллюзорный призыв к пролетарскому интернационализму? Нет, никто из коммунистов не считает это иллюзией.

Но это свидетельствует о принципиальной позиции в тот момент, когда крупная буржуазия и немецкие захватчики хотят сговориться между собой за счет народа. Это призыв к тому, что одетые в военную форму французские и немецкие трудящиеся должны быть солидарны в борьбе против капитализма.

В июле, когда готовится изменение режима, единственный голос, осуждающий готовящийся государственный переворот, — голос коммунистической партии.

«Юманите» 7 июля пишет:

«Против нашей страны готовится заговор. Плутукраты, которые привели Францию к войне и поражению, готовятся низвести ее до рабского уровня... Будет принята конституция, которая задушит все наши свободы... Рабочие, крестьяне, рядовые граждане, интеллигенты, вы не примете этот позор для нашей страны. Солдаты, возвращающиеся с войны и убежденные в том, что вас предали и принесли в жертву, вы не позволите несущим ответственность за ваши несчастья поставить Францию под опеку и предать разграблению. В час, когда не колеблясь нарушают законность, недостойные министры хотят превратить Виши в кладбище наших прав и наших свобод. Французы, объединяйтесь, создавайте фронт свободы, труда и независимости Франции».

Через несколько дней июльский призыв станет обвинением для тех, кто только что в Виши задушил республику. Это реалистический призыв, который учитывает, что можно сделать в июле 1940 года, и принимает во внимание собственные ограниченные силы и способность компартии в этот момент к действию. В нем не выдвигаются авантюристические лозунги и не ставятся недостижимые цели, он борется с разочарованием и покорностью потрясенного населения.

Некоторые историки, пытаясь принизить историческое значение призыва, подчеркивают, что в нем нет лозунга к действию против оккупантов. На протяжении двух месяцев общественность присутствует при сокрушительном поражении республики и ее ликвидации. Армия, насчитывавшая 5 млн. человек, в пять недель теряет свою боеспособность. Следовательно, какие действия возможны против оккупантов? Прежде всего было необходимо возродить надежду, помешать народу, раздавленному катастрофой, погрузиться в такое состояние, когда он безропотно принимает все, и в частности то, что ему предла-

гал режим Виши: коллаборационизм. Призыв содержит главный лозунг, направленный против оккупантов и их сообщников в Виши: «Никогда такой великий народ, как наш, не будет народом рабов». Он прославляет «волю к независимости всего народа» и провозглашает: «Именно в народе кроются великие надежды на национальное и социальное освобождение». Для того чтобы начать действовать, призыв предлагает создать «фронт Свободы, Независимости и Возрождения Франции». Налицо все элементы, которые через несколько месяцев позволят создать Национальный фронт и обеспечить массовое участие коммунистов в том, что станет Движением Сопротивления. Те же историки, столь придирчивые в отношении текстов компартии, воздерживаются от детального анализа призыва, с которым генерал де Голль обратился 18 июня из Лондона, призыва, означающего отказ от примирения с поражением и капитуляцией, но в котором нет лозунга действия против оккупантов во Франции. Генерал де Голль заботится только о том, чтобы «объединить на территории Великобритании французов, которые не согласны с перемирием». Его целью также является сохранение колониальной империи в войне. Оба текста точно датированы. И тот, и другой отражают критический момент меняющейся ситуации, лета 1940 года. Призыв от 18 июня — отказ от перемирия, «Призыв» компартии в июле — отказ от государственного переворота в Виши, от нового порядка, от повиновения. И тот, и другой — выражение различных концепций тех действий, которые нужно вести, но оба вписываются в процесс, который приведет к Сопротивлению. Призыв коммунистической партии, в котором дается классовый анализ, ставит проблему социальной борьбы на политическую почву.

Несомненно, перемирие, временно исключившее Францию из войны, не положило конец войне, которую компартия, как и Коминтерн, продолжают квалифицировать как империалистическую. Несомненно, оценки компартии нуждаются в уточнении с учетом ситуации, которая очень быстро меняется. Но классовый характер режима Виши и антифашизм компартии толкают к развитию во всем своем объеме борьбы за свободу и независимость страны.

В этот момент ФКП — единственная партия, которая, находясь в подполье, открыто выражает свои взгляды и действует. Тем самым она одновременно доказывает, что является «партией освобождения французского на-

рода от цепей капитала и партией свободы и независимости Франции». Никакое движение, никакая сила на деле не может сравниться с ней. И она не вишистская и не пронемецкая, почему ее так преследуют! Когда она все-таки делает «политику», то это антипетеновская политика, а, следовательно, и антинемецкая, чего не могут сказать о себе некоторые «движения», находящиеся еще в зародыше.

В номерах за июль, август, сентябрь «Юманите» продолжает наносить главный удар против Виши. Именно эта борьба стоит на переднем плане, ибо следует рассеять многие иллюзии, существующие в травмированном общественном мнении, для которого перемирие является облегчением и которое в своем огромном большинстве доверяет Петену. «40 миллионов петеновцев», — так мог написать господин Амуру, характеризуя Францию летом 1940 года. Коммунисты — единственные, кто старается пролить свет на истинный характер нового режима, донести до сознания общественности, что правительство Виши — инструмент господства оккупирующей державы. Это трудный, но необходимый бой, чтобы удержать массы французов от втягивания в коллаборационизм, к которому их подталкивают новые хозяева. В то же время нет ни одного номера «Юманите», не содержащего призыва к борьбе за свободу и независимость.

Если историк трехтысячного года не проявит должного внимания, то, читая заголовки «Юманите» от июля 1940 года «Да здравствует свободная Франция!», он может подумать, что это орган голлистов. Да, «Да здравствует свободная Франция!», — пишет «Юманите», а компартия определяет понятие независимости Франции формулой: «Ни британский домен, ни германский протекторат». Это не должно удивлять никого из голлистов...

Население Парижа возвращается

В первые дни августа началось возвращение в Париж и на север Франции беженцев, эвакуированных, демобилизованных. Поток все время увеличивается, и цифры из префектуры полиции показывают, что в последние два дня августа вернулись 33 тысячи и 31 тысяча человек; 3 сентября — 51 557, а ежедневно до 1 октября в среднем возвращалось по 25 тыс. человек.

Одновременно в начале сентября ежедневные полицейские донесения отмечают рост коммунистической пропаганды (18 сентября в Обервилле арестованы 12 человек).

Бригады жандармерии свирепствуют в парижских пригородах — в Кламаре, Булонь-сюр-Сэн, Альфортвилле, Витри расклеиваются афиши, пишутся лозунги на стенах и проезжей части улиц, растет число листовок, распространяемых по ночам, — однако слежка и расследования не дают результатов.

Патрулирующие пешком жандармы вынуждены часть своего служебного времени тратить на то, чтобы сдирать небольшие листовки, «сотнями расклеенные» в некоторых городах «красного пояса». Доклады о проведенных расследованиях и допросах печатаются в четырех экземплярах. Первый экземпляр направляется господину советнику Бумельбургу, дом № 224, улица де Соса.

В конце августа специальная команда СС прибыла в тюрьму острова д'Ийе, провела там отбор заключенных и передала Петену 271 арестованного еще в период Даладье, а депутатов и профсоюзных активистов, на которых указали дориотисты, перевела в тюрьму «Санте». Сортировка проведена очень хитро: Феликс Брун — депутат от департамента Роны — инвалид без обеих ног, Жан Дюкло — офицер, кавалер ордена Почетного легиона, инвалид войны, получивший ранение в лицо, депутат от департамента Сены и Уазы, освобождены из гуманных соображений. Некоторые, кого Життон считал возможным обратить в свою веру, получили свободу в обмен на публичное отречение от компартии и вступление в ряды ППФ. Ничего не делается просто так: Бумельбург создает свою картотеку. Он работает очень методично.

В другом политическом лагере — партийные и профсоюзные активисты возвращаются к своим товарищам в кварталах и на предприятиях. Разве они могут отказаться возглавлять делегации, призывать к созданию женских комитетов, комитетов стариков, домашних хозяек, безработных, пенсионеров, спортсменов, жен заключенных, коммерсантов и т. д., не расплачиваясь за это, не давая личного примера и не «показываясь»? Добрые родители дают нам хорошие рецепты: официальные историки говорят о легалистских иллюзиях, повторяя термины, которые содержатся в журналах «Партийная жизнь»

(некоторые идут еще дальше, разоблачая «легалистский кретинизм»).

Мы не можем осуждать этих активистов, которые жизнью заплатили за неосторожность. Так, Фернан Гренье неделю находился в Сен-Дени, бывшем оплоте Дорио, под защитой населения, и ни один полицейский не осмелился его тронуть. Сегодня ясно, что возвращаться к себе домой, даже ночью, было безумием. Ошибки совершались самими коммунистами. Никакого «указания» руководства на этот счет не было. Мы даже сказали бы, что давались указания против благодушия, о соблюдении осторожности, но они не были услышаны. Очень важный нюанс.

16 августа бывший руководитель ВКТ Билен сообщил о ее роспуске. Восстановление ВКТ приобретет длительный характер. Для сотен тысяч не имеющих работы борьба за открытие предприятий, увеличение зарплаты, в защиту безработных организуется комитетами взаимопомощи и солидарности, в то время как в этих условиях патронат не пропускает ни одной возможности, для того чтобы взять реванш.

Активист партии, которого выявляли, тем самым обрекал себя на репрессии, руководил ли он или нет борьбой за насущные требования. Он мог избежать их на некоторое время, лишь нанимаясь на предприятие, где его не знали. Если добавить к репрессиям хозяев полицейские преследования и происки дориотистов, то можно составить себе представление о тех трудностях, с которыми столкнулись первые участники борьбы.

Выжидательная позиция и пассивность были двумя коньками первых дикторов радио «Свободная Франция». Это позволяет измерить глубину разрыва, который разделяет борцов, находящихся в Лондоне, от их братьев во Франции.

После возвращения в Париж Жака Дюкло, Бенуа Фрашона и их заместителей пробил час «проверки» кадров. Артюр Далиде и Феликс Кадрас занимаются этим в августе — сентябре, не сумев тем не менее избежать провалов. Проведенные в июле — августе аресты ничто по сравнению с тем разгромом, который произошел в начале октября. Сильно пострадал профсоюзный аппарат, 63 руководителя основных федераций арестованы. 8 октября взяли Пьера Вийона, 16 — Андре Толле, 18 — Эжена Энаффа.

Имеется множество свидетельств и воспоминаний о первой волне репрессий. Исследование в этой области уже проведено. Массовые аресты начала октября очень беспокоят ответственных за безопасность Дюкло. После своего пребывания в Виллемере Жак между 4 и 12 или 13 августа возвращается на несколько дней на бульвар Мортье. Мы считаем, что его встреча с Фрашоном состоялась около 10 августа. Анжелла Салейретт не помнит точную дату его переезда с бульвара Мортье в Антони. По нашему мнению, это произошло 14 августа:

«Я привела Жака к Госсону в дом № 24 по улице дю Парк в Антони, в особняк, снятый семейной парой. Муж работал на заводе «Рено». Я хорошо помню, как произошел переезд. Мы сели на один из первых поездов метро у Порт де Лилла. На станции Денфер-Рошро мы пересели на линию, ведущую в Со, доехали до станции Круа де Берни и оттуда шли пешком 7 или 8 минут. По моему мнению, Жак оставался в Антони до своего дня рождения, который Толстяк отпраздновал вместе с ним. Жильберта была там» (А. Салейретт авторам книги).

Жильберта Дюкло и Эмиль Дютейль (отец Мунетт), казначей партии, покинули Брюссель в машине адвоката Фонтейна 13 или 14 августа. На границе Фонтейн передал своих пассажиров связным, и затем в маленьком грузовичке торговца живой птицей они осуществили поездку по маршруту Лилль — Париж. Жильберта Дюкло встретила Треана и Далиде у Военной школы и немедленно отправилась в Антони.

Волна арестов в начале октября обрушилась в тот момент, когда Дюкло вновь поселился в квартире на бульваре Мортье (можно сказать, что у нас не было богатого выбора явок и конспиративных квартир). Жильберту выдавали за его племянницу. Ни Жак, ни она не выходили из дома. Они испытали огромный страх в тот день, когда инспектор общества по использованию газа потребовал пройти в квартиру, чтобы проверить счетчики.

«Жак спрятался под кроватью. Если бы он закашлял...» (свидетельство Жильберты Дюкло). Наконец, Артюр Далиде нашел для Дюкло менее заметную квартиру: на улице Аббе-Груль, снятую на имя Густава Геене. Приказ о переезде странным образом пришел из... Брюсселя через Лилль. Марта Дерюмо считает, что она привезла это послание. На тонком листке бумаги было написано несколько слов: «Немедленно переселите Лео так, чтобы Толстяк

не знал». Мунетт Дютейль получила из рук в руки это послание и направилась на бульвар Мортье.

«Треан был в квартире. Пожимая руку Жаку, я передала ему сложенный вчетверо листок. Жак оставался спокойным. Я была лишь исполнительницей, не могла не глядеть на Треана и не знала, куда деть глаза. Он поднялся и простился. Правила безопасности требовали не разрешать выходить ответственному товарищу, предварительно не убедившись, что путь «чист». Я позволила Треану уйти. Жак после его ухода спокойно развернул бумагу, прочитал и спросил меня: «Когда же мы уедем?». Было решено, что на следующий день. Раф (Раймон Далиде), находившийся за рулем небольшого грузовика, ожидал неподалеку от здания на улице доктора Лаббе. Было 18 часов. Жильберта Дюкло села сзади между пустых ящиков из-под овощей. Жак — между Мунетт и Далиде. На углу улиц Аббе-Груль и Вожирар нас ждал Геене. Пассажиры вышли, и Раф-Далиде газанул».

Через сорок три года Мунетт Дютейль утверждала в беседе с Рафом Далиде, что она села в метро. Но как она могла прибыть туда раньше грузовичка и как Раф мог узнать Геене, которого он никогда раньше не видел?

Основным поводом освобождения Треана от ряда обязанностей были причины безопасности. Именно строгое соблюдение ее правил позволило Дюкло, как и Фрашону, и Тийону, и многим другим, в течение четырех лет избегать преследований гестапо. Треана во время его пребывания в полиции 21 и 22 июня опознали десятки полицейских специалистов по наблюдению. Его фото было широко распространено, а сама фигура была очень заметной. Кроме того, как и за Фуасеном, за ним могли наблюдать люди Бумельбурга. Таким образом, он был «засвечен» и представлял угрозу для безопасности своих товарищей, не будучи лично в чем-то скомпрометированным. В первое время Кадрас и Далиде взяли на себя его функции. Затем Треан, который обеспечивал деятельность некоторых технических служб (финансовые явки и квартиры), был спрятан в неоккупированной зоне в Монтеброне, недалеко от Сен-Сюльпис-Лорьер.

То, что его спрячут в деревне, было решено еще до того, как он сумел избежать полицейской облавы, в ходе которой, однако, были арестованы его жена и двоюродная сестра. Это произошло в Виллемере, где Дюкло скрывался в конце июля. Треана арестовали уже в

1942 году, во время одного из его переходов в оккупированную зону.

Треан страдал от принятого решения о его изоляции, которое нарушалось лишь регулярными встречами с Анжеллой Салейретт, обеспечивавшей связь с центром. После Освобождения уже больной Треан был ответственным за кадры секции ФКП в Антони.

Более опасный, чем танковая дивизия

В сентябре — октябре 15 тысяч студентов, которые посещали занятия, и 37 тысяч учеников лицеев представляли наиболее многочисленное скопление молодежи по месту учебы в Парижском районе.

Пьер Вийон говорил, что по просьбе Жака Дюкло с сентября он установил контакт с Жоржем Политцером и Жаком Соломоном, с тем чтобы «объединить патриотов коммунистов и некоммунистов»¹ в университете.

В это время было принято решение о выпуске нелегальной газеты «Университе либр». Тогда же председатель «корпорации» гуманитарных факультетов Франсуа ле Лескюр (принадлежность которого к компартии была неизвестна петеновскому руководству ЮНЭФ — Национальный союз французских студентов. — *Прим. перев.*), стал ответственным за руководство этим союзом в оккупированной зоне.

Подвергнув обструкции лекции, которые читали германские «университетские служащие» в военной форме, освистав коллаборационистов, Союз студентов и лицеев-коммунистов начал действовать: были выпущены первые листовки, расклеены листовки небольшого формата, сделаны первые надписи на стенах, произошли первые столкновения с оккупантами в военной форме в кафе на Буль-Мише (бульваре Сен-Мишель. — *Прим. перев.*) и первые аресты, в частности, 8 октября был арестован Пьер Вийон на площади Сен-Сюльпис после делового завтрака с Жаком Соломоном.

Об этом периоде имеются многочисленные свидетельства историков и журналистов Франсуа Лескюра, Пьера Каста, Жана Сюрэ-Канала, Франсиса Коэна, Пьера Вий-

¹ Henri Noguères. Histoire de la Résistance, tome I, p. 119,

она; они помнят многочисленные инциденты, которые произошли в октябре в Сорбонне и парижских лицеях.

Бумельбург, которого каждый день информировали об этом, решил нанести ответный удар, арестовав профессора Ланжевена.

30 октября вместе с Обергом, без эскорта, только в сопровождении шофера в 12.30 Бумельбург прибыл на улицу Вокелэн, в физико-химическую школу.

Элен, жена Жака Соломона, рассказывает:

«Мы завтракали, когда позвонили в дверь квартиры, которую он занимал в школе. Я пошла открыть и увидела Оберга и Бумельбурга в форме. Бумельбург сказал мне: «Мы хотим поговорить с профессором, позовите его». Отец вышел из-за стола и через несколько минут вернулся очень спокойным: «Приготовьте чемодан, меня увозят».

От волнения я побледнела. Я видела, как они втроем спускались. Навстречу им поднималась толпа сотрудников школы, которые после тощего завтрака возвращались в свои кабинеты и лаборатории. Послышались взволнованные восклицания, отец говорил им: «Спокойно, спокойно, оставайтесь спокойными, я вернусь».

На улице Вокелэн никакой полицейской охраны. Только черная машина гестапо с шофером.

В течение многих дней мы искали его, никто не знал, куда его увезли. В конце концов мы узнали, что отец мог быть в тюрьме «Санте». Мы пошли туда группой — мать, брат и я — и потребовали от директора, который не хотел с нами разговаривать, чтобы нам его показали. Вначале он отказался, и мы очень беспокоились. Свидание состоялось в бюро охранника. Отец был крайне расстроен, немцы обращались с ним, как с уголовным преступником. Выглядел он очень плохо, ботинки без шнурков, без галстука. Он рассказал, как его отвезли на допрос на улицу Сосэ, несомненно дом 224 (в натоленный, накуранный кабинет) и закрыли одного. Вначале он хотел открыть окно, поскольку чувствовал себя плохо, но опасаясь, что это может быть интерпретировано как попытка к бегству, воздержался.

В этот момент в комнату вошел Бумельбург, подошел к окну, и открыл его и, повернувшись к отцу, бросил: «Мы, варвары, любим свежий воздух».

В ходе кампании за его освобождение как основные причины выдвигались его возраст и плохое состояние здоровья. Когда, казалось, не было никаких признаков

того, что что-то может произойти, однажды в конце ноября он вернулся домой в сопровождении тюремщиков и сказал нам: «Завтра я уезжаю. Меня высылают под надзор».

Мы позвонили его верным друзьям. Мать собрала последнее из имевшейся провизии, и около двадцати человек собрались вечером на обед.

На следующий день за ним приехали и отвезли в Труа, где два раза в неделю он должен был отмечаться в комендатуре.

В Труа до момента его нелегального отъезда в Швейцарию все стремились облегчить его изгнание.

Знаете, чем больше всего он гордился? Фразой, которую ему бросил в лицо на улице Сосэ Бумельбург: «Вы, наследники энциклопедистов, более опасны для нас, чем танковая дивизия» (рассказ Элен Соломон авторам книги).

Марш на площадь Этуаль

Арест Ланжевена вызвал рост «возбуждения» в Латинском квартале. По призыву студентов-коммунистов и первых групп университетского сопротивления, состоявших из некоммунистов, оно вылилось в марш — студенты 11 ноября 1940 года пошли на площадь Этуаль, подтвердив, что лозунг «Союз нации за свободу и независимость» не является пустым звуком.

Закрыв университет более чем на месяц, оккупанты невольно признали силу нарождавшегося Сопротивления, которое объединяло не только коммунистов, но в котором они играли первостепенную роль.

Официальная история пытается извратить факты, заявляя, что компартия «как таковая» не призывала к манифестации до нее, а выступила с приветствием в адрес студентов после того, как она состоялась. Конечно, это неправда. «Кайе д'Истуар» (специальный номер от сентября 1983 года) опубликовал наряду с другими листовку, подписанную районами Парижа, в которой дается положительная оценка этой первой демонстрации протеста парижан против оккупантов и их прислужников (ибо, несмотря на то, что этот праздничный день был объявлен рабочим днем, студенты были не одни). «Вы были правы» — таков заголовок и лейтмотив этого текста, который так смущает наших клеветников.

В момент, когда мы завершаем наше исследование, мы хотим высказать пожелание, чтобы «добропорядочные» историки учитывали приведенные факты, которые подтвердили наши исследования.

Не мы первые требуем правды. Более 30 лет назад, 11 февраля 1955 года, Веркор, прочитав «Мемуары» де Голля, в письме к нему выступил против чудовищной фальсификации современной истории:

«(...) Почему когда вчера вечером я читал страницу 231, то увидел, что Вашим пером водит обыденная клевета, которую возводят на коммунистов! Есть много вещей, за которые их можно критиковать, не добавляя к ним еще исторически ложные обвинения. Ибо, мой генерал, я солгал бы, если бы хранил молчание. Первое письмо, которое я получил в августе 1940 года, в котором меня призывали принять участие в Сопротивлении, было подписано коммунистом Жан-Ришаром Блоком. Первое собрание, в котором я принял участие в октябре у поэта Арко, состоялось по инициативе коммуниста Федерика Жолио, коммуниста Валлона, коммуниста Моблана, коммуниста Франсиса Журдена. На этом собрании нам прочитали письма Эллюара и Арагона, которые находились в свободной зоне. Первый подпольный журнал — «Пансе либр», основанный в декабре, являлся коммунистическим журналом — и на его пепелище позднее я основал издательство «Минюю». Первый подпольный орган интеллигенции, включившейся в Сопротивление, был основан в апреле 1941 года коммунистом Жаком Декурором. Он отдал за него свою жизнь. Одним из первых участников Сопротивления, с которым я работал, арестованным почти у меня на глазах, а затем замученным насмерть, был коммунист Хольвег. Первое крупное «дело» было раскрыто гестапо в Музее человека, и руководили им коммунисты. Как и Вы, я говорил в тот период коммунисту Франсуа де Лескюру — в то время он был председателем Национального союза студентов и вел подготовку к маршу 11 ноября — я ему говорил: «Все, что нас разделяет, в настоящий момент исчезло. Может быть, когда кончится война, мы вновь будем бороться друг с другом. Но перед лицом врага все нас объединяет».

Де Голль ответил 19 февраля 1956 года:

«Ваше письмо по поводу Призыва меня тронуло, по-

сколько оно исходит от Вас, то есть от того, кого никогда нельзя забыть. В нем чувствуется искренность, хотя, читая его, я прихожу к мнению, что мои собственные воспоминания о войне, когда я говорю о коммунистах, вызвали у Вас главным образом чувство печали.

Вы вспоминаете многих из тех, кто, я это знаю, были храбрыми участниками Сопротивления. Но в чем Вы видите то, что я ставлю под вопрос их мужество? Что заставило Вас написать, что я отрицаю вклад их партии в нашу борьбу с того момента, когда Советский Союз подвергся нападению Гитлера, после того как они вели с ним переговоры? Как отрицать то, делая исключение для отдельных личностей, что компартия до лета 1941 года не включалась в борьбу? (...)».

В ответе (10 марта 1956 года) Веркор поставил все точки над «i».

(...) «Именно потому, что наши будущие историки будут черпать все, что касается этого периода, в ваших «Мемуарах», и, возможно, только в них, я испытал чувство сожаления, обнаружив в них историческую ошибку, которая может стать вечной.

(...) Я не буду опровергать короткого абзаца (несколько строчек), в котором Вы повторяете в адрес французских коммунистов распространенное обвинение в том, что они воздерживались от Сопротивления вплоть до вступления в войну СССР. (...) Тем не менее какая другая «партия» издавала подпольный журнал Сопротивления с 1940 года? Радикалы, социалисты, умеренные? Какая партийная «сеть» функционировала до коммунистов? Будете ли Вы стараться упрекнуть других за то, что в течение этих длинных месяцев они колебались, искали и организовывались?»

В этой связи добавим следующее (если говорить о «движениях» в неоккупированной зоне). В то время как «Юманите» с июня 1940 года выпустила более 90 нелегальных номеров, первый номер газеты «Комба» датируется декабрём 1941 года, «Либерасьон» — июлем 1941 года, «Фран Тирер» — декабрём 1941 года. Мы знаем, что до этой даты Сопротивление уже существовало. В южной зоне, как говорит Веркор, коммунисты «искали контакты». Как бы случайно, они «стали находить друг друга» гораздо успешнее после вступления в войну СССР.

Было бы неправильно ограничиваться только страницей 231, посвященной Призыву. С момента своего ухода

из правительства в 1946 году де Голль не прекращал распространять бездоказательные утверждения.

Прежде чем проститься с читателем

Некая мадам Верд-Леру, социолог, опубликовала компиляцию об интеллигенции, компартии и культуре в 1944—1956 годах. («На службе партии», Изд-во Фаяр). Нет более бездоказательного труда. Например, она пишет:

«Нет сил читать, что Клеман был убит гестапо; несмотря на полную неправдоподобность имеющихся свидетельств, большинство активистов в это верят: они не верят рассказам «буржуазных» историков и, что еще хуже, старых коммунистов. Коммунист-историк Жан Брюа, проявляющий тем не менее в своих выводах осторожность, поколебал ли он их, когда заявил по телевидению, что у него такое «чувство», что Клеман был убит агентами ГПУ?»

Иметь «чувство» — это то, что на языке партии называется «уступить идеологическому давлению противника». В данном случае Брюа не единственный среди тех, кто поддался пропаганде.

Я уже сказал, что мадам Верд компилирует. На странице 29-й ее книги сконцентрировано то, что написано Филиппом Робрие в первом томе его работы «Внутренняя история ФКП». Внутренние дела имели свое министерство, а теперь у них есть свой историк. В примечании на с. 544 Робрие пишет: *«Жак Дюкло утверждает — впрочем ложно, — что Фрид был убит гестапо»*. И никаких комментариев. Итак, Жак Дюкло лжет, а господин Робрие доцент истории... Он расскажет нам подлинную правду о гибели Фрида:

«17 августа 1943 года кто-то неожиданно позвонил и постучал в дверь его небольшой бельгийской квартирки. Фрид был в ней вместе с Авророй Торез и старшим сыном Мориса Тореза, которому в то время было 17 лет. Он открыл. Двое неизвестных стояли на расстоянии шага от двери. Они открыли стрельбу. Изрешетили его пулями. Товарищ Клеман рухнул. Убийцы сразу же убежали, не стремясь провести обыск, не попытавшись найти бумаги или увести с собой подругу Фрида. Преступление имело свой почерк. Это было не гестапо (...), это было ГПУ»¹.

¹ Philippe Robrieux. Histoire intérieure du PCF, tome I, p. 547.

Неправда ли, ясно и точно. Такое впечатление, что присутствуешь при этом. Ни одного условного наклонения из предосторожности. От столь смелого вымысла у вас захватывает дух, и в том числе и у мадам Верд, которая это повторяет. Ниже мы увидим, что такой же способ цитирования применяет Робрие, опираясь на «свидетельство» Шарля Тийона, утверждая, что просьба о возобновлении издания «Юманите» была предписана Москвой. Однако Робрие все придумал: Клеман не находился у себя на квартире. Он пришел с улицы. Убийцы не звонили и не стучали в дверь. Они были внутри, на квартире, пьяные, поскольку достаточно долго отдавали должное имевшемуся там алкоголю. Ни сына Мориса Тореза, ни дочери Анны Паукер не было. Они были у друзей Авроры. Сама Аврора находилась на улице, следуя за Клеманом, как обычно, в 10 метрах. У него хватило присутствия духа, чтобы предупредить Аврору, которая, поравнявшись с ним, ускорила шаг, не останавливаясь. Клеман сунул руку в карман. И этот жест стал для него фатальным. Его убийцы, несомненно пьяные, подумали, что он вооружен, и открыли огонь. Однако он не был вооружен. Назавтра или через день германский грузовик с гробом остановился перед домом, в котором было совершено преступление. Соседи, наблюдавшие из-за занавесок, и рассказали об этом: это была германская полиция.

Аврора Торез сумела вернуться во Францию по испытанным каналам через несколько дней после убийства. Жанна Колетт помогала ей перейти границу, Раймон Далиде принял ее в Париже, обеспечил безопасность и организовал встречу с Жаком и Жильбертой Дюкло. У нас эти три свидетеля, не считая тех, кто после войны встречал Аврору либо в Париже, либо в ее ресторане в Солье.

К тому же после телевизионной передачи «Досье экрана» два бельгийских историка Жозе Готович и Клод Кусман направили письмо с уточнением в парижскую газету «Монд», которая его не опубликовала. Как она могла бы это сделать? Не ссылается ли на господина Робрие «Монд», как и на наше телевидение? Все это серьезно и объясняется необходимостью не отступать ни на вершок от тезиса Даладьё о «партии и людях, которыми из-за границы манипулировали советские». Сценарий а ля Джеймс Бонд о возобновлении издания «Юманите» составлен по следующей схеме: Сталин отдал приказ

Коминтерну, который передал его Клеману, тот Дюкло, который передал их Треану. Но поскольку Клеман не был с этим согласен, Сталин через три года устранил его.

Остается выяснить, почему и как «государственные интересы» СССР были связаны с выходом «Юманите» в июне 1940 года в Париже. Наши «специалисты» объясняют это очень просто: СССР, будучи «объективно союзником» нацистов, хотел избежать любых неприятностей в той зоне, где они действовали. Сталин, дрожа от страха перед Гитлером, поступал так, чтобы избежать всего, что Гитлер мог рассматривать как провокацию. ФКП, настроенная антинацистски, могла бы создать такую провокацию. Следовательно, ФКП в той мере, в какой она могла, стала прогерманской. Слишком элементарно, мой дорогой Робриэ, мой дорогой Куртуа, мой дорогой Анри Мишель...

Господин Мишель Понятовский 12 ноября 1974 года повторил это в сенате в более хитрых выражениях: «Всегда ли между 1939 и 1944 годами компартия участвовала в Сопротивлении до вступления в войну СССР в июне 1941 года? Ответ негативный».

Жак Дюкло ответил ему: «Я думал, что Вы будете говорить о просьбе относительно возобновления издания «Юманите», предпринятой по инициативе настоящих коммунистов (возгласы справа), которые были мужественными участниками Сопротивления в течение всей борьбы, но которые были использованы отдельными элементами, против которых партия приняла необходимые санкции, о чем Вы воздержались говорить».

Мы рассказали, как провокационная инициатива нацистов могла (в течение трех дней — 18, 19 и 20 июня) быть поставлена на службу классической практике коммунистов, как говорится, «использованию легальных возможностей». После 20 июня, после отказа лейтенанта Вебера, ошибка заключалась в том, что продолжали верить в возможность переговоров об освобождении арестованных. В данном случае советчиком, и плохим, стал Фуасен, которого Бумельбург не упускал из вида, ибо Фуасен мог позволить ему добраться «до головы».

СССР настолько мало боялся нацистов, что вскоре после падения Парижа заставил их обратиться из Литвы*.

* Так в оригинале. — Прим. перев. По этому вопросу см.: Р. Жюгжда. «Дни тревог и надежд», «Советская Литва», 18.VIII. 1988; его же: «В августе 39-го», «Советская Россия», 24.VIII. 1988. — (Прим. ред.)

Он настолько мало боялся, что через сутки после подписания Петеном перемирия, 24 июня, правительству рейха * была вручена советская нота о возвращении Советскому Союзу Бессарабии, захваченной Румынией. Гитлер дал понять Советскому правительству, что был «удивлен» этим решением, которое «должно привести к серьезным ограничениям германских интересов в Румынии». Молотов ответил, что он дает правительству рейха сутки для определения своей позиции. Гитлер уступил и в этот раз «в надежде сохранить хорошие отношения с Советским Союзом» (германская нота от 22 июня 1941 года, опубликованная МИД Германии и воспроизведенная во всех коллаборационистских газетах Парижа).

Нужно ли подчеркивать, что оценка и комментарии нелегальной «Юманите» относительно вступления советских войск в Прибалтийские государства и Бессарабию ни в коей мере не могли радовать Верховное командование оккупационной армии в Париже. Точно так же как старый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в котором чувствовался пороховой дым 1917 года, не мог приводить в восторг вермахт.

Это отступление заставляет нас вернуться к истории Клемана, якобы враждебного политике «умиротворения», необходимой для СССР. Почему его должно было ликвидировать ГПУ? Что ему вменялось в вину? Господин Робриэ пытается нащупать ответ: «Быть может, он сомневался в 40-м году в сталинской политике. Конечно, он знал о ней много»¹. Слишком примитивно, мой дорогой...

Господин Робриэ не хочет знать больше? Тогда пусть извинит публикацию и уточнения, сделанные с любезного разрешения «Кайе марксист», выходящей в Брюсселе, Клодом Кусманом и Жозе Готовичем, которые «Монд» (издающаяся в Париже) хотела скрыть от своих читателей.

В начале своего письма авторы напоминают, что в Амстердаме под руководством старого сотрудника Коминтерна Дана Гулуза эффективно функционировала служба радиосвязи. Ее техническому персоналу, подготовленному в Москве, поручали обеспечение функционирования или ремонта неисправных передатчиков, находившихся за

* Так в оригинале.— *Прим. перев.*

¹ Phillipe Robrieux. Histoire intérieure du PCF, tome I, p. 544.

пределами Голландии. Именно это произошло в Брюсселе после отъезда 22 июня 1941 года советской консульской службы. Клеман попросил прислать ему техника по ремонту, чтобы тот посмотрел испортившийся передатчик. Поскольку у Клемана не хватало людей, он задержал техника на несколько недель, прежде чем отослал его к Дану Гулузу в Амстердам.

Через два года, в 1943 году, немецкой службе безопасности удалось провести в Голландии успешную операцию. В течение четырех месяцев были схвачены 20 сотрудников сети Гулуза. Заключительный отчет, подписанный штурмбанфюрером СС Ланжем, подводящий итог операции, датируется 24 августа 1943 года. Номер, на который можно сослаться: № 3 Ст. А 1661/43. Он находится в Институте истории войны в Амстердаме и, следовательно, доступен для господина Робрие и мадам Верд-Леру.

В этом документе имеется ссылка на протокол допроса, который Ланж вел 28 июня 1943 года. Человек, которого он допрашивает, был арестован в мае 1943 года в Берлине, во время ремонта передатчика. Это нидерландский коммунист. Привезенный из Берлина в Гаагу, он был подвергнут пыткам (его «обрабатывали», как пишет в своем докладе Ланж) в течение четырех месяцев и допрашивали о его времяпровождении с мая 1940 года. Несчастный заговорил:

«В августе 1941 года Гулуз спросил меня, не хочу ли я съездить в Брюссель, чтобы создать там сеть (...). Я поехал по адресу Луизы Ламбер (...). Я установил контакт с молодым человеком, которого звали «Жаон» (...). Его аппарат вышел из строя. Через несколько дней он получил новый передатчик, и нам удалось установить связь с Москвой».

Что сделал Ланж? Он сообщил в бельгийскую полицию, куда передал своего пленника. 16 августа 1943 года полицейские приехали по адресу Луизы Ламбер — Брюссель, ул. Паавенстраат, 18. Ева Фонтейн (она же Луиза, она же Элизабет), вдова скульптора Ламбера, переехала. Нет ничего проще: через коммунальную администрацию гестапо выяснило новый адрес (сообщение об изменении адреса обязательно в Бельгии). Итак, Ева Фонтейн была, что называется, почтовым ящиком для писем, которые шли к Клеману. По новому адресу, Иксель, ул. Тенбош, 129, в предместье Брюсселя, была организована засада. Именно туда неосторожно, в отсутствие связника, пришел Клеман

и столкнулся нос к носу с агентами полиции. Один из них выстрелил¹.

Говоря об убийстве Клемана гестапо в 1943 году, мы немного удалились от периода 1939—1940 годов, которым занимаемся. Почему? Потому что в мифах официальных французских историков Клеман персонифицирует Коминтерн, а Коминтерн — это Сталин, это русские, это иностранцы. Треан и Дюкло тоже представляют Коминтерн. И тот, и другой должны быть лишь агентами иностранной державы? Мы об этом говорили сотни раз. Этот тезис повторяется на наших глазах: тезис Даладье, декрет Сероля, формула «коммунист — не француз»; те, кого расстреливали в Шатобриане, — это «сепаратисты», о которых говорит де Голль; это книга «Московский процесс в Париже», написанная Шарлем Тийоном. Этот бывший руководитель коммунистов получил благословение и признание официальных историков. Ссылки на него пишутся с большой буквы. К сожалению, о периоде, который мы изучаем, свидетельства Шарля Тийона находятся не на уровне.

Напомним, что на с. 320—323 его книги «Славили красных» восстанавливается диалог Тийона и Треана на бульваре Келлермана после 12 октября 1940 года. Треан сразу же говорит о приказах Коминтерна: помочь СССР остаться вне войны; оставаться в Париже, что требует воспользоваться всеми свободами, которые якобы оставлены немцами: *«Вступив в Бельгию, немцы разрешили свободно выходить партийным газетам (это ложь, см. выше). В Париже Фуасен, который тебе знаком, узнал от русских, что Абец — сторонник разрешения выхода прессы, которая помогла бы вызвать оживление в Париже»* (вторая ложь: Фуасен стал 17 июня жертвой провокации нацистского агента Пикара, который стал управляющим газеты «Франс о Травай»). В примечании внизу страницы Тийон уточняет, что газета «Матэн» вновь начала выходить 23 июня. Это неточно. Первый номер вышел как раз 17 июня. В другой сноске внизу страницы (321) Тийон пишет: *«В действительности Фуасен был исключен Дюкло (...) только в конце 1941 года, после вступления в войну СССР»* (третья ложь: Фуасен сам называет дату своего исключения — 31 августа 1940 года. В листовке и

¹ Claude Coussement, Jose Gotovitch. «Cahiers marxistes», janvier 1983, p. 39—40.

подпольном издании «Юманите» об исключении было сообщено в сентябре 1940 года). В примечании о газете «Франс о Травай» Тийон пишет (стр. 320): *«Так называемый «Призыв 10 июля», появившийся в августе от имени Тореза и Дюкло, выдвигал в качестве первого требования: «Нужно заставить Францию работать». Этот лозунг был цинично взят для того, чтобы стать заголовком газеты, начавшей издаваться немцами в октябре»* (четвертая неточность: первый номер был опубликован 30 июня). И произошло как раз обратное: Дюкло сознательно дал второе название своему призыву «Нужно дать возможности Франции работать», для того чтобы (как это сделала «Юманите» в июле 1940 года) разоблачить нацистскую операцию по дезинформации.

Покончим с цитированием Тийона. Тийон (с. 320) приписывает Треану следующие слова: *«Получив зеленый свет от советского посольства, мы пытались сделать то, что компартиям удалось сделать в Бельгии и в других странах. Мы были приняты в германской службе прессы вместе с нашим переводчиком (никакой нужды в переводчике не было. Лейтенант Вебер прекрасно говорил по-французски). Фрицы попросили нас изложить письменно наши позиции и направление нашей пропаганды. Тогда Лео (Жак Дюкло) составил для нас текст».*

Дюкло никогда не писал никакого письма. Ни первого, ни второго. Две цитаты, которые Тийон воспроизводит (с. 320), относятся к тому же тексту, а именно к записке, которую Фуасен передал 27 июня в германское посольство после ареста и освобождения Треана, а не, как это пишет Тийон, до ареста. *«Тогда Лео (Жак Дюкло) написал текст, который они разрешили нам опубликовать».*

Действительно, трудно собрать столько неправды в нескольких строчках. Сколько измышлений, противоречий в датах, неточностей, для того чтобы придать видимость реальности ложным исследованиям. Тийон сам попадает в расставленную им ловушку. Он заставляет Треана сказать: *«Жак, узнав о нашем аресте, немедленно заставил действовать адвоката Фуасена, и немцы освободили нас 25-го, с тем чтобы продолжить переговоры со службой печати. Но фрицы не соглашались больше, чтобы мы сохранили название «Юманите» и предлагали нам название «Франс о Травай». Состоялось совещание. Катала не был согласен (...). В конце концов Жак решил, что мы должны сохранить наш заголовок».*

В действительности, как это говорит Тийон, который озаглавил свою главу «Прежде всего правда», трудно понять, почему Треан, который в эти дни делал ему конфиденциальные сообщения, не сказал ни слова о выпуске газеты «Се Суар»? Официальные историки в свое время замолчали этот вопрос, и Тийон не комментирует его, не приняв мер предосторожности.

Укажем в заключение, что Мунетт Дютейль и Раймон Далиде считают вымышленными утверждения Тийона из его книги «Славили красных»: 1) Что после массовых арестов в начале октября Тийон и Фрашон сидели в бистро на углу улицы Ланкри и бульвара Можента в ста метрах от Биржи труда. 2) Что те же самые Тийон и Треан прохаживались на солнышке в октябре на бульваре Келлермана в двух шагах от крупного парижского завода авиационных моторов СНЕКМА, на котором работало много активистов компартии, которые могли их узнать.

Пожелания Сопротивлению

С осени Виши укрепило диктатуру. «Национальная революция» показала свое истинное лицо — лицо победившей реакции. Новый режим применяет все более откровенные фашистские меры. Антисемитизм становится официальным. 18 октября опубликован «Статут евреев», который изгоняет их из госучреждений, системы образования, армии, прессы, с радио и т. п. Между правительствами Петена и нацистской Германии все больше усиливается сотрудничество. 24 октября в Монтуаре — небольшом городке в департаменте Луар-э-Шер на демаркационной линии — Петен встречается с Гитлером. Гигантские афиши, на которых онижимают друг другу руки, скоро покроют стены по всей Франции. Рукопожатие в Монтуаре официально конкретизирует начало коллаборационизма. Французский экономический потенциал поставлен на службу нацистской Германии. Пособничество Виши оккупанту настолько непопулярно, что оно может ослабить новый режим. Вот почему в окружении Петена появляются два тактических направления. Первое предполагает полностью перейти на сторону гитлеровской Германии. «Мы желаем победы Германии», — заявил Лаваль 10 декабря. Другое — направлено на сохранение минимальных отношений с англосаксами. Вывод Лавалья из правительст-

ва 13 декабря — следствие столкновения в вишистских кругах. Эта отставка, кроме того, позволяет Петену оправдаться перед французской общественностью, которую покорила встреча в Монтуре. В действительности расхождения носят главным образом тактический характер. Наследники Лавала — Фланден, а затем Дарлан — продолжают и даже усиливают коллаборационизм.

Разграбление Франции не умеряет аппетитов Гитлера. В конце ноября рейхсштатхальтер Вагнер в нарушение соглашения о перемирии сообщает об аннексии Эльзаса *. Французская пресса публикует эту новость без комментариев. Только один голос выступил против этого расчленения национальной территории, тот же голос, который осудил государственный переворот в Виши, голос подпольной компартии. В специальном декабрьском номере «Юманите», посвященном двадцатой годовщине партии, можно прочитать:

«Французская коммунистическая партия, которая в течение многих лет боролась за право эльзасского народа на самоуправление, выражает решительный протест против этой аннексии, осуществленной до подписания мирного договора и не посоветовавшись открыто с эльзасским народом. Французская компартия призывает всех французов, достойных этого имени, осудить правительство нищеты, рабства и измены, которое позволило аннексировать Эльзас, не сказав ни слова, и которое попирает французские свободы, с тем чтобы опереться на иностранные штыки, поддержку, без которой оно было бы сметено французским народом».

По мере того, как правительство Виши показывает своими действиями, кем оно является — опорой власти гитлеровских оккупантов, — по мере того, как французы констатируют все возрастающее сходство режима Петена с нацистским режимом, по мере того, как на страну все больше наваливается тяжесть иностранной оккупации, настроение населения меняется. Враждебность по отношению к оккупантам, даже если она не находит еще своего выражения в конкретных актах, растет. И если вишистский режим вызывает еще много иллюзий, его влияние в конце 1940 года подорвано. Коммунистическая партия во многом способствовала этим изменениям. К тому же, — подчеркнем это еще раз — это единственная

* См. примечание на стр. 353.

партия, которая никогда не прекращала существовать, высказываться и действовать. Она создала подпольную организацию, состоящую из небольших ячеек. Она установила контакты с массами и организует многочисленные акции на всех направлениях. Растет число народных комитетов. Регулярно выходит «Юманите». В каждом номере она подтверждает необходимость «борьбы за свободу» и независимость Франции». Почва подготовлена для новых действий, которые будут иметь место в 1941 году. Она готова для такой крупной инициативы, какой явится *«Национальный фронт борьбы за освобождение Франции»*.

Она созрела для Сопrotивления. Сопrotивление — эту перспективу определяет «Юманите» в своем последнем номере за 1940 год в форме новогодних пожеланий французам:

1941.

Коммунистическая партия и ее центральный орган
«Юманите»

Поздравляют трудящиеся массы Франции, шлют
им наилучшие пожелания в Новом году и призывают
их

— сопротивляться политике гнета и нищеты,
проводимой капиталистами,
— бороться за социальное и национальное освобождение
нашей страны.

Долой правительство Виши, находящееся на службе
у трестов!

Да здравствует народное правительство на службе
народа,
за которое выступает

Французская коммунистическая партия! (ФСКИ)

Сколько книг, брошюр, статей посвящено истории коммунистического движения? Без колебаний можно сказать — очень много. Только в нашей стране вышли сотни изданий, посвященных этой проблематике. И тем не менее многого мы еще не знаем или знаем неточно и не полностью.

Кстати сказать, сама книга, с которой только что ознакомился читатель, — это яркий пример того, сколько еще неясного в нашей, коммунистической истории, как много ее страниц не изучены до конца.

Почему так получилось? Причины разные. Мне не хотелось бы говорить о них применительно к братским партиям — они сами дадут ответ на этот вопрос, — но наша партия свой ответ на него уже дала. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев говорил, что многие причины наших трудностей (в том числе и появление «белых пятен» в истории) связаны с затянувшимся застоем в развитии теоретической мысли, с существовавшей длительное время нездоровой атмосферой на теоретическом фронте. Конкретная историческая обстановка 30—40-х годов, да и ряда последующих периодов, привели к тому, что «из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непрекаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию».

Сейчас, в период перестройки, мы вступили на путь переосмысления не только нынешнего состояния нашей страны и мира в целом, но и нашего прошлого. Это позволяет открытыми глазами, без предубеждений смотреть на все, что было, и на все, что есть.

Каждая партия сама решает все касающиеся ее вопросы, в том числе и те, которые относятся к пройденному ею пути. Представленная на суд читателей книга

говорит о том, что глубокая проработка проблем истории всерьез занимает наших французских товарищей. И можно без колебаний сказать: они вносят интересный вклад в изучение прошлого не только своей партии, но и коммунистического движения в целом.

Сегодняшнее обращение коммунистов к прошлому — не случайно. И причина этого, конечно, не только в простом любопытстве (хотя все, что написано в данной книге, способно удовлетворить и любознательность многих, интересующихся историей ФКП).

Сегодня интерес коммунистов к своей истории вызван двумя главными причинами. Первая — это насущная потребность политики. Многие братские партии, в том числе КПСС, как и Французская компартия, констатировали: в ряде случаев ими было допущено отставание в анализе и опыта прошлого и процессов современного развития. И обе они — разумеется, каждая по-своему — стремятся преодолеть его, поскольку серьезную политику, курс на будущее невозможно определить без глубокого теоретического осмысления всего процесса развития общества.

Осмысление это обращено как к настоящему, так и к прошлому, ибо правда о настоящем не будет полной, точнее полноценной, без правды о дне вчерашнем. Словом, повторю, обращение к истории сегодня — это выражение потребности в выработке новой, перспективной политики для движения вперед.

Вторая причина идеологического характера.

Каждому участнику современной классовой, политической борьбы ясно: история всегда была, остается и, видимо, всегда будет объектом идеологических сражений и одновременно их орудием. Может быть, сейчас это особенно заметно.

...История всегда делала какой-то выбор. В одних случаях он был «удачным», а в других — «неудачным». Это зависело от соотношения классовых и политических сил, от внутренних и международных условий развития данной страны. В ходе идеологической борьбы участвующие в ней стороны, естественно, обращаются к тем или другим страницам истории, исходя из своих сегодняшних интересов и потребностей. Различные силы обращаются к различным страницам прошлого, ищут в них «аргументы», которые были бы способны подкрепить их сегодняшнюю политическую линию.

У нас так тоже бывало в прошлом. Одни страницы истории истолковывались как единственно правильные, другие — как сомнительные, третьи вообще предавались забвению. Но сейчас мы, опираясь на собственный опыт, пришли к выводу: единственный путь, способ, метод дать отпор фальсификаторам истории, использовать ее как богатейший источник опыта (и положительного, и отрицательного), как стимул для движения вперед и одновременно как превентивное средство для предупреждения тех или иных ошибок и заблуждений — это объективное, всестороннее и точное знание всего того, что ушло в прошлое.

Иногда нам говорят: вы занимаетесь пересмотром истории. Это абсолютно неверно. Историю невозможно пересмотреть — она уже состоялась и обратного хода не имеет. Но мы стараемся теперь представить ее именно такой, какой она была, то есть правдивой. А правда, естественно, наводит и на новые выводы, и на новые размышления. Она дает возможность ответить на некоторые нерешенные вопросы и одновременно дать отпор нашим идейным противникам.

Точно так же и книга «Как это было. Французская коммунистическая партия. 1939—1940 годы» — это не попытка переписать историю. Это добросовестная работа, восстанавливающая прошлое в его первоизданной сложности, противоречивости. Некоторые выводы и размышления авторов могут вызвать вопросы и даже дискуссии, но я не вижу в этом ничего плохого.

Авторы — известные французские публицисты Франсис Кремье и Жак Эстаже используют многие документы: либо забытые, либо вообще неизвестные (тем более — советскому читателю). Они опираются на живые свидетельства многих людей, игравших в предвоенные годы и в начале войны заметную роль в жизни французской партии. Уже это придает книге интерес, открывает много такого, что заставляет с еще большим уважением относиться к работе наших французских товарищей и к их творческому поиску, который в тех условиях, особенно в первые месяцы второй мировой войны нередко шел, если можно так выразиться, вслепую. И несмотря на это, партия находила правильные решения, которые дали ей возможность сыграть в истории своей страны великую, поистине неповторимую роль.

Пересказывать книгу в послесловии, естественно, нет никакого смысла — она прочитана. Может быть, стоит обратить внимание лишь на некоторые ее места, в частности те, которые касаются либо неточно известных в прошлом, либо грубо извращаемых противниками событий, позиций, ситуаций.

Первая глава посвящена Народному фронту. Кто-то из читателей может задать вопрос: «А при чем здесь Народный фронт? Ведь книга посвящена событиям 1939—1940 годов?»

Однако главы, посвященные предыстории и истории Народного фронта,— помимо того, что они просто интересны по существу — имеют прямое отношение к главной теме книги.

Прежде всего потому, что именно в годы Народного фронта была заложена основа той политики единства всех левых, патриотических сил, которая впоследствии стала основой борьбы с фашизмом, основой Сопротивления в годы второй мировой войны. Эта политика (которая относилась к совершенно определенному периоду времени и несла на себе отпечаток эпохи) чрезвычайно поучительна и в наши дни, разумеется, с учетом изменившихся условий, обстановки в мире, в том числе и в капиталистических странах.

Кроме того, именно период становления Народного фронта был, если можно так выразиться, периодом первого мощного взлета творческой мысли французских коммунистов. С момента образования партии и до начала 30-х годов ее путь отнюдь не был простым. ФКП переживала, один за другим, внутренние кризисы. И лишь с момента, когда к руководству партией пришел Морис Торез, дело пошло на лад.

Однако как раз в это время резко изменилась и международная, и внутренняя ситуация. Приход к власти фашизма в Германии, рост правой угрозы в самой Франции выдвинули на повестку дня новые задачи. Казалось, суть дела была ясна — надо дать отпор правым фашистским и профашистским силам... Но как? Какими должны быть стратегия и тактика, какие нужны союзы, коалиции? Готовых ответов на эти вопросы не было.

В книге, в том числе на новых материалах, рассказывается, как нелегко и непросто формировалась политическая линия, приведшая к возникновению Народного фронта. Это был непрерывный поиск, не свободный от

колебаний, зигзагов. Но в конце концов путь был найден. И он оказался правильным.

Один из сложнейших вопросов, который тогда пришлось решать французским коммунистам, был вопрос о союзниках. С самого начала было очевидно одно — отпор фашизму должен дать французский народ. Но Франция — парламентская буржуазная республика. Стало быть, речь должна была идти не только о классовых, социальных, но и политических силах, о политических партиях и организациях. С социалистами, представлявшими значительную часть трудящихся, отношения были фактически враждебными. С радикалами, представлявшими средние слои города и деревни, их, по существу, не было. А без участия тех и других создать новое соотношение сил в стране и в парламенте было невозможно.

Инициатива Французской коммунистической партии, смелые шаги лично Мориса Тореза позволили найти решение неразрешимым, как многим тогда казалось, ситуациям. Начиная с февраля 1934 года, развернулся процесс становления новых отношений коммунистов с социалистами и радикалами, который в 1936 году привел к формированию правительства Народного фронта.

Авторы книги сообщают много неизвестных подробностей о том, как шел этот процесс, какими сопровождался дискуссиями. Все это крайне интересно, и не только с точки зрения истории: проблема союзов и союзников была, да и до настоящего времени остается одной из ключевых для коммунистического, всего демократического движения. Понятно, что сегодня речь не должна и не может идти о простом повторении, копировании старых образцов. Сегодня социальная структура стран Запада совершенно иная, чем в 30-е годы. Иначе складывается соотношение политических сил. Но, как отмечалось, в частности на Встрече представителей партий и движений в Москве 4—5 ноября 1987 года, проблема союзов остается одной из ключевых. А раз так, то изучение уроков прошлого, творческие выводы из этих уроков оказываются насущной необходимостью.

Вторая тема, подробно раскрытая в книге и представляющая, пожалуй, особый интерес, — это тема деятельности партии в последние предвоенные месяцы и первые месяцы войны.

Народный фронт, распавшийся прежде всего из-за действий правых сил, оппортунистических колебаний

социалистов, но также и, как потом отмечали сами французские товарищи, в силу недостаточной прочности его массовой базы, базы «снизу», не стал той преградой на пути реакции, которой он мог бы быть. Правые силы Франции, действуя в едином фронте с правыми силами других стран Западной Европы, сумели изменить ход событий. История тех лет и месяцев известна: Мюнхен, срыв англо-франко-советских переговоров 1939 г., начало войны. Все эти события коммунистам надо было глубоко осмыслить, проникнуть в их сущность и ответить на них собственной, продуманной, эффективной политикой. Было ли это легко? Может быть, из данной книги мы впервые столь подробно узнаем, как это было трудно.

Прежде всего — советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 года. Сколько чернил извели противники социализма, чтобы попытаться доказать, будто он был изменой, отходом СССР от принципиального курса его внешней политики, чуть ли не сговором с фашизмом! И совсем нетрудно представить, в каком сложном, тяжелом положении оказались в этих условиях коммунисты, в том числе и французские.

Авторы книги рассказывают о спорах, которые шли тогда во Французской коммунистической партии и ее руководстве, об атаках правых, которым подвергались коммунисты. Партия, конечно, понесла потери. Но главное заключается в том, что она сумела верно понять суть сложных событий августа 1939 года и сделать правильные выводы. Французские коммунисты поддержали действия Советского Союза. Они поняли, что договор от 23 августа был вынужденным шагом, реакцией на предательство западных держав, сорвавших создание единого анти-гитлеровского фронта.

Возвращаясь к событиям августа 1939 года, М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Октября, отмечал: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле».

Предательская мюнхенская политика западных держав, прежде всего Франции и Великобритании, открыла Гитле-

ру путь на Восток. 1 сентября 1939 года фашистские войска вторглись в Польшу. Как поступать коммунистам в этих условиях? Ситуация складывалась самым необычным, непривычным, даже непредвиденным образом.

С одной стороны, Франция оказалась в состоянии войны с фашистской Германией. Стало быть, война вроде бы носит антифашистский характер. Но с другой стороны, началась она как результат империалистической политики правящих кругов не только Берлина, но также Парижа и Лондона. Цели правящих кругов этих стран не имели ничего общего ни с антифашизмом, ни с демократией. Западные политики и политиканы делали все, чтобы втянуть социализм в огонь войны, непосредственно столкнуть его с фашизмом. Стало быть, война носит характер империалистический.

Историки, военные специалисты до сих пор высказывают разные точки зрения по вопросу о характере начального этапа второй мировой войны. Действительно, вопрос это не простой. Но если о нем спорят даже сейчас, то каково же было тем, кто должен был, не зная всех деталей, не только давать оценки, но принимать решения и действовать!

Авторы книги подробно рассказывают о дискуссиях тех дней, о столкновении мнений, подчас очень острых. Истина рождалась с трудом. В этом читатель убедился сам.

Нужно только помнить, что поиски истины шли в обстановке нараставших жестоких репрессий против коммунистов. Попирая законы и нормы буржуазной демократии, коммунистов, в том числе депутатов, членов генеральных и муниципальных советов, арестовывали, ссылали, травили.

От 1 сентября 1939 года до июня 1940 года, когда Гитлер напал на Францию и она потерпела позорное поражение, прошло всего девять месяцев. Для французской нации это были месяцы трагедии, для коммунистов — подлинно крестный путь. И можно только восхищаться стойкостью и мужеством французских товарищей. Они не дали сбить себя с пути. Партия проявила подлинную зрелость, больше того — мудрость, позволившую ей, несмотря ни на что и вопреки всему, стать единственной политической силой Франции, которая нашла верную ориентировку в этих исключительно сложных условиях.

А теперь еще об одной теме, которая проходит через всю книгу, теме Коминтерна, отношений Француз-

ской компартии с его руководящим центром — Исполкомом.

Одна из излюбленных тем реакции в те далекие годы, как и буржуазных историков и политологов в наши дни, — это та, будто французские коммунисты делали все «по указке из Москвы», будто Французская коммунистическая партия, как и другие братские партии, были всего лишь марионетками советской политики.

Данная книга, пожалуй, одна из первых, где эта тема поставлена напрямую, где о ней говорится откровенно, без дипломатии. И именно такой подход дал авторам возможность соблюсти подлинную историческую объективность.

В книге говорится о разных сторонах деятельности Коминтерна. Авторы не скрывают, что на его позиции накладывали отпечаток различные и объективные, и субъективные факторы. В разные периоды истории его деятельность была неравноценной и имела неоднозначные последствия.

В начале деятельности — и авторы говорят об этом со знанием дела — Коминтерн сыграл исторически позитивную роль. Он помог формированию братских партий, созданию и закалке их кадров. «Для нас,— пишут авторы,— создание Коминтерна предшествовало возникновению коммунистической партии. Именно вместе с ним мы сделали наши первые шаги в качестве активистов-революционеров... Именно Коминтерн сформировал нас, принес новые идеи и вернув французскому рабочему движению его революционный дух, подорванный политикой классового сотрудничества. Именно он помог нам выковать партию нового типа — коммунистическую партию» (с.).

Далее, на протяжении своего существования Коминтерн был важным и полезным центром анализа и дискуссий, органом обмена мнениями между партиями. Этот обмен мнениями, подчеркивают авторы, был чрезвычайно продуктивным, он помогал коммунистам разных районов мира правильно анализировать мировое развитие, извлекать из этого необходимые выводы.

И вместе с тем в деятельности Коминтерна были моменты, которые, по существу, противоречили тем его задачам, на которые ориентировал Интернационал создавший его Ленин. Были попытки неоправданного командования партиями. Было и навязывание партиям неправильных взглядов, впоследствии осужденных коммунистиче-

ским движением. В этом плане одним из наиболее одиозных было решение Коминтерна в начале 30-х годов, которое отождествляло социал-демократию с социал-фашизмом. Подобный подход нанес огромный вред коммунистическому движению многих стран, в том числе и Франции.

Поэтому неудивительно то, что, когда Французская компартия выдвинула и начала реализовывать идею Народного фронта, некоторые руководители Коминтерна характеризовали ее как оппортунистическую. Однако ход событий показал, что французские товарищи были правы. VII конгресс Коминтерна поддержал их. После этого конгресса стратегия Народного фронта стала распространяться и на другие страны Европы и Америки.

Сложной и противоречивой была линия Коминтерна и в 1939—1940 годах. Далеко не сразу и очень нечетко была дана характеристика начавшейся войны, с большим запозданием выработана политическая линия, сочетавшая в себе как призыв к борьбе с фашизмом, к отпору захватчикам, так и необходимость разоблачать предательскую политику собственной империалистической буржуазии. Колебания, непоследовательность в этом вопросе принесли тогда немало вреда коммунистам различных стран.

Но к чести ряда братских партий, в том числе и Французской коммунистической партии, они нашли в себе силу и мужество самостоятельно выбрать путь. С некоторым запозданием этот путь был одобрен руководством Коминтерна.

С одной стороны, его колебания и в ряде случаев неточные решения в немалой степени определялись субъективными моментами, в частности, влиянием тех догматических взглядов, которые были распространены тогда в КПСС и которые Сталин навязывал и Коминтерну. Вряд ли случайно, что в «Кратком курсе истории ВКП(б)» для VII конгресса Коминтерна не нашлось ни одной строчки. Он даже не был упомянут...

С другой стороны, свою роль играла и быстро меняющаяся объективная обстановка. К середине 30-х годов большинство компартий стали уже достаточно зрелыми, укрепили свои связи с массами. Они не только могли, но и должны были вырабатывать собственную, самостоятельную национальную политику. Поначалу это не учитывалось. Но затем были сделаны правильные выводы.

«Конечно,— пишут авторы,— Коминтерн соответство-

вал определенной эпохе. Уже на VII конгрессе чувствовалось, что эта организационная форма не останется неизменной. Действительно, конгресс рекомендовал предоставить национальным партиям максимум инициативы и независимости в выработке и в проведении в жизнь их политики. Он сделал упор на национальную специфику каждой партии, на необходимость использовать все ценное из национального и революционного наследия народа. Это явилось крупным поворотом, который способствовал росту влияния коммунистических партий, их укреплению как национальной силы в жизни каждой страны. Продолжением этой линии стало принятое в 1943 году решение о роспуске Коминтерна».

Сегодняшняя ситуация в мире не схожа с той, которая существовала в межвоенный период. Сегодня тем более нет места для какой-то единой централизованной организации коммунистов, для какого-то единого руководящего центра коммунистического движения. Да и те новые формы сотрудничества, которые появились позднее, в 60-е годы, — проведение совещаний с обязательными решениями — тоже ушли в прошлое вместе с породившими их условиями. Сегодня идет поиск новых форм совместного размышления и взаимного действия коммунистов мира. Думается, что будет правильным сказать: в ходе этого поиска нельзя забывать ни о том позитивном, ни о том негативном, что дала история Коминтерна. Уроки его деятельности могут помочь поиску новых форм сотрудничества братских партий.

И, наконец, последнее замечание. Мы уже говорили, что роль ФКП в истории страны, ее место в общественной жизни было и остается объектом грубой фальсификации ее противников. Как в 1939—1940 годах, так и сегодня компартию по-прежнему пытаются изобразить как силу антинациональную, представляющую чуждые Франции интересы. Данная книга без каких-либо громких слов, самым своим содержанием, приведенными в ней неопровержимыми фактами и документами (которые тщательно проанализированы) опровергает эту злонамеренную ложь.

Все решения, которые принимались Французской коммунистической партией в 30-е годы, в период войны и о которых рассказывает книга, целиком и полностью отвечали национальным интересам Франции. Французская коммунистическая партия первой среди всех политических

сил страны поняла сущность происходящего и призвала французский народ к борьбе против гитлеровского фашизма, национального предательства правящих кругов, за спасение и возрождение Франции.

В игнорируемом, как правило, буржуазными историками документе, в заявлении ФКП, опубликованном 13 июня 1940 года (то есть до известного обращения генерала де Голля, отвергнувшего капитуляцию перед Гитлером), со всей определенностью говорилось: «По праву, с полным осознанием положения мы будем энергично бороться против угнетения нашего народа иностранными империалистами. Рабочий класс и народ Франции никогда не примирятся с иностранным угнетением... Мы глубоко верим в силу и будущее нашего народа, будущее Франции. Наш народ не погибнет. Его воля и любовь к свободе не будут разбиты темными силами предателей, эксплуататоров, захватчиков и завоевателей».

Французская коммунистическая партия была и остается последовательной, национальной, патриотической силой, выражающей подлинные интересы французского народа. И вместе с тем она — сила подлинно интернационалистская, отдающая себе отчет о том, что правильно понятые национальные интересы совпадают, сливаются воедино с интернациональными интересами дела мира, демократии и социализма. Понимание этого нашло свое убедительное выражение в документах XXVI съезда Французской коммунистической партии.

Книга Франсиса Кремье и Жака Эстаже — серьезный, весомый вклад в историю Французской коммунистической партии, в историю коммунистического движения в целом. Она заслуживает самого серьезного внимания со стороны всех, кто хочет правильно понять прошлое, верно оценить настоящее.

*В. В. Загладин,
профессор*

Абец Отто 155, 178, 182, 242, 255,
256, 265, 275, 276, 282, 284,
288—291, 307, 315—317, 323,
324, 326—331, 333, 334, 336—
340, 342—344, 346, 347, 350, 374

Аллар (см. Черрети)

Альбер 354

Арагон Луи 108, 109, 212, 220, 221,
329, 367

Амуру Анри 232, 277, 282, 359

Астахов Г. А. 85

Бади Венсен 196

Базен Франсуа Ашиль 298

Балух Теодор 206

Барбе Анри 26, 40, 342

Барбюс Анри 22, 29

Барду Жак 15

Барт 166, 171

Бартеlemi Жорж 196

Баш Виктор 51, 52

Беланже Андре 158

Белен Рене 112, 297, 298

Белино 166, 172

Бельби Леон 66

Бенеш Эдуард 64

Бенони 160

Берей Андре 224

Берлимон Морис 254

Берлиоз Жоани 22, 24, 164

Берман Филипп 220

Беро Анри 15

Бертоло 354

Бест Вернер 265, 276, 283, 336,
348

Бийю Франсуа 203, 211

Билен 361

Биндслоф Лориц 233

Бисмарк Отто фон 242

Битрикс Луи 197

Бланш Робер 253, 254

Блок Жан Ришар 329, 367

Блом Леон 9, 13, 16, 51, 52, 60,
61, 63, 64, 73, 144, 154, 193,
246, 279, 298, 319

Боннанфан Артюр 135

Бонне Жорж 68—70, 75, 76, 117,
123, 124, 143, 160, 197, 223,
225, 279, 288

Бонт Флоримон 161—164, 171,
188, 189, 203

Борго Поццо ди 18

Бретон 293

Бринон де 155, 216

Бру Жан 188

Брун Феликс 202, 360

Брюа Жан 369

Брюйер Жорж 22

Буатель 253, 254, 272, 346

Будциславский Герман 206

Буллит Вильям 70

Бумельбург Карл 261, 265, 275,
282—284, 312, 324, 327, 328,
333, 336, 340, 342, 343, 360,
363, 365, 366, 371

Вагнер 377

Вайян-Кутюрье Поль 22, 40, 52,
251

Вала Ксавье 354

Валлон А. 12, 13, 367

Валкер де Рейкем Тео 160

Вандель де 18

Вандем Боом Ж. 230

Вандервельде Э. 30

Вандервурде Ашил 159, 170, 173

Ван дер Линден 224, 229, 232

Ван Экстергем Дж. 230

Вебер Вилли 206, 259, 260, 269—
271, 279, 315, 340, 375

Вейган Максим 19—21, 140, 191,
192, 194, 214, 215, 221, 222,
248, 298, 353, 354
Вейцекер Э. 68, 288
Вельчек Иоханнес 68
Верд-Леру 369, 370, 373
Веркор Ж. Б. 367, 368
Вермерш Жанетта 107, 131, 168—
170, 179, 238
Вижье Ж. Л. 179, 281
Вийон Пьер 218, 220, 228, 251,
297, 323, 361, 364
Вилей 262
Виллар Клод 218
Виллар Марсель 253
Вильгельмина 181
Вильсон Горас 79, 85, 86
Вирлуве Анриетта 251, 260, 266,
275
Виоли Андре 13
Вольгат Х. 79, 85, 86
Вольф Дитер 283
Вольф Фридрих 206
Вольштайн Роза 206
Вольнский Л. 31
Ворошилов К. Е. 88—93, 95—101,
104, 258
Галиссо 301
Галифакс Э. 69
Гамелен Ж. 13, 90, 192, 193, 212,
222
Гарланди 225
Гаррилья 181
Гау 188
Гейббельс Йозеф 72, 86, 252, 350
Гед Жюль 160
Гейдрих Р. 284
Геено Жан 13
Гёре Эрнест 38, 160
Герлие 355
Герэн А. 295, 296, 305, 342
Гитлер А. 8, 13, 16—18, 21, 33,
39, 51, 54, 60, 62—66, 68—75,
79, 82, 83, 88, 101, 103, 109—
111, 115, 117—120, 123, 126,
127, 129, 134, 136—138, 143—
149, 151, 154, 156, 160—162,
164, 165, 176, 178, 181, 182,
186, 187, 191—193, 203—205,
207—209, 211—213, 216, 236,
239, 242, 243, 250, 256, 265, 276,
279, 286, 288, 307, 311, 333, 334,
336—338, 342, 345, 347, 352,
355, 356, 368, 371, 372, 376, 377,
384, 385, 389

Глинер А. 230
Гогийо (см. Гошар)
Гои Ж. 216
Голль Шарль де 5, 13, 20, 243,
289, 319, 343, 348, 358, 367,
374, 389
Гомулка Вл. 139
Горбачев М. С. 379, 384
Госна Жорж 6
Госсон 362
Готвальд К. 33, 34, 37
Готович Ж. 231, 370, 372
Гошар Р. 179, 232, 281
Гоше Ролан 277, 281
Грандель Ж. 302
Грен Венер 182
Гренье Фернан 196, 361
Гримм 254—256, 261—263, 265,
274—276, 283, 284, 291, 317,
322, 339, 340, 348
Гринвуд 144
Гринспан Х. 69, 283
Гроньяр 231
Грюненбергер Валентина 251, 260,
261, 266, 271, 274, 297
Губле Жюльетта 253, 254, 292,
306, 322—324, 334, 335, 340
Гулуз Дан 372, 373
Гурдо Анри 40, 297
Гэ Луи 286
Гюйо Раймон 113, 126, 130, 131,
183, 196, 225, 237, 238, 342
Дадо Пьер 202
Даладьё Эдуард 5, 13, 21, 22, 26,
34, 51, 52, 61, 64, 67—69, 75—
77, 101, 107, 114, 120, 122, 125,
128, 133—135, 137, 138, 142,
145—148, 151, 152, 156, 160,
164, 165, 176, 181, 184, 188, 191,
194, 195, 202, 204, 207, 223—
225, 244—246, 277, 279, 281,
288, 291, 298, 300, 319, 321,
328, 343, 355, 360, 370, 374
Далем Франц 206
Далерюс Б. 161
Далиде Артур 107, 112, 153, 159,
168, 172, 188, 197, 219, 220, 222,
252, 293—295, 303, 308—310,
361—363
Далиде Раймон 112, 159, 234, 252,
261, 293—295, 297, 302, 303,
310, 323, 363, 370, 376
Даллес Аллен 349
Далтон 86

Данжон Ж. 257, 258, 260, 266—
 270, 273, 279, 344
 Дарлан Ж. Л. 215, 377
 Дарнар Ж.-П. 107, 108, 126
 Деа М. 20, 182, 281
 Дебарж Шарль 341
 Дегрель Леон 231
 Декс Пьер 232
 Декур Жак 367
 Делон Дениэль 168
 Дерюмо Марта 133, 158, 174, 224,
 226—229, 231, 305, 362
 Десоваж Жозеф 159
 Димитров Г. М. 32, 48, 52—54,
 72, 113, 130—132, 150, 154, 164,
 180, 183—186, 207, 237—241,
 243, 248—250, 303, 306, 311
 Димитрова Е. 309
 Дирксен Г. 79, 85, 86
 Додэ А. 18
 Дорио Жак 45, 242, 262, 283, 304,
 312, 323, 326, 327, 336, 350,
 361
 Дракс Р. 85, 88, 90, 91, 93, 95, 96
 Дрейфус А. 12, 202
 Думенк Ж. 85, 88—92, 95—101
 Думерг Гастон 19, 20, 26, 49, 50
 Дьедонэ Шарль 292, 318
 Дюбуа Мари 293, 307
 Дюбуа Робер 293
 Дюжарден А. 170
 Дюжарден Эрнест 159, 170, 173
 Дюкло Жак 5, 34, 40, 51, 52, 107,
 114, 120, 126, 130, 131, 133, 136,
 148, 150, 153, 159, 160, 161, 164,
 168, 170—176, 178, 202, 222,
 226, 228, 232—236, 238, 251,
 252, 260, 261, 266, 275, 290,
 292—295, 297—299, 301—304,
 307, 311, 312, 317, 323, 334, 335,
 337, 340, 342, 344, 360—364,
 369—371, 374, 375
 Дюкло Жан 202
 Дюкло Жильберта 107, 168, 234,
 362, 363, 370
 Дюмон Жюль 328, 337, 340—342
 Дюпон Марк 153
 Дюроссель Ж. Б. 301
 Дютейль Мунетт 107, 113, 153,
 154, 156, 159, 165, 168—170,
 174, 180, 220, 288, 293, 306—
 310, 363, 376
 Дютейль Эмиль 113, 174, 175, 234,
 362
 Дюфюлер Люсьена 159

Жакино 349
 Жан Жером (см. Файнтуш М.)
 Жанвье Одетта 222, 251, 284, 333
 Жансон 306
 Жанэн Анри 253, 257, 296, 297,
 323
 Жданов А. А. 78
 Жегузо Мадлен 308
 Жид Андре 13
 Жиоллен Дениз 251, 257—261,
 265—271, 274, 277, 278, 280,
 315, 334, 340
 Жискар д'Эстен Валери 277
 Життон Марсель 23, 114, 342, 360
 Жолио Федерик 367
 Жорж Пьер 254
 Жорес Жан 251, 309
 Жуо Леон 43, 183
 Журден Франсис 367

 Зверев А. Г. 102, 103
 Зеваэс Александр 202, 253
 Зей Жан 50, 52
 Зиновьев Г. Е. 30—32, 36, 55

 Ибарнэгаре Ж. 20, 21, 319, 354
 Иден Антони 16, 162

 Каган Жорж 38
 Кадрас Феликс 52, 57, 172, 188,
 252, 303, 309, 361, 363
 Казанова Даниэль 107, 158
 Казанова Лорен 107
 Казье Густав 228, 354
 Кампин Эжени 228, 233, 234
 Капрон М. А. 188
 Каст Пьер 364
 Кастельно 18
 Катала Жан 175, 196, 222, 251,
 273, 274, 284, 287, 288, 290—
 292, 294, 307, 310, 315—317,
 323, 333, 334, 350, 375
 Кашен Марсель 40, 52, 116, 119,
 148, 153, 221
 Керзон Жорж 139, 140
 Кериллис Анри де 65, 191, 193,
 252
 Клеман (см. Фрид)
 Клемансо Жорж 66, 184
 Кодовилья Витторио 113, 342
 Колен Констан 230
 Колетт Жанна 158, 228, 305, 370
 Коды 220, 296
 Коньо Жорж 13, 120
 Корнавен Гастон 188

Костер 62
Коти Ф. 18
Кот Пьер 12, 50, 52, 214, 219
Козн Франсис 364
Кун Бела 54
Куртуа Стефан 108, 242, 243, 277, 371
Куссман Клод 370, 372
Кьяпп Жан 21, 188, 306

Лабон Эрик 254
Лаваль Пьер 19, 20, 62, 155, 298, 320, 333, 343, 354, 376
Лагранж Лео 11
Дальман Эдгар 230
Ламбер Луиза 373
Ланж 373
Ланжевен Поль 12, 52, 365, 366
Ланжевен Элен 107
Ланжерон Роже 213, 262, 274, 275, 278, 281—283, 286, 287, 302, 312, 319, 337, 344
Лао Жюльен 230, 231
Лафон 272, 280
Леви 226
Левинсон Рихард 184
Леэманс Жозеф 174, 230
Леже Алексис 182
Лежен Макс 197
Лейде 18
Леконт Жан 166, 168
Лемери Анри 298, 349
Ленин В. И. 55, 151, 386
Леонар Рудольф 206
Леопольд III 136, 181, 225
Леруа Симеон 158
Лескюр Франсуа де 364, 367
Лефевр Раймон 22
Либкнехт К. 187
Лингнер Макс 204
Литвинов М. М. 75, 102, 103
Лозовский С. А. 37, 54
Лондон А. 297, 323
Лоран Маринетт 159, 173, 224, 226, 229, 230
Лоранси Фортель де ля 344, 348—350
Лупраду Поль 188
Лустиль 58
Ляборд 349

Мадалева 206
Мальро Андре 13, 304
Мандель Жорж 219, 257, 319, 321
Мавн Генрих 204

Маннергейм К. Г. 190—192
Мануильский Д. З. 32, 35, 37, 42, 52—54, 112, 130, 177, 180, 237—240, 243, 249, 311
Маран Жорж 308
Маритэн Жак 16
Марке Анриен 19, 20, 298
Маркс К. 218
Мартель Жерминаль 228
Марген дю Гар Роже 13
Марти Андра 23, 25, 52, 126, 167, 180, 194, 220, 238, 243
Маршан 274
Марэн Луи 319
Мендес-Франс Пьер 16
Меркер Пауль 206
Мерлен Поль 159
Мерсье Андре 18, 196
Мидоль Люсьен 40, 52
Миро 298, 354
Мишель Анри 231, 277, 281, 282, 371
Мишель Шарль 196
Мишо Виктор 126, 252, 309
Мишле Жюль 5
Моблан Рене 12, 367
Мовз Леон 308
Мок Жюль 5
Молле Ги 5
Молотов В. М. 102—106, 108, 132, 133, 136, 137, 140, 149, 162, 181, 187, 254, 311, 345, 347, 372
Монзи Анатолий де 218—222
Монмуссо Гастон 40, 147, 175
Монтель 293, 308
Монтре Маргарита 293, 309
Моро Жюст 300, 337
Моррас Шарль 18
Муней Давид 182
Мурр 153, 159, 168
Муслинак Леон 254, 306
Муслини Бенито 17, 18, 20, 21, 60, 63—65, 73, 82, 83, 123, 182, 204, 252, 341, 355
Мут 206
Мутон Адриен 196, 198
Мюггенберг Вилли 207

Наджиар 142, 143
Николь Леон 129

Оберг 365
Офан 354

Пайоль Поль 284
Палас 101

Патинье Эмиль 228
Паукер Анна 38, 44, 370
Педриер Элен 107
Пелео Альфонс 148, 167, 169, 170,
172, 173, 228, 229, 233, 234, 261,
267, 268, 297
Пелутье Фернан 201
Пельс 310
Пери Габриель 40, 64, 65, 73, 75,
83, 85, 111, 116, 121, 126, 132,
148, 175, 218, 251, 257, 273, 288,
292, 294, 297, 307, 317, 350
Петен Филипп 5, 13, 18—21, 58,
67, 112, 198, 214—216, 219, 248,
252, 255, 295, 298, 301, 306,
319, 333, 344, 348, 350, 353—
356, 359, 360, 372, 376, 377
Пешанский 336
Пиер 272, 343
Пик Вильгельм 53
Пикар Андре 255—257, 261, 272—
274, 281, 282, 284, 286, 291, 292,
311, 316—318, 323, 324, 327,
333, 334, 336, 337, 344, 374
Пилсудский Ю. 140
Платон 354
Политцер Жорж 12, 107, 172, 217,
220, 222
Политцер Майя 107
Помаре 183
Понятовский Мишель 277, 371
Пренан Марсель 13
Претела 214
Про Луи 343
Пуанкаре 49
Пургале Анри 111
Пфанстиль 333
Пьетри Франсуа 298
Пюшэ 350, 351, 354
Пятницкий И. А. 54

Ракамон Жюльен 112, 183
Раметт Алиа 224, 226, 227
Раметт Артур 5, 22, 23, 40, 43, 52,
113, 116, 120, 126, 131, 150, 156,
159, 160, 162, 163, 165, 170,
174, 183, 205, 211, 224, 225,
234, 238, 239, 248—250, 342
Рассел Сэм 178
Ратт фон 69
Реглер Густав 206
Редель Фридрих 206
Рейно Анри 183
Рейно Поль 13, 19, 68, 76, 120,

121, 192—194, 202, 212, 214—
216, 254, 257, 319, 328
Релеком Ксавье 127, 137, 138, 174,
230
Рено Жан 22, 24, 255
Ренодель П. 20
Ренуар Жан 13
Риббентроп Иоахим фон 68, 69,
79, 108, 117, 140, 146, 149, 155,
162, 181, 265, 284, 334
Рибо-Ламбер 14
Риве Поль 52
Ригаль Э. 175
Риколь Лиза 131
Робер Ив 168
Робрие Филипп 40, 232, 277, 369—
373
Рок Франсуа де ля 18
Роллан Ромен 13, 29
Ропп 79
Росси Амилкар 227
Росси Тино 11
Рошель Дрийе ля 336
Ру Шарль 354
Рузвельт Ф. Д. 136
Рыдз-Смиглы Э. 145

Садуль Жак 116—119
Салейретт Анжелла 225, 226,
266—270, 298, 309, 362, 364
Сампэ Люсьен 126, 288, 350
Самуэль 108
Сарро А. 183, 199, 200
Селор 26, 40
Семар Пьер 40, 183
Сероль А. 202, 374
Скапини 155
Скотт 349
Сланский Р. 37
Смит 349
Соломон Жак 107, 220, 364, 365
Соркин 305
Сосо Г. 188
Спинас 354
Спира Штейфи 206
Ставиский Ал. 21
Сталин И. В. 51, 56, 78, 87, 88, 106,
115, 130, 143—146, 149, 151,
232, 256, 269, 286, 311, 334, 370,
371, 374, 387
Стахович 87
Степанов Г. 37, 305
Супэ 342
Суриц Я. З. 116, 119
Сюрэ-Каналь Жан 364

Талейран Ш. М. 277
Тардые Андре 19
Террион 293, 295
Тетаэрт Жанна, Рене 158, 169,
170, 173
Теттэнже Пьер 18
Тийон Шарль 126, 175, 232, 303,
307, 308, 363, 370, 374—376
Тирье Пьер 14
Тисо Й. Тодт 74, 190
Тито Й. Б. 275
Тойо 342
Толле Андре 313, 361
Тольятти Пальмиро (Эрколи) 31,
33—36, 42, 72, 111—113, 153,
225, 237, 238, 240, 249, 250, 342
Тоннэ 231
Торез Аврора 160, 369, 370
Торез Морис 5, 25—28, 31—37,
40—42, 46—49, 51, 52, 56—58,
72, 76, 80—82, 107, 109—111,
113—116, 124, 126, 130, 131,
133, 134, 150, 153, 154, 159,
165—170, 172—180, 196, 211,
212, 216, 225, 229, 234, 235,
237—243, 248, 250—252, 257,
268, 301, 303, 304, 306, 307, 310,
311, 335, 342, 344, 350, 375,
382, 383
Торез Морис (сын) 160, 369, 370
Треан Габи 179
Треан Морис 112, 113, 153, 159,
172, 174, 175, 220, 226—228,
232—234, 236, 251—254, 256—
261, 265—275, 277, 278, 280,
287, 288, 290, 292, 296—299,
302, 303, 306—311, 313, 316,
317, 323, 325, 333, 334, 337,
340, 342, 350, 362—364, 371,
374, 375
Трене Шарль 11
Тран Альбер 26, 41
Турномен Раймон 183
Турну Раймон 276, 277
Тьер 242
Тэнбо Жан Пьер 282
Тэтжен Пьер Анри 277
Тюйо 253
Тюрнер 276, 289, 315, 317
Уоллес Самнер 182

Фабр Люс Альфред 66
Фажон Этьен 183, 196—198, 203,
254

Файнтуш Максим 219, 220, 266,
294—298, 323
Фарэн Гаэтан 251, 278
Фердонне П. 252
Фиансетт М. 200
Фингель Стефан 206
Фиппс Эрик 70
Фланден 223, 377
Флорин В. 177
Фобр Ж. О. 70
Фове Жак 188, 193
Фонтейн Жан 46, 170, 174, 179,
226, 253, 305, 311, 362
Фонтенуа Жан 273
Фор Поль 52, 354
Франко Ф. 60, 62—64, 69, 182
Франсуа-Понсе А. 68, 161
Фрашон Бенуа 5, 25, 40, 44, 52,
112, 113, 125, 126, 130, 131, 136,
148, 159, 168, 172—175, 188,
197, 217, 218, 220—222, 228,
248, 252, 257, 258, 273, 293, 298,
303, 304, 307—314, 344, 361—
363, 376
Фрей Бруно 206
Фрезер 182
Френэ Анри 349—351
Фрид Эжен (Клеман) 25, 33—49,
111, 112, 114, 126, 127, 130, 131,
133—137, 147, 153, 154, 159,
160, 163, 167, 173, 175, 176,
210, 226—228, 232—235, 238,
252, 287, 304—307, 311, 313,
334, 369—374
Фридландер Пауль 206
Фриц 282
Фроомон Франсина 225
Фроссар Л. О. 212, 320
Фуасен Р. 253—257, 266, 269,
272—274, 276, 277, 281, 282,
284—292, 304, 307, 311—313,
315—318, 322—325, 327, 328,
333, 334, 336, 337, 340, 342—
344, 347, 363, 371, 374, 375
Хадсон Р. 79
Хейвуд 91
Холендер 173, 226
Хольвег 367
Хютцингер 354

Чемберлен Н. 64, 69, 79, 85—87,
108, 118, 125, 127, 128, 133,
136—138, 164, 225

Черрети Джулио (Аллар) 5, 33,
40, 56, 112, 113, 127, 130, 136,
154, 167, 174, 175, 249, 250

Черчилль Уинстон 142

Чичерин Г. В. 55

Шамсон Андре 12, 13, 51

Шапошников Б. М. 98

Шасень Фр. 196

Шевинье Пьер де 277

Шлеер 336

Шмидт 348

Шомей Эдмонда 269, 270, 297, 323

Шотан Камил 21, 61

Шродт Жанна 251, 260, 269—271

Шуленбург 87

Шуман Роберт 354

Эйнак Лоран 214

Эйслер Герард 206

Эллюар П. 367

Энафф Эжен 313, 361

Энтжес Жозеф 228

Эрве Густав 252, 256, 260, 278

Эренбург И. Г. 219

Эринг 221

Эрколи (см. Тольятти)

Эррио Эдуард 34, 50, 134, 150,
153, 160, 162, 163, 165, 171, 188,
198, 203

Юнгеман Эрих 206

Янсон 224, 311

Оглавление

Предисловие	5
<hr/>	
ГЛАВА I Преддверие 1939—1940 годов	7
<hr/>	
ГЛАВА II «Лучше Гитлер, чем Народный фронт»	60
<hr/>	
ГЛАВА III Идеологический центр в Брюсселе	124
<hr/>	
ГЛАВА IV ФКП в период «странной войны»	181
<hr/>	
ГЛАВА V Полное изменение обстановки: война началась	218
<hr/>	
ГЛАВА VI Происки оккупационных властей против ФКП и ее прессы	251
<hr/>	
ГЛАВА VII Возобновление контактов	293
<hr/>	
ГЛАВА VIII Провал германских интриг	315
<hr/>	
ГЛАВА IX Борьба	352
<hr/>	
Послесловие	379
<hr/>	

Монография

Франсис Кремье, Жак Эстаже

КАК ЭТО БЫЛО

ФРАНЦУЗСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ в 1939–1940 гг.

Предисловие В. В. Загладина
Перевод Ю. Н. Панкова
Редактор М. М. Новакова
Художник В. Г. Штанько
Художественный редактор Г. Н. Губанов
Технический редактор В. Ю. Никитина
Мл. редактор Е. В. Двинина

ИБ № 17069

Сдано в набор 21.07.88. Подписано в печать 24.04.89. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип-таймс. Печать офсетная. Услови.
печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 42,0. Уч.-изд. л. 21,66. Тираж 3500 эк.
Заказ № 822. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 44015.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс"
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате
В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
143200, ул. Мира, 93.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к выходу в свет

ЗЭЛДИН Т. Все о французах: Пер. с англ.

Книга, написанная историком, профессором Оксфордского университета Т. Зэлдиным и первоначально опубликованная в Англии в 1983 г., была издана во Франции и быстро стала бестселлером. Это яркий социально-психологический портрет современной французской нации. В книге рассказывается о правящей элите Франции и положении рабочих-иммигрантов, о стиле парижской жизни и традициях французской провинции, о вкусах молодежи и образе мыслей среднего француза, о культуре страны и семейных отношениях, о тех, кто уже вышел на пенсию, и о поколении "молодых львов", рвущихся к власти.

Книгу отличает изящный стиль, простой и образный язык, тонкий юмор. Рекомендуется широкому кругу читателей.